

В О П Р О С Ы ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СОВЕТСКИЙ ТЫЛ В ГОДЫ ВОЙНЫ

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ДИПЛОМАТИИ И БОРЬБА ЗА МИР

ПАРТИИ В РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. (ИСТОРИОГРАФИЯ)

АНТИСОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА КОРОЛЕВСКОЙ РУМЫНИИ

ДЕЯТЕЛЬ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА

7

МОСКВА · 1985

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вопросы ИСТОРИИ

№ 7

ИЮЛЬ

1985

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Академик С. Л. Тихвинский — Итоги и перспективы исследований советских историков 3
Л. М. Володарский — Советский тыл в годы Великой Отечественной войны 14
Академик А. Л. Нарочницкий — Новые явления в дипломатии и проблема обеспечения мира в 1919—1939 гг. 35
О. В. Волобуев, М. И. Леонов (Куйбышев), А. И. Уткин, В. В. Шелохаев — История политических партий периода первой российской революции в новейшей советской литературе 52
И. Левитский — О причинах участия фашистской Румынии в войне против СССР 68

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- И. И. Крохмаль (Ставрополь) — Невинномысский канал 86
Е. В. Анисимов (Ленинград) — И. И. Шувалов — деятель российского Просвещения 94
Б. Н. Флоря — Грюнвальдская битва 105

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории и Научных советах АН СССР

- В. Г. Овчинников — Годичное общее собрание 113
О. Э. Туганова — «Круглый стол» по проблеме взаимодействия культур СССР и США 115

Рецензии

- И. И. Комогорцев (Новосибирск) — Актуальные проблемы истории развитого социализма в СССР 117
Я. М. Копанский (Кишинев), М. К. Сытник (Кишинев) — Д. И. Антонюк. Динамизм культурного строительства в Советской Молдавии (опыт партийного руководства) 120
С. К. Красавина (Краснодар) — Историческая наука в Московском университете. 1934—1984 122
Н. И. Павленко — «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева 123
Б. Г. Могильницкий (Томск) — А. К. Черненко. Причинность в истории 127

К. С. Гаджиев — И. М. Савельева. Профсоюзы и общество США в XX веке. Критика буржуазно-реформистских концепций	129
Н. П. Мананчикова (Воронеж) — М. М. Фрейденберг. Дубровник и Османская империя	132
Н. С. Талашова (Иваново), А. М. Ременников (Казань) — А. С. Шофман. Распад империи Александра Македонского	135
Коротко о книгах: Г. В. Пронина — Соратники. Биографии активных участников революционного движения в Москве и Московской области; Л. О. Бережный — Б. А. Фельдман. Становление. Краткий очерк истории издательства ЦК КПСС «Правда» и типографии газеты «Правда» им. В. И. Ленина; К. И. Седов — А. С. Московский, В. А. Исупов. Формирование городского населения Сибири (1926—1939 гг.); Е. А. Соловьев — М. Д. Курмачева. Крепостная интеллигенция России. Вторая половина XVIII — начало XIX века; В. К. Алексеев — А. Н. Боханов. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. — 1914 г.; В. А. Деев — Современная Испания	138
Новые книги	142
Статьи в советских периодических изданиях	145
Д. В. Карев (Гродно) — Всесоюзное совещание «Комплексные методы в исторических исследованиях»	147
И. А. Кривой (Днепропетровск), А. К. Швидько (Днепропетровск) — Конференция о роли КПСС в достижении победы над фашизмом	149
С. С. Букин (Новосибирск), И. М. Савицкий (Новосибирск) — Всесоюзная конференция «Сибирь в Великой Отечественной войне»	150
В. В. Каргалов — В Совете по исторической прозе	152
Хроникальные заметки	153

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

И. В. Созин — Встреча представителей исторических журналов социалистических стран	156
---	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

А. Г. Иванов (Краснодар) — Фашистский вызов и политика умиротворения	158
Е. Н. Кульков — Поворот в войне: декабрь 1941 года	162
Коротко о книгах: А. Н. Шамин — Сборник научных трудов и материалов по истории и теории науки и техники; В. А. Дьяков — К. Келлес-Крауз. Письма; Д. Б. Мельцер (Минск) — П. С. Сохань, Г. И. Чернявский. Формирование марксистско-ленинской концепции истории Болгарии в 1918—1944 гг.	165

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	167
Рецензии на советские издания	169
Хроникальные заметки	170

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Н. Е. Фриммер (Махачкала) — Социалистическое соревнование в Дагестане в годы первой пятилетки	173
---	-----

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

А. Г. Горин (Горький) — Я. М. Свердлов и формирование большевистской фракции ВЦИК	177
В. Н. Багров, Б. Г. Сапожников — Еще раз о Цусиме	179
Г. Л. Маньковская — Дипломат Щербина	183

Сведения об авторах	187
<u>Милица Васильевна Печкина</u>	188
Резюме статей на английском языке	190

СТАТЬИ

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ *

Академик С. Л. Тихвинский

1984 год был ознаменован рядом крупных событий в общественно-политической жизни страны. Он проходил под знаком реализации решений XXVI съезда КПСС, июньского (1983 г.) и других Пленумов ЦК КПСС, открывших важный этап развития исследований в области общественных наук, активизации деятельности научных коллективов и каждого ученого в отдельности. Всесоюзная научно-практическая конференция «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС», всенародное обсуждение и принятие проекта ЦК КПСС о школьной реформе, постановления ЦК КПСС о 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., о 80-летию революции 1905—1907 гг. в России явились верным ориентиром в работе советских обществоведов. Чтобы идеи, содержащиеся в этих и других партийных документах, нашли реализацию в практических делах, потребовались мобилизация творческого потенциала, активизация научных исследований.

Требование партии повысить значение общественных наук в решении практических задач совершенствования развитого социалистического общества непосредственно относится и к исторической науке. Особенно велика ее мировоззренческая, политико-воспитательная роль. Это обусловлено как внутренними потребностями прогресса нашего общества, так и невиданным обострением международной обстановки и идеологической борьбы на мировой арене. В условиях, когда империализм, развертывая наступление против социализма, пытается извратить суть протекающих в социалистическом обществе процессов и фальсифицировать историю человечества, долг советских историков состоит в том, чтобы своевременно и эффективно давать отпор антимарксистским концепциям, сосредоточить свои усилия на формировании человека развитого социалистического общества.

Партия указывает, что в идейно-нравственном облике гражданина нашей страны главными чертами являются активная жизненная позиция, высокое чувство ответственности за порученное дело, идейность, без чего немислимы хорошая работа, организованность и порядок как слабые наши успехи. «Повышение трудовой и социальной активности советских людей, укрепление дисциплины, воспитание патриотизма и интернационализма — важные задачи всей идеологической деятельности»¹, — указывалось на мартовском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС.

* В основу статьи положен доклад, сделанный на годичном собрании Отделения истории АН СССР 11 марта 1985 года.

¹ Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 11 марта 1985 года. М. 1985, с. 10.

Роль исторических знаний в формировании этих и других черт советского гражданина трудно переоценить. Эти знания способствуют укреплению убежденности советских людей в правоте коммунистических идеалов, развитию чувства исторического оптимизма, воспитанию их на основе революционных, боевых и трудовых традиций, марксистско-ленинского мировоззрения, пролетарского социалистического интернационализма, патриотизма, непримиримости к враждебной идеологии, готовности выполнить свой интернациональный долг, обогащению их духовного мира всем лучшим из культурного наследия человечества. Воспитание историей было и остается важным инструментом воспитания гражданственности, советского патриотизма, интернационализма, оно является прекрасной школой пробуждения трудового энтузиазма и развития инициативы².

Руководствуясь решениями XXVI съезда КПСС, Пленумов ЦК КПСС, советские историки вели в 1984 г. исследования по следующим основным направлениям: теоретические и методологические проблемы всемирно-исторического процесса; история строительства социалистического общества в СССР и других странах социалистического содружества; отечественная история дооктябрьского периода; история мирового революционно-освободительного процесса; история внешней политики СССР и международных отношений; история второй мировой войны; история мировой культуры и общественной мысли; этногенез, этническая история и современные этносоциальные процессы; критика буржуазных фальсификаций всемирно-исторического процесса; критический анализ роли религий в прошлом и в современном мире. Характерной чертой этих исследований явилось усиление внимания к решению практических задач совершенствования развитого социалистического общества в области идеологии, политики, национального и культурного строительства, нацеленность на более углубленное развитие марксистско-ленинской концепции всемирно-исторического процесса, широкий показ исторических путей различных народов, стран и континентов, изучение актуальных в идеологическом и политическом отношении проблем.

В ходе разработки теоретических и методологических проблем всемирно-исторического процесса основное внимание было сосредоточено на подготовке обобщающих трудов. Завершено издание 13-томной «Всемирной истории», предпринято изучение общих закономерностей и конкретных особенностей смены общественных формаций на европейском континенте, в США, Канаде, странах Латинской Америки, Африки, государствах Востока. Удалось существенно углубить марксистско-ленинскую концепцию развития человечества как единого, закономерного и прогрессивного процесса во всем многообразии событий и явлений с древнейших времен до наших дней и показать, как история отдельных государств вписывается в рамки всемирной истории, опровергнуть буржуазные теории «исключительности» истории отдельных стран или народов.

Важные теоретические и методологические выводы получены в процессе разработки проблем первобытной истории. Эти выводы подкреплены рядом уникальных археологических открытий. Так, на Аравийском полуострове был обнаружен памятник олдувайского времени (давностью в 1,5—2 млн. лет). Завершен т. 3 «Истории первобытного общества», где дано комплексное освещение современного состояния проблем антропосоциогенеза и показано, что механизмы возникновения классов и государства при всем их многообразии подчинялись общесторическим закономерностям. Изучение раннеклассовых цивилизаций Нового Света дало возможность достаточно основательно говорить об их глубоком сходстве с цивилизациями Древнего Востока. Завершена разработка

² Правда, 23.III.1985.

темы, в которой обосновано наличие в древности и средневековье историко-культурной этнолингвистической среднеазиатско-восточнотуркестанской общности. Выработана новая концепция роли древних центров Северного Причерноморья в эволюции античного общества. Обоснована концепция полиса как одной из типичных форм рабовладельческого общества.

Подготовлены т. 1 «Истории Европы» и т. 3 «Истории крестьянства в Европе», два тома труда «Античная Греция». В них получило дальнейшее развитие марксистское понимание характера рабовладельческой формации и роли феодального крестьянства. Завершена работа над «Историей народов Восточной и Центральной Азии», где прослеживается взаимовлияние традиционных и современных элементов в странах Востока. Это дало возможность показать, что при родственности формационной природы западного и восточного феодализма последний отличался большой гетерогенностью. Завершена серия трудов, посвященных выявлению закономерностей перехода от феодализма к капитализму у народов Центральной и Юго-Восточной Европы, формированию наций в этом регионе. В дальнейшем разработка марксистско-ленинской теории и методологии исторического процесса будет продолжена в рамках перспективной комплексной программы «Общие закономерности и специфические особенности развития общественных формаций». Предполагается осуществить, в частности, сквозное исследование истории ведущих капиталистических стран в XX в., а также основных аспектов развития мировой капиталистической системы в целом.

В изучении истории строительства социалистического общества в странах социалистического содружества на первом месте стояли вопросы истории строительства развитого социализма в СССР. Был продолжен анализ социальной структуры советского общества, его экономики, социальных последствий научно-технической революции, проблем формирования личности советского человека, сближения города и деревни, умственного и физического труда. Опубликована коллективная монография по истории развитого социализма в СССР. Завершена подготовка ряда работ по проблемам теории и истории развитого социализма. В двухтомной монографии «Основные проблемы истории упрочения и развития социализма в СССР» исследованы коренные вопросы социально-экономического, политического и культурного развития страны с конца 1930-х до начала 1960-х годов. Изучались общее и особенное в развитии советских наций в условиях зрелого социализма; факторы, тенденции, закономерности и перспективы усиления их социальной однородности в процессе становления бесклассового общества; национальные трудовые традиции и их роль в повышении эффективности труда; некоторые специфические запросы в области языка, культуры и быта некоренных национальностей, проживающих в иноэтнической среде; факторы, способствующие преодолению национальных предрассудков, укреплению единства и дружбы народов СССР.

При рассмотрении истории социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы был предпринят анализ общественных процессов в отдельных государствах региона в сочетании со сравнительно-типологическим обобщением. Это позволило представить общие и особенные явления строительства в них социализма, характерные черты их социальных структур. Применительно к социалистическим странам Азии, в частности в коллективном труде «Опыт строительства социалистической экономики в странах Азии», приведены новые аргументы в подтверждение того, что позитивные результаты в их развитии достигаются только при опоре на опыт строительства нового общества в странах социалистического содружества и с учетом национальной специфики. Практический опыт строительства социализма в этих странах опровергает тезис

о «разнокачественности закономерностей» прогресса передовых и слабо развитых стран социализма. В 12-й пятилетке предполагается продолжить изучение этой тематики в рамках перспективной комплексной программы «История строительства развитого социалистического общества», а также в работах о социалистическом строительстве в странах Европы, Азии и Америки.

Исследование отечественной истории дооктябрьского периода нашло прежде всего воплощение в подготовке серийных обобщающих трудов о рабочем классе (с XVII в.) и крестьянстве с древнейших времен до XX века. Это дало возможность проследить закономерности развития основных трудящихся классов нашей страны, всесторонне раскрыть процесс превращения российского рабочего класса в класс-гегемон и историческую необходимость союза с ним крестьянства. Этими обобщающими трудами заложена основа для последующего сравнительно-исторического изучения главных производящих классов антагонистических обществ в рамках европейского и азиатского регионов России. Был подготовлен также ряд трудов о формировании российского государственно-монополистического капитализма. Завершен цикл исследований о политической системе самодержавия, что позволило углубить представления о силах, которые противостояли трудящимся массам.

Осуществлялось дальнейшее изучение истории Древней Руси в связи с процессами, проходившими в соседних странах. Обоснованы более широкие хронологические рамки истории Древнерусского государства. Рассмотрен вопрос о Руси как об одной из закономерных наследниц цивилизации античного и византийского мира.

Крупным достижением явилась подготовка очередных томов «Археологии СССР». Пять из них вышли в свет ранее, а четыре завершены в 1984 году. Это 20-томное издание, не имеющее аналогов в мировой историографии, содержит богатейший свод археологического материала по истории всех народов СССР с древнейших времен до XIV века.

В 12-й пятилетке усилия историков будут направлены на дальнейшее углубленное осмысление основных проблем отечественной истории дооктябрьского периода, прежде всего в контексте их взаимосвязи со всемирно-историческим процессом.

При изучении истории мирового революционно-освободительного движения главное внимание было уделено подготовке коллективных и индивидуальных монографий, нацеленных на комплексное исследование проблемы. Российское революционно-освободительное движение нашло освещение в трудах и публикациях о декабристах, общественных процессах середины XIX в., революционных ситуациях в России конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. и 1901—1904 гг., некоторых аспектах революций 1905—1907 гг. и Февральской. Одним из итогов этих изысканий станет многотомный труд «История трех российских революций» (т. 1 создан), в котором будет предпринят целостный анализ революционных событий начала XX в. в нашей стране, прослежены преемственность и исторические особенности каждой революции, их обусловленность как единой линии революционно-освободительного движения.

Дальнейшее исследование революций в странах Европы и Америки позволило сделать обобщения, характеризующие их как закономерный итог и высшую форму классовой борьбы в антагонистических обществах. Опубликованы тт. 4—6 и подготовлены тт. 7—8 фундаментального труда «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории». В них содержится оценка международного значения Великой Октябрьской социалистической революции и ее влияния на мировой революционный процесс, получили освещение кардинальные проблемы мирового революционного движения в новейшее время, прослежены закономерности и особенности народно-демократических и социалистических революций

в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В работах о революционном процессе на Востоке показано, как на разных этапах национально-освободительных революций создаются предпосылки для их перерастания в народно-демократические революции. В 12-й пятилетке исследование истории революционно-освободительного движения будет продолжено в рамках перспективной комплексной программы «Революции и социальный прогресс».

В области истории внешней политики СССР и международных отношений первостепенное внимание было уделено раскрытию ленинской концепции мирного сосуществования, анализу и показу миролюбивой внешней политики СССР и всего социалистического содружества, истории борьбы народов против империалистической агрессии, разоблачению экспансионистской внешней политики США и НАТО. Начата подготовка труда, в котором будут раскрыты проблемы мира в Европе на протяжении XX столетия. Опубликовано исследование о роли пролетарского интернационализма в развитии стран Азии и Африки, как ставших на путь строительства социализма, так и избравших социалистическую ориентацию. Развернута подготовка трудов об отношениях России и СССР со странами и народами Центральной и Юго-Восточной Европы и Востока. Совместно с учеными других социалистических стран ведется подготовка многотомных документальных изданий по истории этих отношений. В частности, завершена работа над т. 3 документов о советско-болгарских отношениях и т. 12 о советско-польских отношениях. Разработана также серия комплексных научных прогнозов, включая прогнозы внешнеполитической ориентации стран Азии и Африки. В 12-й пятилетке будет продолжено изучение истории международных отношений нового и новейшего времени. Это найдет отражение в трудах, объединенных перспективной комплексной программой «Проблемы войны и мира в XX веке».

Огромное научное и политическое значение, особенно в связи с 40-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., имело завершение издания 12-томной «Истории второй мировой войны 1939—1945». Совместно с историками других социалистических стран опубликован труд «Вторая мировая война. Краткая история». В этих работах проведено комплексное исследование широкого круга социально-экономических, политических, идеологических и военных проблем, проанализированы уроки войны. Выпущен также ряд других изданий по истории Великой Отечественной и второй мировой войн, серия книг «Народы в борьбе против фашизма и агрессии».

В области изучения истории мировой культуры и общественной мысли развернуты подготовка обобщающего исследования о советской культуре, а также Свода памятников истории и культуры народов СССР. Разрабатывались общеметодологические проблемы современного взаимодействия культур стран Востока, культур социалистических и капиталистических стран. Существенными достижениями отмечено изучение культур докапиталистических формаций: завершены двухтомный труд «Культура древнего Рима» и трехтомник «Культура Византии» (т. 1 издан в прошлом году). Впервые с позиций марксизма-ленинизма принят комплексный анализ культурного наследия народов Древнего Востока. Подготовлен ряд работ, посвященных сравнительно-типологическому изучению материальной и духовной культур.

Осуществлены исследования по истории социалистических учений, которые рассматриваются во взаимосвязи с классовой борьбой. Они содержат новые аргументы против концепции «филиации идей», позволяют более четко представить роль социалистических учений в истории общественной мысли и мировой культуры. Изучались актуальные проблемы истории общественной мысли у народов Востока. В 12-й пятилетке

будет готовиться серия исследований о всемирно-историческом значении строительства нового типа культуры в странах социалистического содружества и серии исследований, объединенных перспективной комплексной программой «Исторический вклад народов СССР в общемировую культуру».

Продолжалась разработка этнической проблематики. В частности, были рассмотрены общие и специфические черты нации в сравнении с другими историко-стадиальными типами этносоциальных общностей. Получила дальнейшее развитие разработка теории этноса, а также типологизации основных исторических видов этнических общностей и процессов. Опубликовано монография о современных этноязыковых процессах в СССР. Охарактеризованы на базе междисциплинарных исследований этапы этнического развития ряда стран и народов Древнего Востока, Центральной и Юго-Восточной Европы. Продвинулось изучение этногенеза и этнической истории народов СССР. Подготовлено 20-томное издание «Страны и народы» — комплексная географо-этнографическая характеристика современного мира, раскрывающая важнейшие культурно-этнические, демографические и экологические проблемы нашего времени. Завершен обобщающий труд «Этнические процессы в современном мире». В следующей пятилетке изучение этих вопросов будет продолжено в рамках перспективной комплексной программы «Этногенез и этнические процессы современности».

Советскими историками дан критический анализ ряда буржуазных концепций истории Великого Октября, второй мировой войны, стран социалистического содружества, теории «перехвата революций» в развивающихся странах, а также методологических основ буржуазной историографии, в первую очередь американской и французской. Завершена монография, анализирующая основные направления немарксистской историографии США. Подготовлены работы, раскрывающие суть реакционных теорий по национальным и расовым проблемам. Вышли пять томов ежегодника «Расы и народы», коллективная монография «Расы и общество». В 12-й пятилетке критика буржуазных фальсификаций всемирно-исторического процесса будет продолжена.

Активизировалась работа по критическому анализу роли религий в прошлом и в современном мире. Создан ежегодник «Религии мира». Изучались роль религий и религиозных организаций, новые явления в деятельности современных церквей, пути преодоления религиозных предрассудков. Важное значение будет иметь 10-томная серия «Религии в XX веке», восемь томов которой подготовлены к изданию. В связи с 1000-летием введения христианства на Руси изучались язычество и христианство. Подготовлен ряд трудов по религиям народов Востока, в частности по исламу. Эти исследования будут продолжены в 12-й пятилетке.

Выше названы лишь наиболее значительные труды, выполненные научными коллективами, входящими в состав Отделения истории АН СССР. Признанием их научных заслуг явилось, в частности, присуждение Ленинской премии чл.-корр. АН СССР В. Л. Янину и старшему научному сотруднику Института археологии АН СССР Б. А. Колчину, Государственной премии СССР — старшему научному сотруднику того же института В. В. Седову. Труд Института военной истории Министерства обороны СССР и Института всеобщей истории АН СССР «Вторая мировая война. Краткая история» получил международную премию академий наук социалистических стран. Премии АН СССР и Болгарской АН была удостоена публикация «Советско-болгарские отношения и связи». Дипломами и медалями ВДНХ СССР отмечены Институт истории СССР АН СССР за издание сборников документов по истории культуры народов СССР, Институт славяноведения и балканистики АН СССР —

за подготовку публикаций по истории советско-польских, советско-чехословацких и советско-болгарских отношений. Ряд сотрудников институтов Отделения награжден орденами, медалями, премиями, почетными дипломами. Отметила свой 50-летний юбилей Лаборатория консервации и реставрации документов АН СССР, справил новоселье Архив АН СССР.

Изучение материалов июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, рассмотрение предложений и замечаний, высказанных на Секции общественных наук Президиума АН СССР 20 декабря 1983 г., позволили Отделению истории наметить конкретные мероприятия по совершенствованию исторических исследований по ряду актуальных направлений. Всестороннему обсуждению этих мероприятий был посвящен ряд заседаний Бюро Отделения³. Принятые по затронутым там вопросам постановления обсуждались в научных коллективах и были конкретизированы в решениях дирекций и партийных организаций институтов и редакций журналов. Эти решения направлены на активизацию усилий научных коллективов по анализу и освещению изменений, происходивших в ходе социалистического строительства в нашей стране, на изучение главных направлений социально-экономического, политического, идеологического и культурного развития социалистических стран, на исследование проблем, связанных с борьбой СССР за мир и международное сотрудничество, с влиянием мировой социалистической системы на международные отношения, нацелены на исследование социально-политической эволюции различных стран мира. Бюро Отделения уделяло большое внимание таким вопросам, как совершенствование теоретико-методологических основ исторических исследований, повышение роли исторических знаний в идейно-политическом воспитании советских людей, усиление критики антимарксистских концепций исторического процесса, улучшение организации исторических исследований.

Как известно, партия нацеливает научные силы на изучение ключевых проблем, пресечение мелкотемья, расширение программно-целевого планирования развития науки. В ходе обсуждения этих вопросов на Бюро Отделения было признано необходимым приступить к осуществлению долгосрочных целевых комплексных программ, каждая из которых посвящена магистральной проблеме истории. Намечено шесть таких программ: «История строительства развитого социалистического общества» (руководитель — чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков), «Революции и социальный прогресс» (акад. И. И. Минц), «Проблемы войны и мира в XX веке» (акад. А. М. Самсонов), «Исторический вклад народов СССР в общемировую культуру» (акад. Б. А. Рыбаков), «Этногенез и этнические процессы современности» (акад. Ю. В. Бромлей), «Общие закономерности и специфические особенности развития общественных формаций» (чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцова). Эти программы определяют важнейшие направления исторических исследований на период до 2000 года. Они должны послужить ориентиром при выборе тем коллективных и монографических трудов, публикаций, при организации конференций, совещаний, симпозиумов и иных мероприятий, а также станут основой перспективного планирования и координации исторических исследований в нашей стране. Их реализация позволит сосредоточить усилия историков на сквозной разработке актуальных проблем всемирно-исторического процесса. По каждой программе сформированы рабочие группы из представителей учреждений Отделения истории и развернута подготовка планов-проспектов, которые будут утверждаться на Бюро Отделения истории и в Секции общественных наук Президиума АН СССР.

В соответствии с задачами, поставленными июньским (1983 г.) Пленумом ЦК КПСС, в учреждениях Отделения истории была проведена

³ См. о них: Вопросы истории, 1984, №№ 3—7, 9—11; 1985, №№ 1—2.

корректировка планов научно-исследовательских работ, направленная на расширение исследований по проблемам истории совершенствования развитого социалистического общества, истории социалистической экономической интеграции, мировой экономики, развивающихся стран, мирового революционного процесса. В планы научно-исследовательских работ включены новые актуальные темы. Сокращены сроки работы над отдельными темами, ускорены подготовка и выход в свет ряда книг.

Отделение истории сочло целесообразным создать комиссию по проблемам исторического образования и воспитания молодежи (председатель чл.-корр. АН СССР А. П. Деревянко). Сейчас остро стоит вопрос подготовки и воспитания молодых кадров по ряду специальностей, а также выдвижения новых руководителей научных подразделений. Недостатки в работе с молодыми кадрами проявляются уже при приеме в аспирантуру. Темы диссертационных исследований часто определяются личными интересами аспиранта или его научного руководителя и не всегда сопряжены с магистральными направлениями исследовательской деятельности институтов. Возможности публикации работ молодых ученых ограничены. Кандидатские диссертации порой не отвечают необходимому научному уровню. Предполагается, что упомянутая комиссия представит Бюро Отделения свои предложения о совершенствовании подготовки кадров историков.

В учреждениях Отделения истории созданы контрпропагандистские группы, а также разработан перспективный план по осуществлению долгосрочных мероприятий пропагандистского и контрпропагандистского характера. Среди запланированных исследований, направленных против антимарксистских концепций всемирно-исторического процесса, — совместный советско-чехословацкий труд «Критика буржуазных фальсификаций истории социалистических стран и социалистического содружества в Европе», монографии и коллективные труды «Современная зарубежная этнология», «Английская буржуазная историография второй мировой войны», «Методологические проблемы буржуазной историографии США. 1945—1980 гг.», «Современная зарубежная немарксистская историография», «Идеологическая борьба по вопросам социальной природы и назначения социалистической армии», «Критика теории и практики воздействия буржуазного Запада на культуру развивающихся стран Азии и Африки», сборники статей «Критика буржуазной историографии советского общества. Теоретические и методологические проблемы», «Образование СССР и современная идеологическая борьба». В ряде институтов Отделения состоялись расширенные заседания ученых советов на тему «Идеологическая борьба на международной арене и задачи подразделений института по усилению контрпропагандистской направленности научных исследований». Состоянию критики антимарксистских концепций исторического процесса было посвящено пленарное заседание Научного совета «История исторической науки».

Развернуто издание на иностранных языках исследований советских историков. Среди них: «Что и как решалось в Ялте», «На пути к великой Победе», «Борьба СССР за мир и безопасность. 1917—1981», «Расы и общество», «Геноцид», «Западная этнология: школы, идеи, концепции», «Империализм и кризисные этнические ситуации в развивающихся странах», «Расизм в идеологии и практике современного империализма». Коллективами учреждений Отделения осуществляется широкий план участия в лекционной пропаганде (прежде всего через общество «Знание»), на пресс-конференциях, «телемостах» и международных научных форумах. Институт славяноведения и балканистики проводит цикл проблемно-страноведческих лекций «Актуальные вопросы развития стран социалистического содружества». В Институте всеобщей истории проведен «круглый стол» по вопросам идеологической борьбы и контрпропаганды.

Важным шагом в пропаганде исторических знаний явилось решение Редакционно-издательского совета АН СССР о создании специальной редколлегии серии научно-популярной литературы по истории для выпуска ее в издательстве «Наука». Подготовлен и опубликован издательством «Молодая гвардия» тематический сборник «История», который является своеобразным макетом номера научно-популярного журнала по истории.

В связи с 40-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне учреждениями Отделения осуществлялись различные мероприятия. Большой вклад в их реализацию внес Институт военной истории. В частности, им проведены пресс-конференции для советских и иностранных журналистов «40 лет разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом» и «Советские партизаны в Великой Отечественной войне», подготовлены материалы для пресс-конференций «40 лет разгрома немецко-фашистских войск в Белоруссии», «40-летие Белградской операции», «1944 г. — год решающих побед» и для общественно-политических чтений по теме «Всемирно-историческое значение Победы советского народа в Великой Отечественной войне». Для советских и зарубежных военных представительств этим институтом разработаны и опубликованы материалы «Величайшие битвы Великой Отечественной войны», «Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе», подготовлены материалы «Битва под Ленинградом», «Белорусская операция», «40 лет Великой Победы». Институт принял участие в радиопередачах «Битва под Москвой» и «Сталинградская битва», консультировал проекты памятника Победы на Поклонной горе в Москве, музея «Сталинградская битва». Институты Отделения вели работу по подготовке конференции к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, выставки на ВДНХ СССР «Вклад советских ученых в Победу в Великой Отечественной войне и в борьбу за мир».

На Бюро Отделения был рассмотрен ряд вопросов научно-организационного характера: проанализирована деятельность научных советов, изменена структура некоторых из них (в Научном совете по координации востоковедных исследований созданы секции Южной Азии, китаистики, Ближнего и Среднего Востока; в Научном совете по комплексной проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой» организованы новые секции «Домонополистический капитализм» и «История капитализма в эпоху его общего кризиса»; Научный совет по исторической географии и картографии в целях активизации исследований по истории народонаселения преобразован в Научный совет по исторической демографии и исторической географии). Руководителям научных советов рекомендовано разработать конкретные положения о каждом из них. Некоторые из этих предложений уже представлены в Отделение. В соответствии с рекомендациями Бюро Отделения, для упорядочения взаимоотношений головных и республиканских институтов, исторических кафедр вузов и научных советов разработано и представлено в Секцию общественных наук Президиума АН СССР типовое положение о головном институте.

Согласно рекомендации Бюро Отделения в ряде институтов проведены структурные изменения. Однако не во всех институтах их структура оптимальна: из-за отсутствия специалистов в некоторых из них существуют карликовые подразделения; подчас неоправданно сливаются секторы, поскольку для их руководства не была своевременно подготовлена смена из перспективных молодых кадров. Проанализировав опыт планирования и организации научных исследований в институтах военной истории и востоковедения, Бюро Отделения рекомендовало всем институтам шире прибегать к созданию межсекторальных и межотдельских

проблемных групп. В Институте востоковедения функционируют проблемные группы: «Культурное наследие народов Востока и современная идеологическая борьба», «Ислам и современная идейно-политическая борьба», «Азия и Китай», «Критика западных теорий модернизации афро-азиатских обществ». В Институте этнографии проблемная группа по исследованию этнокультурных процессов у малых народностей и этнических групп приступила к подготовке труда «Культурно-бытовые процессы у малых этнических групп народов СССР».

Бюро Отделения постоянно уделяло внимание деятельности журналов. В целом нельзя не признать, что все они проводят большую научную, пропагандистскую и контрпропагандистскую работу. Имея долгосрочные планы публикаций, журналы оперативно откликаются и на актуальные проблемы современности. Сейчас в них, например, широко развернута публикация материалов, связанных с 40-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

Бюро Отделения рассмотрело вопрос о состоянии, развитии и совершенствовании научных дискуссий. Интересы советской науки, идеологические запросы современности требуют выработки согласованных точек зрения по ряду важнейших научных проблем. В этой связи очевидна положительная роль дискуссий. Они могут проходить на конференциях, симпозиумах, за «круглыми столами», на ученых советах, на страницах журналов. Такие дискуссии должны быть плодотворными, не возвращать нас к проблемам, уже решенным наукой, а способствовать выработке научно обоснованных и идеологически выверенных взглядов по спорным вопросам. Бюро Отделения утвердило примерный список рекомендуемых дискуссионных тем.

Отделение истории провело ряд совместных мероприятий с другими ведомствами по координации исследований. В январе 1984 г. состоялось заседание Бюро Отделения и Коллегии Главархива СССР. На нем шел разговор о наболевших проблемах использования архивных документов и работы исследователей в архивах. Принятое постановление наметило комплекс конкретных мероприятий. Некоторые из них уже начали осуществляться. Согласован план публикаций источников на период до 1995 года. Отделение истории и Главархив СССР наметили подготовку ряда совместных трудов, в том числе «Каталога личных фондов отечественных историков».

В декабре прошлого года Отделение приняло участие в научно-практической конференции Высшей аттестационной комиссии СССР в Киеве. Конференция была посвящена улучшению подготовки и аттестации научных кадров, укреплению связей академической и вузовской исторической науки. На конференции были высказаны предложения, основанные на пожеланиях институтов Отделения. Некоторые из этих предложений, касающиеся упрощения процедуры защиты диссертации, оценки актуальности и практической значимости диссертационных исследований, руководство ВАКа обещало учесть.

В области координации научных исследований является положительным тот факт, что наряду с традиционными формами этой работы (совещания, конференции) институты Отделения начали заключать с периферийными институтами и другими учреждениями договоры о творческом сотрудничестве. Ежегодно около 20 преподавателей вузов повышают свою квалификацию в качестве стажеров в институтах Отделения. В целевую аспирантуру институтов регулярно принимаются представители вузов. Однако в целом координационная работа остается пока слабым местом. Недостаточная помощь оказывается периферийным институтам при подготовке трудов по региональной истории. Практически забыта такая эффективная форма координации, как ежегодные (или хотя бы раз в пятилетие) совещания с участием преподавателей вузов, ученых

филиалов и центров АН СССР, институтов республиканских АН. Чтобы поправить положение при разработке перспективных комплексных программ, планируются совещания с участием историков центральных и периферийных учреждений. Роль научных советов в координации исследований по-прежнему слаба. Они принимают пока недостаточно активное участие в делах Отделения.

Бюро Отделения уделяло серьезное внимание вопросам контроля. Были осуществлены: проверка своевременности и качества выполнения планов научно-исследовательской деятельности, хода работы над темами, включенными в координационный пятилетний план научных исследований; корректировка планов исследований в соответствии с документами директивных и руководящих инстанций; организация разработки целевых комплексных программ по актуальным проблемам отечественной и всемирной истории; анализ состояния работы над актуальными монографиями; анализ и обобщение научно-организационного опыта деятельности отдельных учреждений Отделения с последующим его распространением на остальные учреждения; проверка выполнения планов международного сотрудничества (прежде всего с учеными социалистических стран), кадровой обеспеченности исследований (особенно имеющих актуальный характер); анализ исполнительской дисциплины.

Бюро Отделения заслушивало сообщения о выполнении годовых и пятилетних планов исследований, о ходе разработки целевых комплексных программ, о состоянии работы над актуальными обобщающими исследованиями, об опыте организации работы над отдельными темами, о корректировке планов исследований и о международном сотрудничестве. Были, в частности, рассмотрены ход подготовки к XVI Международному конгрессу исторических наук, научные связи с историками капиталистических стран, с учеными Вьетнама и других социалистических стран Азии, программы научных конференций, планы исследований, выполнение плана мероприятий к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, 800-летию «Слова о полку Игореве».

Осуществлялись комплексные проверки работы учреждений Отделения. Объектами их были в прошлом году Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, Архив АН СССР.

Отделение еще не добилось в полной мере качественного и своевременного выполнения отдельных заданий. Это касается прежде всего реализации постановлений Бюро Отделения. Так, постановление о деятельности научных советов предлагало дирекциям институтов укрепить материально-техническую базу и штаты этих советов, однако в положении большинства из них мало что изменилось. Бюро Отделения были утверждены примерные темы дискуссий, а руководству институтов, научных советов и журналов рекомендовано рассмотреть вопрос о состоянии дискуссий в соответствии с их научными профилями, но такая работа пока разворачивается без должной активности. То же самое можно сказать и о выполнении постановления Бюро Отделения, рекомендовавшего институтам провести заседания ученых советов, посвященные критике антимарксистских концепций исторического процесса и состоянию разработки теоретико-методологических проблем исторических исследований.

Назрел также вопрос о проведении нового Всесоюзного совещания историков.

1985 год является завершающим годом 11-й пятилетки, годом подготовки к XXVII съезду КПСС, разработки и утверждения планов научных исследований на 12-ю пятилетку. Это требует от всех подразделений Отделения еще большей концентрации усилий на решении актуальных задач исторических исследований.

СОВЕТСКИЙ ТЫЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Л. М. Володарский

В постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» подчеркивается: «Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне со всей полнотой раскрыла преимущества социализма, его огромные экономические, социально-политические и духовные возможности. Это была Победа созданного великим Лениным Советского государства, самого передового общественного строя, социалистической экономической системы»¹. Эта оценка ратного и трудового подвига советского народа подтверждается всем ходом событий тех грозных лет.

Мудрая политическая, экономическая, военная стратегия партии закономерно привела к поражению самой крупной в истории группировки империалистических агрессоров. Победа в Великой Отечественной войне явилась ярким неопровержимым свидетельством того непреложного факта, что нет в мире сил, способных остановить развитие нового, прогрессивного общественного строя.

Победа советского народа над фашизмом, став важным этапом мировой истории, оказала глубочайшее политическое воздействие на всю жизнь человечества в последующий период. Она обеспечила необходимые предпосылки для борьбы народов за свое национальное и социальное освобождение, явилась фактором укрепления позиции демократических, миролюбивых сил во всем мире. Принципиально значимым следствием Победы стало возникновение и дальнейшее успешное развитие мировой социалистической системы. Мощная волна национально-освободительного движения, поднявшаяся после разгрома германских и японских милитаристов, привела к созданию на обломках бывших колониальных империй десятков новых государств.

Выступая на встрече в ЦК КПСС с ветеранами Великой Отечественной войны, М. С. Горбачев подчеркнул: «Все то, чем мы располагаем, имеет два отсчета. Первый начался с Октябрьской революции, второй — после Дня Победы. Могут сказать: война уже давно стала достоянием истории и стоит ли вновь и вновь возвращаться к событиям тех лет и вспоминать о том, что с ними связано. Разумеется, стоит. Более того, это насущно необходимо и для нас, и для всего человечества»².

Победа в войне была подготовлена всем предшествующим ходом социалистического строительства в СССР. Трудящиеся нашей страны, отказывая себе во многом, направляли в годы первых пятилеток колоссальные средства на развитие индустрии, сельского хозяйства и транспорта. Строя под руководством Коммунистической партии фундамент социалистической экономики, советский народ тем самым создавал предпосылки для активной обороны, выполняя указания В. И. Ленина о не-

¹ Правда, 17.VI.1984.

² Там же, 6.V.1985.

обходимости в условиях капиталистического окружения всегда быть в мобилизационной готовности.

За годы предвоенных пятилеток в СССР были созданы новые отрасли промышленности, пущено в строй 9 тыс. крупных промышленных предприятий; производство средств производства по сравнению с 1913 г. увеличилось в 13, а предметов потребления — в 4,6 раза. Продукция машиностроения и металлообработки в 1940 г. в 30 раз превзошла уровень 1913 года. По сравнению с кануном первой пятилетки объем валового общественного продукта возрос в 1940 г. в 4,5, а национальный доход — более чем в 5 раз. За этот период капиталовложения в народное хозяйство увеличились почти в 7 раз³. Получили развитие качественная металлургия и точное машиностроение, ставшие основой организации в период войны серийного выпуска самолетов, танков, орудий, минометов, других видов вооружения, которые по своим характеристикам превосходили военную технику противника. На базе индустриализации страны был реорганизован транспорт. Окрепло социалистическое сельское хозяйство. Осуществление культурной революции обеспечило подготовку преданных делу социализма квалифицированных кадров для различных отраслей народного хозяйства, подъем идейного уровня всего народа.

Рост экономического могущества СССР в довоенные годы в значительной мере был обеспечен за счет быстрого освоения природных богатств. Уже к концу второй пятилетки по разведанным запасам важнейших природных ресурсов СССР занимал первое место в Европе, а по многим из них — первое место в мире⁴.

Высокие темпы расширенного социалистического воспроизводства в довоенный период, увеличение сырьевой базы, совершенствование размещения производительных сил создали прочную основу для дальнейшего укрепления экономической и оборонной мощи страны в период, когда война стояла уже у ее порога. Итогом выполнения первых пятилетних планов было превращение Советского Союза в могучую индустриальную державу, добившуюся полной экономической независимости от капиталистических стран.

Нападение фашистской Германии резко изменило задачи, стоявшие перед советской экономикой, — страна превратилась в единый боевой лагерь. Тылом Действующей армии стала вся страна — весь ее экономический потенциал, все население, вся сила социалистического строя. Условия тыла нередко были так же сложны, как и фронтовые. Немногим отличались от фронта Москва в октябрьские дни 1941 г. или Ленинград, труженики которого выдержали блокаду, в неимоверно тяжелой обстановке построили «Дорогу жизни» и проложили нефтепровод по дну Ладожского озера.

Используя все преимущества социалистической плановой системы, партия и Советское государство в кратчайшие сроки обеспечили перевод народного хозяйства на рельсы военной экономики. Решающее значение приобрело планирование народного хозяйства в условиях войны. Уже через неделю после ее начала был принят первый план военного времени — «Мобилизационный народнохозяйственный план» на III квартал 1941 г., а в августе — «Военно-хозяйственный план» на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии⁵. В практику планирования прочно вошли

³ Володарский Л., Семин С. Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. — Коммунист, 1965, № 6, с. 21; Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юб. стат. сб. М. 1977, с. 13.

⁴ Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М. 1970, с. 35.

⁵ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М. 1948, с. 38.

оперативные планы — квартальные и месячные, которые утверждались Государственным Комитетом Обороны (ГКО).

Все это требовало глубокого и всестороннего анализа положения дел в народном хозяйстве, тщательного выявления всех материальных ресурсов. В годы войны значительно возросла номенклатура важнейших видов продукции, по которым централизованно составлялись и утверждались балансы и планы распределения. В связи с этим огромное значение имели срочные переписи материалов и оборудования. Их проведение (включая разработку итогов) осуществлялось органами государственной статистики в исключительно сжатые сроки — от 7 до 15 дней, редко — до месяца. За время войны было проведено 105 таких переписей.

В соответствии с планами была обеспечена мобилизация всех ресурсов страны для нужд фронта. Доля прямых военных расходов достигала 55% национального дохода. На военные нужды использовалось более $\frac{2}{3}$ продукции промышленности, $\frac{1}{4}$ продукции сельского хозяйства⁶. Страна действовала так, как в свое время указывал Ленин: «Раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне»⁷. Все отрасли народного хозяйства в едином строю работали для Победы. Была обеспечена мобилизация трудовых ресурсов, найдены эффективные пути их распределения и перераспределения по отраслям и районам страны в условиях, когда значительная часть активной рабочей силы была призвана в армию.

Победа в Великой Отечественной войне была завоевана беспримерным массовым воинским и трудовым героизмом. Разгром врага был результатом единения фронта и тыла. 1418 огненных дней сражений на полях войны были и для работников тыла битвой с врагом — за металл и хлеб, топливо и сырье, за создание могучего оружия. Работа тыла базировалась на прочном фундаменте экономической системы социализма. Вывод Ленина о том, что в современной войне экономическая организация имеет решающее значение, в полной мере подтвердился всем ходом Великой Отечественной войны. Партия твердо и последовательно руководствовалась ленинским указанием о том, что «для ведения войны *по-настоящему* необходим крепкий организованный тыл. Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены»⁸.

События первых месяцев войны, как и вся война, уникальны по своим масштабам. Это в равной мере относится и к работе тыла. Особое значение в первые месяцы войны приобрело массовое перебазирование на тысячи километров из фронтовых и прифронтовых районов в восточные области страны огромного количества ценностей, оборудования и миллионов людей, обеспечение в кратчайшие сроки на новом месте выпуска продукции, остро необходимой фронту.

Вся работа по перемещению производительных сил в тыл находилась под неослабным вниманием партии и правительства. Непосредственное руководство перебазированием осуществлял Совет по эвакуации при СНК СССР. Большая работа по контролю за движением эшелонов с оборудованием проводилась специальными уполномоченными Совета. Комиссии по эвакуации были созданы в наркоматах, в республиках и областях, находившихся под угрозой оккупации.

⁶ Сорокин Г. М. Великая экономическая победа СССР в войне с фашистской Германией. — Вопросы экономики, 1975, № 5, с. 11; История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12. М. 1982, с. 148.

⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 41, с. 117.

⁸ Там же. Т. 35, с. 408.

Эвакуация стала настоящей битвой за сохранность национального богатства страны, материальных ценностей, за то, чтобы в кратчайшие сроки они могли обеспечивать нужды фронта, вносить свой вклад в победу над врагом. Поистине это было великое перемещение, которого не знала история предыдущих войн. Работа эта была невероятно сложной и трудной. Ее масштабы наглядно иллюстрируются такими данными: всего с июля по декабрь 1941 г. было эвакуировано из угрожаемых районов 2593 промышленных предприятия, в том числе 1523 крупных; среди них 1360, главным образом военных, были эвакуированы уже в первые три месяца войны⁹. С Украины было вывезено 550 крупных предприятий, из Белоруссии — 109, из Эстонии — 62, из Москвы и Московской области — 498, из Ленинграда — 92, из других районов — 212¹⁰. Из общего числа эвакуированных крупных предприятий 667 было направлено на Урал, 322 — в Западную и Восточную Сибирь, 308 — в Казахстан и Среднюю Азию, 226 — в Поволжье. В тыловые районы во второй половине 1941 г. было вывезено более 10 млн. человек. В 1941—1942 гг. из западных районов было перемещено 2,4 млн. голов крупного рогатого скота, 5,1 млн. овец и коз, 200 тыс. свиней, 800 тыс. лошадей, много сельскохозяйственной техники, зерна и другого продовольствия¹¹.

Эвакуация проводилась в предельно сжатые сроки. Так, эвакуация Ново-Краматорского завода, имевшего уникальное оборудование, была осуществлена с 12 сентября по 21 октября 1941 года. Было вывезено 1276 металлорежущих и деревообрабатывающих станков, 1752 мотора и электромотора¹². Из запорожской группы заводов за 45 дней в тыл отправили 320 тыс. т станков, конструкций, металла и других грузов. За трое суток был демонтирован крупнейший завод Белоруссии «Гомсельмаш». С этого предприятия на Урал было переброшено свыше 1 тыс. вагонов с оборудованием и материалами¹³.

Прибывавшие в места эвакуации предприятия незамедлительно восстанавливались и вступали в строй. Запорожский завод им. Энгельса начал выпускать продукцию спустя 20 дней после прибытия на место. Один из московских заводов Наркомата вооружения был погружен в 12 эшелонов в середине октября 1941 г., в пути находился 11 дней, а в первых числах декабря вступил в строй на новом месте и начал производить продукции в 1,5 раза больше, чем до эвакуации. Харьковский завод № 183, эвакуированный на Урал, через 45 дней начал выпускать танки типа Т-34; ленинградский Кировский и Харьковский моторный заводы, слившиеся с Челябинским тракторным, месяц спустя начали производить танки КВ. На Урал из центральных районов были переброшены два завода, производившие снаряды для авиационных пушек. Через месяц они выдали первую партию продукции. Эвакуированные авиационные заводы спустя 1—1,5 месяца уже выпускали боевые самолеты¹⁴. В среднем 1,5—2 месяца требовалось перебазируемым предприятиям для налаживания производства. В целом это была грандиозная операция, равная по своей значимости величайшим битвам второй мировой войны¹⁵.

В передислокации мощностей и населения огромную роль сыграло наличие в восточных районах подготовленных всем ходом предыдущего развития индустрии производственных площадей, энергетической, сырьевой и строительной базы, транспорта, системы коммуникаций, что яви-

⁹ Вознесенский Н. Ук. соч., с. 41; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. М. 1978, с. 101.

¹⁰ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. М. 1975, карта 8.

¹¹ Косыгин А. Н. В едином строю защитников Отчизны. М. 1980, с. 18, 19.

¹² Кравченко Г. С. Ук. соч., с. 114.

¹³ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, с. 100; Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М. 1985, с. 801.

¹⁴ Косыгин А. Н. Ук. соч., с. 19—20; Кравченко Г. С. Ук. соч., с. 117.

¹⁵ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12, с. 158.

лось результатом планомерного совершенствования размещения производительных сил в годы предвоенных пятилеток.

Все отрасли военной экономики работали как единый слаженный механизм. И все же ведущее место принадлежало социалистической индустрии. Преодолев спад производства в декабре 1941 г., промышленность страны уже в марте 1942 г. начала наращивать производство, в первую очередь в оборонных отраслях. Огромную роль в этом играли восточные районы, где выпуск оборонной продукции к этому времени достиг довоенного уровня производства всей страны и продолжал расти быстрыми темпами¹⁶. Не сокращали производство и предприятия, оставшиеся на прежних местах. Огромен трудовой подвиг населения Москвы, Одессы, Севастополя, Сталинграда, других городов-героев и всех прифронтовых городов, где граница между фронтом и тылом практически стиралась. В осажденном Ленинграде с началом блокады все виды военной продукции приходилось производить на невосполняемых запасах сырья и топлива. Тем не менее до декабря 1941 г. в городе продолжался рост промышленного производства. Ленинград остался одним из арсеналов страны. Заводы его работали под постоянным обстрелом. Рушились стены, из-под обломков извлекали станки, и нередко, пока готовили другое помещение, люди работали на них под открытым небом¹⁷.

Решающее значение в создании слаженной военной экономики имели принятые партией и правительством организационные меры, направленные на перестройку управления народным хозяйством в новой обстановке. Высокая степень централизации, постоянная координация работы всех отраслей, направляемая ЦК партии, ГКО и его уполномоченными на местах, Совнаркомом СССР, обеспечили единство действий всех звеньев производства в целях решения чрезвычайных задач военного времени. Все это позволило преодолеть имевшиеся в начале войны диспропорции между потребностями военной экономики в металле, электроэнергии, топливе и их производством. Тем самым была заложена надежная основа для устойчивого роста производства военной продукции.

К середине 1942 г. завершилась перестройка народного хозяйства на военный лад. Военные заводы и предприятия тяжелой промышленности работали на полную мощность, разворачивалось строительство новых предприятий. Начался второй этап развития советской военной экономики — этап роста слаженного военного хозяйства. Коренной перелом в работе промышленности, начавшийся еще во второй половине 1942 г., в 1943 г. был закреплён: объем валовой продукции увеличился на 17%, тогда как за три мирных года третьей пятилетки среднегодовой прирост составлял 13%; продукция оборонных отраслей по сравнению с довоенным уровнем увеличилась более чем в 2 раза¹⁸. Несмотря на то, что в военный период осуществлять расширенное воспроизводство объективно значительно сложнее, чем в мирное время, военная экономика СССР обеспечила высокие его темпы.

Даже враги признавали мощь советского тыла. «Нам кажется чудом, что из необъятных советских степей встают все новые массы большевистской техники, как будто какой-то великий волшебник лепит ее из уральской глины в любом количестве», — писала газета «Schwarze Kog» в 1943 году¹⁹.

¹⁶ Володарский Л., Семин С. Ук. соч., с. 23; Косыгин А. Н. Ук. соч., с. 21.

¹⁷ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12, с. 50; Хавин В. На Восток. — Советский Союз, 1985, № 2, с. 29.

¹⁸ Вознесенский Н. Ук. соч., с. 46; Косыгин А. Н. Ук. соч., с. 21.

¹⁹ Цит. по: Хавин В. Ук. соч., с. 29.

Особое место в развитии военной экономики занимает 1944 год. Военное производство в этом году достигло наивысшего за время войны уровня.

РОСТ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ СССР
(в % к 1942 г.)²⁰

	1943 г.	1944 г.	Среднегодовой темп прироста за 1943—1944 гг., %
Национальный доход	113	135	16,2
Основные производственные фонды (без скота) в народном хозяйстве	112	124	11,3
Вся продукция промышленности	117	135	16,2
Продукция машиностроения	120	133	15,3
Производство важнейших видов промышленной продукции:			
электроэнергия	111	135	16,2
уголь	123	161	26,9
чугун	117	152	23,3
сталь	105	135	16,2
прокат черных металлов	106	135	16,2
Из общего объема промышленной продукции—продукция наркоматов:			
авиационной промышленности	125	134	15,8
танковой промышленности	127	161	26,9
вооружения	105	108	3,9
боеприпасов	121	142	19,2
Валовая продукция сельского хозяйства	96	142	19,2
Грузооборот всех видов транспорта	115	132	14,9
Капитальные вложения	109	151	22,9
Среднегодовая численность рабочих и служащих	106	129	13,6
Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли	94	109	4,4

Общий объем промышленной продукции в 1944 г. превысил довоенный уровень на 3%, а военной продукции — в 3,1 раза. По сравнению с 1943 г. объем промышленной продукции увеличился на 15%, в том числе: черной металлургии — на 25%, цветной — на 35%, топливной промышленности — на 21%, химической — на 29%, производство электроэнергии — на 21%. В 1944 г. было произведено 39 млрд. квт. ч электроэнергии, 121,5 млн. т угля, 7,3 млн. т чугуна, 10,9 млн. т стали, 7,3 млн. т проката черных металлов. По сравнению с 1942 г. производство электроэнергии, стали, проката возросло более чем на 1/3, чугуна — в 1,5, добыча угля — в 1,6 раза²¹.

Ежегодная добыча нефти в 1943—1944 гг. составляла 18 млн. т против 22 млн. т в 1942 году. Сокращение объяснялось тем, что нефтепромыслы Северного Кавказа были в значительной части разрушены, а в районе Баку многие скважины пришлось законсервировать (т. к. в период боев на Волге и Северном Кавказе вывоз нефтепродуктов был чрезвычайно затруднен), их восстановление требовало времени. Тем не менее в результате непрерывного совершенствования нефтепереработки производства бензина в 1943 г. увеличилось по сравнению

²⁰ История социалистической экономики СССР. Т. V. М. 1978, с. 258; Вестник статистики, 1985, № 3, с. 39.

²¹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12, с. 161, 166; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. Т. 4. М. 1962, с. 581; Косыгин А. Н. Ук. соч., с. 22.

с 1942 г. на 10%, дизельного топлива — в 2,3, моторного — в 1,7 раза. Таким образом, поставка горючего на фронт продолжала увеличиваться²².

Рост военного производства был связан главным образом с огромной работой по расширению действовавших и строительству новых предприятий в предельно сжатые сроки. Так, на Магнитогорском металлургическом комбинате пятая и шестая доменные печи были построены за 6 месяцев, а до войны на это уходило 2—3 года. Основные производственные фонды промышленности наращивались высокими темпами: если в 1942 г. они составляли лишь 75% уровня 1940 г., то в 1943 г. — 84%, в 1944 г. — 92% и в 1945 г. — 95%²³.

Для развития военной экономики важное значение имели существенные сдвиги в размещении производительных сил, перестройка структуры промышленного производства. Наращивание военно-экономического потенциала происходило на основе всемерного расширения топливно-энергетической, металлургической и машиностроительной базы. Важнейшими стройками тех лет стали Челябинский металлургический, Актюбинский ферросплавный заводы, Норильский горно-металлургический комбинат, Южноуральский машиностроительный завод, Богословская, Кузнецкая, Карагандинская, Куйбышевская, Сумгайтская тепловые электростанции. Ввод в действие алюминиевых заводов в Свердловской и Кемеровской областях обеспечил рост производства алюминия, остро необходимого авиационной промышленности. Уже в 1943 г., несмотря на потерю крупнейших Волховского и Днепровского алюминиевых заводов, был превзойден довоенный уровень производства алюминия²⁴. Мощность всех электростанций к 1945 г. практически достигла довоенного уровня²⁵.

Ускоренное развитие тяжелой индустрии обеспечивало стабильность всех отраслей народного хозяйства, рост производства вооружения и боевой техники. Ведущую роль при этом играло машиностроение. В 1944 г. объем продукции машиностроения по отношению к 1940 г. возрос в 1,6 раза²⁶.

Главным арсеналом фронта стали восточные районы страны. Валовая продукция их промышленности в первой половине 1945 г. была в 2, а оборонной промышленности — в 5,6 раза больше, чем в первой половине 1941 года²⁷. Особое место в достижении этих результатов принадлежит труженикам Урала, ставшего основной базой снабжения страны металлом и другой промышленной продукцией. Его заводы в 1942—1943 гг. давали 25% промышленной продукции страны, в 1945 г. здесь производилось более 50% общесоюзного выпуска чугуна, стали и проката. Благодаря вступлению в строй действующих крупных эвакуированных и вновь построенных заводов мощности машиностроения и металлообработки увеличились в несколько раз. Доля этой отрасли в крупной промышленности Урала возросла с 43% в 1940 г. до 70% в 1943 году. На уральских предприятиях производилась 1/3 продукции машиностроения и металлообработки. Урал давал 60% средних и 100% тяжелых танков. Каждый второй снаряд, выпущенный по врагу, делался из уральской стали²⁸.

²² Великая Отечественная война. Краткая история. М. 1984, с. 251.

²³ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 245; Кравченко Г. С. Ук. соч., с. 221; Косыгин А. Н. Ук. соч., с. 22.

²⁴ Косыгин А. Н. Ук. соч., с. 22; Кравченко Г. С. Ук. соч., с. 239.

²⁵ Народное хозяйство СССР, 1922—1982, Юб. стат. сб. М. 1982, с. 201.

²⁶ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 267.

²⁷ Косыгин А. Н. Ук. соч., с. 23.

²⁸ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 239—240, 264; История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12, с. 161.

Партия и правительство особое внимание уделяли ускоренному росту выпуска военной продукции. Уже в 1942 г. СССР превзошел фашистскую Германию по производству боевых самолетов в 1,9, танков и САУ — в 3,9, орудий всех видов и калибров — в 3,1, винтовок и карабинов — в 3 раза. Больше было выпущено и боеприпасов. В 1943—1944 гг. производство вооружения возрастало в значительных размерах. Выпуск танков и САУ в 1944 г. увеличился по сравнению с 1942 г. на 18%, боевых самолетов — в 1,5 раза. В 1944 г. ежедневно наша индустрия давала столько танков, САУ и боевых самолетов, сколько их в то время было необходимо для укомплектования примерно одной танковой бригады и полка САУ, трех авиационных полков²⁹.

Всего за время войны промышленность СССР дала фронту 102,8 тыс. танков и САУ, 112,1 тыс. боевых самолетов, 482,2 тыс. орудий всех видов и калибров. Советские Вооруженные Силы получили за годы войны более 10 млн. т боеприпасов, свыше 16 млн. т горючего, 40 млн. т продовольствия и фуража, большое количество других материальных средств³⁰. Советскому тылу удалось добиться не только значительного роста производства вооружения, но и повышения его качественных характеристик. За годы войны в серийное производство поступило 25 новых моделей самолетов (включая модификации) и 23 типа авиационных двигателей. Доля новых образцов достигала: в стрелковом вооружении — 42%, артиллерийском — 83%, бронетанковом — более 80%, авиационном — 67%³¹.

Военная экономика страны работала с высокой эффективностью и производительностью. Выплавляя примерно в 3 раза меньше стали и добывая почти в 5 раз меньше угля, чем фашистская Германия (с учетом ввоза из оккупированных стран, присоединенных территорий, а также импорта), СССР в годы войны создал почти в 2 раза больше вооружения и боевой техники. В результате непрерывного совершенствования производства с мая 1942-го по май 1945 г. производительность труда в оборонных отраслях промышленности возросла в 2,2 раза³². Рост производительности труда обеспечивался как путем увеличения выработки в единицу рабочего времени — за счет рационализации производства, так и путем увеличения рабочего времени — за счет сокращения его потерь и увеличения сверхурочных работ. В результате за два года действия военной экономики число отработанных часов, приходившихся на одного рабочего в среднем за месяц, возросло на 22%, а часовая выработка — на 7%. Только в 1944 г. рабочими и инженерно-техническими работниками промышленности, строительства и транспорта было внесено 347 тыс., а в 1945 г. — 387 тыс. рационализаторских предложений³³.

Наряду с ростом производительности труда существенно снизились затраты при выпуске важнейших видов вооружения. В 1944 г. себестоимость всех видов военной продукции по сравнению с 1940 г. сократилась в среднем в 2 раза. Экономический эффект от снижения себестоимости военной продукции за 1941—1944 гг. составил сумму, равную почти половине всех расходов государственного бюджета на военные нужды в 1942 году. Только за счет экономии материалов и денежных средств танковая промышленность дала фронту за последние три года войны свыше 25 тыс. танков (в пересчете на Т-34), т. е. больше, чем среднее ежегодное производство в военное время³⁴. Характерно и то, что в расчете на 1 млн. т выплавленной стали военная экономика СССР

²⁹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12, с. 168, 200.

³⁰ Там же, с. 170.

³¹ Там же, с. 160, 169.

³² Там же, с. 159, 168, 200; Косыгин А. Н. Ук. соч., с. 24.

³³ Вознесенский Н. Ук. соч., с. 114; Кравченко Г. С. Ук. соч., с. 334.

³⁴ Косыгин А. Н. Ук. соч., с. 24; Кравченко Г. С. Ук. соч., с. 338.

обеспечивала выпуск в несколько раз большего числа танков, самолетов, орудий и других важнейших видов боевой техники, чем Германия, Англия, США³⁵. Таким образом, советская экономическая система в годы военных испытаний продемонстрировала явное преимущество, практически доказав свою высокую эффективность, способность рационального использования всех видов ресурсов, полной мобилизации всех элементов социалистического расширенного воспроизводства на достижение конкретной задачи в экстремальных условиях. «Эффективность военной экономики СССР обеспечивалась незыблемым авторитетом государственного плана, дисциплиной и строгой ответственностью за порученное дело, инициативой, изобретательностью, смелой мыслью и самоотверженным трудом рабочих, колхозников, инженеров, конструкторов и ученых, организаторскими способностями командиров производства»³⁶, — отмечал М. С. Горбачев на торжественном собрании, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Война потребовала героических усилий от работников сельского хозяйства, призванных обеспечить фронт и тыл достаточным количеством продовольствия, а промышленность — сырьем. Это была задача важнейшего экономического и политического значения. Решалась она в сложнейших условиях. На территории, временно захваченной врагом, до войны размещалось 47% всех посевных площадей, производилось более 50% всей продукции земледелия и животноводства. С началом войны численность трудоспособного населения в деревне резко сократилась. Сотни тысяч колхозников были мобилизованы в Действующую армию. Сельские труженики стали работать на заводах, фабриках и шахтах. В Красную Армию были взяты лошади, большая часть автомобилей, мощные дизельные тракторы. Все острее ощущался недостаток горючего. Но и в этих условиях социалистическая система сельского хозяйства выстояла³⁷.

Необходимость снабжения армии и населения продовольствием со всей остротой поставила задачу развития сельскохозяйственного производства в тыловых районах — в Центре, Поволжье, Закавказье, Средней Азии, Казахстане, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Посевные площади в этих районах увеличились в 1942 г. против 1940 г. почти на 5 млн. га и на 2,8 млн. га против 1941 года. Общая площадь посева в колхозах выросла с 62,6 млн. га в 1940 г. до 66,3 млн. га в 1942 г., в том числе площадь под зерновыми увеличилась с 51,6 млн. до 53,9 млн. гектаров. Расширены были посевы сахарной свеклы и масличных культур в Сибири, Казахстане и Средней Азии. Прирост посевов технических культур в 1942 г. по сравнению с 1940 г. в районах Дальнего Востока составил 37%, Сибири — 27%³⁸.

В колхозах восточных районов площади под картофелем и овощами в 1942 г. увеличились по сравнению с 1940 г. на 37%, в том числе в Сибири — на 44%, на Урале — на 37%, Дальнем Востоке — на 30%, в Средней Азии и Казахстане — на 32%. Важную роль сыграло увеличение доли посевов озимых в общей площади зерновых культур: в 1942 г. она возросла на 18% против 1940 г., в том числе в Сибири — на 64%, в Казахстане и Средней Азии — на 44%. Рост площадей под озимыми позволил в значительной мере возместить недостаток рабочей силы, тягла и техники³⁹.

³⁵ Кравченко Г. С. Ук. соч., с. 359.

³⁶ Правда, 9.V.1985.

³⁷ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12, с. 162; Кравченко Г. С. Ук. соч., с. 151; Володарский Л., Семин С. Ук. соч., с. 26.

³⁸ Вознесенский Н. Ук. соч., с. 94, 95; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, с. 273.

³⁹ Вознесенский Н. Ук. соч., с. 95, 96.

Во время войны широкое развитие получили подсобное сельское хозяйство и огородничество. Им принадлежала большая роль в увеличении продовольственных ресурсов страны, снабжении рабочих и служащих сельскохозяйственными продуктами, прежде всего картофелем и овощами. В 1942 г. огородничеством занималось более 7,6 млн. рабочих и служащих; они обрабатывали около 500 тыс. га земли. Были значительно расширены посевные площади подсобных хозяйств при промышленных и транспортных предприятиях — с 1,4 млн. га в 1940 г. до 3,1 млн. га в 1943 году ⁴⁰.

С целью обеспечения своевременного проведения всех сельскохозяйственных работ в начале 1942 г. примерно в 1,5 раза был повышен минимум трудодней, введенный накануне войны, установлен обязательный минимум трудодней для подростков. В результате общая выработка трудодней в колхозах на одного трудоспособного поднялась с 254 в 1940 г. до 352 в 1942 году ⁴¹.

Были приняты меры по максимальной мобилизации трудоспособного населения, не занятого общественным трудом в городе и деревне. В апреле 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей». В том же году в прополке сельскохозяйственных культур и уборке урожая участвовало уже свыше 4 млн. человек ⁴².

В связи с резким сокращением в сельском хозяйстве численности трудоспособных мужчин главной силой в колхозах, совхозах и МТС стали женщины. Они возглавляли колхозы, руководили бригадами и звеньями, животноводческими фермами. Доля женщин среди трактористов МТС возросла с 4% на начало 1940 г. до 40% в 1942 г., среди комбайнеров соответственно — с 6 до 43%, среди шоферов МТС — с 5 до 36%, среди бригадиров тракторных бригад — с 1 до 10%. На курсах и в школах механизации удельный вес женщин увеличился с 8,5% в 1940 г. до 51% в 1941—1942 годах ⁴³. С 1943 г. все больший вклад в государственные ресурсы сельскохозяйственных продуктов стали вносить районы, освобожденные от врага. В 1944 г. объем валовой продукции сельского хозяйства в целом по стране превысил уровень 1942 г. более чем в 1,4 раза. Это стало возможным в результате осуществления срочных мер по восстановлению и развитию сельского хозяйства ⁴⁴.

Жизненно важное значение для победы над врагом имела организация бесперебойной работы транспорта. Он сыграл решающую роль в успешном перебазировании производительных сил на восток, с честью справился с не менее трудной и сложной задачей переброски войск и грузов на фронт, с обеспечением нужд военной экономики. Транспортные коммуникации, будучи одним из важнейших материальных факторов войны, с первых дней фашистской агрессии стали объектом ожесточенных налетов вражеской авиации. Временная оккупация части советской территории привела к уменьшению протяженности железнодорожной сети. В первые полтора военных года значительно сократился локомотивный и вагонный парк железных дорог, число самоходных и несамоходных речных и морских судов. Это потребовало перестройки работы всей транспортной сети страны, в особенности железнодорожного транспорта.

⁴⁰ Кравченко Г. С. Ук. соч., с. 163, 166.

⁴¹ Вознесенский Н. Ук. соч., с. 93; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, с. 268.

⁴² Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, с. 268.

⁴³ Там же. Вознесенский Н. Ук. соч., с. 92—93.

⁴⁴ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12, с. 166.

За первые 6 месяцев войны общий объем военных перевозок составил около 2,4 млн. вагонов. Только за период до 1 августа 1941 г. железнодорожным транспортом на фронт было перевезено 2,5 млн. человек. В июле — декабре перевозки воинских грузов на всех железных дорогах составили около 20%. Одновременно в огромных масштабах осуществлялась переброска грузов и людей на восток. С июня 1941 г. по январь 1942 г. были учтены перевозки по эвакуации в размере, превышающем 1 млн. вагонов. Резко возросла загрузка железных дорог в восточных районах: если в 1940 г. на их долю приходилось 13,9% общесоюзной погрузки, то в 1942 г. — около одной трети ⁴⁵.

Война потребовала намного ускорить передвижение грузов. Железнодорожный транспорт имел специальный военный график, введенный по указанию Политбюро ЦК с 24 июня 1941 года. Это позволило обеспечить более устойчивую работу железных дорог, максимально использовать их пропускную способность. С 25 мая 1942 г. был введен новый график, который учитывал особенности различных дорог, узлов и станций, усиливал ритмичность движения поездов. Важная роль в улучшении работы транспорта принадлежала Транспортному комитету при ГКО, организованному в феврале 1942 года ⁴⁶. Принятые меры позволили заметно улучшить работу транспорта: по сравнению с I кварталом 1942 г. грузооборот железных дорог увеличился на 36% во II квартале, на 41% в III квартале ⁴⁷.

В 1943 г. работа транспорта продолжала неуклонно улучшаться. Для более полного и четкого обеспечения перевозок Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. все железные дороги были переведены на военное положение, а с 9 мая военное положение было введено на речном и морском транспорте ⁴⁸. Это укрепило трудовую дисциплину, улучшило организацию труда; более четко и согласованно стали работать все звенья транспортной системы страны. Благодаря этому накануне Курской битвы в районы сосредоточения советских войск в некоторые дни прибывало до 6 тыс. вагонов: общий объем воинских перевозок в район Курского выступа достиг около 540 тыс. вагонов. В 1943 г. прифронтовые железные дороги без особых перебоев снабжали войска во время их наступательных операций, работали слаженнее, полнее удовлетворяли потребности фронта ⁴⁹.

Важное значение для улучшения работы транспорта имело восстановление сети дорог. В годы войны было возрождено около 120 тыс. км основных железнодорожных магистралей, 2,8 тыс. больших и средних мостов, много других объектов ⁵⁰. Наряду с восстановлением в крупных размерах велось и новое транспортное строительство, сооружались вторые пути. Транспортное строительство было подчинено военно-стратегическим интересам и потребностям развития оборонного производства.

Первым крупным объектом, сданным в эксплуатацию в условиях военного времени (1941 г.), явилась линия Сорокская (Беломорск) — Обозерская протяженностью в 351 километр. Благодаря ее постройке Северная дорога оказалась соединенной кратчайшим путем с Кировской, что дало возможность обеспечить всем необходимым ведение военных действий на северном участке советско-германского фронта и вы-

⁴⁵ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 440, 450; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, с. 95, 96; Кравченко Г. С. Ук. соч., с. 119.

⁴⁶ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 415, 416.

⁴⁷ Рассчитано по: Кравченко Г. С. Ук. соч., с. 157.

⁴⁸ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 415; История Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 3. М. 1962, хроника.

⁴⁹ Орлов Б. П. Развитие транспорта СССР. 1917—1962 гг. М. 1963, с. 291.

⁵⁰ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 435—436.

воз с Кольского п-ва импортных грузов, поступавших в СССР через Мурманский порт⁵¹.

Решающее значение для освоения Печорского угольного бассейна (его роль была особенно важна в связи с временной потерей Донбасса) и Ухтинского месторождения нефти, для улучшения топливоснабжения северо-западных и северных районов страны получило сооружение Печорской дороги, строительство которой началось еще до войны. Участок этой дороги (Коноша — Котлас — Кожва) протяжением 1100 км был сдан в эксплуатацию в 1942 году. Тогда же вступила в строй действующих дорога Кизляр — Трусово длиной 340 км, давшая дополнительный выход с Кавказа и Поволжья в центральные районы страны. В обслуживании Сталинградского фронта исключительную роль сыграла линия Сталинград — Баскунчак (1942 г.), соединявшая осажденный город с тылом.

Восстановительные работы и строительство новых железнодорожных линий получили такой размах, что к концу войны эксплуатационная длина железных дорог страны составила 112,9 тыс. км (в 1940 г. — 106,1 тыс. км)⁵². Война явилась суровой проверкой жизнеспособности советского транспорта. Его работники, поставленные в тяжелейшие условия, с честью вышли из всех испытаний. Транспортная система выдержала колоссальное напряжение первого периода войны и обеспечила неуклонное увеличение перевозок.

В особые условия война поставила строителей. В невиданно короткие сроки надо было сооружать объекты военной экономики, в том числе помещения для эвакуированных заводов, восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство. Созидательный труд строителей приобрел новый смысл: строить надо было для того, чтобы победить. Строители в значительной мере должны были обеспечить превращение восточных районов в основную военно-промышленную базу страны. От строителей зависели темпы расширенного воспроизводства военной экономики. Роль строителей в годы войны ярко охарактеризована в телеграмме председателя ГКО И. В. Сталина руководителям треста «Магнитострой» и Магнитогорского металлургического комбината в связи с вводом доменной печи № 5: «Своей успешной работой вы на деле доказали прочность советского тыла и его способность не только обеспечивать нужды славной Красной Армии всеми видами вооружения и боеприпасов, но и в исключительно короткий срок создавать новые производственные мощности. В этом залог нашей победы над немецко-фашистскими захватчиками»⁵³.

Максимум материальных, финансовых и трудовых затрат направлялся на военно-промышленное строительство и в отрасли тяжелой индустрии, доля которых в общем объеме капитальных вложений в промышленность составляла 93%⁵⁴. Основная часть их в первые годы войны направлялась в восточные районы страны. Так, в 1942 и 1943 гг. капитальные вложения в народное хозяйство Урала, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана составляли более 60% общего объема капиталовложений в экономику страны.

Ни одно из воевавших государств не знало таких высоких темпов капитального строительства, как наша страна: в 1944 г. капитальные вложения возросли более чем на $\frac{1}{3}$, а в 1945 г. — почти на $\frac{1}{5}$ (по отношению к предыдущему году)⁵⁵. Всего за годы войны в тыловых райо-

⁵¹ Там же, с. 427; Орлов Б. П. Ук. соч., с. 261.

⁵² Страна Советов за 50 лет. Сб. стат. м-лов. М. 1967, с. 170; Орлов Б. П. Ук. соч., с. 262.

⁵³ Цит. по: Коммунист, 1985, № 3, с. 75.

⁵⁴ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 236; Капитальное строительство в СССР. Стат. сб. М. 1961, с. 66–67.

⁵⁵ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 237; История второй мировой войны 1939–1945. Т. 12, с. 166.

нах было построено 3500 крупных промышленных предприятий; на освобожденной от оккупации территории восстановлено 7500 разрушенных крупных предприятий⁵⁶. Несмотря на напряженность всех ресурсов, с 1 июля 1941 г. по 1 января 1946 г. были возведены и восстановлены жилые дома общей площадью 102,5 млн. кв. метров⁵⁷.

Растущие потребности фронта и тыла постоянно требовали напряженной работы по изысканию наиболее эффективных путей использования трудовых ресурсов, организации подготовки и переподготовки кадров, распределению и перераспределению их по отраслям народного хозяйства и районам страны. Партийное руководство, плановый характер экономики, высокая сознательность и патриотический подъем единой многонациональной семьи советских людей — все то, что составляет прочный фундамент социалистического государства, позволили успешно решить эту ключевую задачу военной экономики.

Уже в июне 1941 г. при Совнаркомом СССР был создан Комитет по распределению рабочей силы (позднее — Комитет по учету и распределению рабочей силы), осуществлявший мобилизацию и рациональное распределение трудовых ресурсов. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР в июне 1941 г. были введены обязательные сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 час. в день и отменены отпуска. Это позволило дополнительно загрузить производственные мощности промышленных предприятий примерно на $\frac{1}{3}$ без увеличения числа рабочих и служащих⁵⁸.

Для обеспечения кадрами отраслей народного хозяйства, работавших на оборону, в 1942 г. была проведена мобилизация трудоспособного населения. Только в течение 10 месяцев 1942 г. в промышленность, строительство и на транспорт было направлено 733 тыс. человек: 565 тыс. — из городов и 168 тыс. — из сельской местности; кроме того, в 1942 г. на временные и сезонные работы в этих отраслях было мобилизовано еще 1396 тыс. человек⁵⁹.

Война привела к значительным изменениям в половозрастном составе работников народного хозяйства. Советские женщины в предвоенные годы активно участвовали в строительстве социалистической экономики, но теперь на их плечи легли многие мужские заботы. Только во втором полугодии 1941 г. на производство пришли 500 тыс. домашних хозяек. Резко возрос удельный вес женщин во всех отраслях народного хозяйства: если в 1940 г. в общей численности рабочих и служащих он составлял 39%, то в 1942 г. — 53%. Доля женщин среди квалифицированных рабочих в конце 1942 г. по сравнению с началом 1941 г. увеличилась: среди токарей по металлу — с 16 до 33%, сварщиков — с 17 до 31%, кузнецов и штамповщиков — с 11 до 50%, электромонтеров электроподстанций — с 32 до 50%, машинистов паровых машин — с 6 до 33%, шоферов автомобилей — с 3,5 до 19%⁶⁰.

Трудовой героизм проявила советская молодежь. В годы войны подростки, пришедшие на производство, заменили ушедших на фронт взрослых. Во втором полугодии 1941 г. в работу включились 360 тыс. учащихся 8—10 классов. Доля рабочих и служащих в возрасте до 18 лет в промышленности возросла в 1942 г. по сравнению с 1939 г. в 2,5 раза. На третьем году войны молодежь в различных отраслях промышлен-

⁵⁶ Капитальное строительство в СССР, с. 17; История Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 6. М. 1965, с. 65.

⁵⁷ Тихонов Н. А. Советская экономика: достижения, проблемы, перспективы. М. 1984, с. 240.

⁵⁸ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 198; Экономическая жизнь СССР. Хроника событий и фактов. 1917—1959. М. 1961, с. 385.

⁵⁹ Кравченко Г. С. Ук. соч., с. 110.

⁶⁰ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4, с. 144; Вознесенский Н. Ук. соч., с. 111.

ности составляла от 40 до 60% рабочих. Учащиеся системы трудовых резервов, еще только осваивавшие профессию, в 1941 г. изготовили различной продукции, добыли нефти, угля, руды, выполнили строительных и других работ на 615 млн., в 1942 г. — на 1053 млн., а всего за 1941 — 1945 гг. — на сумму около 5 млрд. рублей⁶¹.

Наиболее напряженное положение с кадрами военной экономики сложилось в 1942 г., когда численность рабочих и служащих составила лишь 59% от уровня 1940 г., но в дальнейшем она непрерывно нарастала: по отношению к 1942 г. в 1943 г. — 105%, в 1944 г. — 129%, в 1945 г. — 148% (достигнув, таким образом, 87% от уровня 1940 г.)⁶². В этих условиях огромное значение имело распределение и перераспределение имевшихся и дополнительно привлекавшихся трудовых ресурсов. Несмотря на значительное сокращение общей численности рабочих и служащих, доля промышленных рабочих и служащих в 1943 г. по сравнению с 1940 г. увеличилась с 35 до 39%⁶³.

Значительным было и перераспределение трудовых ресурсов по экономическим районам страны. Если в 1943 г. на Севере и Северо-Западе европейской части СССР, в Центре, на Северном Кавказе и в Закавказье численность рабочих и служащих по сравнению с 1940 г. сократилась, то в других районах она значительно возросла: в промышленности Урала — на 65%, Поволжья — на 65%, Западной Сибири — на 71%, Казахстана и Средней Азии — на 54%. Это привело к резкому изменению доли рабочих и служащих промышленности восточных районов по отношению к общей численности рабочих и служащих в промышленности всей страны. Доля Урала, например, увеличилась с 8,5% в 1940 г. до 20,5% в 1943 году⁶⁴.

Большую роль в этой работе сыграл Комитет по учету и распределению рабочей силы. Он и его органы на местах с 1942 г. по июль 1945 г. направили на постоянную работу в промышленность, строительство и на транспорт более 3 млн. человек городского и сельского населения, в том числе в топливную промышленность и энергетику — свыше 570 тыс., в черную и цветную металлургию — 411 тыс., в военную индустрию — 487 тыс. человек⁶⁵.

Необходимо было не только организовать значительное пополнение рабочей силы, но и обеспечить военную экономику кадрами соответствующей квалификации. Эта задача также была успешно решена партией и правительством. Достаточно сказать, что за 1941—1945 гг. 11,3 млн. рабочих получили специальность непосредственно на производстве, 9,3 млн. — прошли обучение в системе повышения квалификации на предприятиях и в учреждениях и 2,5 млн. — в системе трудовых ресурсов⁶⁶.

Государство принимало меры, чтобы обеспечить подготовку специалистов для фронта и тыла. 5 мая 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о плане приема в вузы в 1942 г. и мероприятиях по их укреплению. С 1943 г. прием в вузы и техникумы увеличивался и в 1945 г. превысил довоенный уровень⁶⁷. Работа высших и средних специальных учебных заведений была подчинена требованиям военного времени. В содержание обучения и номенклатуру специальностей были внесены необходимые изменения. Сократились сроки обучения, хотя ра-

⁶¹ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 4, с. 144; Вознесенский Н. Ук. соч., с. 112; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, с. 407.

⁶² История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12, с. 166.

⁶³ Вознесенский Н. Ук. соч., с. 109—110.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 200.

⁶⁶ Там же, с. 208, 210; СССР в цифрах. М. 1958, с. 331—333; Косыгин А. Н. Ук. соч., с. 32.

⁶⁷ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 514—518.

нее установленный объем изучаемого материала в основном сохранялся. Главной особенностью этого периода стало совмещение учебы с постоянной работой на производстве. Проходя практику в учебных мастерских, студенты выполняли оборонные заказы. За 1941—1945 гг. высшие учебные заведения дали стране 302 тыс., средние специальные — 540 тыс. специалистов⁶⁸. Благодаря этим мерам все важнейшие отрасли военной экономики были в основном обеспечены квалифицированными кадрами. Характерно, что численность специалистов с высшим и средним специальным образованием в 1942—1945 гг. росла быстрее, чем общая численность рабочих и служащих⁶⁹.

Массовый героизм, вклад тружеников тыла в общенародную борьбу против фашизма находил свое выражение в новых формах организации труда на основе социалистического соревнования. Трудящиеся города и деревни с первых дней войны развернули соревнование под лозунгом: «Работай за себя и за ушедшего на фронт!». Стахановские методы труда активно использовались в движении двухсотников, трехсотников, тысячников, многостаночников, в комсомольско-молодежных фронтовых бригадах и в других коллективных и индивидуальных формах всенародного соревнования. Когда нужно было выполнить особо важные и срочные военные заказы, широко использовались такие формы коллективной стахановской работы, как фронтовые вахты, фронтовые недели и декады. Люди работали по 12—14 час., а иногда и более.

В мае 1942 г. по почину рабочих передовых предприятий авиационной, танковой, металлургической промышленности в ответ на первомайские призывы ЦК ВКП(б) развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование за лучшее выполнение заказов фронта, мобилизацию внутренних ресурсов, экономию сырья и материалов, снижение себестоимости. В соревнование включились предприятия более 20 наркоматов. Для повышения творческой активности трудящихся были учреждены переходящие Красные знамена ГКО, ЦК ВКП(б), ВЦСПС и наркоматов⁷⁰.

Участники социалистического соревнования (а только в промышленности к концу 1944 г. им было охвачено 85% рабочих⁷¹) с честью выполняли свои обязательства, добиваясь перевыполнения планов выпуска важнейших видов оборонной продукции. Вся страна знала имена героев трудового фронта — стахановцев и ударников, горячий патриотизм которых емко выражался в лозунге: «Все для фронта, все для победы!». В конце 1943 г. коллективы Магнитогорского и Кузнецкого комбинатов, танковых заводов Урала, 13 передовых авиационных заводов призвали рабочий класс страны перевыполнять государственные планы на основе роста производительности труда, а высвобождающихся рабочих направлять на восстанавливаемые предприятия освобожденных районов. По инициативе ЦК ВЛКСМ началось Всесоюзное социалистическое соревнование комсомольско-молодежных бригад — новой организационной формы коллективного соревнования. При этом, если в 1942 г. на предприятиях работало 10 тыс. таких бригад, то в 1943 г. — 36 тыс., а к августу 1945 г. — 154 тысячи. Они объединяли более 1 млн. человек. В конце 1943 г. выработка в этих молодежных коллективах на 30—40% превышала среднюю производительность труда⁷².

Социалистическое соревнование за высокую производительность труда было тесно связано с широким движением рационализаторов и изобретателей (в промышленности вооружения, например, в 1942 г.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Кравченко Г. С. Ук. соч., с. 227.

⁷⁰ Володарский Л., Семин С. Ук. соч., с. 24—25.

⁷¹ История Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 4, с. 593.

⁷² История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 217; Володарский Л., Семин С. Ук. соч., с. 24.

в среднем за месяц выдвигалось 665 предложений). В годы войны рационализации и изобретательству уделялось постоянное внимание: проводились месячники по сбору рационализаторских и изобретательских предложений, конкурсы на наиболее эффективное изобретение и рациональное предложение, общественные смотры. В результате промышленность с каждым месяцем давала фронту все больше танков, самолетов, артиллерийских орудий, минометов, автоматов, боеприпасов⁷³.

В военное время неизмеримо повысилась ответственность руководящих кадров, специалистов за решение хозяйственных вопросов. Усиление централизованного планирования сочеталось с широкой инициативой, предприимчивостью, а порой и целесообразным риском в условиях, когда фактор времени имел решающее значение. В годы войны с особой силой проявилась замечательная черта наших кадров, воспитанных партией: опираясь на массовый трудовой героизм, находить оптимальные решения.

Вот одна из характерных ситуаций военных лет. Осенью 1941 г. запасы горючего в блокадном Ленинграде были на пределе. Положение становилось катастрофическим. Подекадную выдачу мизерных доз бензина пришлось производить только для автотранспорта, развозившего хлеб. Даже пожарные машины стояли без горючего, их команды по вызову выходили пешком. Электроэнергия в жилые дома не подавалась — ее едва хватало для нужд военного производства. Для освещения жилищ нужен был керосин, но первая выдача его по 0,5 л на человека состоялась только в феврале 1942 года. Был лишь один выход — проложить трубопровод по дну Ладожского озера. Идея столь же очевидная, сколь и трудноосуществимая. Группа специалистов — военных инженеров настаивала на немедленной разработке проекта. Дело было заманчивое — трубопровод, укрытый от обстрелов и бомбежек, мог действовать в любое время года. На Ижорском заводе, откуда еще в середине сентября наиболее ценное оборудование, в том числе и трубопрокатный стан, было вывезено, в течение нескольких дней рабочие пересмотрели штабеля и отобрали около 1 тыс. т пригодных труб. Под огнем немцев их вывезли к месту строительства. Весной 1942 г., после решения ГКО, приступили к прокладке трубопровода. И вскоре нефтепродукты, так нужные городу, пришли сюда по трубам, проложенным по дну Ладожского озера⁷⁴.

Большой вклад в обеспечение обороноспособности страны внесли ученые. В приветствии ЦК КПСС участникам научной конференции, посвященной 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., говорится: «В достижении Победы значительна роль советской науки. Благодаря усилиям ученых, конструкторов, инженеров, рабочего класса наша армия была оснащена самыми совершенными видами оружия и боевой техники. Ученые активно участвовали в идейно-политической работе на фронте и в тылу, в разоблачении человеконенавистнической идеологии фашизма»⁷⁵.

Академия наук СССР располагала к началу войны мощной научно-производственной базой. Перестройка научной работы на нужды фронта и тыла проводилась в сложных условиях эвакуации. Уже с первых дней войны существенные изменения произошли в организации научных исследований и управлении ими. Был создан ряд региональных и специализированных научных комиссий, которые сосредоточивали усилия ученых на решении отдельных военных и хозяйственных проблем. К началу июля 1941 г. уже были определены главные направления научной деятельности в условиях военного времени: поиск и конст-

⁷³ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 225.

⁷⁴ Правда, 31.VII.1984.

⁷⁵ Там же, 10.IV.1985.

руирование средств обороны и решение связанных с этим научных проблем ⁷⁶.

Специальная комиссия АН СССР под руководством ее президента В. Л. Комарова в составе более 600 специалистов провела громадную работу, обеспечившую использование на нужды военной экономики ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана. Ученые-геологи выявили новые месторождения железной руды в Кузбассе и на Урале, источники нефти в Башкирии, большие залежи бокситов на востоке Уральских гор, месторождение молибденовых руд в Казахстане ⁷⁷.

Важное значение имела помощь ученых в улучшении и освоении промышленностью военного производства. Широко применялась прогрессивная технология — поточные методы, применение штамповки деталей, термическая обработка деталей токами высокой частоты, скоростная автоматическая сварка бронекорпусов танков и многое другое. В некоторых областях производства ученые и инженеры в содружестве с мастерами и рабочими не только обеспечили коренное усовершенствование, но и осуществили полный переворот в технологии и организации промышленного производства. Так, группа инженеров Магнитогорского комбината применила новый способ изготовления высоколегированных сталей, а коллектив инженеров — строителей и металлургов — разработал метод скоростного строительства и монтажа доменных печей ⁷⁸.

Советские физики открыли экономичные пути получения жидкого кислорода, сконструировали ряд приборов для управления кораблями, самолетами и артиллерийским огнем. Были найдены способы борьбы с магнитными морскими минами, изобретены радиолокационные установки и приборы. Химики проделали большую работу по облагораживанию бензинов. Многие ученые занимались изысканием заменителей дефицитного сырья и материалов, создавали новые приборы для самолетов, артиллерии и кораблей, а также средства защиты боевой техники, разрабатывали и внедряли новые способы производства минометных труб ⁷⁹. Блестящая плеяда советских авиаконструкторов, конструкторов авиамоторов, бронетанковой техники, артиллерийских систем и стрелкового оружия вошла в летопись страны созданием лучших в мире образцов боевой техники — оружия Победы.

Благодаря усилиям ученых-медиков и врачей было сделано все для того, чтобы значительно снизить смертность среди раненых. Советские медики обеспечили возвращение в строй $\frac{3}{4}$ лечившихся в госпиталях солдат и офицеров, более $\frac{9}{10}$ больных ⁸⁰. На фронте и в тылу были исключены массовые эпидемии и инфекционные заболевания.

Несмотря на огромные усилия, затрачиваемые учеными на решение конкретных оперативных проблем в годы войны, АН СССР разрабатывала перспективные планы развития науки, продолжала исследования фундаментального характера. Тем самым был обеспечен серьезный задел для плодотворных исследований в послевоенный период.

Рабочий класс, колхозное крестьянство и советская интеллигенция создали в период войны прочное военное хозяйство и обеспечили армию, авиацию и флот первоклассной техникой, всем необходимым для победы над врагом.

Ярким проявлением патриотизма советских людей в годы войны явилась добровольная финансовая помощь трудящихся государству, по-

⁷⁶ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 524.

⁷⁷ Там же, с. 525; Великая Отечественная война. Краткая история, с. 171.

⁷⁸ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 301—302.

⁷⁹ Великая Отечественная война. Краткая история, с. 171—172.

⁸⁰ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12, с. 165.

зволившая дополнительно направить на фронт более 2,5 тыс. самолетов, несколько тысяч танков и много другой боевой техники⁸¹. Поступления денежных средств от населения в фонд обороны, на производство военной техники, по займам и лотереям составили свыше 118 млрд. руб., что равняется $\frac{1}{5}$ ресурсов государственного бюджета, направленных на военные нужды⁸². Рабочие и служащие стремились помочь фронту путем отчисления части заработка, а колхозники — продуктов питания в фонд обороны, проведением воскресников, сбором денежных средств и драгоценностей, подарков и теплых вещей для воинов и т. д. Важный вклад в победу внесли доноры. Их движение в годы войны охватило 5,5 млн. человек. Они сдали более 1700 тыс. литров крови, благодаря чему в строй возвратились тысячи раненых бойцов⁸³.

Война принесла много горя советскому народу, причинила огромный ущерб народному хозяйству. Ни одна страна за всю историю человечества не имела таких потерь и разрушений, какие понес Советский Союз за годы второй мировой войны. Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень; сожгли и разрушили свыше 6 млн. зданий и лишили крова около 25 млн. человек; разрушили около 32 тыс. промышленных предприятий, вывели из строя металлургические заводы, на которых до войны выплавлялось около 60% стали, шахты, дававшие свыше 60% добычи угля в стране; разрушили 65 тыс. км железнодорожных путей и 4100 железнодорожных станций, 36 тыс. почтово-телеграфных учреждений, телефонных станций и других предприятий связи; уничтожили и разгромили 40 тыс. больниц и других лечебных учреждений, 84 тыс. школ, техникумов, вузов, научно-исследовательских институтов, 43 тыс. библиотек; разгромили и разграбили десятки тысяч колхозов и совхозов; угнали в Германию 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота, 20 млн. свиней, 27 млн. овец и коз⁸⁴.

Расходы Советского государства на войну с Германией, а также с Японией и потери доходов, понесенные государственными и кооперативными предприятиями и организациями, колхозами и населением в результате оккупации, составили не менее 1890 млрд. руб. (в ценах 1941 г.). Эту сумму надо добавить к тому ущербу — 679 млрд. руб., который был нанесен народному хозяйству и населению в результате огромных разрушений и разграбления государственного, кооперативного и личного имущества на территории, подвергшейся оккупации⁸⁵. Потери, понесенные Советским Союзом в Великой Отечественной войне, составили около 30% его национального богатства.

Поистине великим подвигом стала работа по восстановлению хозяйства освобожденных районов, проделанная советским народом уже в ходе войны. В мировой истории нет примера, когда какая-либо страна осуществляла бы в столь сжатые сроки восстановительные работы такого размаха. Они проводились параллельно с крупными наступательными операциями на фронтах, требовавшими наращивания военного производства. Тем не менее на восстановление народного хозяйства направлялись значительные средства. В 1944 г. они составили 40% всех капитальных вложений в народное хозяйство. Объем капитальных вложений, направленных в 1944 г. на восстановление народного хозяйства, в 1,4 раза превышал среднегодовой объем капитальных вложений

⁸¹ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, с. 705.

⁸² История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12, с. 51, 147.

⁸³ Там же, с. 51; Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия, с. 24.

⁸⁴ Народное хозяйство СССР. 1922—1982, с. 58.

⁸⁵ Там же.

во все отрасли народного хозяйства страны в годы первой пятилетки⁸⁶.

Освобожденные районы, получая помощь от восточных районов страны, быстро восстанавливали разрушенное хозяйство и становились органической частью советского тыла. Восстанавливалась энергетическая база, вступали в строй машиностроительные заводы, предприятия по производству строительных материалов, химической, легкой и пищевой промышленности.

В 1943 г. развернулись восстановительные работы на электростанциях Донбасса, Левобережной Украины, Сталинграда, Грозного, Орджоникидзе, Орловской, Брянской и Смоленской областей. В 1944—1945 гг. возрождались Днепрогэс, Нижнесвирская ГЭС, Дубровская ГРЭС и другие крупные электростанции. Всего за 1943—1945 гг. в освобожденных районах было введено 37% всех введенных в годы войны мощностей электростанций. Вступило в строй более 30 восстановленных крупных электростанций⁸⁷. Хотя в ходе войны пришлось практически дважды заново отстраивать шахты Донбасса, добыча угля здесь с мая 1943 по май 1944 г. выросла в 7 раз. На протяжении 1942 г. было полностью восстановлено производство в Подмосковном угольном бассейне, в 1943 г. здесь был превышен довоенный уровень добычи угля. За 1943—1944 гг. в освобожденных районах вновь вступили в строй 13 доменных печей с годовой производительностью 2,3 млн. т чугуна, 70 сталеплавильных печей, 28 прокатных станов. Исключительно большие работы осуществлялись по возрождению железорудной базы⁸⁸.

Огромное значение для военной экономики имело восстановление сельского хозяйства в районах, освобожденных от фашистской оккупации. Советское государство, весь народ оказали большую помощь колхозам, МТС и совхозам в возрождении разрушенного сельскохозяйственного производства. В 1945 г. в сельском хозяйстве полностью функционировала прежняя сеть МТС, были созданы новые машинно-тракторные станции.

Свидетельством неустанной заботы партии и государства о восстановлении хозяйства в пострадавших от войны районах было принятое 21 августа 1943 г. постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»⁸⁹. Оно было реализовано в кратчайший срок. Этому содействовало всенародное участие в решении поставленной задачи. В западные районы страны нескончаемым потоком шли эшелоны с оборудованием, материалами, инструментом, промышленными и продовольственными товарами.

В 12 союзных и автономных республиках действовали специальные шефские комитеты, которые провели большую организационную работу по оказанию конкретной помощи наиболее пострадавшим республикам и районам страны. Так, трудящиеся Казахской ССР шефствовали над 10 городами и 35 районами Орловской, 12 районами Ленинградской, 3 районами Сталинградской и освобожденными районами Калининской областей⁹⁰. Эта братская помощь обеспечила высокие темпы восстановления народного хозяйства в освобожденных районах. В 1944 г. объем их промышленной продукции увеличился по сравнению с 1943 г. в 3 раза (против 15% в целом по стране) и составил около 20% общесоюзного производства; они дали более 50% общегосударст-

⁸⁶ Косыгин А. Н. Ук. соч., с. 35; Вознесенский Н. Ук. соч., с. 61.

⁸⁷ История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 274.

⁸⁸ Володарский Л., Семин С. Ук. соч., с. 27—28.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12, с. 171

венных заготовок зерна, $\frac{1}{4}$ — скота и птицы, около $\frac{1}{3}$ — молочных продуктов⁹¹.

Восстановление хозяйства освобожденных районов не сводилось к достижению уровня 1940 года. Это был процесс реконструкции, позволявший сгладить те недостатки в размещении производительных сил, которые имелись до войны. Крупные предприятия приближались к источникам сырья, по возможности эти последние дублировались. При восстановлении городов и поселков пересматривалась их старая планировка с учетом перспективы развития, географических и климатических особенностей.

Высокие темпы роста экономики и быстрое возрождение хозяйства в районах, освобожденных от оккупантов, стали важным вкладом в дальнейшее развитие военной экономики, полное обеспечение нужд фронта и военного хозяйства. Благодаря широкому использованию преимуществ планового социалистического производства, мобилизации всех внутренних ресурсов, совершенствованию технологии и организации труда, повышению его производительности, огромной работе по подготовке и обучению кадров советская экономика в годы военных испытаний показала высокую эффективность и жизнеспособность, обеспечив потребности военного хозяйства практически полностью за счет собственных внутренних ресурсов.

Поставка оружия, техники, различных материалов по ленд-лизу была незначительна и составляла около 4% производства промышленной продукции нашей страны. Поставки США составили по самолетам — до 13% их выпуска в СССР, танкам — 7%, зенитной артиллерии — 2%. Продовольственные поставки союзников в годы войны были также незначительны: среднегодовой экспорт зерна, крупы и муки из США и Канады (в пересчете на зерно) составил 2,8% среднегодового объема заготовок зерна в СССР⁹². В то же время за годы войны США получили от СССР в виде т. н. обратного ленд-лиза 300 тыс. т хромовой руды, 32 тыс. т марганцевой руды, а также много другой ценной продукции⁹³.

Поставки военной техники осуществлялись союзниками не всегда в то время, когда они были особенно необходимы Красной Армии, да и боевые характеристики предоставляемой союзниками техники часто уступали советским образцам. Вот что написано по этому поводу английским историком: «В появившихся после войны многочисленных статьях и книгах, посвященных войне на советско-германском фронте, утверждается, что союзнические поставки самолетов помогли русским в 1942 году переломить ход войны в воздухе. Но это чистейшая ложь. Дело в том, что многие из самолетов, поставлявшихся Советскому Союзу, значительно уступали военной авиационной технике, которая в массовом количестве выпускалась советскими заводами»⁹⁴.

Советский народ создал мощный тыл, делал лучшие в мире танки, самолеты, «катюши» — все, что нужно было фронту для разгрома врага. Мы победили агрессора экономически в результате огромной политической и организаторской деятельности партии по созданию в кратчайшие сроки мощного военного хозяйства. Партия обеспечила предельную мобилизацию всех ресурсов — от материальных до моральных, единение фронта и тыла, подняла на трудовой подвиг миллионы. Ее призыв «Все для фронта, все для победы!» для каждого советского челове-

⁹¹ Там же. Т. 4, с. 581; История социалистической экономики СССР. Т. V, с. 356, 402; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, с. 584.

⁹² Вознесенский Н. Ук. соч., с. 74; Епишев А. Во главе народа-победителя. — Коммунист, 1985, № 4, с. 66; История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12, с. 186—187.

⁹³ Цит. по: История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12, с. 187.

⁹⁴ Советский Союз, 1985, № 2, с. 32.

ка был в те годы законом жизни, мерилom его ответственности за судьбу социалистической Родины. Труженики тыла отдавали все свои силы делу Победы, убедительно показав всему миру правоту ленинских слов: «Побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще»⁹⁵.

Великая Отечественная война, в ходе которой Советским Союзом была одержана впечатляющая победа, еще раз продемонстрировала созидательную мощь социализма, преимущества его плановой системы, трудовой героизм нашего народа. «Самое главное, самое ценное, что дала нам Победа,— подчеркнул М. С. Горбачев на торжественном собрании, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне,— это возможность жить и трудиться в условиях мира. Испытание войной показало: наш общественный строй непобедим, его жизненные силы неисчерпаемы»⁹⁶.

Прошло 40 лет со дня Победы. Все эти годы благодаря твердой и последовательной политике Коммунистической партии советский народ живет в мире. Неуклонно развиваются экономика, политическая система советского общества, социалистическая демократия, укрепляется общенародное государство, повышаются благосостояние и культурный уровень народа. Новые высоты взяла наша наука. Концентрированным выражением ее достижений является то, что СССР стал пионером в освоении космоса. Советский народ готовится сейчас достойно встретить XXVII съезд КПСС. Упорный, самоотверженный, созидательный труд наших людей служит залогом дальнейшего укрепления экономической мощи и обороноспособности Советского государства, осуществления предначертаний Коммунистической партии по ускорению его социально-экономического развития.

⁹⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 39. с. 237.

⁹⁶ Правда, 9.V.1985.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ДИПЛОМАТИИ И ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИРА В 1919—1939 гг.

Академик А. Л. Нарочницкий

В программу XVI Международного конгресса исторических наук включена тема «Новые явления в дипломатии после 1914 г.: структура, обеспечение мира, методы». Интерес к попыткам установления прочного мира и срыву их силами агрессии в Европе и на Дальнем Востоке в период между двумя мировыми войнами не случаен. Для реалистически мыслящих людей очевидно, что обеспечение мира и безопасности народов и предотвращение термоядерной войны является в наши дни поистине велением времени. Понятна важность анализа причин неустойчивости мира после первой мировой войны. Всего через два десятилетия после нее разразилась вторая, еще более опустошительная мировая война. Выяснение факторов непрочности мира в 1919—1939 гг., объективное и всестороннее раскрытие исторического опыта дипломатии этого периода может облегчить понимание того, что следует делать для укрепления безопасности в современных условиях, когда человечество оказалось перед возможностью глобальной термоядерной катастрофы.

Наиболее близко эта угроза и теперь касается Европы¹. Известно первостепенное стратегическое значение этого континента, его относительно небольшая величина, средоточие на нем огромных материальных и культурных ценностей, наследия цивилизации, созданного в течение тысячелетий. В Европе в непосредственной близости друг от друга сконцентрированы крупные вооруженные силы государств с различным социальным и политическим строем, располагающих оружием неслыханной разрушительной мощи. Обе мировые войны начинались в Европе с немецкой земли.

Задача научно-исторического обобщения новых явлений в дипломатии и международных отношениях между двумя мировыми войнами тем более своевременна, что издано огромное количество дипломатических документов, мемуаров и дневников политических деятелей, ответственных тогда за судьбы мира. Опубликованы обширные серии документов внешней политики Германии, Великобритании, Франции, США и других государств за этот период. В Советском Союзе изданы, в частности, документы кануна второй мировой войны из архивов фашистской Германии. Сравнительно недавно были открыты для историков документы британского кабинета, подтверждающие намерение тогдашнего правительства Великобритании направить агрессию фашистской Германии на восток Европы, против Советского Союза. Уже доведена до 1939 г. многотомная серия «Документы внешней политики СССР». Таким образом, имеется надежная документальная основа для раскрытия причин неустойчивости мира после первой мировой войны. Появилось множество

¹ Нарочницкий А. Л. Внешняя политика СССР и проблемы европейской безопасности между двумя мировыми войнами.— Новая и новейшая история, 1974, № 5.

публикаций о причинах второй мировой войны, ее истоках и подготовке. Многие тайны этой подготовки были разоблачены в материалах Нюрнбергского и Токийского процессов над главными немецкими и японскими военными преступниками.

Советские ученые уже давно выработали и продолжают углублять и уточнять научно обоснованную точку зрения на основные черты и ход развития международных отношений и дипломатии 1917—1939 гг., причины и характер первой и второй мировых войн, на факты и процессы, которые укрепляли или подрывали устои безопасности и мира в то время. Созданы многие специальные обобщающие труды². Дипломатия перед второй мировой войной освещена и в советских исследованиях по военной истории³. За последние десятилетия появилось также множество книг западных историков о дипломатии после первой мировой войны⁴. При всей односторонности многих концепций, а в некоторых случаях и прямом искажении прошлого, особенно советской внешней политики, в ряде трудов западных ученых содержится обширный и ценный фактический материал, немало важных наблюдений и частных выводов.

Новые черты дипломатии капиталистических государств между двумя мировыми войнами, как и всегда, тесно переплетались с прежними традициями и стремлениями. Было бы неверно основное внимание уделять эволюции техники и форм дипломатических отношений, хотя сама по себе их история достойна изучения. Советские историки стремятся к раскрытию глубинных причин общественного развития, коренящихся в позиции различных классов, господствующих социально-политических сил, мотивов, определявших их поведение в годы развязывания второй мировой войны. В работах советских ученых последовательно раскрываются реально существовавшие силы агрессии и реакции в лице правящих кругов фашистских держав Европы и милитаристской Японии, стремившихся к войне, а также капиталистических государств, поощрявших агрессию. Выясняется, что не было фатальной неизбежности второй мировой войны, что можно было предотвратить ее путем упрочения коллективной безопасности, а также с помощью более дальновидной и не ослепленной ненавистью к социализму дипломатии западных держав.

Как показано в трудах советских ученых, характер международных отношений и дипломатии в различные эпохи вытекает из коренных черт и противоречивых тенденций своего времени. Древность, средневековье с феодальными порядками, новое время с его торжеством капиталистических отношений имели свои особенности международной политики и дипломатии⁵. Так было и в период между двумя мировыми войнами.

² История дипломатии, т. III. М., 1965; Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. 1917—1945. М., 1973; Ленинские традиции внешней политики Советского Союза. М., 1977; Шестдесят лет борьбы СССР за мир и безопасность. М., 1979; Европа в международных отношениях 1917—1939. М., 1979; История внешней политики СССР. Тт. 1—2. М., 1983; Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939. М., 1963; Хвостов В. М. Проблемы истории внешней политики СССР и международных отношений. Избранные труды. М., 1976; Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939 гг. М., 1974; его же. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979.

³ История второй мировой войны 1939—1945. Тт. 2, 12. М. 1974, 1982; и др.

⁴ Baumont E. Le faillite de la paix 1918—1939. Тт. 1—2. Р. 1951; e jus d. Les origines de la deuxième guerre mondiale. Р., 1969; The Diplomats 1919—1939. Princeton, 1953; Renouvin P. Histoire des relations internationales. Т. VII (1914—1929); т. VIII (1929—1945). Р., 1957—1958; Tylor A. J. The Origins of the Second World War. Hammonds-worth, 1969; Middlemas K. Diplomacy of Illusion. The British Government and Germany. 1937—1939. Lnd., 1972; Duroselle J. B. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Р., 1978; Poidevin P. L'Allemagne et le monde au XX-me siècle. Р., 1983.

⁵ См.: История дипломатии. Тт. I—V. М., 1959—1974; Нарочницкий А. Л. О теории и методологии истории международных отношений.— Вопросы истории, 1976, № 2.

Причины первой мировой войны коренились в борьбе сильнейших империалистических держав за передел мира⁶. Эта борьба продолжалась и после первой мировой войны. В то же время, с 1917 г., возникла принципиально новая сила — в результате социалистической революции в России родился новый мир. Основные и прежде всего новые черты дипломатии и международных отношений между двумя мировыми войнами вытекали из этого коренного перелома в ходе всемирной истории.

В 1917 г. многие политики капиталистического мира считали революцию в России случайным явлением и предсказывали, что большевики едва ли удержатся у власти даже несколько недель. Правительству США понадобилось полтора десятилетия, чтобы осознать необходимость установления дипломатических отношений с Советским Союзом. Но теперь уже невозможно серьезно оспаривать тот факт, что началом новейшей истории и только ей присущей чертой всего мирового исторического процесса и международных отношений после 1917 г. явилось разделение мира на социалистическую и капиталистическую системы в результате победы Октябрьской революции и образования первого в мире социалистического государства. Спустя всего лишь четверть века именно оно оказалось в состоянии уничтожить главные силы германского вермахта и тем самым внести решающий вклад в победу над фашистской агрессией во второй мировой войне.

Первый внешнеполитический акт Советского государства на мировой арене — ленинский Декрет о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 г. был обращен ко всем воюющим народам и их правительствам. Он отразил основные направления советской внешней политики и дипломатии, разработанные В. И. Лениным: выход из мировой империалистической войны, борьба за справедливый демократический мир, мирное сосуществование с капиталистическими странами, интернациональная солидарность с международным рабочим движением, поддержка национально-освободительной борьбы народов, защита социалистического Отечества.

Ленинская концепция мирного сосуществования была основана на глубоко продуманных исторических, теоретических и политических соображениях. Ленин еще в 1915 г. пришел к выводу о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране⁷ и предусматривал длительный период ее сосуществования с капиталистическими государствами. Он проводил этот курс и в 1917 г. и постоянно следовал ему, стоя во главе Советского государства, в частности при заключении Брестского мира. Хотя Ленин, естественно, хотел победы социалистической революции в Германии и других странах Европы, он всегда учитывал возможность того, что это пока не произойдет, и уже во время Брестского мира одержал верх над авантюристической линией троцкистов и «левых коммунистов»⁸.

Как К. Маркс и Ф. Энгельс⁹, Ленин всегда был против «экспорта революции» в другие страны. Он писал, что революции не делаются по заказу, не приурочиваются к тому или иному моменту, а созревают в процессе исторического развития и происходят в момент, обусловленный комплексом внутренних и внешних причин¹⁰. То, что Ленин имел в виду именно мирное сосуществование и соревнование с капиталистическими государствами, видно из стремления Советского правительства как можно быстрее наладить добрососедские отношения с окружающими Советскую страну государствами. Советское правительство уже в 1917—1919 гг. старалось восстановить и наладить экономические связи

⁶ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 27, с. 299—426.

⁷ Там же. Т. 26, с. 351—355.

⁸ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г. М., 1958.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 35, с. 298.

¹⁰ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 531.

с капиталистическими, особенно нейтральными, государствами, например Швецией и Данией¹¹. В интервью американскому корреспонденту газеты «Christian Science Monitor» Мак-Брайду Ленин в сентябре 1919 г. говорил о «сосуществовании социалистической и капиталистической стран»¹². Попытки буржуазных историков, в том числе английского историка Е. Карра, приписать Советскому правительству стремление к «экспорту революции» в 1917—1920 гг.¹³ полностью несостоятельны. Напряжение мирных отношений с капиталистическими странами временно задержали империалистическая интервенция и блокада, а также политика непризнания ими Советского государства.

Молодая Советская республика сразу же проложила новые пути в развитии дипломатии и международных отношений. С первых шагов своего существования она обнародовала и отвергла тайные договоры царского правительства с его союзниками о ведении империалистической войны, намечаемых аннексиях и сферах влияния. Она столкнулась с саботажем и изменой царских дипломатических чиновников, привлекла к дипломатической работе новый персонал, установила более простую систему дипломатических должностей. Выдвинулась целая плеяда одаренных дипломатов ленинской школы. Блестяще образованный Г. В. Чичерин — выходец из дворянской семьи, ставший революционером, — отдал все свои силы служению внешней политике молодого социалистического государства, оформлению и утверждению его дипломатических отношений с внешним миром. М. М. Литвинов — в прошлом профессиональный революционер-большевик, — вошел в историю, связав свое имя с рядом договоров Советского Союза с другими странами о ненападении и борьбой за коллективную безопасность в 30-е годы.

Советское государство отказалось от всех неравноправных договоров России с ее восточными соседями, сохранив с ними мирные, добрососедские отношения. Оно признало право на независимость Финляндии и Польши, провозгласило равенство и право на самоопределение всех народов, что объективно содействовало подъему национально-освободительных движений во всем мире.

Советская внешняя политика и дипломатия явились принципиальной противоположностью политике царской России и других капиталистических государств по своей миролюбивой социалистической сущности и отрицательному отношению к завоеваниям. В то же время Советское государство унаследовало исторические, включая и договорные, права на свои территории. После социалистической революции субъектом этих прав стали народы Страны Советов. Социалистическая собственность была распространена и на иностранные капиталы, помещенные в России. На Генуэзской конференции 1922 г. по указанию Ленина Г. В. Чичерин отстаивал концепцию равноправного сосуществования в международных отношениях двух систем собственности — социалистической и капиталистической, что было практическим применением и составным элементом принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Добровольное объединение большинства народов России в Советский Союз в 1922 г. явилось событием огромного значения¹⁴. Оно в огромной мере содействовало построению социализма в одной стране и усилило влияние Советского государства на международные отношения

¹¹ Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. Очерк истории становления экономических отношений. Л., 1969.

¹² Christian Science Monitor, 17.II.1919; Письма В. И. Ленину из-за рубежа. М., 1969, с. 401—406.

¹³ Carr E. H. A History of Soviet Russia. The Bolshevik Revolution 1917—1923. Vol. III. Lnd., 1953.

¹⁴ См. СССР в борьбе за мир и безопасность народов. Исторический опыт. М., 1984.

и дипломатию. Затем наступила «полоса признаний» и установления многими государствами дипломатических отношений с Советским Союзом. По мере успехов социалистической индустриализации и роста оборонной мощи СССР роль социалистической дипломатии на мировой арене быстро возрастала. Ее важнейшей чертой было отстаивание идей разоружения, мира и безопасности, солидарности с международным рабочим движением и национально-освободительной борьбой народов. В то время Советский Союз был единственной социалистической державой, находившейся в окружении развитых капиталистических и еще не освободившихся от полуколониальной зависимости стран.

Сложившиеся ранее традиционные формы и методы дипломатии великих и малых капиталистических государств продолжали господствовать в обширном и обладавшем громадной силой капиталистическом мире. Но и там произошли важные перемены; они создали новую обстановку и поставили перед дипломатией новые проблемы. Поражение Германии и ее союзников и распад Австро-Венгрии привели к укреплению на международной арене позиций ведущих государств-победителей — Англии, Франции, США, Италии и Японии, оказавших решающее влияние на создание послевоенной Версальской и Вашингтонской системы договоров. Цитаделью индустриальной и финансовой мощи капитализма на Западе стали США. В Западной Европе преобладали Англия и Франция. Изменился весь комплекс отношений между капиталистическими государствами, которые осложнились новыми взаимными разногласиями. В дипломатических переговорах и договорных актах резко сказывались противоречия между государствами-победителями и побежденной Германией, а также между самими победителями — Англией и США, Францией и Англией, США и Японией.

Мировой характер войны и рост взаимосвязи Европы и других континентов мира породил многие новые аспекты дипломатии. После 1918 г. новыми ее чертами можно считать, в частности, огромное возрастание роли многосторонних переговоров и договорных актов, небывалые масштабы Парижской мирной конференции, далеко превзошедшие дипломатические конгрессы XIX века. Была выработана система послевоенных договоров, целью которых явилось закрепление в пользу победителей нового передела мира и соотношения сил между ведущими капиталистическими державами.

Завершение первой мировой войны сопровождалось образованием новых государств в Европе и формированием их собственной внешней политики и дипломатии. В то же время они стали объектом борьбы за влияние и включение их в региональные группировки под эгидой ведущих держав капиталистического мира.

Мандатная система в отношении бывших германских колоний и ряда других стран породила новые проблемы в дипломатических переговорах, в частности в связи с освободительными антиколониальными движениями. Державы-победительницы посредством мандатов хотели продлить по возможности существование, хотя бы в урезанном виде, колониальной зависимости ряда стран. Национально-освободительные восстания и войны вели к тому, что лидеры этих движений и возникавшие в ходе их революционные власти пытались развернуть свою дипломатию, пока еще не изученную историками.

Ликвидация ряда монархий с политическим господством дворянства и упрочение власти крупной буржуазии и ее политических партий также вызвали новые тенденции в развитии дипломатии. В капиталистических государствах Европы дипломатическая служба перестала быть традиционным занятием аристократов. Во французском министерстве иностранных дел стали появляться чиновники из «средних классов». То же происходило в веймарской Германии и в Великобритании. В буржуазных республиках и конституционных монархиях министрами

иностранных дел все чаще становились не профессиональные дипломаты, а парламентские и партийные деятели, и политический курс этих стран мог колебаться в зависимости от партийной принадлежности этих людей. В Англии после Д. Ллойд-Джорджа сменялись консервативные и лейбористские правительства. На дипломатической арене появилась такая, например, фигура, как лейборист А. Гендерсон, занявший в 1929 г. пост министра иностранных дел. То же было во Франции, где лидеры правых, радикал-социалистов и социалистов в разное время вершили внешнеполитические дела, хотя, как известно, ни А. Пуанкаре, ни Э. Эррио, ни Л. Блюм не были профессиональными дипломатами.

Но в министерствах иностранных дел сохранялась своего рода каста профессиональных дипломатов из дипломатических чиновников. Она была носителем преемственности и рутины, балансилом между влиянием лидеров буржуазных партий, играла роль координатора и умелого технического оформителя дипломатических документов и контактов. В связи с этим сохранялось и даже укреплялось значение ведущих, редко сменяемых ответственных чиновников дипломатических ведомств¹⁵. Между профессиональными дипломатами и партийными лидерами существовал антагонизм и нередко возникали конфликты¹⁶.

Борьба политических партий, прения в парламентах и необходимость парламентской санкции для многих политических актов, дебаты в комиссиях палат нередко препятствовали принятию быстрых внешнеполитических решений или приводили к тем или иным изменениям политического курса. Конечно, парламентские прения, дебаты в комиссиях и газетная полемика способствовали известному расширению гласности внешней политики буржуазных правительств, однако многие переговоры и соглашения оставались тайными. Умножилось число разных, нередко демагогических и лицемерных, деклараций и обещаний буржуазных правительств в сфере внешней политики. Недовольство широких слоев населения, на плечи которых ложились все издержки войны и экономических кризисов, революционные подъемы, рост рабочего и коммунистического движения и недоверие к официальной дипломатии побуждали монополистический капитал усиливать воздействие на прессу и расширять возможности манипулирования через нее общественным мнением. Гораздо меньше возможностей для этого имели демократические силы.

Успехи техники, особенно радио- и телеграфной связи, также накладывали новый отпечаток на дипломатию, независимо от различий в социальном и политическом строе государств. В далекое прошлое ушли «великие посольства» XVIII — начала XX в. с огромными полномочиями и большой свободой вершить важнейшие дела вдали от своих столиц. Еще более снизилась личная ответственность и роль дипломатических представителей, потому что они стали мгновенно получать по радио и телеграфу предписания своих правительств и должны были посылать им свои сообщения. С расширением повседневных международных связей росли и усложнялись штаты и структура дипломатических ведомств, посольств и консульств. Для принятия политических и экономических решений все чаще привлекались специализированные службы и учреждения, группы экспертов, разные комиссии и комитеты. В дипломатии возрастала непосредственная роль глав правительств и государств, не-

¹⁵ Во Франции в 1920 г. была учреждена должность постоянного генерального секретаря министерства иностранных дел, которую долго занимали Ф. Бертело, а затем — А. Леже. Аналогичные фигуры имелись и в британском дипломатическом ведомстве. В германском ведомстве внешней политики в 1920 г. было создано Бюро имперского министра, централизовавшее ведение важнейших дел.

¹⁶ Так, Пуанкаре удалил в 1922 г. Ф. Бертело от дел почти на три года за слишком бесцеремонное посягательство Китайскому индустриальному банку, и только Эррио в 1925 г. вернул его к прежним обязанностям.

редко сказывалось ослабление значения министров иностранных дел и возглавляемых ими ведомств.

Рост числа дипломатических представительств и развитие их повседневной деятельности все более стали придавать им черты обыденности, чему способствовало упразднение многих монархий и распространение республиканского правления. Наметилось упрощение представительской процедуры, церемониала, титулатуры. Все реже стали появляться пышные мундиры. Постепенно уходило в прошлое представление о послых и посланниках как личных представителях монарха.

Хотя некоторые новые черты дипломатии иногда зависели не от общественного строя, а возникали в силу всеобщего расширения международных связей и успехов техники, по своему содержанию и целям дипломатия капиталистического мира не только сохраняла, но еще более полно проявляла свой классовый социально-политический облик. Она еще больше, чем раньше, служила интересам крупного капитала, объединявшегося в могущественные монополии, добивалась закрепления соотношения сил на международной арене в пользу ведущих капиталистических держав, сохранения и расширения доступа к источникам сырья и энергии, особенно нефти, и рынкам сбыта товаров и вывоза капиталов, заботилась об установлении сфер господства, или «открытых дверей», региональной или мировой гегемонии. Дипломатия держав-победительниц служила закреплению итогов первой мировой войны в их интересах. Затем началась подготовка нового передела мира и второй мировой войны, и в этом направлении тоже развернулась широкая дипломатическая деятельность.

В связи с экономическими кризисами и репарациями большое значение приобрели переговоры по финансово-экономическим вопросам. В конечном счете итогом их явился крах системы репараций, возрождение и финансовое поощрение экономической экспансии Германии и ее вооружений. Дипломатия ведущих капиталистических держав всячески содействовала экспансии крупного капитала¹⁷.

В то же время в дипломатии капиталистических стран традиционными оставались объяснения дипломатических акций «национальными интересами», заботой о «сохранении мира», «свободы и независимости». Иногда это в той или иной мере отвечало действительности. Так, вряд ли можно оспаривать, что Л. Барту действительно заботился об интересах национальной безопасности Франции, выступая против усиления гитлеровской Германии, что Кемаль Ататюрк отстаивал национальные интересы Турции против посягательств западных держав на ее территорию и суверенитет и т. д. Но за словами о «национальных интересах», «защите мира» и «независимости народов» гораздо чаще стояли другие цели — подавление революций и национально-освободительных движений, агрессия или ее поощрение, обеспечение выгод капиталистических нефтяных и других трестов, оружейных концернов, банков и т. д.

Как показал официальный американский «комментарий» к «14 пунктам», за пышной демократической фразеологией президента США В. Вильсона скрывались планы расчленения Советской России¹⁸. Даладье и Бонне мотивировали свой курс на соглашение с фашистской

¹⁷ Громыко А. А. Внешняя экспансия капитала. История и современность. М., 1982; Мартин Д. Братство бизнеса. Монополии США и Германии. М., 1951; Поздеева Л. В. Англия и ремилитаризация Германии. 1933—1936. М., 1956; Баскин В. С. Нефтяные монополии на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1957; см. также: Castillon R. Les reparations allemandes 1919—1932, 1945—1952. P., 1953; Fischer P. Bündnis der Eliten. Zur Kontinuität der Machtstrukturen in Deutschland. 1871—1941. Düsseldorf, 1979. Американский историк У. Уильямс подчеркивал, что основные мотивы внешней политики США в XX в. определялись господствующими экономическими группировками, которые стремились к расширению американского владычества (Williams W. A. The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1959).

¹⁸ Архив полковника Хауза. Т. IV, гл. VI.

Германией «защитой собственных национальных интересов Франции»¹⁹, хотя в действительности вели политику, ослаблявшую Францию. Даже П. Лаваль, казненный потом как предатель, ссылаясь на «национальные интересы». Кабинет Н. Чемберлена именовал «сохранением мира» линию на соглашение с Гитлером с целью направить агрессию фашистской Германии от Англии на Восток, в конечном счете против СССР, т. е. курс на поощрение агрессии и развязывание войны в Восточной Европе в надежде на мирное соглашение с Германией. Даже Гитлер, совершая один за другим акты агрессии, всякий раз обещал мир, что не мешало ему сразу же предъявлять новые требования.

Дипломатия капиталистических держав стала все чаще мотивировать свои действия борьбой с революцией. Начиная с 1917 г. наметился ее явно антисоциалистический курс. Уже летом 1917 г. в Англии, Франции и США строились планы далекого идущего экономического проникновения в Россию и поддержки российской контрреволюции. Правительства капиталистических стран не верили в жизнеспособность Советской власти. Они предприняли интервенцию под предлогом восстановления русского фронта первой мировой войны. Советские ученые неопровержимо доказали, что действительной целью была не забота о Восточном фронте, а свержение Советской власти и уничтожение большевизма. Интервенция развернулась летом 1918 г., когда поражение блока центральных держав было уже предрешено, и президент В. Вильсон сам признавал ее бесполезной с точки зрения ведения войны²⁰. После заключения перемирия 11 ноября 1918 г. интервенция продолжалась. Более того, к ней была привлечена Германия: последний пункт условий перемирия предусматривал оставление ее войск на оккупированных территориях России для борьбы против большевизма²¹. Известно, что в прибалтийских губерниях России в 1917—1918 гг. победила Советская власть, но она была свергнута германскими войсками. Только с помощью западных капиталистических государств там на два десятилетия утвердились зависимые от них правительства²².

На Парижской мирной конференции явно или в скрытой форме также немалое значение имел «русский вопрос». Меры по обузданию Германии были ослаблены, чтобы сохранить в ее лице оплот против большевистской России²³. В ходе интервенции столкнулись разные планы создания на месте России ряда слабых государств, в той или иной мере зависимых от великих капиталистических держав Запада²⁴.

Подобно тому, как интервенции против революций XVIII—XIX вв. проводились дворянско-монархической дипломатией и созданным ею Священным Союзом прошлого столетия, дипломатическая подготовка контрреволюционных интервенций против социалистических и народно-демократических революций стала чертой дипломатии капиталистического мира новейшего времени. Но и прежде и теперь попытки таким путем остановить поступательный ход истории были и остаются в конечном итоге безуспешными.

И после «полосы признаний» и установления многими странами дипломатических и торговых отношений с Советским Союзом правитель-

¹⁹ Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции в НКВД СССР от 29 октября 1938 г. В сб.: СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М. 1971, с. 64 (далее — СССР в борьбе за мир).

²⁰ Памятная записка послам Союзных держав от 17 июля 1918 г.

²¹ Papers Relating to the Foreign Relations (PRFR) of US. Vol. II. Washington, 1932, pp. 287—290; Narotchitski A. L. La Russie et l'Europe en 1918.—Revue d'histoire moderne et contemporaine, P., 1969, janvier—mars.

²² Сиполс В. Я. За кулисами иностранной интервенции в Латвии. М., 1959.

²³ Штейн Б. Е. Русский вопрос на Парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949.

²⁴ Достаточно напомнить хотя бы обсуждение этого вопроса во время переговоров о конференции на Принцевых островах.

ства буржуазных государств не раз возвращались к попыткам его дискриминации, поддерживали контрреволюционную эмиграцию, пробовали, хотя и безуспешно, прибегать к методам дипломатического и экономического давления. Капиталистические державы много раз пытались решать свои проблемы за счет Советского Союза. Так было, например, при выработке «плана Дауэса». Локарнские соглашения оставляли вне системы гарантий границы на востоке Европы, и т. д., и т. п.

Большинство дипломатов капиталистического мира не понимало внутренней силы и жизнеспособности Советского социалистического государства, его миролюбия и отрицательного отношения к завоеваниям. Они не желали видеть самостоятельных истоков коммунистического и национально-освободительного движений в тех странах, где они развивались вследствие внутренних причин, объясняя их «происками Москвы», стремясь таким путем отвлечь внимание от собственных экспансионистских планов. Это способствовало поддержанию атмосферы недоверия и неустойчивости в мире. Вредное влияние на тогдашнюю обстановку оказывало также слепое доверие к «пророчествам» контрреволюционной эмиграции о якобы неминуемом и скором крахе социализма. Правящие круги западных держав не жалели денег на оплату озлобленных и неспособных к объективным суждениям мнимых «знатоков» Советского Союза, разжигавших недоверие к его политике. Неоднократные инициативы СССР в пользу разоружения отвергались как «большевистская пропаганда», хотя Советское государство исходило в этом случае из своей реальной заинтересованности в мире ради построения социализма.

Едва ли не самой важной чертой дипломатии капиталистических стран в 1919—1939 гг. оказалась неэффективность и слабость средств, применявшихся ею перед лицом быстрого роста сил, вскоре перешедших к подготовке новой войны. Международные отношения этого периода отличались неустойчивостью, непрочностью и крайней недолговечностью послевоенных договоров, мира и безопасности, особенно в Европе и на Дальнем Востоке.

После первой мировой войны в дипломатии капиталистических держав возросла роль правительственных международных организаций. Важнейшей из них явилась Лига наций. После отказа США войти в нее она была использована главным образом Англией, Францией, Италией для закрепления результатов победы над Германией и изоляции Советского Союза. Лига наций не получила глобального значения и не могла остановить фашистскую агрессию. В 1933 г. из нее демонстративно вышли Япония и Германия. Значение вступления СССР в Лигу наций (1934 г.) ослаблялось политикой поощрения агрессоров, проводившейся западными державами — Англией, Францией, США.

Формы и методы сохранения мира на основе итогов первой мировой войны оказались неэффективными. Они сводились прежде всего к ограничению вооружений Германии, включая демилитаризацию Рейнской зоны, гарантийным пактам (Локарнские договоры), региональным блокам под эгидой западных держав-победительниц (Малая Антанта, Балканский пакт и т. д.). Словесные рекомендации и «санкции» Лиги наций не остановили подготовку к войне и агрессию фашистских держав вследствие попустительства со стороны Англии и Франции. Большое значение могли бы получить пакты о взаимопомощи между СССР, Францией и Чехословакией, но они были сведены на нет мюнхенской политикой поощрения агрессора.

Послевоенные договоры капиталистических держав сразу же породили попытки их пересмотра. Уже с 1919 г. главной задачей германской дипломатии на ближайшее время стала ревизия Версальского мирного договора. Но это был только первый этап, а за ним, особенно с приходом к власти фашизма в Италии и Германии, развернулись далеко идущие планы передела Европы и колоний, создания обширной зоны «ново-

го порядка», прежде всего в Центральной и Восточной Европе. Поэтому попытки буржуазных авторов сводить цели германского фашизма к ревизии версальских постановлений совершенно несостоятельны.

Провал репарационной политики дал толчок широкому притоку капиталов из Англии и США в Германию, что помогло быстрому экономическому и военному возрождению германского империализма²⁵. Оно облегчалось и тем, что экономика Германии сравнительно мало пострадала в первой мировой войне²⁶.

Одновременно в Европе усиливалась агрессивность фашистской Италии, а Япония развернула свою агрессию в Восточной Азии. Эти державы стремились к территориальным захватам для овладения ресурсами и рынками, к расширению зон своего господства и к мировой гегемонии. Цели эти прикрывались знаменем борьбы с коммунизмом (Антикоминтерновский пакт). Антисоветская демагогия отражала как ненависть главарей этого пакта к социализму, так и курс их на ослепление дипломатии западных держав, что им вначале удалось сделать.

Германский фашизм внес новые явления в дипломатию. Гитлер и другие его главари провозглашали человеконенавистническую доктрину расизма, претензии на якобы исключительность и превосходство немцев над другими народами, «право» Германии на завоевание любыми средствами «жизненного пространства», призывали к уничтожению Советского Союза и большевизма. Фашизм внес в дипломатию и международные отношения фанатичную веру в свое призвание властвовать над миром, претензии на «право» истреблять, поработать и объявлять вне закона другие народы. Фашистские «юристы» выдвинули даже тезис о том, что Советский Союз вообще стоит вне сферы международного права и не может быть его субъектом.

Придя к власти, нацисты ограничили влияние профессиональных дипломатов. Специальное «бюро Риббентропа» внедрилось в министерство иностранных дел и скоро сосредоточило в своих руках важнейшие дела, отдел печати МИД перешел под контроль Геббельса. Ведущая роль в фашистской дипломатии была отведена лицам, причастным к диверсиям, шпионажу и убийствам. Широко использовались любые средства — ложь, обман, вероломство, угрозы и террор. Был возведен в принцип полный отказ от всяких правовых и моральных ограничений в выборе средств для достижения цели. Видя уступчивость западных держав, Гитлер отбросил дипломатический этикет. В ходе переговоров он оскорбительно кричал, перебивал и не слушал собеседников, вопил, а переводчики подражали ему, передавая его слова.

После перевооружения Германии Франция, Англия и государства, граничившие с Советским Союзом, не могли противостоять агрессору без поддержки Советской Армии. Единственно верным путем к обузданию фашистской агрессии была политика коллективной безопасности, на которой настаивал СССР. Но ненависть имущих классов западных держав к социализму и закоренелые предубеждения насчет целей советской внешней политики вели к тому, что правители Англии и Франции видели в фашистских государствах барьер против распространения социальной революции и думали прежде всего о том, чтобы направить германскую агрессию на Восток²⁷. Они руководствовались не принципами мира и демократии, а идеями антисоветизма²⁸. Галифакс говорил Гитлеру, что Германия — это «бастион против большевизма». Консер-

²⁵ История второй мировой войны 1939—1945. Т. 1. М., 1973, с. 20, 169.

²⁶ Poidevin P. Op. cit.

²⁷ Матвеев В. А. Провал мюнхенской политики (1938—1939). М., 1955, с. 126—127, и др.; Celovski B. Das Münchener Abkommen 1938. Stuttgart, 1958, S. 440.

²⁸ СССР в борьбе за мир, с. 655, и др.

вативному кабинету было поэтому «трудно вести переговоры о соглашении с коммунистической Россией»²⁹. Чемберлен сказал итальянскому послу в Лондоне Д. Гранди, что Германия — это «бешеный бык», и «дело не в том, чтобы посадить его в клетку, что было бы невозможно, а в том, чтобы направить его на другую цель»³⁰. По словам советского полпреда в Англии И. М. Майского, Чемберлен был одержим желанием столкнуть Германию с Советским Союзом³¹. А. Кадоган записал в своем дневнике, что премьер «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами»³². Бонне надеялся на то, что фашистская Германия направит свою агрессию на Восток «против большевизма»³³.

Как известно, Австрия и Чехословакия стали первыми жертвами фашистской агрессии и курса западных держав на ее поощрение. Во время Мюнхенской конференции в сентябре 1938 г. еще была возможность остановить Гитлера совместными усилиями, но правительства западных держав пошли на сговор с ним о расчленении Чехословакии. Советский Союз был готов оказать ей военную помощь, если бы ее правительство решилось сопротивляться германским требованиям и обратилось бы с такой просьбой³⁴. Советское правительство дало знать в Варшаву, что оно без предупреждения расторгнет договор с Польшей о ненападении, если ее войска вступят в Чехословакию.

После соглашения в Мюнхене польский посол в Лондоне писал, что, по господствующему в Англии мнению, Чемберлен «защитил английские ворота и перенес таким образом игру на Восток Европы»³⁵. В стремлении отвести от себя агрессию фашистской Германии и направить ее на Центральную и Восточную Европу правительства Англии и Франции не ограничились соглашением в Мюнхене о расчленении Чехословакии. 30 сентября 1938 г. последовало подписание англо-германской декларации о желании народов обеих стран никогда более не воевать друг с другом. 6 декабря была подписана франко-германская декларация о признании существующих границ между обоими государствами и взаимных консультациях в случае международных затруднений. По сути, это была декларация о ненападении. Подписывая ее, Гитлер хотел получить хотя бы молчаливую санкцию западных держав на предоставление ему свободы рук на Востоке. Можно не сомневаться в том, что и французское правительство имело в виду то же самое. Как показали последующие события, такая политика западных правительств была их серьезным просчетом.

По мнению английского историка Уиллер-Беннета, Чемберлен надеялся, что Германия израсходует свои силы в русских степях в борь-

²⁹ The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey 1937—1940. Lnd., 1970, pp. 289—290.

³⁰ Филатов Г. С. Крах итальянского фашизма. М. 1973, с. 101; Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир, с. 175, 281, 318—319.

³¹ Майский И. М. Воспоминания советского посла. Кн. 2. М., 1964, с. 432.

³² The Diaries of Sir Alexander Cadogan 1938—1945. Lnd., 1971, p. 182.

³³ Reynaud P. La France à souv. l'Europe. Vol. I. P., 1947, p. 575; СССР в борьбе за мир, с. 661.

³⁴ История дипломатии. Т. III, с. 737—738; Новые материалы о Мюнхене. М., 1957. Гитлеровский план «Grün» учитывал возможность оказания Советским Союзом помощи Чехословакии, в частности военно-воздушными силами (ADAP, ser. D. Bd. II, S. 281—283; СССР в борьбе за мир, с. 655). Румыния не могла помешать пролету советских самолетов. Ее правительство склонно было молчаливо допустить это (см.: Les relations germano-soviétiques. 1933—1939. P., 1954, p. 78). По количеству боевых самолетов Англия и Франция вдвое превосходили тогда Германию (Adamtwait A. France and her Coming of the Second World War, 1936—1939. Lnd., 1977, pp. 381, 403—408). Генерал-фельдмаршалы Кейтель и Манштейн считали, что если бы дело дошло тогда до военных действий, Германия не могла бы успешно обороняться (см.: Shiger W. The Rise and Fall of the Third Reich. Lnd., 1973).

³⁵ СССР в борьбе за мир, с. 129; Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. I. М., 1948, с. 344—356.

бе, которая истощила бы обе стороны³⁶. Западные правительства надеялись также, что Япония нападет на Советский Союз. Американский историк Ф. Шуман пришел к выводу, что, по мнению этих правительств, «предоставление фашистской тройке свободы рук» привело бы к германо-японскому нападению на СССР, и тогда «цивилизация была бы предохранена от большевизма», а Франция, Англия и США «смогли бы оставаться нейтральными, пока фашизм и коммунизм уничтожат друг друга»³⁷.

Советское руководство разгадало суть «политики невмешательства». В Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии 10 марта 1939 г. подчеркивалось, что эта политика имела целью «не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут,— выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия»³⁸. Новейшие публикации полностью подтвердили этот анализ.

Чемберлен рассчитывал, что фашистская агрессия минует Англию. 14 декабря 1938 г. он заявил на заседании правительства, что, по его мнению, «следующая акция Гитлера будет обращена на Восток, и в этом случае мы могли бы вообще остаться вне войны»³⁹. Несмотря на тревожные сведения, поступавшие из Берлина, и начавшееся уже прояснение в умах ряда английских политиков⁴⁰, ослепление не покидало премьера. Правительства Англии и Франции исходили из совершенно ложного, навешанного слепым антисоветизмом понимания обстановки. Британский кабинет пренебрежительно оценивал вооруженные силы Советского Союза — едва ли не в 10 раз ниже их действительной мощи,— тогда как гитлеровский генеральный штаб считал их огромными⁴¹. Между тем СССР был слишком силен, чтобы Гитлер решился напасть на него, не добившись сначала господства в Западной Европе. В марте 1939 г. в его ближайшие задачи входили захват Чехословакии и Польши, а затем разгром Франции и даже Англии, а может быть, и США. Война против СССР явно мыслилась как последняя и решающая стадия германской агрессии⁴². В марте 1939 г. Гитлер угрозами полного уничтожения Чехословакии вынудил ее тогдашних правителей совершить акт национального предательства — дать «согласие» на включение ее в состав фашистского рейха. В начале апреля 1939 г. он назначил дату нападения на Польшу — 1 сентября. Германо-итальянский «стальной пакт» от 22 мая 1939 г. был явно направлен прежде

³⁶ Подробнее см.: Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир, с. 263. Английский историк А. Тэйлор вынужден был признать, что вдохновители Мюнхенского соглашения «незаслуженно присвоили себе славу миротворцев» (Taylor A. The War Lords. Lnd., 1979, p. 29).

³⁷ Shuman F. L. Soviet Politics. At Home and Abroad. N. Y., 1947, p. 282.

³⁸ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) 10—21 марта 1939 г. Стеногр. отч. М., 1939, с. 13.

³⁹ Middlemas K. Op. cit., p. 427. А. Тэйлор также отмечает стремление «мюнхенцев» отвести войну от Англии на Восток, за что пришлось заплатить дорогой ценой (Taylor A. Munich. The Price of Peace. Garden City, 1979, pp. 128, 1004; см. также: Жилин П. А., Янушевский А. С., Кулаков Е. Н. Критика основных направлений буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1983).

⁴⁰ Борисов Ю. В. Советско-французские отношения (1924—1945 гг.). М., 1964, с. 428—429; Попов В. И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1939 гг.). М., 1965, с. 411.

⁴¹ Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир, с. 309, 393; Feiling K. The Life of Neville Chamberlain. Lnd., 1946, p. 403.

⁴² Донесение Буллита с изложением речи Гитлера от 8 марта 1939 г. перед высшими фашистскими руководителями.— СССР в борьбе за мир, с. 224—225; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939. Vol. I. Washington, 1956, pp. 672—673.

всего против Франции и Англии⁴³. Нарастание тревоги на Западе и нападки в Англии на политику кабинета⁴⁴ в конце марта вынудили Чемберлена пообещать Польше гарантии, но в самых неопределенных выражениях. Советское правительство не без оснований истолковало это как способ подсказать Гитлеру путь нападения на Советский Союз, минуя Польшу — через Прибалтику в направлении на северо-восток, куда «гарантии» не распространялись⁴⁵.

Некоторые западные историки, видя полную невозможность отрицать, что правительства Англии и Франции хотели направить фашистскую агрессию на Восток, в конечном счете против СССР, пытаются утверждать, что будто бы и Советский Союз стремился лишь повернуть острие гитлеровской агрессии на Запад. Они утверждают, что «коллективная безопасность» была лишь «фразой», а обе стороны в равной мере хотели, чтобы «ураган фашистской агрессии не пошел в их сторону»⁴⁶. Однако в действительности дело было совсем не так. Советское правительство в ноте германскому послу сразу же осудило захват Чехословакии как акт агрессии, нанесший удар безопасности народов. Уже 18 марта 1939 г. Литвинов передал через английского посла в Москве предложение о немедленном созыве международного совещания с участием СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии, Турции⁴⁷ для проведения срочных консультаций, но западные державы не пошли даже на это. Чемберлен хотел «выиграть время»⁴⁸ и следовал прежней цели достижения «широкого соглашения» с Германией за счет стран Восточной Европы. 17 апреля 1939 г. Советский Союз предложил Англии и Франции заключить соглашение о взаимопомощи против агрессии в отношении любой из договаривающихся стран и о помощи восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями вдоль границ СССР⁴⁹. Но западные державы не желали соглашения на основе взаимной и равной безопасности, не хотели союза с СССР⁵⁰.

История срыва западными державами переговоров о взаимопомощи сейчас настолько известна⁵¹, что излагать ее подробно нет необходимости. Сначала Советскому Союзу было сделано предложение взять на себя гарантии без всяких обязательств со стороны западных держав. Они хотели также уклониться от условия не заключать сепаратный мир в случае войны с Германией⁵². Камнем преткновения стало нежелание английского и французского правительств распространить обязательства о взаимной помощи на случай возможной агрессии против прибалтийских государств. Продолжавшиеся в течение 75 дней переговоры не дали никаких результатов⁵³. Нелепость такой позиции вынудила в дальнейшем английский и французский кабинеты дать согласие на то, чтобы их гарантии касались и прибалтийских стран, но

⁴³ Фомин В. Т. Ук. соч.

⁴⁴ По словам Саймона, английское правительство опасалось, что может быть свергнуто «своим же собственным народом», если будет выступать за «любой мир» (Langer W. Z., Gleason S. E. *The Challenge to Isolation, 1937—1940*. N. Y., 1952, p. 252).

⁴⁵ СССР в борьбе за мир, с. 303.

⁴⁶ Roberts H. L. Maxim Litvinov. In: *The Diplomats 1919—1939*, p. 376.

⁴⁷ СССР в борьбе за мир, с. 242—243.

⁴⁸ Feiling K. Op. cit., pp. 401—402.

⁴⁹ СССР в борьбе за мир, с. 336—337.

⁵⁰ За этот союз высказывался только французский посол в Москве, а потом в Берлине Р. Кулондр. Даже западные историки признают, что это был «глас вопиющего в пустыне» (Ford F. L., Schroske C. E. *The Voice in the Wilderness: Robert Coulondre. The Diplomats, 1919—1939*, pp. 560, 564).

⁵¹ История дипломатии. Т. III, с. 777 сл; Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир.

⁵² Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир, с. 310; Colvin I. *The Chamberlain Cabinet*. Lnd., 1971, p. 209.

⁵³ Правда, 29 VII 1939.

лишь в случае прямой агрессии. Англия и Франция обходили наиболее вероятную возможность захвата этих стран гитлеровской Германией посредством косвенной агрессии⁵⁴, как это случилось с Чехословакией, т. е. оставляли лазейки для уклонения от принятых обязательств⁵⁵.

Ложной является версия о том, что СССР добивался согласия западных держав на занятие прибалтийских государств своими войсками⁵⁶. На деле Советское правительство предлагало, чтобы советские военные корабли были временно размещены в портах этих стран вместе с военными судами Англии и Франции. Но Галифакс предписал английскому послу отклонить советские предложения о заключении военной конвенции и определении косвенной агрессии⁵⁷. Британский кабинет искал лишь способы затягивания и срыва переговоров, что подтверждают также и недавно рассекреченные архивы⁵⁸.

Только в конце июля английское правительство направило в Москву военную делегацию, да и то из второстепенных лиц. Ей дано было предписание вести переговоры «очень медленно» и не втягивать Англию «в какие бы то ни было детально определенные обязательства»⁵⁹. Лишь 17 августа 1939 г. были наконец посланы указания о принятии советских предложений относительно определения косвенной агрессии, но они даже не были использованы, т. к. выяснилось, что обе делегации западных держав вообще не имеют указания и полномочий заключить военную конвенцию⁶⁰. Вопрос о проходе Советской Армии через территорию Польши и Румынии для соприкосновения с германскими войсками натолкнулся также на решительное сопротивление польского и румынского буржуазно-помещичьих правительств, при негласной поддержке Чемберлена и Галифакса⁶¹. Между тем советская делегация во главе с наркомом обороны СССР К. Е. Ворошиловым предъявила и свои полномочия и конкретный план действий на случай агрессии.

Какова же была причина такой позиции западных держав? Из записи в дневнике Чемберлена от 30 июля видно, что главной целью британского кабинета оставалось соглашение с Германией, а не с Советским Союзом⁶². В июне — августе 1939 г. советник Чемберлена вел в Лондоне переговоры с приближенным к Герингу чиновником Х. Вольтатом о возможности опубликования декларации об «отказе от применения силы», т. е. о ненападении, между обеими странами на условиях невмешательства Германии в дела Британской империи. Речь шла также о передаче гитлеровскому рейху бывших германских колоний и некоторых других территорий⁶³. Лейборист Р. Бакстон передал в Берлин через одного из германских дипломатов предложение, чтобы Англия признала Восточную Европу «естественным жизненным пространством Германии, а Германия признала бы естественным жизненным пространством Англии» Британскую империю. Другими словами, Гитлеру снова предлагали свободу рук против Польши, СССР и других государств Восточной Европы. 26 августа Чемберлен заявил на заседании своего

⁵⁴ Британские документы опубликованы: DBFP, ser. III, Vol. VI, pp. 229—230, 277, 308.

⁵⁵ С и п о л с В. Я. Тайная дипломатия. Рига, 1968.

⁵⁶ См., в частности, L a n g e r W. L., G l e a s o n S. E. Op. cit., p. III.

⁵⁷ DBFP, ser. III, Vol. VI, pp. 311, 328, 335—336.

⁵⁸ Ч и к в а и д з е А. Д. Английский кабинет накануне второй мировой войны. Тбилиси, 1976.

⁵⁹ DBFP, ser. III, Vol. VI, pp. 763—764.

⁶⁰ О с т о я - О в с я н ы й И. Д. Новое об англо-франко-советских переговорах в Москве. — Новая и новейшая история, 1971, № 1, с. 54—57.

⁶¹ Узнав о запросе Советского правительства относительно позиции Польши, Галифакс отправился на уикэнд играть в крикет, а Чемберлен в эти дни удил рыбу.

⁶² С и п о л с В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны, с. 250.

⁶³ СССР в борьбе за мир, с. 509—512; История дипломатии, т. III, с. 689.

правительства: «Главное заключается в том, что если Англия оставит г-на Гитлера в покое в его сфере, то он оставит в покое нас»⁶⁴.

Что касается Польши, то западные правительства не собирались вести из-за нее войну. В случае «широкого соглашения» с Германией ей готовили судьбу Чехословакии. 22 августа Галифакс передал Н. Гендерсону послание для сведения Гитлера с выражением готовности Англии к переговорам по спорным вопросам между Германией и Польшей и по «более широким проблемам, касающимся будущего международных отношений, включая предметы, интересующие нас и вас»⁶⁵. Посол США в Лондоне Дж. Кеннеди писал, что Польшу надо бросить на произвол судьбы, так как после ее захвата гитлеровская Германия начала бы войну против СССР, «к большой выгоде всего западного мира». Того же мнения были американский посол в Париже У. Буллит и посол США в Берлине Х. Вильсон⁶⁶. Между тем, по свидетельству уполномоченного Риббентропа в гитлеровской ставке Хевеля, в случае заключения союза между СССР и западными державами Гитлер считал бы себя вынужденным отказаться от нападения на Польшу⁶⁷.

Желание западных правительств избежать союза с СССР было ясно Гитлеру из допесений германских послов. Можно не сомневаться, что лишь провал надежд английских и французских политиков на соглашение с Германией и боязнь возмущения общественного мнения в их собственных странах вынудили Англию и Францию объявить войну Германии после ее нападения на Польшу, но, как известно, это оказалась всего лишь «странная война». Она велась в расчете не на спасение Польши, а на то, что гитлеровская Германия все же нападет на СССР.

Только убедившись в полной невозможности заключить союз с Англией и Францией, Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с Германией. Хотя Риббентроп настаивал на своем скорейшем приезде в Москву, Советское правительство дало согласие на это, только исчерпав все возможности переговоров с западными державами. При этом оно учитывало, что захват Польши фашистской Германией и возможное занятие ею прибалтийских государств подвели бы гитлеровские армии почти вплотную к Ленинграду и Минску.

На Дальнем Востоке еще в 1938 г. советским войскам пришлось давать отпор японскому нападению на советскую территорию у о. Хасан, а в августе 1939 г. советские и монгольские войска разгромили японских захватчиков, вторгшихся в пределы дружественной Советскому Союзу Монгольской Народной Республики. Между Германией и Японией уже была достигнута договоренность о признании «права» Японии на экспансию вплоть до о. Байкал и права Германии на экспансию «вплоть до Кавказа»⁶⁸. Война на два фронта при полной внешнеполитической изоляции создавала для СССР огромную опасность.

Заключение 23 августа 1939 г. пакта о ненападении с Германией явилось вынужденным, но дальновидным и единственно возможным шагом для сохранения мира на границах Советского Союза. Оно предотвратило на известное время не только войну с Германией, но и на-

⁶⁴ Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир, с. 411; см. также: ADAP, Bd. VI, S. 81—82.

⁶⁵ DBFP, ser. III, Vol. VII, pp. 127—128.

⁶⁶ Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир, с. 298, 345; Langer W. L., Gleason S. E. Op. cit., p. 76; Wilson H. R. A Career Diplomat. N. Y., 1960.

⁶⁷ Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир, с. 393; Kordt E. Nicht aus den Akten. Stuttgart, 1950, S. 310.

⁶⁸ Кутаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962, с. 189; Родов Б. В. Роль США и Японии в развязывании войны на Тихом океане в 1938—1941 гг. М., 1951; Нарочницкий А. Л. Реакционная американская литература о дальневосточной политике США (1938—1945 гг.).— Вопросы истории, 1954, № 4.

падение со стороны Японии. Заключением этого договора СССР не нарушал никаких обязательств о гарантиях и не предал никаких союзников. Как писал У. Фостер, он пошел на этот шаг только после того, как убедился в бесполезности переговоров с Англией и Францией⁶⁹. Советский Союз выиграл время для усиления своей обороны и впоследствии успел отодвинуть свои границы на запад, что также сыграло важную роль в надвигавшейся войне с фашистской Германией. Только после разгрома ею Польши, правительство которой отвергло советскую помощь, СССР двинул Советскую Армию на защиту населения Западной Украины и Западной Белоруссии. В результате победы социалистических революций в 1940 г. произошло образование советских прибалтийских республик и вхождение их в состав СССР. Если бы Советское правительство осталось безучастным свидетелем гитлеровской агрессии и уже тогда не поставило ей определенные преграды своими действиями (в том числе и дипломатическими!), вермахт начал бы вторжение в пределы СССР с рубежей, отстоявших от Ленинграда и Минска всего на 30 и 60 км. Дальновидные меры Советского правительства помогли ему в ходе Великой Отечественной войны не только остановить фашистское наступление на Москву, но и сорвать гитлеровские планы «блицкрига», внести решающий вклад в разгром нацистского вермахта и в освобождение Европы от фашистского варварства.

Таким образом, в перипетиях дипломатической борьбы, предшествовавшей началу второй мировой войны, ясно прослеживаются две линии. С одной стороны, это политика Советского государства, направленная на обеспечение мира путем создания системы коллективной безопасности, с другой стороны, это политика западных держав, рассчитанная на поощрение агрессии фашистских государств, стремление любой ценой канализировать ее против СССР.

Исторический опыт дипломатии межвоенного периода позволяет сделать важные выводы.

Дипломатия западных держав и Японии обычно выдвигала ложный тезис о том, что советская внешняя политика следует курсу на искусственное навязывание социалистических, национально-освободительных и демократических революций другим странам («экспорт революции»). Эта точка зрения капиталистических держав оказывала негативное влияние на международную обстановку, содействовала ослаблению устоев мира и безопасности. Нежелание видеть внутренние истоки революций в различных странах, недооценка могучей жизненной силы социализма и его успехов привели западную дипломатию к крупнейшим политическим и военным просчетам. Опыт истории свидетельствует о близорукости и провале «мюнхенского» курса западных держав на поощрение фашистской агрессии, а также о полной слепоте реакционных правительств восточноевропейских государств, не желавших проводить политику коллективной безопасности с участием СССР. Полный крах потерпели их иллюзии относительно «гарантий» западных держав. Советская политика мирного сосуществования и коллективной безопасности на основе равных и взаимных обязательств давала в 1930-х годах реальные возможности для обуздания фашистской агрессии и предотвращения второй мировой войны, но западные державы сорвали переговоры о военном союзе против гитлеровской Германии. Этому способствовали ложные антисоветские стереотипы, укоренившиеся в сознании западных деятелей, что показывает опасность такого рода самоослепления.

Антикоммунистическая демагогия широко использовалась фашистскими государствами для маскировки их претензий на мировое господство. История межвоенного периода доказывает опасность создания агрессивных военных блоков. Итоги второй мировой войны являются гроз-

⁶⁹ Фостер У. Очерк политической истории Америки. М., 1953, с. 601.

ным предостережением против любых попыток завоевания мирового господства под фальшивым забралом борьбы с коммунизмом. История межвоенного периода и второй мировой войны подтверждает, что одним из главных источников военной опасности является расистская, националистическая идеология фашизма, и предостерегает против попыток ее возрождения в любой форме, а также против оживления реваншистских тенденций.

Опыт 1917—1939 гг. доказывает, что невозможно подлинное упрочение мира и безопасности в Европе и во всем мире без равноправного, основанного на одинаковой безопасности и взаимной выгоде, мирного сосуществования и сотрудничества между СССР и капиталистическими державами. Успешное совместное участие во второй мировой войне государств антигитлеровской коалиции подтвердило возможность такого сотрудничества США, Франции и Англии, а также других капиталистических стран с Советским Союзом. Решающая роль СССР в достижении победы, его вклад в дело избавления Европы от фашизма и в послевоенное мирное урегулирование свидетельствовали о росте значения внешней политики социалистической державы для защиты независимости народов, упрочения безопасности и мира, сохранения достижений мировой цивилизации, предотвращения новых, еще более опустошительных войн в современных условиях.

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В НОВЕЙШЕЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

О. В. Волобуев, М. И. Леонов, А. И. Уткин, В. В. Шелохаев

К проблемам, которые активно и плодотворно разрабатывались в последнее десятилетие в связи с историей трех российских революций, несомненно, можно отнести историю политических партий. Обращение к таким вопросам, как гегемония пролетариата, роль большевиков в создании и упрочении этой гегемонии, их борьба против правого и «левого» оппортунизма в РСДРП, политическая линия в отношении непролетарских партий, тактика «левого блока», деятельность большевиков в массах, среди различных социальных слоев и групп, потребовали изучения истории противников большевизма. Значительный шаг вперед в понимании эволюции непролетарских партий, которая привела их к кризису и банкротству, сделан в результате проведения трех всесоюзных научных симпозиумов в Калининском университете (1975, 1979, 1981 гг.)¹.

Несмотря на то, что на калининских симпозиумах, как и в отдельных исследованиях, основное внимание уделялось краху непролетарских партий в 1917 г., в ряде работ получили отражение образование и деятельность этих партий накануне и в годы первой народной революции начала XX века. Известно, что 1905—1907 гг. были переломным моментом в истории политических партий России. Открытое выступление широких трудящихся масс в эти годы коренным образом изменило положение партий и их место в политической жизни страны. Достаточно сказать, что в ходе революции большевистская партия, по оценке В. И. Ленина, превратилась из союза подпольных кружков в партию миллионов пролетариата². Если до 1905 г., подчеркивал Ленин, давая оценку неонародничеству в 1909 г., речь шла «только о сравнении доктрин и идеологий, о политике группок», то «теперь дело идет о сравнении исторической деятельности классов и масс, идущих за этой или родственной идеологией»³. Ко времени первой российской революции относится образование буржуазных партий и определение их политического лица. «Русский либерализм,— писал Ленин, имея в виду рево-

¹ Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917—1922 гг. Чч. I—II. М. 1977; Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны. М. 1980; Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М. 1982; и др. издания материалов симпозиумов.

² См. Ленин В. И. ПСС. Т. 17, с. 145.

³ Там же, с. 350.

люцию 1905—1907 гг.,— за три года пережил ту эволюцию, которая потребовала в Германии свыше тридцати лет, а во Франции даже свыше ста лет: эволюцию от сторонника свободы к безвольному и подлому пособнику абсолютизма»⁴.

Если в западноевропейских буржуазных революциях партии имели характер слабо оформленных политических группировок, то в России 1905—1907 гг. деятельность партий выразилась в идейном руководстве борьбой классов и социальных групп, выработке политических программ, стратегии и тактики, попытках повести массы под своими лозунгами. Русская революция дала, как отмечал Ленин, «невиданное в мире подтверждение роли и значения сильных партий»⁵.

В данной статье ставится задача охарактеризовать состояние изучения деятельности политических партий в 1905—1907 гг. в результате исследований последнего десятилетия⁶. Вместе с тем необходимо уяснить, какие малоизученные и дискуссионные вопросы истории политических партий нуждаются в первоочередной научной разработке.

В это десятилетие большое внимание было уделено изучению ленинского наследия. Появилось, по-нашему подсчету, более 120 книг, брошюр и статей по ленинской тематике. В их числе работы теоретико-методологического, источниковедческого и историографического характера. Особое значение (с точки зрения рассматриваемой в статье проблемы) имеют те из них, которые освещают теоретико-методологические аспекты изучения истории большевистской партии⁷, классификации политических партий России⁸, формирования, эволюции и краха непролетарских партий⁹. Эти работы способствуют повышению теоретического уровня исследований, постановке актуальных вопросов, поискам подхода к истории политических партий как комплексной теме.

В начале 80-х годов были изданы монографические исследования о деятельности Ленина в 1905—1907 гг. и ленинской концепции первой российской революции¹⁰. В них проанализированы многие его произведения с точки зрения взаимосвязи теории буржуазно-демократической революции нового типа, конкретно-исторических оценок событий, стратегии и тактики большевистской партии с критикой меньшевистских, неонароднических и либеральных взглядов. В ряде статей обобщены ленинские оценки, характеристики тех или иных непролетарских пар-

⁴ Там же. Т. 16, с. 459.

⁵ Там же. Т. 17, с. 144.

⁶ В определенной степени итоги изучения политических партий в предшествующий период подведены в статье Г. М. Деренковского и др. «Основные итоги изучения истории первой русской революции за последние двадцать лет» (История СССР, 1975, № 5).

⁷ Варшавчик М. А., Спирин Л. М. О научных основах изучения истории КПСС. М. 1978; Маслов Н. Н. Вопросы методологии истории КПСС в произведениях В. И. Ленина. Л. 1980; его же. Марксистско-ленинские методы историко-партийного исследования. М. 1983; Вопросы методологии историко-партийной науки. Киев. 1980; Андреев О. В. Ленинская методология историко-партийного исследования. В кн.: Вопросы партийного и советского строительства. Л. 1980; Зевелев А. И. Ленинская концепция историко-партийной науки. М. 1982; и др.

⁸ Канев С. Н. Ленинская классификация политических партий как метод историко-партийного исследования. В кн.: Некоторые вопросы методологии историко-партийного исследования. Л. 1978.

⁹ Спирин Л. М. Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий в России. В кн.: Банкротство мелкобуржуазных партий в России, ч. I; его же. Еще раз о теоретико-методологических вопросах изучения непролетарских партий России. В кн.: Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции; Алексеева Г. Д. Некоторые вопросы методологии изучения идейной эволюции и краха мелкобуржуазных партий в России.— Там же; и др.

¹⁰ Ленин и революция. 1905 год. Л. 1980; Чиковани А. Ю. Ленинская концепция первой буржуазно-демократической революции в России. М. 1981; Волобуев О. В., Муравьев В. А. Ленинская концепция революции 1905—1907 годов и советская историография. М. 1982.

тий¹¹. Изучение ленинского наследия, относящегося к истории политических партий, показало необходимость учитывать субъективные факторы их деятельности, связанные с борьбой внутрипартийных группировок, различиями в позициях их лидеров и идеологов и другими обстоятельствами.

В ленинских оценках партий эсеров и октябристов исследователи обращают внимание на требующие учета изменения, внесенные Лениным в оценки и характеристики политических партий ввиду их эволюции на различных этапах. Ныне более полно, чем прежде, раскрывается развитие партий эсеров и октябристов с момента их возникновения до Февральской революции. Так, уже после роспуска I Думы Ленин внес известные уточнения в данные ранее характеристики октябристов, отметив у них тенденцию к сближению с правительственным лагерем. Были исследованы взгляды Ленина на природу и роль буржуазной демократии, на отделение ее, в ходе революции, от либерализма¹². Комплексный анализ ленинских произведений показал, что вождь большевистской партии считал деятельность эсеров в 1905—1907 гг. в целом способствующей углублению революционного процесса. Вместе с тем вопросы, связанные с ленинской методологией и методикой анализа программ, идеологии, социального состава, деятельности политических партий, нуждаются в дальнейшей разработке. Прежде всего важно продолжить изучение методологии классификации партий, что имеет принципиальное значение для понимания роли каждой из них. Еще нет обобщающего труда, посвященного комплексному анализу ленинского теоретического наследия по вопросам истории политических партий.

За последние 10 лет вышло в свет более 130 исследований по различным аспектам борьбы большевиков за массы, включая средние слои города и деревни, солдат и матросов. Главное внимание при этом уделено изучению гегемонии пролетариата и руководящей роли ленинской партии в революционной борьбе рабочих¹³. Советские историки воссоздали величественную панораму борьбы пролетариата и его революци-

¹¹ Маслова А. Т. Борьба В. И. Ленина против меньшевистской фальсификации истории партии периода революции 1905—1907 гг. — Вопросы истории КПСС, 1975, № 11; Афанасьев А. Л. В. И. Ленин об эволюции и деятельности партии социалистов-революционеров. В кн.: Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск. 1976; Назаренко С. И. В. И. Ленин об эсеровских меньшевиках (к вопросу образования и классовой природы партии народных социалистов). В кн.: Вопросы тактического и организационного руководства партии большевиков в трех российских революциях. М. 1979; Канев С. Н. Критика В. И. Лениным теоретических основ анархизма в годы первой русской революции. В кн.: Борьба ленинской партии против оппортунизма. Л. 1980; Жуков А. Ф. Критика В. И. Лениным авантюризма эсеров-максималистов. — Там же; Смирнов В. Г. Критика программы партии народных социалистов в трудах В. И. Ленина. — Там же; Червякова М. М. В. И. Ленин о Бунде. В кн.: Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М. 1980; Дробижев М. И. Разоблачение В. И. Лениным идейно-моральной несостоятельности тактики индивидуального террора народников. В кн.: Проблемы идейно-нравственного воспитания в теоретическом наследии В. И. Ленина. М. 1981; Шелохаев В. В. Ленинские оценки партии октябристов (1905—1917 гг.). В кн.: Самодержавие и крупный капитал в России в конце XIX — начале XX в. М. 1982.

¹² Колесниченко Д. А. В. И. Ленин о буржуазной демократии в период первой русской революции. В кн.: Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М. 1978.

¹³ Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 3. М. 1978; Рабочий класс в первой российской революции 1905—1907 годов. М. 1981; История рабочих Донбасса. Т. 1. Киев. 1981; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск. 1982; Волин М. С. Большевистская партия — вождь рабочего класса, вождь революции. В кн.: Исторические записки. Т. 95; Кириллов В. С. Большевики во главе массовых политических стачек в первой русской революции (1905—1907 гг.). М. 1976; Шустер У. А. Петербургские рабочие в 1905—1907 гг. Л. 1976; Большевистские организации Поволжья в революции 1905—1907 гг. Куйбышев. 1977.

онного авангарда — партии большевиков в 1905—1907 гг., когда в полной мере проявились такие качества пролетариата, как энергия, твердая воля, социальный оптимизм. Впервые в мировой истории рабочие России показали, на что способен пролетариат, поднимающийся на борьбу за свои права, за интересы всего народа под руководством партии, вооруженной самой передовой теорией общественного развития — марксизмом-ленинизмом.

В последние годы, и это вполне закономерно, историки все чаще обращаются к изучению деятельности большевиков в период спада революции (1906 — июнь 1907 г.). Опубликованные исследования показали, что и в этот период продолжался весьма интенсивный процесс партийного, профсоюзного и кооперативного строительства, что в условиях спада революции и усиления полицейских репрессий, противоборства с буржуазными и помещичьими партиями росли сознательность масс, их организованность, влияние «левых сил» на широчайшие массы трудящихся¹⁴.

Повышение организованности и сознательности российского пролетариата способствовало укреплению его союза с крестьянством, росту крестьянских выступлений¹⁵. Как удалось выяснить исследователям, за время революции состоялось не менее 111 (22 — в 1905 г., 69 — в 1906 г., 20 — в первой половине 1907 г.) областных, губернских, окружных, городских конференций и совещаний партийных организаций, на которых обсуждались вопросы крестьянского движения и деятельности партии в деревне. Накануне IV съезда РСДРП почти все социал-демократические организации приняли участие в обсуждении аграрной программы партии. Конференции большевиков сыграли немалую роль в развертывании революционной борьбы в деревне. Их решения указывали крестьянам пути и средства борьбы.

Привлекали внимание историков и проблемы, связанные с борьбой РСДРП за средние слои города и деревни¹⁶: общетеоретические вопросы стратегии и тактики большевиков по отношению к средним слоям, агитационно-пропагандистская, организационная работа ленинской партии среди студенчества, демократической интеллигенции, различных категорий служащих, а также непосредственное участие местных партийных организаций в различных формах движения городских слоев за все время революции. Обстоятельные монографии посвящены деятельности большевиков по созданию вооруженных дружин и революционизированию армии¹⁷. В ряде работ рассмотрена деятельность большеви-

¹⁴ Деренковский Г. М., Тютюкин С. В. Рабочий класс в революции 1905—1907 гг. В кн.: Исторические записки. Т. 95; Макаруч С. В. Социал-демократические организации Дальнего Востока в период отступления первой русской революции и в годы реакции (1906—1910 гг.). Автореф. канд. дисс. Томск. 1979; Реснянский С. И. Большевики Центрального промышленного района в борьбе за рабочие массы в период спада первой революции (1906 — июнь 1907 г.). Автореф. канд. дисс. М. 1980; Наянова Г. П. Борьба пролетариата Верхнего Поволжья на втором этапе первой русской революции 1906—1907 гг. (По материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний). Автореф. канд. дисс. М. 1980; и др.

¹⁵ Ложкин В. В. История одного поиска. М. 1979; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск. 1983; Сенчакова Л. Т. РСДРП и крестьянство в революции 1905—1907 гг. М. 1984.

¹⁶ Борьба за массы в трех революциях в России. М. 1981; Федюкин С. А. Партия и интеллигенция. М. 1983; Гусев К. В., Полушкина В. А. Стратегия и тактика большевиков в отношении к непролетарским партиям. М. 1983; Булдаков В. П., Иванова Н. А., Шелохас В. В. Из истории борьбы за массы. Основные методы воздействия большевиков на средние городские слои в трех российских революциях. — Вопросы истории КПСС, 1984, № 8; и др.

¹⁷ Сенчакова Л. Т. Боевая рать революции. Очерк о боевых организациях РСДРП и рабочих дружинах 1905—1907 гг. М. 1975; Голуб П. А. Большевики и армия в трех революциях. М. 1977; Попов Н. Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов. 1983; и др.

ков в Советах, профсоюзах, кооперативах и других общественных организациях¹⁸.

В работах, посвященных распространению большевистских идей и лозунгов среди рабочих, раскрыта связь успеха революционного движения и уровня идеологической деятельности марксистско-ленинской партии, ее умения убедить массы, сплотить и повести их за собой¹⁹. Ленин рассматривал пропагандистскую деятельность социал-демократии как субъективный фактор революции. «Обыватель,— писал он,— удовлетворяется той бесспорной, святой и *пустой* истиной, что нельзя знать наперед, будет революция или нет. Марксист не удовлетворяется этим; он говорит: наша пропаганда и пропаганда всех социал-демократических рабочих входит *одним из определителей* того, будет революция или нет»²⁰. Ленин считал, что социальная функция пропаганды состоит в подготовке масс к революции, в ускорении ее вызревания и развития, воздействии на ее размах и масштаб. Чем глубже предстоит революционный переворот, тем настоятельнее и необходимее высокая идеологическая подготовка масс — переворот во взглядах и воззрениях людей. В ходе революции 1905—1907 гг. на первое место встала повседневная, тесно связанная с жизнью агитационная работа, направленная на общеполитическую и организационно-техническую подготовку вооруженного восстания. И если пропагандистская работа партии на этапе буржуазно-демократической революции изучена относительно полно, то агитационная деятельность РСДРП (и особенно ее результативность) — явно недостаточно.

Изучению истории первичных и региональных большевистских организаций, их активной и руководящей деятельности среди трудящихся в годы революции посвящено наибольшее число работ²¹. Переизданы или изданы впервые очерки истории 35 местных партийных организаций, в том числе Московской, Ленинградской, Киевской, Крымской, Днепропетровской, Харьковской, Херсонской, Красноярской, Читинской. Показаны деятельность петербургских и московских большевиков в годы революции, их руководящее воздействие на ход революционных событий в стране²². Интенсивно и широко разрабатывается в настоящее время история большевистских организаций Урала и Поволжья, Сиби-

¹⁸ Профсоюзы Москвы. М. 1975; Революция 1905—1907 гг. в России и профсоюзы. Сб. ст. М. 1975; Рамазов Р. Г. Создание профсоюзов петербургского пролетариата и их деятельность в первой русской революции. Автореф. канд. дисс. М. 1975; Рабочий класс и Советы в революции 1905—1907 гг. в России. Сб. ст. Иваново. 1976; История профсоюзов СССР. Ч. 1. (1905—1937 годы). М. 1977; Приймченко А. И. Легальные организации рабочих Юга России в период империализма. 1895 — февраль 1917 г. Киев. 1977; Пучина Г. В. Руководство большевиков Урала профсоюзным движением в годы первой революции в России (1905—1907 гг.). Автореф. канд. дисс. Пермь. 1977; Партия и кооперация. М. 1978; Вонотков В. П. Борьба большевиков Сибири за сохранение и развитие профессионального движения в период спада первой русской революции. В кн.: Руководство партийных организаций общественно-политической жизнью Сибири. Томск. 1983; и др.

¹⁹ Костин А. Ф. Боевой орган революции. К 70-летию газеты «Вперед». М. 1975; Марксизм-ленинизм и питерские рабочие (из опыта идеологической работы марксистов-ленинцев Петербурга — Петрограда в 1883—1917 гг.). Л. 1977; Андронов С. А. Большевистская печать в трех революциях. М. 1978; Крейдлина Л. Н. Распространение и пропаганда произведений В. И. Ленина в России (1894—1917 гг.). Л. 1981; Саралиева З. Х. Науку борьбы — рабочим. Пропаганда идей марксизма-ленинизма в рабочем движении России. М. 1981; Кожевников В. П. Пропаганда и агитация большевиков в дооктябрьский период. М. 1983; Деятельность большевиков Урала по революционному воспитанию народных масс в 1903—1907 гг. Челябинск. 1983; и др.

²⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 172—173.

²¹ Историография и источниковедение деятельности В. И. Ленина и местных партийных организаций в революции 1905—1907 годов. Пермь. 1982.

²² Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л. 1975; Ключева А. Д. Партия большевиков в первой русской революции 1905—1907 гг. М. 1977.

ри и Дальнего Востока в годы первой российской революции²³. Менее активно изучалась деятельность партийных организаций Центрального промышленного района (за исключением Москвы и Подмосковья), Предкавказья, Закавказья и Украины. Назрела необходимость в более глубоком и разностороннем исследовании революционной деятельности социал-демократических организаций Центрально-Черноземной области и северо-восточных губерний России, Белоруссии, Прибалтики и Средней Азии. Нельзя не отметить, что во многих работах о местных организациях РСДРП основное внимание уделялось внутривнутрипартийным отношениям, в то время как конкретно-исторический анализ деятельности большевиков в массах освещался недостаточно.

Требует специальной научной разработки вопрос о численности и составе РСДРП в годы революции. Отметим, что за последние 10 лет наблюдается продвижение к решению этого вопроса. Так, например, обстоятельно изучены уставы местных организаций РСДРП, определены основные аспекты истории партийного строительства, предпринята в целом плодотворная попытка анализа состава большевистской партии, выявлены и систематизированы сведения о численности ряда местных партийных организаций²⁴. Однако численность и состав партии большевиков как в годы революции, так и в последующий период нуждаются в специальном монографическом изучении. При этом было бы интересно дать сравнительный анализ численности большевиков и меньшевиков в региональном разрезе, обобщить и статистически обработать данные о численности РСДРП на разных этапах революции, проанализировать влияние экономических, социальных и национальных факторов на состав местных партийных организаций в различных районах страны. Все это способствовало бы более конкретному анализу роли субъективного фактора и определению особенностей революционной борьбы в различных районах России.

Появились исследования о революционных связях между Петербургом и другими регионами страны, а также местных партийных организаций с заграничными большевистскими центрами²⁵. Историки опровергли миф буржуазных фальсификаторов об «одиночестве» Ленина в эмиграции, о его якобы «оторванности» от России и ее революционного движения. На большом фактическом материале они доказали наличие самых тесных и неразрывных связей большевистских центров с местными партийными организациями внутри страны. Одна из задач будущих работ — показать влияние этих связей на деятельность мест-

²³ Большевики Среднего Урала в революции 1905—1907 гг. Свердловск. 1975; Большевистские организации Поволжья в революции 1905—1907 гг. Куйбышев. 1977; На я к ш и н К. Я., Р у т б е р г Г. Н. Большевики Поволжья в первой русской революции 1905—1907 годов. Саратов. 1977; Деятельность местных партийных организаций России в революции 1905—1907 годов. Пермь. 1978; К о н я е в А. Т. Большевики Сибири в революции 1905—1907 гг. В кн.: Вопросы истории Сибири. Томск. 1979; Деятельность В. И. Ленина и большевистских организаций в годы первой революции в России. Пермь. 1980; Большевики Сибири в трех революциях. Омск. 1981; Д а в ы д е н к о Л. И. Деятельность сибирских организаций РСДРП в период отступления революции. Автореф. канд. дисс. Томск. 1981; и др.

²⁴ О б и ч к и н О. Г. Уставы местных организаций РСДРП 1894—1917 гг. М. 1976; В о л и н М. С. К вопросу об изучении состава большевистской партии накануне и в период революции. В кн.: Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. М. 1976; Л о ж к и н В. В. Состав рабочих социал-демократов и их роль в создании ленинской партии. — Вопросы истории, 1983, № 7.

²⁵ Б о н д а р е в с к а я Т. П. Связи Петербургского комитета РСДРП с большевистскими организациями России в годы первой русской революции. В кн.: Из истории трех русских революций. Л. 1976; Л е й б е р о в И. П. Цебельдинская находка. Из истории революционных связей между Петербургом и Кавказом. М. 1980; Р ы б а к о в С. П. Деятельность большевиков в заграничных группах содействия РСДРП накануне и в годы первой русской революции (1903—1907 гг.). Автореф. канд. дисс. М. 1981; К и т а е в М. А. Областные бюро — полномочные органы ЦК партии (1904—1934). М. 1982.

ных партийных комитетов в 1905—1907 годах. Раскрытие международных связей большевиков во всем их многообразии выявит новые аспекты исторического опыта ленинской партии, накопленного в годы революции и сохраненного, приумноженного в последующий период.

Революционное воспитание многомиллионных масс трудящихся осуществлялось и проводилось в жизнь большевистской тактикой «левого блока». Это было особенно важно и необходимо в такой огромной мелкобуржуазной стране, какой была Россия в начале XX века. Среди исследований по данной тематике²⁶ особо следует отметить статью, в которой дан анализ левоблокистской тактики и сделан вывод, что сотрудничество в массовых организациях, совместная борьба приводили к существенным результатам²⁷. Практика левоблокистской тактики большевиков наиболее глубоко исследована на примере деятельности петербургских, украинских, белорусских большевиков. Однако проблема нуждается в дальнейшем изучении. Так, необходимо выяснить общие и особенные черты тактики «левого блока» на разных этапах революции и в различных регионах страны, выявить наиболее удачные и характерные примеры компромиссов и соглашений, роль каждой мелкобуржуазной партии в системе «левого блока».

Изучая проблемы революции 1905—1907 гг., тактические разногласия в РСДРП, левоблокистскую тактику большевиков, историки рассматривают и деятельность меньшевиков. В последние годы наиболее активно разрабатываются вопросы, связанные с критикой теоретических и тактических установок меньшевиков в ходе революции 1905—1907 годов²⁸. Идеиная борьба в рабочем движении периода первой российской революции раскрыта в монографии о Г. В. Плеханове²⁹. Плехановская трактовка характера движущих сил, перспектив революции и тактики социал-демократии рассматривается в книге на широком фоне столкновения революционной и оппортунистической тенденций в рабочем движении. Выделяя в меньшевизме рассматриваемого периода три течения — правое (Аксельрод, Череванин, Потресов), «центр» (Мартов, Мартынов, Дан) и левое (Троцкий, Парвус), автор обосновывает положение об «особой» позиции Плеханова внутри меньшевизма. Органически не приемля его «якобинства», меньшевистские лидеры охотно признавали Плеханова — имея, конечно, для этого все основания, — наряду с Аксельродом своим «духовным отцом», и в то же время стремились не допустить его влияния на организационные дела.

Итак, за последнее десятилетие много сделано для изучения идейной борьбы большевиков с меньшевиками, раскрытия несостоятельно-

²⁶ Зайчиков Г. И. Думская тактика большевиков (1905—1917 гг.). М. 1975; Бабаева Н. П. Ленинская тактика «левого блока» в революции 1905—1907 гг. Л. 1977; Козицкий Н. Е. В. И. Ленин о единстве действий левых сил. Киев. 1979; Колесниченко Д. А. Парламентская тактика большевиков и народнический блок в избирательной кампании во II Государственную думу. В кн.: Исторические записки. Т. 104; Ушаков А. В. Борьба за единство рабочего класса России. М. 1981; Астрхан Х. М. В. И. Ленин и создание «левого блока» при выборах во II Государственную думу в Петербурге. — История СССР, 1982, № 2.

²⁷ Гусев К. В. О политической линии большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям. — Коммунист, 1976, № 15.

²⁸ Тропин В. И., Чиковани А. Ю. Критика В. И. Лениным меньшевистской фальсификации гегемонии пролетариата в революции 1905—1907 гг. — История СССР, 1976, № 5; Большевизм и реформизм. Изд. 2-е. М. 1978; Зарубин А. Г. Разоблачение В. И. Лениным меньшевистских извращений идеи гегемонии пролетариата в революции 1905—1907 гг. В кн.: Научные труды по истории КПСС. Вып. 96. Киев. 1978; Исторический опыт борьбы КПСС против меньшевизма. М. 1979; Волобуев О. В. Критика В. И. Лениным меньшевистских взглядов на роль классов в революции 1905—1907 гг. В кн.: Вопросы тактического и организационного руководства партии большевиков в период трех революций. М. 1980; Чиковани А. Ю. Борьба большевиков с оппортунизмом в годы первой русской революции (1905—1907). В кн.: Историческое значение борьбы КПСС против правого и «левого» оппортунизма. М. 1980.

²⁹ Тютюкин С. В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. М. 1981.

сти оппортунистической тактики, но соотношение организационных и политических сил большевиков и меньшевиков на разных этапах революции, конкретная деятельность меньшевиков на местах, взаимоотношения между меньшевистскими лидерами и «низами» исследованы пока мало. Некоторые из названных сюжетов рассмотрены на материале, относящемся к борьбе большевиков против оппортунизма на Урале, в Сибири, Белоруссии³⁰. Разоблачая измену меньшевиков делу революции, их тактические и идейные колебания между рабочим классом и буржуазией, историки показывают успехи и вместе с тем трудности, которые преодолевала ленинская партия при создании «левого блока», проведении последовательно революционной линии.

В ряде работ борьба большевиков с мелкобуржуазными партиями рассматривается широко: либо в хронологических рамках с начала века до Великой Октябрьской социалистической революции включительно, либо в плане борьбы с одной из партий в общероссийском масштабе, либо в региональном плане с охватом всех действовавших мелкобуржуазных партий³¹. Формы и методы борьбы большевиков с их политическими противниками изучаются на основе более полного круга источников, чем прежде, наиболее обстоятельно источники (в том числе большевистские периодика и листовки, архивные материалы) используются в исследованиях регионального плана. Увеличение их числа создает необходимую базу для выяснения общей картины победы большевиков в борьбе с мелкобуржуазными партиями за влияние на массы.

Наибольшие успехи достигнуты в изучении неонароднических партий. После выхода обобщающей монографии об эсерах³² в течение десятилетия появились монографии о неонародничестве в целом³³, о борьбе большевиков с эсерами, монографии и статьи об энесах и эсерах-максималистах³⁴. В монографии В. Н. Гинева о неонароднических партиях в 1917 г. были детально проанализированы аграрные программы эсеров и энесов, различные точки зрения, выявившиеся при обсуждении их проектов накануне и в годы первой российской революции, обращено внимание на то, что в теоретических построениях неонародников община постепенно теряла свое первостепенное значение, а важнейшими и взаимосвязанными сторонами эсеровской аграрной программы являлись социализация земли и кооперация крестьянского хозяйства; показано, что реформистские идеи были заложены в идеологии эсеров еще при выработке аграрной программы, что эсеры уже в 1902—1906 гг.

³⁰ Борьба против оппортунизма за создание и укрепление партийных организаций Урала (1894—1917 гг.). Пермь, 1975; Борьба большевиков Сибири против оппортунизма за создание и укрепление партийных организаций. Омск, 1980; Солошенко В. И. Большевики в борьбе с мелкобуржуазными партиями в Белоруссии (1903 — март 1917). Минск, 1981.

³¹ Курас И. Ф. Торжество пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных партий на Украине. Киев, 1978; Леванов Б. В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров. 1903—1917 гг. Л. 1978; Шестак Ю. И. Борьба большевистской партии против национализма и оппортунизма Бунда. М. 1980; Булакова Н. С. Борьба большевиков за единство партии на буржуазно-демократическом этапе революции (1903 г.—февраль 1917 г.). М. 1981; Корноухов Е. М. Борьба партии большевиков против анархизма в России. М. 1981; Солошенко В. И. Ук. соч.

³² Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М. 1975.

³³ Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л. 1977; его же. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902—1914 гг. Л. 1983.

³⁴ Леванов Б. В. Ук. соч.; Леонцов М. И. Аграрный террор в программе и тактике эсеров. В кн.: Великий Октябрь и революционное движение в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1978; Жуков А. Ф. Идейно-политический крах эсеровского максимализма. Л. 1979; Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М. 1979; Колесниченко Д. А. Трудовая народно-социалистическая партия: некоторые вопросы программы и тактики. В кн.: Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны.

считали неизбежным — после свержения самодержавия — установление в России власти либеральной буржуазии, а себе отводили роль парламентской оппозиции в будущей системе политического устройства.

В другой монографии того же автора были рассмотрены также борьба за крестьянство, взаимоотношения внутри народничества и его эволюция с начала XX в. до первой мировой войны, отмечено, что роль эсеров и энесов в развитии крестьянского движения была противоречивой. С одной стороны, они выступали с разной степенью последовательности за ликвидацию помещичьего землевладения, за переход земли к крестьянам, звали крестьян на борьбу «за землю и волю», критиковали кадетов. С другой — в революции довольно четко выявилась неспособность народнических партий, обусловленная их мелкобуржуазным характером, к последовательной борьбе за демократию. Они многократно проявляли склонность к соглашению с кадетами и тем самым оказывали сдерживающее влияние на крестьянство, мешали, вопреки своим лозунгам, его политическому просвещению, соединению стихийного аграрного движения с сознательной борьбой за демократическую республику. Даже представители левого крыла народничества, эсеры, в отношении «захватного» аграрного движения занимали вначале настороженную, затем отрицательную позицию.

Продолжается изучение взаимоотношений народнических партий с крестьянством (форм и методов воздействия на массы, структуры и функционирования организационного аппарата, отношения к массовым движениям), а также их легальной печати³⁵. Однако в целом мелкобуржуазная пресса и прокламационная литература еще только начинают осваиваться.

Не ослабевает интерес к истории наиболее крупной из народнических, эсеровской, партии, ее социальной природе, программе, тактике. Дан обстоятельный анализ аграрной политики эсеров, отмечены усиление у них оппортунистических тенденций с конца 1905 г., и особенно во время I и II Дум, а вместе с тем — взрывы мелкобуржуазного революционаризма.

Интересные результаты достигнуты в региональных исследованиях. Установлено, что в Сибири в начале 1905 г. эсеровские комитеты почти не проявляли себя; в период наивысшего подъема революции они уделяли основное внимание пропаганде и агитации среди интеллигенции, рабочих, солдат, меньшее — деятельности в деревне. Со времени высшего подъема революции они активизировали пропаганду и среди крестьян, достигнув с весны 1906 г. преобладающего влияния в деревне. Авторы отмечают известное положительное значение эсеровской деятельности в сибирской деревне, связанное с тем, что в большинстве случаев она затрагивала те слои населения, среди которых социал-демократическая работа в силу разных причин либо не велась, либо еще не могла дать быстрых результатов³⁶. На Урале и в Белоруссии в революционных событиях декабря 1905 г. из всех мелкобуржуазных партий наиболее активно участвовали эсеры, но действовали они не самостоятельно, а вместе с другими революционными организациями³⁷.

Проведенные исследования показали, что в 1905—1907 гг. партия эсеров эволюционировала, стремясь превратиться из группы народнической интеллигенции в массовую организацию. Однако эволюция

³⁵ Смирнов С. В. Легальная печать в годы первой русской революции. Л. 1981.

³⁶ Казанцев М. И. Эсеры и революционная агитация в сибирской деревне в 1905—1907 гг. В кн.: Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск. 1976; Афанасьев А. Л. Деятельность эсеров в Восточной Сибири в период революции 1905—1907 гг. В кн.: Классы и партии Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск. 1977.

³⁷ Капцугович И. С. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь. 1975; Солощенко В. И. Ук. соч.

эта была далека от завершения. Последующие изыскания покажут, насколько далеко зашел этот процесс и как он проявлялся на разных этапах революции. Выяснены характерные черты во взглядах и деятельности интеллигентских «верхов»; их склонность, с одной стороны, увлекаться авантюристической тактикой (максимальное выражение — тактика индивидуального террора), а с другой — опасаться реального массового движения. Отсюда — их бюрократические проекты сдерживания массового движения и готовность идти на соглашение с контрреволюционной либеральной буржуазией. В отличие от «верхов» демократические «низы», чуждые пристрастия к утопическим мечтаниям, полные боевого энтузиазма, видели свою цель в захвате помещичьих земель, в создании «крестьянских республик», вступали в вооруженную борьбу в деревнях и на баррикадах городов. Этот демократизм давал большевикам возможность выступать совместно с эсерами в борьбе против всех остатков крепостничества (причем, как показано в новейшей литературе, эти совместные выступления не всегда организационно оформлялись). В то же время мелкобуржуазная природа, авантюристичность, непоследовательность тактики, склонность к соглашению с либерализмом обуславливали неизбежность самой решительной идейной борьбы, которую вели большевики против эсеров.

Исследования последних лет показали необходимость корректировки бытовавшего в литературе представления о партии эсеров в первой российской революции как исключительно заговорщической и террористической организации. Задача заключается в выяснении форм, объема, основных районов агитационно-пропагандистской и организаторской деятельности эсеров в массах. К сожалению, пока еще нет специальной работы, которая бы обобщила конкретные исследования и рассмотрела все стороны деятельности партии эсеров в 1905—1907 годах.

В работе Н. Д. Ерофеева впервые подверглась обстоятельному анализу партия народных социалистов — правое, оппортунистическое крыло народничества. Дана характеристика ее программных и тактических установок, определены численность, состав, организационная структура. Автор показал, что партия энесов выражала интересы зажиточного крестьянства, в демократическом лагере она была самой умеренной и неустойчивой из народнических партий, занимала пограничное с либеральным лагерем положение, в программе и особенно в тактике проявляла заметный уклон к либерализму³⁸. Ее воздействие на крестьян было двойственным: с одной стороны, она в известной мере побуждала крестьянские массы к политической деятельности, с другой — сеяла конституционные иллюзии. Немногочисленные партийные группы, состоявшие главным образом из мелкобуржуазной интеллигенции, были слабо организованы, широкой работы среди населения, помимо участия в выборной кампании, не вели. Однако эта партия, объединявшая в своих рядах серьезные теоретические силы народничества, оказывала значительное влияние на трудовиков. В дальнейшем изучении нуждаются вопросы о месте и роли партии энесов в системе политических сил, взаимодействии с другими политическими организациями мелкобуржуазной демократии, масштабах и степени влияния на различные слои общества, участие во внепартийной деятельности.

Существенные уточнения внесены в историю трудовой группы. Выявилось расхождение взглядов по вопросу о степени влияния эсеров и энесов на трудовую группу и, в частности, на выработку и содержание аграрного «проекта 104-х». Д. А. Колесниченко считает, что, несмотря на сильное воздействие аграрной концепции энесов, в проекте трудовиков отразилось и влияние эсеров, а в основе он представлял

³⁸ Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в избирательной кампании во II Государственную думу. — Вестник МГУ, Серия история, 1976, № 6.

собой продукт самостоятельного творчества. По мнению же Н. Д. Ерофеева, которое разделяет В. Н. Гинев, в основе «проекта 104-х» лежала энесовская аграрная программа. Вероятно, в значительной мере полемика объясняется различным пониманием характера деятельности составных частей народнического движения, структуры мелкобуржуазной идеологии в целом, поскольку никто не отрицает того факта, что на выработку проекта трудовиков оказывали влияние как энесы, так и эсеры.

Изучается и союз эсеров-максималистов. Максимализм как ультра-левое течение мелкобуржуазной демократии возник на основе эсеровской идеологии и отражал интересы и настроения тех слоев, которые были недовольны узостью эсеровской программы. Максимализм возник и сформировался на северо-западе России, в районе развитой полукустарной промышленности. Отмечено, что максималистские организации находились главным образом в окраинных городах со средним уровнем развития промышленности; индустриальные районы с многочисленным пролетариатом максимализм почти не затрагивал. Сделанные подсчеты, при всей их неполноте, показывают, что наибольшее число максималистских организаций приходится на 1907 г., после чего начинается резкое сокращение. За редким исключением максималистские организации были крайне малочисленны. В работах выявлены изолированность максималистов от массового движения, концентрация их усилий на террористических актах и экспроприациях, аморфность организационной структуры. В изучении этой проблемы сделаны только первые шаги: нет ясного представления о социальной базе максимализма, взаимоотношениях максимализма и анархизма, попытках реализовать тактику аграрного террора.

Продолжается исследование анархизма³⁹. Установлено, что в российском анархизме, выражавшем первоначально главным образом недовольство крестьянства гнетом помещичьего государства, по мере развития капитализма возрастало влияние идеологии «взбесившегося» мелкого буржуа. В анархистских группах были представлены преимущественно мелкобуржуазные слои, деклассированные элементы и лишь незначительно — рабочие. Рассматривая основные тенденции распространения анархизма, динамику численности организаций, пропагандистскую деятельность, историки считают высшей точкой влияния анархизма в России 1906 год, когда в революционную борьбу стали втягиваться отсталые слои рабочих, после чего начался спад.

В числе нерешенных исследовательских задач — более полное выявление организационных принципов создания анархистских групп, их численности, распространения, связи между особенностями социальной структуры различных районов и степенью влияния анархизма, взаимоотношений анархистских и других политических организаций.

Наряду с более широким, чем когда-либо раньше, изучением народничества за последнее десятилетие заметно продвинулось исследование политических партий либерально-буржуазного и правительственного лагерей. Результаты разработки этой темы к середине 70-х годов в советской историографии обобщены в монографии Л. М. Спирина⁴⁰. В ней рассмотрены теоретико-методологические, источниковедческие и конкретно-исторические вопросы истории этих партий на всем протяжении их существования. На большом фактическом материале, в значительной части впервые введенном в научный оборот, раскрыты общие тенденции

³⁹ Канев С. Н. Анархизм и его крах в России. В кн.: Исторические записки. Т. 104; его же. Советские историки о банкротстве анархизма в трех революциях. В кн.: Великий Октябрь и непролетарские партии в России. М. 1982; Корноухов Е. М. Ук. соч.

⁴⁰ Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М. 1977.

их поведения, выявлены причины провала их деятельности в 1905—1907 гг., показаны численность и социальный состав партий кадетов и октябристов. Монография оказала стимулирующее влияние на дальнейшую разработку представленной в ней проблематики.

В книге, посвященной деятельности кадетов в 1905—1907 гг.⁴¹, прослеживается эволюция главной партии либеральной буржуазии от роли сторонника «свободы» к пособничеству абсолютизму. В ней дается обстоятельный ответ на вопрос о причинах поражения кадетской альтернативы в буржуазно-демократической революции нового типа.

В ряде работ рассматривалась история борьбы партии большевиков против идеологии и политических организаций либеральной буржуазии⁴². В новейшей литературе, как и в предыдущий период, основной акцент был сделан на раскрытии форм и методов борьбы большевиков против кадетов. Что же касается борьбы ленинской партии против октябристов, мирнообновленцев, партии демократических реформ, то эти вопросы изучались в литературе менее активно. В настоящее время назрела необходимость подготовить монографию, посвященную комплексному изучению всех форм борьбы партии большевиков против непролетарских партий и организаций, действовавших на политической арене в 1905—1907 годах. Следует также продолжить предпринятые попытки анализа большевистской печати, листовок, содержащих ценный материал о классовой сущности буржуазных партий, их контрреволюционной деятельности⁴³.

Существенные аспекты проблемы освещаются в трудах по теме царизм и буржуазия в 1905—1907 годах. Закулисные переговоры лидеров кадетов с царским правительством обстоятельно раскрыты (на основе преимущественно мемуарной литературы) в монографии В. И. Старцева⁴⁴. Вопрос о взаимоотношениях кадетов с правящим лагерем исследовал и А. В. Островский⁴⁵. Несмотря на некоторые дискуссионные моменты в трактовке отдельных фактов, в целом проблема отношений буржуазных партий с правительственно-черносотенным лагерем в 1905—1907 гг. в литературе разработана.

В значительной мере прояснены такие вопросы, как социальная структура буржуазных партий, их программы, процесс политической консолидации либеральной буржуазии и т. д.⁴⁶. Уточнение их численности и состава позволяет охарактеризовать распространенность местных организаций буржуазных партий, соотношение партийных сил в раз-

⁴¹ Шелохаев В. В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М. 1983.

⁴² Кувшинов В. А. Разоблачение В. И. Лениным контрреволюционного характера идеологии кадетского либерализма. — Вопросы истории КПСС, 1979, № 4; Корнев В. В., Юлинова Н. И. Борьба большевиков с буржуазным либерализмом и оппортунизмом меньшевиков в условиях спада революции 1905—1907 гг. — Там же, 1980, № 9; Спирин Л. М. Международное значение стратегии и тактики большевиков по отношению к непролетарским партиям. В кн.: Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны.

⁴³ Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Разоблачение кадетов в большевистских листовках 1906—1907 гг. — История СССР, 1980, № 2; Корнев В. В. Большевистская публицистика об антидемократизме кадетов в революции 1905—1907 гг. В сб.: Вопросы историографии и источниковедения социально-политических проблем истории СССР. М. 1982; Гусев К. В., Полужкина В. А. Ук. соч.

⁴⁴ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. М. 1977.

⁴⁵ Островский А. В. Царизм, кадеты и II Государственная дума. В кн.: Проблемы отечественной истории. М. 1975.

⁴⁶ Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России 1905—1917 гг. М. 1976; Иллерицкая Е. В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М. 1981; Горякина В. С. Партия кадетов и национальный вопрос в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. В кн.: Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции.

личных регионах, социальную структуру той или иной партии. В решении этих вопросов сделаны лишь первые шаги. Перед историками стоит задача изучения местных архивов, местной печати, в которых, как показали локальные исследования последних лет⁴⁷, содержатся сведения о численности и социальном составе провинциальных комитетов буржуазных партий. В настоящее время назрела задача специального изучения экономической основы и социальной опоры отдельных буржуазных партий, в целом буржуазии как класса. Предпринимаемые небезуспешные попытки в основном носят региональный характер⁴⁸. Однако отсутствие работ общего характера по истории буржуазии как класса начинает ощущаться в практике дальнейшей разработки истории классовой борьбы.

Изучая программы буржуазных партий, важно разобраться в исходных идейно-теоретических установках, которые лежали в их основе. Актуальным представляется исследование процесса формирования буржуазной идеологии, которая в конечном счете находила свое выражение как в программах, так и в стратегии и тактике непролетарских партий. При этом необходимо более полно учитывать новые данные других общественных наук.

В новейшей литературе разрабатывается проблема идеологического воздействия буржуазных партий и организаций на массы⁴⁹, обращается внимание на изучение не только форм и методов, но и самих средств такого воздействия, имевшихся в распоряжении буржуазных партий, на комплексное объяснение краха их попыток направить движение масс в реформистское русло.

Работы о национальных буржуазных партиях показывают как то общее, что сближало их с русскими либерально-монархическими организациями, так и отличия⁵⁰. В перспективе — комплексное исследование общероссийских и национальных буржуазных партий в их взаимодействии и взаимовлиянии.

Усилился интерес исследователей к вопросам идеологии партий: опубликовано несколько статей о кадетских, октябристских и «веховских» оценках событий 1905—1907 гг.⁵¹, появляется все больше источниковедческих работ по истории кадетской партии⁵².

⁴⁷ Воскресенская Н. С. Деятельность кадетов по привлечению крестьянства в период первой русской революции в России (на примере Тверской губернии). В кн.: Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России. М. 1981.

⁴⁸ Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX в. Томск. 1975; Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск. 1978; Из истории буржуазных партий в России. Томск. 1982; Торпан Н. И. Монополистический капитал в промышленности Эстонии (90-е годы XIX в. — 1917 г.). Таллин. 1984.

⁴⁹ Шелохаев В. В. Провал деятельности кадетов в массах (1906—1907 гг.). В кн.: Исторические записки. Т. 95; Лаврычев В. Я. О попытках воздействия российской либеральной буржуазии на рабочий класс. 1905—1907 гг. В кн.: Первая русская революция — генеральная репетиция Великого Октября. Тбилиси. 1977.

⁵⁰ Варданян А. Позиция армянских буржуазно-националистических партий в годы первой русской революции 1905—1907 гг. Ереван. 1975; Мицхулава И. И. Борьба большевиков Грузии против буржуазных и мелкобуржуазных партий по аграрному вопросу в период буржуазно-демократических революций в России. В кн.: Первая русская революция — генеральная репетиция Великого Октября; Сеидзаде Д. Б. Из истории азербайджанской буржуазии в начале XX в. Баку. 1978.

⁵¹ Волобуев О. В. Революция 1905—1907 гг. в публицистике русских буржуазных историков. В кн.: Исторические записки. Т. 102; сго же. К вопросу о формировании буржуазной идеологии в России (публицистика октябристов о революции 1905—1907 гг.). В кн.: Самодержавие и крупный капитал в России в конце XIX — начале XX в.; Карпов В. Д. 1905 год и формирование «веховской» контрреволюционной идеологии. — Там же; Волобуев О. В., Кулешов С. В., Шелохаев В. В. Дискуссия о роли интеллигенции в первой народной революции XX в. В кн.: Интеллигенция и революция. XX век. М. 1985.

⁵² Корнев В. В. Документы о борьбе с кадетами на выборах в Государственную думу в период первой русской революции. — Советские архивы, 1976, № 24; сго же. За-

Сравнительная разработанность многих сторон деятельности кадетов в годы революции особенно наглядно видна в сопоставлении с тем, что сделано к настоящему времени по изучению «Союза 17 октября»⁵³. Вопросы о месте октябристов в системе политических сил страны, их взаимоотношениях с крайне правыми партиями, об «октябристском капитале» являются дискуссионными. Требуется более глубокое изучение этой, по выражению современников, «партии пропавшей грамоты».

Достигнут сдвиг в исследовании истории правых, помещичьих-монархических организаций. Л. М. Спирин впервые в советской исторической литературе дал подробный историографический анализ изучения данной темы в отечественной и зарубежной историографии, подверг обстоятельной и, на наш взгляд, справедливой критике отдельные ошибочные положения в оценке черносотенных партий, содержащиеся в литературе 20-х годов (в частности, в популярной брошюре В. Н. Залежского). В книге Спирина проанализированы программы и тактика черносотенных организаций (особенно Союза русского народа) в 1905—1907 годах. На основании архивных документов он внес существенные коррективы в определение их численности, характеристику социального состава (в первую очередь низовых организаций), показал масштабы организационно-пропагандистской деятельности, особенно с октября — декабря 1905 года.

Опубликован ряд статей, подготовлено несколько диссертаций о черносотенных партиях⁵⁴. В названных работах на значительном архивном материале рассматриваются такие малоизученные вопросы, как средства, формы и методы идеологического воздействия черносотенцев на массы в 1905—1907 годах. Начато изучение и такой актуальной темы, как борьба большевиков против черносотенных партий. В распоряжении исследователей этих проблем имеются весьма широкие неиспользованные возможности. Требуют дальнейшего систематического изучения документы архивов, центральной и местной печати. Важным источником являются большевистские листовки, которые дают значительный материал для анализа программы, тактики черносотенных союзов, а также об их численности, составе, деятельности среди рабочих, крестьян, средних городских слоев, о взаимоотношениях с царизмом и местной администрацией. Представляется назревшим специальное монографическое исследование по истории правых помещичьих и черносотенных организаций в 1905—1907 гг., что позволило бы лучше осветить расстановку политических сил в годы революции.

В историографических исследованиях развернута критика всех направлений немарксистской общественно-политической и исторической мысли России в их отношении к истории революции 1905—1907 гг., проанализированы оценки ее событий, опыта и уроков борьбы партий

кулисная тактика кадетов в революции 1905—1907 гг. Из архива ЦК кадетской партии. В кн.: Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции.

⁵³ Шелохаев В. В. Контрреволюционная тактика партии октябристов в 1905—1907 гг. В кн.: Исторические записки. Т. 111.

⁵⁴ Сысоева Е. К. Политика идеологического воздействия черносотенных партий на рабочих в годы первой русской революции (по материалам Москвы и Московской губернии). Автореф. канд. дисс. М. 1978; ее же. Черносотенные организации и их борьба с революционным движением в 1905 г. (по материалам Москвы и Московской губернии). — Вестник МГУ, серия история, 1978, № 2; Бажин А. А. В. И. Ленин о реакционной сущности черносотенного движения. В кн.: Из истории борьбы КПСС за победу социализма и коммунизма. Ч. 8. М. 1978; его же. Борьба партии большевиков против черносотенного движения в годы первой русской революции (1905—1907 г.). Автореф. канд. дисс. М. 1979; Степанов С. А. Банкротство аграрной программы черносотенных союзов. Якутск. 1981; его же. Идеология черносотенных союзов и организаций. В кн.: Проблемы истории СССР. Вып. 12. М. 1982; его же. Из истории русской контрреволюции (черная сотня и борьба против революции 1905—1907 гг.). М. 1982.

за свои программы и лозунги, за обоснование своей тактической линии⁵⁵. Больше всего историографических трудов посвящено критическому анализу работ современных буржуазных авторов, искажающих историю партии большевиков, природу мелкобуржуазных и буржуазных партий, их отношение к освободительному движению в России начала XX века⁵⁶.

Результаты исследований о непролетарских политических партиях России подытожены в обобщающем труде⁵⁷. В одной из его глав рассмотрен период первой российской революции, причем дана характеристика не только общероссийских партий, но и партий национальных; уточняются сведения о возникновении партий, их деятельности в 1905—1907 гг., наличии партийных организаций на местах, численности, социальной базе, составе руководящих органов, агитационной и пропагандистской работе. В книге показан провал деятельности ведущих мелкобуржуазных, либерально-буржуазных, черносотенных партий в массах. К концу революции стало ясно, что меньшевики не смогли повести за собой рабочих, эсеры — крестьян, кадеты потерпели поражение в борьбе за гегемонию в освободительном движении и утратили позиции даже в средних слоях, массы остались глухи к демагогии октябристов и черносотенцев. Вместе с тем обрисовалась впечатляющая картина попыток этих партий оказать влияние на массы, что выразилось, в частности, в издании газет, журналов, прокламаций, популярных брошюр, зачастую написанных весьма искусно. Победа большевиков в борьбе за массы была длительным и сложным процессом противостояния своим политическим противникам. Разумеется, издание этой коллективной обобщающей монографии не могло исчерпать такой сложной, многоплановой темы, какой является история политических партий в один из переломных моментов истории России. Наряду с обобщением историографического материала, введением в оборот источников, в монографии содержится постановка новых исследовательских задач. О многих нерешенных вопросах шла речь и в данной статье.

Хотелось бы обратить внимание на то, что если отношение большевиков к непролетарским партиям в целом освещено, то взаимоотношения между последними раскрыты еще недостаточно. Таким образом, система политических партий в их взаимодействии, противостоянии, противоборстве не получила пока полного научного описания в контексте трех классово-политических лагерей, идейно-политической полемики, агитационно-пропагандистской и организационной работы в различных слоях и массах. Можно выделить, в частности, следующие нуждающиеся в исследовании проблемы: позиции, социальный состав и деятельность местных партийных организаций; соотношение сил и сферы влияния политических партий в различных социальных слоях по регио-

⁵⁵ Петров А. П. Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М. 1977; Волобуев О. В. Идеино-теоретическая борьба в России по вопросам истории революции 1905—1907 гг. М. 1984.

⁵⁶ Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М. 1976; Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Критика фальсификации роли ленинской партии в трех революциях. М. 1979; Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. М. 1983; Думова Н. Г. История российских буржуазных партий в новейшей англо-американской историографии. — История СССР, 1977, № 6; ее же. Русский либерализм в освещении новейшей буржуазной историографии. В кн.: Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции; Ильищук Г. И. История партии эсеров в современной французской буржуазной историографии. — Там же; Канишева Н. И. Буржуазные франки ФРГ о крахе партии эсеров в 1917 г. Критика советологических концепций. — Там же; Павлов Д. Б. Критика некоторых концепций современной англоязычной буржуазной историографии партии эсеров. В кн.: Великий Октябрь и непролетарские партии. Материалы конференции. М. 1982.

⁵⁷ Непролетарские партии России. Урок истории. М. 1984.

нам; место, социальный состав, сферы влияния национальных партий, их взаимоотношения с общероссийскими партиями; расхождения в позициях «верхов» (центральное руководство) и «низов» (местные организации) мелкобуржуазных и либерально-буржуазных партий. Что касается характеристики отдельных партий, то она на данном этапе развития советской историографии требует комплексного подхода, который включает анализ теоретического обоснования программ, стратегии и тактики, раскрытия их социальной направленности, выявления состава центральных и местных партийных организаций, форм, средств и методов их деятельности, ее результативности применительно к различным социальным слоям и в разных регионах. Это один из наиболее продуктивных и перспективных путей к более глубокому раскрытию успеха большевиков в борьбе за массы, за гегемонию пролетариата, за укрепление партии нового типа.

Подводя общий итог анализа историографического материала, можно констатировать как достижения советских историков в изучении политических партий периода первой российской революции, так и наличие многих нерешенных, дискуссионных вопросов. Все это свидетельствует об актуальности вопросов истории политических партий и необходимости их дальнейшего исследования.

О ПРИЧИНАХ УЧАСТИЯ ФАШИСТСКОЙ РУМЫНИИ В ВОЙНЕ ПРОТИВ СССР

И. Левитский

Как отмечается в Постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», советский народ и его Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии не только отстояли свободу и независимость социалистической Родины, защитили дело Октября, но и «внесли решающий вклад в победу над фашистской Германией и ее союзниками, в освобождение народов Европы от фашистского рабства, в спасение мировой цивилизации, с честью выполнили свой патриотический и интернациональный долг»¹.

Итоги войны, изменения, происшедшие на Земном шаре в результате крушения фашизма, и по сей день вызывают раздражение и злобу в лагере реакции. Стараясь очернить СССР, возложить на него ответственность за порожденную империализмом вторую мировую войну и обелить ее истинных виновников, буржуазная историография извращает внешнюю политику Советского государства в предвоенные годы и в начале второй мировой войны. Это касается и истории советско-румынских отношений, фальсификация которой используется для оправдания не только участия военно-фашистской Румынии в войне против СССР, но и нападения гитлеровской Германии на нашу страну. В советской исторической науке уделялось немало внимания проблемам советско-румынских отношений накануне и в начале второй мировой войны. В трудах советских историков отмечается антисоветский внешнеполитический курс румынских буржуазных правительств, раскрываются подлинные причины участия военно-фашистской Румынии в войне против СССР².

В последние годы в обстановке обострившегося по вине американской реакции международного положения империалистическая про-

¹ Правда, 17.VI.1984.

² См.: Лебедев Н. И. Румыния в годы второй мировой войны. Внешнеполитическая и внутривнутренняя история Румынии в 1939—1945 гг. М. 1961; его же. Падение диктатуры Антонеску. М. 1966; его же. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер (из истории румынского фашизма, монархии и внешнеполитической «игры на двух столах»). М. 1968; его же. Крах фашизма в Румынии. М. 1976 (изд. 2-е. М. 1983); Язькова А. А. Румыния накануне второй мировой войны 1934—1939 гг. М. 1963; Копанский Я. М., Левит И. Э. Советско-румынские отношения 1929—1934 (от подписания Московского протокола до установления дипломатических отношений). М. 1971; Колкер Б. М., Левит И. Э. Внешняя политика Румынии и румыно-советские отношения (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.). М. 1971; Лазарев А. М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев 1974; Копанский Я. М. Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской Родиной (1918—1940 гг.). Кишинев. 1975; Шевяков А. А. Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности 1932—1939 гг. М. 1977; Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Истоки, планы, реализация (1.IX.1939—19.XI.1942 г.). Кишинев. 1981; его же. Крах политики агрессии диктатуры Антонеску (19.XI.1942—23.VIII.1944). Кишинев. 1983; и др.

паганда усилила попытки фальсифицировать историю советско-румынских отношений. Реакционная буржуазная историография при освещении причин вступления фашистской Румынии в войну против СССР оперирует в основном двумя тезисами: о «русской угрозе» и о желании Румынии «возвратить» себе Бессарабию и Северную Буковину. Миф о «советской угрозе» Румынии стал составной частью пресловутого тезиса, широко пропагандируемого и по сей день на Западе, о якобы «превентивном» характере войны Германии и ее союзников против СССР³. Буржуазные фальсификаторы пытаются представить освобождение советскими войсками Бессарабии и Северной Буковины в июне 1940 г. как событие, определившее поворот в политике не только королевской Румынии, но и гитлеровской Германии.

Легенда о «советской угрозе» Румынии не нова. Ее выдумала гитлеровская пропаганда для оправдания вероломного нападения на Советский Союз. Один из руководителей ведомства Геббельса Г. Зюндерман впоследствии писал, что ему была поручена «разработка общей аргументации причин нападения на СССР» и рекомендовано в их обоснование «положить также тезис о том, что Германия воюет и в защиту малых союзных ей народов, в частности румынского (ссылаться на события июня 1940 г., связанные с Бессарабией)»⁴. В послевоенной буржуазной историографии версии о «советской угрозе» и защите в войне «национальных прав» Румынии упорно пропагандировали бывшие политические и военные деятели, журналисты и другие выходцы из румынских буржуазно-помещичьих кругов, бежавшие из страны. Именно они задавали и продолжают задавать тон на Западе в освещении истории советско-румынских отношений⁵.

Сфабрикованная бывшими деятелями королевской Румынии «концепция» советско-румынских отношений накануне и в начале второй мировой войны взята на вооружение реакционными историками Запада с целью опорочить внешнюю политику Советского государства, создать впечатление, что советская нота 26 июня 1940 г. Румынии толкнула последнюю «в объятия Гитлера», и она в связи с продолжавшейся «советской угрозой» вынужденно стала союзницей Германии в войне против СССР. Эта «угроза» и «тревога за судьбу Румынии» заставила якобы и Гитлера «повернуть свои армии на Восток»⁶. Конечно, не все

³ Критику «теории» о «советском экспансионизме» и «превентивной войне» см. Жилин П. А., Якушевский А. С., Кульков Е. Н. Критика основных концепций буржуазной историографии второй мировой войны. М. 1983, с. 92—109.

⁴ S ü n d e r m a n n H. Tagesparolen. Deutsche Presseweisungen 1939—1945. Hitler-Propaganda und Kriegsführung. Leoni-Starnberger See. 1973. S. 167.

⁵ G a f e n c o G. Préliminaires de la guerre à l'Est. De l'accord de Moscou (21 août 1939) aux hostilités en Russie (22 juin 1941). Fribourg. 1944; C r e t z i a n u A. The Soviet Ultimatum to Romania.—Journal of Central European Affairs, January, 1950, vol. IX, № 4; e j u s d. La politique de paix de la Roumanie à l'égard de l'Union Soviétique. P. 1954; C h i r n o a g ă P. Istoria politică și militară a războiului României contra Rusiei Sovietice. 22 iunie 1941—23 august 1944. Madrid. 1965; Aspects des relations russo-roumaines. Rétrospective et orientations. P. 1967; S t u r d z a M. The Suicide of Europe. Memoirs of Prince Mishaël Sturdza, Former Minister of Rumania. Boston—Los Angeles. 1968 (имеется и лондонское издание 1971 г.); D i m a N. Bessarabia and Bucovina: The Soviet-Romanian Territorial Dispute. Boulder (Col.). 1982.

⁶ Вестфаль З и др. Рейхские решения. М. 1958, с. 59; F a b r y P. W. Der Hitler-Stalin-Pakt 1939—1941. Ein Beitrag zur Methode sowjetischer Aussenpolitik. Darmstadt. 1962. S. 224—225, 278—279; e j u s d. Die Sowjetunion und das Dritte Reich. Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933 bis 1941. Stuttgart. 1971. S. 233; G u s t a w s o n K. Europe in the World Community since 1939. Boston. 1971, p. 160; W e b e r H. Die Bukowina im zweiten Weltkrieg. Völkerrechtliche Aspekte der Lage der Bukowina im Spannungsfeld zwischen Rumänien, der Sowjetunion und Deutschland. Hamburg 1972. S. 27; O l s h a u s e n K. Zwischenspiel auf dem Balkan. Die deutsche Politik gegenüber Jugoslawien und Griechenland von März bis Juli 1941. Stuttgart. 1973. S. 54; A l l a r d S. Stalin und Hitler. Die sowjet-russische Aussenpolitik 1930—1941. Bern—München. 1974. S. 212; Südosteuropa-Handbuch. Bd. II. Rumänien, Göttingen. 1977. S. 200.

буржуазные историки при всей их тенденциозности трактуют события 1940—1941 гг. в таком духе. Перед лицом неопровержимых фактов, приведенных на процессах главных военных преступников в Нюрнберге, Бухаресте и др., а также содержащихся в опубликованных после войны сборниках дипломатических и военных документов, некоторые из них вынуждены признать наличие у гитлеровцев и их союзников антисоветских планов, по-иному оценивать политику Германии на Балканах, сущность итало-германских «гарантий» Румынии и т. д. Но не о них пойдет речь в данной статье, а о несостоятельности «концепций» Гафенку, Крецяну, Кирноаге, Фабри, Алларда, Стурдзы и других антисоветчиков.

В свое время В. И. Ленин подчеркивал: «Война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменяв только форму действия»⁷. После победы Великой Октябрьской социалистической революции эксплуататорские классы Румынии, напуганные ее воздействием на румынских трудящихся, активно включились в заговор западных империалистов и российской контрреволюции против молодого Советского государства. Как отмечал Ленин в начале 1918 г., существовал тесный союз «господ Рябушинских» с «господами капиталистами Франции и Англии и с румынским королем»⁸.

Давно вынашивая планы захвата Бессарабии, подстрекаемая западными империалистами королевская Румыния в сговоре с контрреволюционным русским командованием Румынского фронта, вожаками «Сфатул цэрий» и Украинской Рады первая среди капиталистических государств предприняла военную интервенцию против Страны Советов. Она жестоко подавляла революционные выступления русских солдат Румынского фронта, вторглась на территорию Бессарабии и, несмотря на протесты трудящихся, выступивших с оружием в руках в защиту завоеваний Октября, в начале 1918 г. оккупировала этот край, ликвидировав на его территории Советскую власть⁹. В связи с этим Совет Народных Комиссаров РСФСР 13(26) января 1918 г. принял решение о разрыве дипломатических отношений с Румынией¹⁰. В конце 1918 г., игнорируя волю украинских трудящихся¹¹, составлявших большинство населения Северной Буковины, королевская Румыния оккупировала и эту область. Войска королевской Румынии попытались проникнуть и на левый берег Днестра, но в феврале 1918 г. получили отпор советских частей в районе Рыбница — Шолданешты.

Боязнь полного разгрома, энергичные меры Советского правительства, непрекращавшаяся борьба трудящихся в оккупированных районах заставили румынское правительство подписать 5—9 марта 1918 г. соглашение, согласно которому оно обязалось в двухмесячный срок вывести свои войска из Бессарабии, а также «не предпринимать никаких военных, неприятельских или других действий против Всероссийской Федерации Советских Республик рабочих и крестьян и не поддержи-

⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 79.

⁸ Там же. Т. 35, с. 296.

⁹ Подробнее об этом см.: Антонюк Д. И. и др. Победа Советской власти в Молдавии. М. 1978; Мельник С. К. Борьба за власть Советов в Придунайском крае и воссоединение с УССР (1917—1940). Киев — Одесса. 1978; и др.

¹⁰ Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. I. М. 1957, с. 90.

¹¹ См. Решение Народного веча от 3.XI.1918 г. в г. Черновцы. В кн.: Борьба трудящихся Буковины за социальные и национальные wyzwolenia i wozz'ednannia z Ukraїns'koju РСР. 1917—1941. Док. і м-ли. Чернівці. 1958, с. 125—126.

вать таковые, предпринимаемые другими государствами»¹². Зарубежные авторы предпочитают умалчивать об этом договоре или же выдают его за проявление «миролюбия» правительства королевской Румынии, возглавляемого реакционным генералом А. Авереску.

Между тем румынская олигархия и не помышляла о его выполнении. Воспользовавшись оккупацией Украины австро-германскими войсками, она стала на путь аннексии Бессарабии и превращения ее территории в плацдарм для нападения на Страну Советов. Используя инсценированное «голосование» самозванного контрреволюционного «Сфатул цэрий» вначале за условное (9 апреля 1918 г.), а затем за безусловное (10 декабря 1918 г.) присоединение Бессарабии к Румынии¹³, королевское правительство провозгласило включение захваченной Бессарабии в состав Румынии.

Советское правительство, естественно, не могло признать за самозванным «Сфатул цэрий», этим, как сказано в одной из советских нот, «обломком националистической организации», право решать судьбу края, не могло «остаться глухим к стонам населения Бессарабии, подавленного иностранным игом». В заявлениях и многочисленных нотах правительств РСФСР и УССР, адресованных королевской Румынии и западным странам, выражался решительный протест против оккупации Бессарабии, указывалось, что решения «Сфатул цэрий», как и подписанный 28 октября 1920 г. Англией, Францией, Италией и Японией т. н. Парижский, или Бессарабский, протокол о признании ими аннексии Бессарабии Румынией, лишены всякой международно-правовой силы и не признаются правительствами советских республик¹⁴. В ноте от 1 мая 1919 г., адресованной Румынии, правительство УССР требовало предоставления трудящимся Буковины права на самоопределение и вывода румынских войск с оккупированных территорий¹⁵.

Правящие круги королевской Румынии не прочь были захватить и другие молдавские и украинские земли. В конце 1918 — начале 1919 г. они предоставили территорию Румынии и Бессарабии для интервенции войск Антанты на Украину и в левобережные районы Молдавии. Вместе с французскими войсками на левый берег Днестра двинулись и румынские части, но были отброшены Красной Армией. В 1919—1921 гг. королевская Румыния оказывала помощь Деникину, Петлюре, Врангелю и другим антисоветским силам, предоставляла их разгромленным бандам убежище, устраивала провокации на Днестре. В нотах правительств РСФСР и УССР, адресованных королевской Румынии, неоднократно выражались протесты против этих враждебных акций, указывалась их несовместимость с нормальными отношениями между странами¹⁶. Антисоветизм и в дальнейшем оставался важнейшей чертой внешней политики королевской Румынии. Неоднократные попытки Советской страны мирным путем разрешить все спорные вопросы встречали упорное сопротивление королевской Румынии, поддержанной империалистами Запада. Когда же ее дипломаты садились за стол переговоров, они обуславливали нормализацию отношений между двумя странами признанием аннексии Румынией советских территорий. Это, в частности, привело к срыву советско-румынских конференций в Варшаве (1921 г.) и в Вене (1924 г.), переговоров о за-

¹² ДВП СССР. Т. I, с. 210.

¹³ Подробнее об этом см.: Антонюк Д. И., Афтенюк С. Я., Есауленко А. С., Иткис М. Б. Предательская роль «Сфатул цэрий». Кишинев. 1969.

¹⁴ ДВП СССР. Т. I, с. 242, 248—249; т. II. М. 1958, с. 64, 148—151; т. III. М. 1959, с. 312; т. V. М. 1961, с. 208, 301, 366, 401, 672; т. VI. М. 1962, с. 346.

¹⁵ Борьба трудящихся Буковины, с. 172—173.

¹⁶ См. ДВП СССР. Т. III, с. 340—341, 383—384; т. IV. М. 1960, с. 16, 57, 89, 269, 541—545; Внешняя политика СССР. Сб. док. Т. II. М. 1944, с. 4, 8.

ключении пакта о ненападении (1932 г.)¹⁷. Домогательства румынских правящих кругов всегда встречали должный отпор Советского правительства.

Сложившаяся в начале 30-х годов международная обстановка, возросшая, особенно с приходом к власти Гитлера, угроза новой мировой войны, открытые призывы последнего к ревизии Версальской системы договоров заставили Францию и идущие в фарватере ее политики государства Центральной и Юго-Восточной Европы, включая Румынию, искать пути для налаживания отношений с Советским Союзом, международный авторитет которого из года в год возрастал. В июле 1933 г. Румыния вместе с другими государствами подписала в Лондоне предложенную СССР конвенцию об определении агрессора. 9 июня 1934 г., после 17-летнего упорного нежелания румынской олигархии признать Советское государство, между СССР и Румынией были установлены дипломатические отношения. Советское правительство, так же как и при подписании в феврале 1929 г. с участием Румынии Московского протокола о досрочном вводе в действие пакта Бриана — Келлога, оговорило, что Лондонские конвенции и обмен писем об установлении дипломатических отношений не разрешают существующих между СССР и Румынией территориальных споров.

Это не помешало в дальнейшем некоторым буржуазным историкам, юристам и политическим деятелям¹⁸ трактовать вышеупомянутые документы как косвенное признание Советским Союзом Бессарабии в качестве румынской территории. Между тем известно, что после подписания Лондонских конвенций М. М. Литвинов, выступая на IV сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г., заявил: «То, что этот акт был совершен несмотря на то, что с одной из этих стран — с Румынией — не разрешены еще старые споры, только увеличивает значение его». Что касается условий, на которых были установлены дипломатические отношения, то их как нельзя лучше характеризует запись из дневника Литвинова, где говорится о том, что министр иностранных дел Румынии Н. Титулеску пытался получить «обещания, что мы не будем поднимать никогда бессарабского вопроса, и мне пришлось дать ему решительный отпор в присутствии Бенеша»¹⁹.

После июня 1934 г. наступило определенное улучшение советско-румынских отношений. Титулеску поддерживал идею создания системы коллективной безопасности в Европе с участием СССР. Одним из ее звеньев наряду с заключенными в мае 1935 г. советско-французским и советско-чехословацким пактами о взаимопомощи должен был стать и предполагаемый пакт о взаимопомощи между СССР и Румынией.

Но эта политическая линия с самого начала встретила резкое сопротивление со стороны румынских фашистских партий («Железной гвардии», «Лиги национал-христианской защиты») и других крайне правых сил. С трибуны парламента и со страниц реакционной печати раздавались голоса о том, что только гитлеровская Германия «может удовлетворить интересы экономики и обороны Румынии в случае конфликта», что следует подражать «польскому примеру»²⁰, т. е. взять

¹⁷ Внешняя политика СССР. Т. II, с. 173—182; ДВП СССР. Т. VII. М. 1963, с. 164—169, 172—174, 176—179; Подробнее см.: Копанский Я. М., Левит И. Э. Ук. соч., с. 75—115.

¹⁸ Tătărescu Gh. Evacuarea Basarabiei și a Bucovinei de Nord. Craiova. 1940, p. 22; Mosely Ph. Is Bessarabia Next? — Foreign Affairs, April, 1940, vol. 18, № 3, p. 559; Suga A. Die völkerrechtliche Lage Bessarabiens in der geschichtlichen Entwicklung des Landes. Bonn. 1958, S. 5.

¹⁹ Литвинов М. Внешняя политика СССР. Изд. 2-е. М. 1937, с. 68; Архив внешней политики СССР. Из дневника М. М. Литвинова. Подробнее о позиции Советского правительства и несостоятельности утверждений буржуазных авторов см. Копанский Я. М., Левит И. Э. Ук. соч., с. 38—46, 137—140, 169—173.

²⁰ Cuza A. C. Indrumari de politică externă. Discursuri parlamentare rostite în anii 1920—1936. București. 1941, p. 11; Axa, 1.X.1933.

курс на сближение с рейхом. И хотя в тот период во внешней политике Румынии сохранялся старый профранцузский курс, влиятельные политические деятели (Г. Брэтиану, О. Гога, А. Вайда-Воевод, И. Джигурту и др.) и король стали усиленно выступать за дружбу с фашистской Германией, стараясь заручиться ее поддержкой в территориальных спорах Румынии с соседями. Особенно прельщали румынскую реакцию антикоммунистические и антисоветские призывы гитлеровцев. Следствием этого явился отказ румынских правителей от курса на создание системы коллективной безопасности в Европе. В августе 1936 г. сторонник этой политики Н. Титулеску был смещен со своего поста. Противники улучшения отношений с Советским Союзом взяли верх.

Внутриполитическое развитие Румынии шло по пути усиленной фашизации. В стране активизировалась деятельность фашистских партий, антисоветских эмигрантских организаций, волна репрессий обрушилась против демократических сил. В области внешней политики румынская олигархия после отстранения Титулеску взяла курс на сближение с гитлеровской Германией и фашистской Италией, а также с реакционным югославским правительством М. Стоядиновича и особенно с Польшей.

Все это не могло не вызвать беспокойства в СССР. В письмах и телеграммах советскому полпреду в Бухаресте М. С. Островскому от 13 октября 1936 г. и 22 февраля 1937 г. НКВД обращал внимание на готовность Румынии «к широко идущему сближению с Германией», на то, что сближение с Польшей «мы должны рассматривать как направленное против СССР, ибо никаких других целей это сближение преследовать не может»²¹. В беседах с румынским премьером Г. Татареску, министром внутренних дел И. Инкулем и новым министром иностранных дел В. Антонеску советские дипломаты неоднократно и с тревогой отзывались о чрезмерной близости румынского руководства с профашистскими правительствами Югославии и особенно Польши, указывали, что «Румыния твердо стала на рельсы польской, а следовательно и антисоветской политики», что активизация румыно-польского союза, сопровождаемая антисоветскими политическими и военными демонстрациями, начинает превращаться в угрозу для дела мира»²². Советские дипломаты обращали внимание и на рост антисоветской истерии в Румынии, использование в этих целях трибуны парламента, на открытые антисоветские выпады румынских властей, в том числе со стороны членов правительства, на возобновление провокаций румынской военщины на Днестре и т. д.²³.

Лицемерно заявляя советским дипломатам, что Румыния желает «поддерживать отношения дружбы и сердечного добрососедства с Россией»²⁴, румынские реакционные правители на деле с каждым днем усиливали антисоветскую направленность своей политики. Особенно резко ухудшились румыно-советские отношения с приходом к власти 29 декабря 1937 г. правительства О. Гоги, одного из лидеров фашистской национал-христианской партии, который задался целью добиться заключения договоров о дружбе с гитлеровской Германией и фашистской Италией²⁵. В создавшейся обстановке Советское правительство отозвало своего полпреда из Бухареста, считая нецелесообразным иметь в румынской столице своего дипломата такого ранга.

²¹ ДВП СССР. Т. XIX. М. 1975, с. 478; т. XX. М. 1976, с. 93.

²² Там же. Т. XX, с. 94—100, 377—379, 420—423, 736—737 и др.

²³ Там же. Т. XIX, с. 576—578; т. XX, с. 53, 94, 99, 333.

²⁴ Там же. Т. XIX, с. 433, 438, 455, 496; т. XX, с. 52, 99, 100, 420, 719, 736, 737 и др.

²⁵ См. Колкер Б. М. Внешняя политика правительства Гоги (декабрь 1937—февраль 1938 г.). В кн.: Балканский исторический сборник. III. Кишинев. 1973.

Правительство О. Гоги расчистило путь для установления в Румынии королевской диктатуры. В обстановке все усиливавшейся международной напряженности румынская олигархия, лавируя между англо-французским и итало-германским блоками, способствовала подрыву усилий СССР, направленных на создание системы коллективной безопасности. В сентябре 1938 г. отказом пропустить через свою территорию советские войска для предоставления помощи Чехословакии в случае нападения на нее Германии королевская Румыния объективно способствовала осуществлению гитлеровских планов расчленения своей союзницы по Малой Антанте²⁶. Румынский посланник в Риме А. Замфиреску в беседах с итальянским министром иностранных дел неоднократно характеризовал отказ пропустить советские войска на помощь Чехословакии как доказательство заслуг Румынии перед Германией и Италией²⁷. Кароль II, нанесший в ноябре 1938 г. визит Гитлеру, заявил, что «Румыния всегда была против России», и обещал и впредь «никогда не разрешать прохождение русских через территорию Румынии»²⁸.

Крайне реакционные силы Румынии, которые политику отказа западных держав от создания системы коллективной безопасности и попустительства гитлеровским захватам не без основания расценили как начало создания широкого антисоветского альянса, готовились стать участниками «крестового похода» против СССР. Журнал «*Insemnăgi sociologice*», издававшийся идеологом румынского фашизма Т. Брэильяну, поместил статью с недвусмысленным названием: «Румынский империализм как национальный идеал». В ней говорилось: «Румыния должна ориентировать свою политику на восток. Для этого нужно просвещать народное сознание в направлении империализма к востоку и организовать нашу армию, чтобы она была в состоянии наступать на восток, когда придет момент»²⁹. Не случайно во второй половине 30-х годов усилилась возня вокруг вопроса о т. н. заднеэстровских румынах. Печатались книги, брошюры, статьи, выпускались журналы, такие, как «*Transnistria*», «*Tribuna Românilor transnistrienii*» и др., на страницах которых велась клеветническая кампания против СССР, и в частности Молдавской АССР, развивалась концепция об «историческом пространстве румын», границы которого определялись до Буга, Днепра и далее. Белоэмигрант Н. Смокинэ, нашедший приют в Бухаресте, привал «на пути к духовному объединению с заднеэстровскими братьями набраться терпения» и заверял, что все это «приведет к победе»³⁰.

Между тем, когда после захвата гитлеровцами Чехословакии, угроза германской агрессии нависла и над Румынией, именно Советское правительство 18 марта 1939 г. предложило созвать конференцию представителей СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции для обсуждения вопроса об оказании Румынии помощи в случае фашистской агрессии, притом в телеграмме НКВД советскому полпреду в Англии указывалось, что «лучше всего было бы собраться в Румынии, что сразу укрепило бы ее положение». Однако правители запад-

²⁶ См.: Язькова А. А. Малая Антанта и Мюнхен. — Новая и новейшая история, 1967, № 4; Колкер Б. М. Румынское правительство и Мюнхенский сговор. В кн.: Балканский исторический сборник. I. Кишинев. 1968.

²⁷ Историко-дипломатический архив МИД СССР (далее — ИДА), ф. Микрофильмы румынских документов. Dosarul: Italia. Telegrama Legațiunei din Roma № 2237, 27 Decembrie 1938; Raportul № 4051 din 25 Iulie 1939.

²⁸ Documents on German Foreign Policy (1918—1945) (DGFP). Ser. D. (1937—1945). Vol. VIII. Lnd. 1954, p. 339.

²⁹ Цит. по: Gall E. Sociologia burgeză din România. In Studii critice. București. 1958, p. 253.

³⁰ Smochină N. P. Republica moldovenească a sovietelor. București. 1938, p. 30.

ных стран отвергли это конструктивное предложение, ссылаясь при этом и на отказ Румынии получать помощь от СССР³¹. Спустя несколько дней, 23 марта 1939 г., уступая нажиму со стороны Германии, королевская Румыния подписала с гитлеровцами экономическое соглашение, ставшее вехой на пути потери страной национальной независимости. Его заключение было справедливо расценено в СССР как серьезный шаг не только в деле экономического и политического подчинения Румынии германскому империализму, но и как усиление угрозы безопасности СССР на юго-западе³².

Вместе со своей союзницей Польшей королевская Румыния способствовала срыву проходивших в Москве в марте—августе 1939 г. англо-франко-советских переговоров³³. Министр иностранных дел Румынии Гафенку, находившийся 18—20 апреля в Берлине, заверял правителей Германии, что Румыния не согласится участвовать в каком-либо пакте совместно с СССР³⁴. В своих мемуарах Гафенку впоследствии признавал, что правительство Англии «было счастливо выдвинуть на первый план возражения Польши и Румынии, чтобы ограничить те обязательства, которые мог взять на себя Советский Союз»³⁵, иными словами, для затягивания переговоров, пока за их спиной не удастся договориться с гитлеровцами.

Заключение 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении вызвало замешательство в румынских правящих кругах. Их расчеты на антисоветский крестовый поход объединенных империалистических сил на этот раз не оправдались. Объявив в начале второй мировой войны «нейтралитет» и продолжая прежнюю политику «игры на двух столах», правители королевской Румынии надеялись таким путем удержать свои границы, установленные Версальской системой договоров. На словах они ратовали за нормализацию отношений с СССР, на деле же никаких мер в этом направлении не предпринимали. Они продолжали строить свои взаимоотношения с империалистическими державами на прежней антисоветской основе, усиленно добиваясь поддержки в бессарабском вопросе как итало-германского, так и англо-французского блоков, носились с идеей создания из стран Юго-Восточной Европы под эгидой фашистской Италии «блока нейтралов», направленного против СССР, разжигали антисоветскую истерию, призывали политических деятелей воюющих держав к заключению мира во имя борьбы с коммунизмом и «советской угрозой»³⁶.

Были предприняты шаги и к сближению с не воюющей пока фашистской Италией. Г. Татареску, вновь возглавивший с 24 ноября 1939 г. правительство Румынии, в своей «Записке», озаглавленной «Наша внешняя политика», которую он сдал в архив румынской Академии в 1943 г., с удовлетворением отмечал, что Италия в конце 1939 г. «ни в одном вопросе не отказалась от своих антибольшевистских позиций. Поэтому переговоры проводились в рамках откровенности». Итальянский министр иностранных дел Г. Чиано одобрил антисоветскую позицию румынских правителей, призвал их сражаться «с оружием в руках» во имя «всеевропейского интереса»³⁷.

³¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.). Док. и м-лы. М. 1971, с. 246, 257.

³² Там же, с. 283—284.

³³ См. подробнее: Парсаданова В. С. Советско-польские и советско-румынские отношения накануне второй мировой войны. — Вопросы истории, 1984, № 3.

³⁴ Hillgruber A. Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumänischen Beziehungen 1938—1944. Wiesbaden. 1965, S. 51.

³⁵ Gaifenco G. Derniers jours de l'Europe, un voyage diplomatique en 1939. P. 1946, pp. 165—166.

³⁶ Подробнее см. Колкер Б. М., Левит И. Э. Ук. соч., с. 16—55.

³⁷ ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Memoriul d-lui Tătărescu, «Politica noastră externă»; Dosarul: Italia. Telegrama № 7343, 24 Decembrie 1939.

Воодушевленные враждебной позицией Италии в отношении СССР, известиями о подготовляемой отправки на помощь белофиннам англо-французского экспедиционного корпуса, о концентрации на Ближнем Востоке, вблизи Баку, армии французского генерала М. Вейгана, правители королевской Румынии перешли к открытым антисоветским провокациям. В начале 1940 г. Кароль II совершил демонстративную поездку в оккупированную Бессарабию, где выступил с воинственной речью, заявив, что территория между Прутом и Днестром «будет навеки румынской». Такой же демонстративный характер носили выездное заседание румынского правительства, проведенное в конце января в Кишиневе, и заявление Татареску, что «Прут сегодня объединяет, а не разъединяет» Бессарабию и Румынию³⁸.

Одновременно королевские власти усиливали фашизацию внутренней жизни. При каждом изменении состава румынского правительства укреплялись позиции политических деятелей, известных своими симпатиями и связями с гитлеровцами. Это должно было вызвать доверие фашистских государств к режиму Кароля II³⁹. В марте 1940 г., после лицемерного «покаяния» из тюрьмы были выпущены члены «Железной гвардии», ранее арестованные за террористические акты и выступления против короля и его камарильи. Вместе с тем участились репрессии против коммунистов и всех демократических сил, призывавших к нормализации отношений с СССР. Особенно жестоко подавлялось освободительное движение на оккупированных советских территориях.

Глубокое разочарование румынской реакции вызвало подписание мирного договора между СССР и Финляндией 12 марта 1940 года. Надежды на превращение советско-финской войны в крестовый поход против Советского Союза рухнули. Вместе с тем была подорвана вера правителей Румынии в возможность получения эффективной поддержки со стороны Англии и Франции, которые не сумели предотвратить поражение белофиннов. Вскоре после этого румынской олигархии пришлось убедиться и в иллюзорности расчетов на помощь Италии, поддерживавшей территориальные требования хортистов к Румынии. Казалось бы, в этой обстановке правителям Румынии следовало отказаться от антисоветской политики, искать пути улучшения отношений с СССР. Однако они продолжали свой авантюристический курс. Как писал видный деятель Компартии Румынии Л. Патрашкану, «антисоветская политика (королевской.— И. Л.) диктатуры, вершиной которой явились воинственные заявления, сделанные Каролем II в Кишиневе и Констанце зимою и весной 1940 г., лишили Румынию и поддержки Советского Союза. Предоставляя территорию страны для всяких антисоветских интриг и международных махинаций, каролистская диктатура сделала все, чтобы сохранить самые напряженные отношения с соседней республикой»⁴⁰.

В королевской Румынии активно велись военные приготовления против СССР. Под видом переподготовки в армию призывались десятки тысяч резервистов. Началась реквизиция транспорта. Все это ложилось тяжелым бременем на плечи народа, вызывая глубокое недовольство. Особенно страдали трудящиеся Бессарабии и Северной Буковины, т. к. военные приготовления румынских властей проводились главным образом на Днестре. Большие партии оружия Румыния получала в это время как от Германии, так и от западных держав. 16 марта 1940 г., выступая по радио, Татареску объявил об открытии нового «чрезвычайного кредита» для нужд армии в размере 30 млрд. лей и о готовности Румынии «защищаться» от любого нападения. Спустя три дня

³⁸ *Universul*, 10, 29.I.1940.

³⁹ См. Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии, с. 258—259.

⁴⁰ *Pătrășcanu L. Sub trei dictaturi*. București. 1970, p. 186.

министр иностранных дел Гафенку в своем выступлении в парламенте уточнил, что речь идет о «защите прав», полученных Румынией в результате «свободного волеизъявления исторических собраний» в Кишиневе и Черновцах в 1918 г.⁴¹, а 22-ю годовщину незаконного решения «Сфатул цэрий» о присоединении Бессарабии к Румынии реакционная буржуазная печать демонстративно отметила с большой помпезностью.

Советское правительство не могло пройти мимо этих провокационных акций руководителей королевской Румынии. 29 марта в докладе о внешней политике на сессии Верховного Совета СССР В. М. Молотов напомнил о наличии «нерешенного вопроса, вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем»⁴².

Румынские правящие круги основную ставку теперь делали на фашистскую Германию, полагая, что благодаря ее заинтересованности в нефти и других сырьевых богатствах Румынии, в сохранении статус-кво на Балканах, пока не завершены военные действия на Западе, им удастся при поддержке рейха сохранить границы, установленные Версальской системой договоров. 30 марта 1940 г. Татареску встретился с германским посланником в Бухаресте В. Фабрициусом и сообщил о том, что Румыния считает своей важнейшей задачей добиться дружбы с Германией — единственной, кто «в состоянии повлиять на Москву». Германский посланник доносил в Берлин, что румынский премьер заявил о намерении его страны продолжать вооружаться и просил помощи у Германии. На следующий день Фабрициус докладывал о заверениях премьера, министра иностранных дел и военного министра Румынии в том, что они будут ориентировать ее политику на Германию, которая должна взять на себя обязанность «защищать» Румынию от России. 15 апреля ближайший сподвижник Кароля II министр королевского двора Э. Урдэрянэ сообщил Фабрициусу, что на заседании правительства король заявил о своем намерении «присоединиться к политической линии», проводимой Германией. Намекая на то, что последняя может стать хозяином устья Дуная, министр старался убедить гитлеровского дипломата, что «и сейчас, и в будущем для Германии важно, чтобы устье Дуная не оказалось в руках великой державы»⁴³, имея в виду Советский Союз.

16 мая 1940 г. Кароль II принял Фабрициуса. Восхищаясь победами немцев на Западе, он подчеркнул, что «будущее Румынии зависит только от Германии». 25 мая Гафенку сообщил Фабрициусу о желании короля сотрудничать с Германией «во всех областях». Он также просил совета Берлина, какую политику должна вести Румыния в отношении СССР⁴⁴, иными словами, дал понять, что его правительство готово во всем следовать германским указаниям. 28 мая, после состоявшегося у Кароля совещания, на котором было решено «приспособиться к реальности»⁴⁵ и предложить Берлину «дружбу», Татареску в присутствии Гафенку и Урдэрянэ сделал Фабрициусу официальное заявление, что румынское правительство выступает за тесное сотрудничество с Германией «не только в экономической, но и во всех прочих областях». Во время обеда, сообщал в Берлин Фабрициус, Урдэрянэ еще раз подчеркнул, что «король больше не говорит о нейтралитете, а склоняется на сторону Германии»⁴⁶. Гафенку, олицетворявший прежнюю политику балансирования, ушел в отставку, его место занял фашист И. Джигур-

⁴¹ Universul, 18. III. 1940.

⁴² Известия, 30. III. 1940.

⁴³ DGFP. Ser. D. Vol. IX. Lnd. 1957, pp. 49, 61, 62, 167.

⁴⁴ Ibid., pp. 349, 435.

⁴⁵ Ga f e n c o G. Préliminaires de la Guerre à l'Est, pp. 330—333.

⁴⁶ DGFP. Ser. D. Vol. IX, pp. 466—467.

ту, известный своей прогитлеровской ориентацией. В тот же день, 28 мая 1940 г., был подписан «нефтяной пакт», согласно которому румынское правительство обязалось удовлетворить все требования гитлеровцев относительно поставок Германии румынской нефти, к тому же по ценам, намного ниже мировых⁴⁷.

20 июня 1940 г., т. е. за два дня до подписания Францией акта капитуляции перед фашистской Германией, Татареску передал германскому посланнику меморандум, в котором говорилось: «Правительство считает это сотрудничество (между Румынией и Германией.— И. Л.), диктуемое как геополитическим положением Румынии, так и новым порядком, устанавливающимся в Европе, необходимым во всех областях. Румынское правительство считает, что идентичность интересов, которая связывала оба государства в прошлом, определяет также сегодня и будет определять еще сильнее завтра их взаимоотношения и требует быстрой организации этого сотрудничества, которое предполагает сильную в политическом и экономическом отношениях Румынию, ибо только такая Румыния является гарантией того, что она сможет выполнить свою роль стража на Днестре и в устьях Дуная»⁴⁸. Тем самым меморандумом подтверждалась антисоветская направленность румыно-германского военного союза, который был предложен Германии Каролем. Стараясь угодить Берлину, король решил и внешне придать своему правлению национал-социалистский характер. 21 июня была создана фашистская тоталитарная «Партия нации», которую возглавил сам Кароль II. Процесс превращения Румынии в фашистское государство, который особенно ускорился с установлением королевской диктатуры, завершился официальным признанием фашистской идеологии в качестве духовной основы «нового» государства.

Таким образом, еще до советской ноты Румынии от 26 июня 1940 г. правители этой страны окончательно перешли на сторону фашистской Германии, неоднократно выдвигали предложения о сотрудничестве с гитлеровцами во всех областях, в том числе в военной. Приведенные выше документы о румыно-германских отношениях накануне освобождения Бессарабии и Северной Буковины Советским Союзом, ставшие известными в послевоенные годы, убеждают в том, что Советское правительство правильно оценило положение, создавшееся в результате успехов гитлеровского вермахта на Западе, верно определило опасность, которую представляла для юго-западных областей СССР, для судеб трудящихся Бессарабии и Северной Буковины реальная угроза превращения королевской Румынии в сателлита фашистской Германии.

В этой обстановке Советский Союз не мог откладывать разрешение вопроса о Бессарабии и Северной Буковине. В советской ноте правительству Румынии от 26 июня 1940 г. подчеркивалось, что быстрее разрешение полученных «в наследство от прошлого нерешенных вопросов» необходимо для «восстановления справедливости» и «для того, чтобы заложить, наконец, основы прочного мира между странами», т. е. между СССР и Румынией⁴⁹. Однако не о прочном мире с восточным соседом заботилась румынская олигархия. Получив советскую ноту, она стремилась заручиться помощью Германии и Италии в случае военного конфликта с Советским Союзом. Однако Германия и Италия не были в конце июня 1940 г. готовы к войне против СССР и посоветовали Бухаресту «пока уступить»⁵⁰. Этот многообещающий намек Берлина и Рима был понят румынской правящей верхушкой. 29 июня, на

⁴⁷ Ibid., pp. 459, 460.

⁴⁸ Ibid., p. 657.

⁴⁹ Правда, 29.VI.1940.

⁵⁰ DGFP. Ser. D. Vol. X. Lnd. 1957, p. 28; Ciano G. Journal politique. 1939—1943. Vol. I. Neuchâtel. 1946, p. 28.

второй день после освобождения Бессарабии и Северной Буковины Советским Союзом, на совещании, созванном в королевском дворце, в ходе которого еще раз был подтвержден курс Бухареста на присоединение к фашистской оси, один из королевских советников заявил: «Румыния должна быть готова участвовать на стороне германских войск в тот момент, когда они нападут... на СССР». Другой добавил: «Время еще не упущено. Если даже конфликт произойдет не в скором времени, то он уже и не за горами»⁵¹. 2 июля король направил Гитлеру послание, в котором повторялось желание сотрудничать с Германией во всех областях и содержалась просьба направить в Румынию военную миссию. При этом Кароль II пустил в ход избитую версию о «русской угрозе» Румынии⁵². Чтобы доказать свою решимость идти вместе с Германией, он поставил 4 июля во главе правительства И. Джигурту.

Гитлер не торопился с оформлением военно-политического союза с фашистской Румынией, зная, что никакой «русской угрозы» нет. Между тем он использовал настойчивость румынских правителей, чтобы выставить себя «благодетелем» Венгрии и Болгарии и впрячь их в колесницу германской политики. Он потребовал от Кароля II предварительно разрешить территориальные споры Румынии с обоими ее соседями, предупредив при этом, что без «самопожертвования» достигнуть этого не удастся⁵³.

В августе И. Джигурту и министр иностранных дел М. Маноилеску отправились в Зальцбург для переговоров с Гитлером и Риббентропом. Они согласились на территориальные уступки Венгрии и Болгарии с последующим обменом населения, но пытались добиться у правителей рейха более благоприятных для себя условий. Чтобы вызвать благосклонное отношение к себе Гитлера, румынские эмиссары обещали подчинить экономику страны нуждам Германии, просили предоставить им гарантии границ и предложили взять на себя роль арбитра, если переговоры с Венгрией и Болгарией зайдут в тупик.

Румыно-болгарские переговоры завершились возвращением Болгарии Южной Добруджи. Проходившие в Турну-Северине с 16 по 24 августа 1940 г. переговоры с Венгрией закончились безрезультатно. Воспользовавшись этим, Риббентроп и Чиано провели 30 августа в Вене «арбитраж» в румыно-венгерском территориальном споре, в результате которого Румыния лишилась Северной и Северо-Восточной Трансильвании (половину их населения составляли румыны)⁵⁴. Румынии были предоставлены испрашиваемые ею итало-германские «гарантии» территориальной целостности в новых границах. После удовлетворения требований Венгрии и Болгарии эти «гарантии», открывшие гитлеровцам легальную возможность под видом «защиты» Румынии от внешней «угрозы» оккупировать ее территорию и превратить в военный плацдарм, носили в первую очередь антисоветскую направленность.

Стараясь оправдать свою капитулянтскую политику в отношении фашистской Германии и предательство национальных интересов, правящая королевская клика еще в период румыно-венгерских переговоров в Турну-Северине стала распространять слухи об «угрозе советского вторжения» в Румынию. Чтобы придать им правдоподобие, румынская военщина спровоцировала инциденты на советско-румынской границе. 17—29 августа 1940 г. румынской миссии в Москве были вручены три ноты протеста⁵⁵. В одной из них СССР, желая ликвидировать всякие

⁵¹ Цит. по: Savu Al. Gh. Dictatura regală (1938—1940). București. 1970, pp. 357—358.

⁵² DGFP. Ser. D. Vol. X, pp. 90—91.

⁵³ Ibid., p. 116.

⁵⁴ См. Лсбедев Н. И. Крах фашизма в Румынии, с. 282.

⁵⁵ АВП СССР, ф. 125, оп. 23, д. 1, лл. 72, 73; Внешняя политика СССР. Сб. док. Т. IV. М. 1946, с. 522.

пограничные инциденты, предложил создать смешанную советско-румынскую комиссию для демаркации границы. Но провокации продолжались и в сентябре. Газета «Правда» разоблачила провокационный характер слухов о том, будто СССР собирается напасть на Румынию и этим вынудил ее согласиться с венским диктатом и принять германо-итальянские «гарантии»⁵⁶.

Об истинной цели венского «арбитража» ясно говорит секретный доклад об итало-румынских отношениях, составленный МИД Румынии по заданию И. Антонеску в 1942 г., в котором обстоятельно анализируются и события конца августа 1940 года. В нем, в частности, сказано, что Германия «венским арбитражем не преследовала цель ликвидировать конфликт между Венгрией и Румынией, а в первую очередь обеспечить военные и экономические позиции в подготовке конфликта с Россией»⁵⁷. В докладе и в приложенных к нему документах, на основе которых он составлен, нет упоминаний о «концентрации» советских войск, о ноте СССР Румынии от 29 августа 1940 г., которые, как утверждают фальсификаторы истории, отражали якобы «агрессивные устремления» Советского Союза, вызвали «беспокойство» Гитлера за судьбы Румынии и всего Балканского полуострова, а румынских правителей заставили согласиться с венским диктатом и принять итало-германские «гарантии». Вряд ли хорошо осведомленный автор доклада мог забыть о «русской угрозе» Румынии, если бы она действительно существовала и повлияла на принятие венских решений.

Более того, именно в те августовские дни Советское правительство предпринимало шаги к установлению добрососедских отношений с Румынией. Гафенку, который в это время был назначен посланником Румынии в Москве и которого вряд ли можно заподозрить в симпатиях к СССР, в своих мемуарах отмечает: «При первом же визите, который был нанесен мной г. Молотову 15 августа 1940 г., в самой категорической форме меня заверили, что у Советского Союза нет больше никаких претензий к румынам и что он желает развивать с Румынией мирные и добрососедские отношения». Возвращаясь к этой мысли в последних разделах своей книги, он пишет: «Усердие, с которым советские власти просили создать смешанную комиссию для обозначения окончательной линии новой границы, а также надежды, которые эти власти выражали в отношении возможности начать в скором времени переговоры экономического характера, кажется, подтверждали эти добрые намерения»⁵⁸.

Установлением в начале сентября 1940 г. военно-легионерской диктатуры во главе с фашистом генералом И. Антонеску завершился процесс превращения королевской Румынии в сателлита гитлеровской Германии. Антонеску, этот якобы союзник Гитлера «поневоле», по признанию самих немецких дипломатов, «проповедовал войну против России с беспримерным постоянством»⁵⁹. Фашистская Румыния начала усиленно готовиться к войне против СССР⁶⁰. 15 сентября 1940 г. в беседе с гитлеровским генералом К. Типпельскирхом, специально направленным в Бухарест, Антонеску настаивал на быстрой отправке в Румынию моторизованных и военно-воздушных сил вермахта и на заключении германо-румынского военного союза. Был обговорен вопрос о создании и присылке в Румынию военной «миссии» в целях «реорганизации и вооружения армии на основе боевого опыта германской армии». В появившейся спустя несколько дней на этот счет секретной директиве, подписанной начальником штаба верховного главнокомандо-

⁵⁶ Правда, 9.IX.1940.

⁵⁷ ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов.— *Dosarul: Italia*.

⁵⁸ Gaïenco G. *Préliminaire de la guerre à l'Est*, pp. 62, 350.

⁵⁹ DGFP. Ser. D. Vol. XIII. Washington, 1964, p. 871.

⁶⁰ Подробнее см.: Колкер Б. М., Левит И. Э. Ук. соч., с. 170—192.

вания германских вооруженных сил В. Кейтелем, указывалось, что задача военной миссии — подготовить румынскую армию для совместного наступления с германской в случае войны⁶¹.

Во второй декаде октября 1940 г. в Румынию были направлены моторизованные и бронетанковые войска вермахта и военно-воздушные части. В 20-х числах ноября 1940 г., во время посещения Берлина, Антонеску подписал договор о присоединении фашистской Румынии к агрессивному Тройственному союзу. В ходе беседы с Гитлером он заявил, что цель его политики — всего лишь «возвратить» утраченные летом 1940 г. территории⁶². Желая подбодрить своего союзника, Гитлер и Риббентроп несколько раз повторили, что «мировая история не кончается 1940 годом», дав тем самым понять, что в союзе с Германией Антонеску сможет осуществить свои планы. Фюрер подчеркнул, что «гарантии», предоставленные Румынии, направлены против СССР. Со своей стороны Антонеску обещал «сражаться до конца» на стороне оси и «содействовать ее победе». В беседе с Кейтелем Антонеску обещал к весне 1941 г. подготовить 39 «организованных и хорошо обеспеченных руководством дивизий», доложил «о мерах, которые он принял против России» и, расхваставшись, договорился до того, что «двумя моторизованными дивизиями он сможет, если будет необходимо, перейти через русский фронт и продвинуться в направлении к Киеву»⁶³. 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал план «Барбаросса» — план войны против СССР. В нем указывалось: «На флангах нашей операции мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии в войне против Советской России»⁶⁴.

Румыния стала важнейшим военно-стратегическим плацдармом гитлеровцев в Юго-Восточной Европе. Осознав это, клика Антонеску решила повысить ставку за свое участие в агрессивном фашистском блоке. Посетив Гитлера в начале 1941 г., Антонеску передал «на рассмотрение фюрера» меморандум, в котором говорилось, что «Румыния готова в случае необходимости присоединиться к военным действиям на стороне Германии», но при этом, «будучи связанной с Германией Дунаем, Румыния желает также иметь с ней прямую сухопутную связь на севере и северо-западе», а также надеется, что «в новой Европе Германия будет признавать естественную роль Румынии как регионального гегемона»⁶⁵. Все это указывало на то, что румынские правящие круги мечтали уже не просто о «восстановлении» границ 1940 г., но о гораздо большем.

Наставляя своих посланников в Берлине и Риме относительно того, какие именно территориальные требования следует выдвигать перед правителями гитлеровской Германии и фашистской Италии, Антонеску писал, что расширение границ Румынии для сухопутной связи с Германией «может быть осуществлено за счет Словакии..., а также за счет Галиции по линии Черновцы — Львов — Краков. Исходя из этого, нам необходимы не только Бессарабия и Буковина..., но и Покутье»⁶⁶. К югу от Дуная румынское правительство выдвигало притязания на югославский Банат и район Тимока⁶⁷. Гитлеровцы с явным пренебре-

⁶¹ DGFP. Ser. D. Vol. XI. Washington. 1961, pp. 126—128, 144—146; Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М. 1969, с. 149.

⁶² Memorial Antonescu, le III-e Homme de l'Axe. P. 1950, p. 51.

⁶³ DGFP. Ser. D. Vol. XI, pp. 660—689.

⁶⁴ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. В 7-ми тт. Т. 2. М. 1958, с. 694.

⁶⁵ DGFP. Ser. D. Vol. XI, pp. 1110—1111.

⁶⁶ Покутье — историческая область, расположенная на востоке Ивано-Франковской области УССР. В 1919—1939 гг. входила в состав Польши, с 1939 г. — в состав СССР.

⁶⁷ ИДА, ф. Микрофильмы румынских документов. Telegrama cifrată către legațiunile din Roma și Berlin, 10.V. 1941.

жением относились к разгоревшимся аппетитам своих румынских союзников, но вместе с тем всячески поддерживали их иллюзии о создании «Великой Румынии». 23 апреля 1941 г., в дни, когда подготовка к войне против СССР была в разгаре, И. Геббельс в беседе с румынским посланником Р. Босси в покровительственно-поучительном тоне говорил: «В настоящее время все границы еще подвижны. Очень легко их провести ближе или дальше... Чем лучше вы докажете нам, что являетесь сильным и сплоченным народом, объединенным едиными чувствами, тем больше мы будем склонны расширить ваши границы»⁶⁸.

Все же кое-какие конкретные обещания о территориальном вознаграждении Румынии Антонеску удалось у Гитлера получить. Во время их встречи в Мюнхене 11 июня 1941 г., на которой были обсуждены все вопросы, связанные с нападением на СССР, «Гитлер,— как отмечал в своих показаниях Антонеску,— подчеркнул, что Румыния не должна стоять вне этой войны, т. к. для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии. При этом он указал, что за нашу помощь в войне Румыния сможет оккупировать и администрировать и другие советские территории вплоть до Днестра»⁶⁹. Но правители фашистской Румынии не довольствовались ролью простых администраторов. Из высказываний заместителя премьер-министра М. Антонеску на заседании правительства 20 августа 1941 г. явствует, что еще до начала войны против СССР кондуктор (так именовался фашистский диктатор Румынии И. Антонеску) в переговорах с гитлеровцами поставил вопрос и о советских землях восточнее Днестра, на которых якобы проживает «огромное румынское население». «Естественно,— продолжал М. Антонеску,— мы обратили внимание на то, что это население должно быть включено в состав румынского государства с политической формулировкой, которую мы сохраняем за собой право обсудить в момент, когда возникнет необходимость окончательного решения»⁷⁰. 16 июля 1941 г. на секретном совещании Гитлер подтвердил, что «Антонеску хочет получить Бессарабию и Одессу с коридором, ведущим на запад — северо-запад»⁷¹.

Румынская реакция, как находившаяся у власти, так и изображавшая собою «оппозицию» диктатуре Антонеску, с удовлетворением встретила вступление Румынии в войну против СССР. Ложными являются утверждения некоторых буржуазных авторов, которые, желая реабилитировать короля, министров, лидеров национал-царанистской партии (НЦП), национал-либеральной партии (НЛП), пишут, что вступление Румынии в войну против СССР — единоличное решение диктатора И. Антонеску, а король Михай был «против войны с Россией», «не нес никакой ответственности за вступление Румынии в войну» и что председатель НЦП Ю. Маниу выступал якобы против войны, по крайней мере был против перехода румынскими войсками Днестра⁷². В действительности все было по-иному. Относительно своих министров Антонеску показал: «Министры были полностью согласны с моим и Гитлера решением о нападении на Советский Союз, и все мои приказы и указания принимали к исполнению без всяких обсуждений»⁷³. В первые дни войны румынские буржуазные газеты воспроизвели телеграмму, посланную королем Антонеску, находившемуся на фронте, в которой Михай выражал последнему признательность за доставлен-

⁶⁸ Там же. Telegrama № 41251, 23.IV.1941. Convorbirea Goebbels—Bossy.

⁶⁹ Нюрнбергский процесс. Т. II, с. 689.

⁷⁰ ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 53, л. 55.

⁷¹ Нюрнбергский процесс. Т. II, с. 583.

⁷² Lee A. G. Against the Sickle. The Story of King Michael of Rumania. Lnd. 1949, p. 31; Floyd D. Rumania. Russia's Dissident Ally. N. Y. — Washington — Lnd. 1965, p. 15; Cretzianu A. The Lost Opportunity. Lnd. 1957, p. 70.

⁷³ Нюрнбергский процесс. Т. II, с. 690.

ную «радость дней былой славы»⁷⁴. Маниу в своих письмах Антонеску от 11 и 18 июля 1941 г. призывал вести борьбу за «великую Румынию со всеми ее провинциями». Он выражал уверенность в победе фашистских армий и надежду, что она приведет к «падению большевистского режима»⁷⁵. Заместители председателей НЦП и НЛП И. Михалаке и Г. Брэтнгану в знак одобрения антисоветской войны демонстративно отправились «добровольцами» в армию.

Когда немецко-румынские войска достигли Днестра, король и лидеры «исторических» партий, опьяненные победными реляциями, полностью одобрили курс правительства Антонеску на продолжение войны против СССР. Королевским декретом от 21 августа 1941 г. кондуктору было присвоено звание маршала, а в указе о награждении его орденом «Михая Витязу» отмечалось, что он дан ему «за особые заслуги» в руководстве боями на территории «между Днестром и Бугом», «за продолжение священной войны», приведшей к «освобождению заднестровского населения»⁷⁶. Этим подчеркивалось, что монарх поддерживает агрессивную политику диктатуры Антонеску. Такую же позицию заняли лидеры «исторических» партий. В письме 8 ноября 1941 г., адресованном Антонеску, Маниу заявил, что он одобряет акцию по «освобождению» не только Бессарабии и Буковины, но также «румынского элемента по ту сторону Днестра»⁷⁷.

Только находившаяся в подполье Коммунистическая партия Румынии (КПР), действуя в обстановке террора и непрерывных преследований, вела неустанную и последовательную борьбу против диктатуры Кароля II, а с сентября 1940 г. — против клики Антонеску, разоблачала их антинациональную политику, настойчиво пропагандировала идеи мира и дружбы с СССР. КПР резко выступила против антисоветской войны, осудила злодеяния фашистов на советской земле. Коммунисты возглавили борьбу румынских трудящихся против военно-фашистской диктатуры и германских захватчиков, за выход Румынии из преступной войны, за свободу и демократию⁷⁸.

Захватив правобережные районы Молдавской ССР, Черновицкую и Измаильскую области УССР, правительство Антонеску официально объявило об их включении в состав румынского государства. Советская территория между Днестром и Южным Бугом, именуемая оккупантами «Транснистрией», формально в состав румынского государства не вошла. В соответствии с германо-румынским соглашением, подписанным 30 августа 1941 г. в Бендерах, фашистская Румыния получила лишь германский мандат на осуществление временной «администрации и экономической эксплуатации» территории между Днестром и Южным Бугом и одновременно «обеспечение безопасности», т. е. выполнение карательных функций на территории между Южным Бугом и Днепром⁷⁹.

Гитлер никаких предложений Румынии об аннексии «Транснистрии» не делал, вопреки утверждениям некоторых зарубежных авторов, и, соответственно, никакого отказа от Антонеску не получал. У фюрера были свои планы насчет «освоения» оккупированных советских территорий. Как явствует из его выступления на секретном совещании 16 июля 1941 г., он не собирался делить захваченное с младшими партнерами по разбою. Указав, что не следует заранее раскрывать «своих целеустановок перед всем миром», но иметь в виду, что «из этих об-

⁷⁴ *Timpu*, 24.VI.1941.

⁷⁵ См. Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии, с. 400.

⁷⁶ *Timpu*, 25.VIII.1941.

⁷⁷ *Procesul marii trădări naționale*, București, 1946, p. 16.

⁷⁸ См. Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии, с. 236—238, 289—291, 322—332, 378—396 и др.

⁷⁹ ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 9, лл. 65—69.

ластей никогда уже не уйдем», в отношении Румынии Гитлер сказал: «В настоящее время наши взаимоотношения с Румынией хороши, но никто не знает, как эти отношения сложатся в будущем. С этим нам нужно считаться, и соответственно этому мы должны устроить свои границы. Не следует ставить себя в зависимость от благожелательства третьих государств. Исходя из этого, мы должны строить наши отношения с Румынией»⁸⁰.

Не получив никаких официальных заверений от Германии относительно будущего «Транснистрии», сомневаясь даже в том, удастся ли удержать за собой Буковину⁸¹, клика Антонеску тем не менее открыто и усиленно проводила идеологическую и практическую подготовку аннексии советской территории между Днестром и Южным Бугом. Еще в конце июля 1941 г., в разгар оборонительных боев Красной Армии на Днестре, пропагандистская машина военно-фашистской Румынии вновь заговорила о румынских «правах» на заднепровские земли. Началось издание газеты «Transnistria», в редакционной статье ее первого номера цель газеты была сформулирована следующим образом: «Утверждать наши извечные права на эту древнюю область». Прежний лозунг «От Днестра до Тисы» был объявлен устаревшим, одна из статей первого номера была озаглавлена: «От Тисы до Буга». За «научное» обоснование «исторических прав» Румынии на эту область взялся президент румынской Академии И. Симионеску. На страницах газеты «Timpul», редактором-учредителем которой был Гафенку, упомянутый выше Смокинэ заявлял: «Даже Одесса была создана румынами»⁸². Бухарестская газета «Viața» в редакционной статье утверждала: «Дакія простиралась не только до Днестра, как это ранее полагали, а до устья Днепра», следовательно, «румыны имеют на заднепровские территории древние права, более древние, чем другие проживающие там народы»⁸³. Все эти великодержавные разглагольствования сопровождались призывами к уничтожению коммунизма.

Официально представители тогдашнего румынского правительства еще воздерживались от публичных заявлений, но в узком кругу неоднократно обсуждали захватнические планы. 16 декабря 1941 г. на заседании правительства губернатор «Транснистрии» Г. Алексану, обращаясь к Антонеску, сказал: «Мы, господин маршал, работаем там с мыслью, что владеем этой областью твердо и окончательно». Предупреждая членов правительства, что «никакого политического заявления в отношении Транснистрии сделать он сейчас не может», Антонеску вместе с тем сказал: «Действуйте там так, будто власть Румынии установилась на этой территории на два миллиона лет». Восхищенный губернатор воскликнул: «Именно это я хотел услышать от Вас!»⁸⁴. На заседании правительства 23 января 1942 г. М. Антонеску изложил причины нецелесообразности в тот момент менять юридический статус «Транснистрии». Особый упор он делал на две из них: во-первых, «пока неизвестно, что станет с Россией,— заявил он,— очень трудно знать, как далеко простирается «Транснистрия», иными словами, он боялся, как бы не прогадать, заранее установив границы этой области. Министры одобрили эту линию; во-вторых, клика Антонеску опасалась, чтобы аннексия «Транснистрии» не рассматривалась как компенсация за утрату Румынией Северной Трансильвании. «Вы совершенно правы,— заявил министр культуры и культов И. Петрович,— но следует вести пропаганду, ибо очень многие румыны спрашивают, что мы ищем в Одессе... Сейчас,

⁸⁰ Нюрнбергский процесс. Т. II, с. 582.

⁸¹ См. Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР, с. 246—249.

⁸² Timpul, I.VIII.1941.

⁸³ Viața, 24.VIII.1941.

⁸⁴ ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 560, л. 272.

когда у нас имеется возможность экспансии, ее нужно осуществлять. Это признак жизненности»⁸⁵.

Аннексия советских территорий, по замыслам клики Антонеску, должна была сопровождаться массовым истреблением и переселением местных жителей и заселением земель румынскими колонистами. В Бессарабии и Северной Буковине эти операции уже активно проводились, они начали осуществляться и в «Транснистрии». На заседании правительства 26 февраля 1942 г. И. Антонеску заявил: «Не секрет, что я не склонен упустить из рук то, что приобрел. Транснистрия станет румынской территорией, мы ее сделаем румынской и выселим оттуда все инонациональное население»⁸⁶. Во время летнего наступления гитлеровцев в 1942 г. аннексионистские аппетиты правителей фашистской Румынии разгорелись еще больше. Губернатор «Транснистрии» Александру в письме И. Антонеску от 30 июля 1942 г. «обосновывал» экономически и исторически необходимость поставить перед рейхом вопрос о расширении границ «губернаторства» путем включения в его состав новых районов Украины, расположенных восточнее и севернее ранее согласованной с Германией демаркационной линии⁸⁷.

Число инспирированных правительством статей в прессе, книг и брошюр об «историческом ареале румын», в которых и раньше не было недостатка, еще больше увеличилось. С каждым разом границы этого ареала все дальше отодвигались на восток. Один из идеологов румынского фашизма, главный редактор шовинистической газеты «*Рогинса времii*» («Веление времени») И. Рэдулеску, был настолько уверен в победе над СССР, что открыто писал о захватнических целях Румынии в войне. Свой сборник статей он озаглавил: «За румынский империализм». Ярый приверженец расистских «теорий», Рэдулеску считал, что Румыния должна искать «жизненное пространство» «только на Востоке»⁸⁸. И это не были единичные высказывания лишь одного румынского фашиста. Подобного рода утверждения встречались и в «трудах» лиц с профессорскими и академическими званиями. Так, профессор Ясского университета Е. Дияконеску, чейopus, озаглавленный «Восточные румыны. Транснистрия», был выполнен, по признанию автора, «при поддержке» губернатора Александру, также сетовал по поводу того, что неверно проводилось «воспитание румынского народа», которому внушали, что граница Румынии должна проходить «всего лишь» по Днестру, и «доказывал», что ее необходимо отодвинуть дальше на восток⁸⁹.

Таковы истинные причины участия фашистской Румынии в агрессии против СССР, которые реакционная буржуазная историография замалчивает и извращает. Факты неопровержимо свидетельствуют, что анти-советская война, которая была объявлена «превентивной» и такой изображается многими буржуазными авторами и ныне, в действительности готовилась и планировалась задолго до 22 июня 1941 года. Не «советская угроза» и не забота об «освобождении своих братьев», а захватнические цели, мечты о «региональной гегемонии», люта́я ненависть к Стране Советов и коммунизму толкнули правящие круги фашистской Румынии на союз с гитлеровской Германией и участие в войне против СССР. Это являлось логическим завершением антисоветской политики, которую вели господствующие классы буржуазно-помещичьей Румынии с момента рождения Советского государства.

⁸⁵ Там же, л. 236.

⁸⁶ Там же, д. 568, лл. 166—167.

⁸⁷ Там же, д. 46, л. 329.

⁸⁸ Rădulescu I. Pentru un imperialism românesc. București. 1942, pp. 7—8.

⁸⁹ Diaconescu E. Românii din Răsărit. Transnistria. Iasi. 1942, pp. 232, 236.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Навстречу XXVII съезду КПСС

НЕВИННОМЫССКИЙ КАНАЛ

И. И. Крохмаль

На октябрьском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС, рассмотревшем вопрос «О долгосрочной программе мелиорации, повышении эффективности использования мелиорированных земель в целях устойчивого наращивания продовольственного фонда страны», подчеркивалось: «Надо исходить из того, что нередко мелиорация определяет, в полном смысле слова, жизнеспособность хозяйств и целых районов»¹. О роли строительства Невинномысского обводнительно-оросительного канала в судьбе Ставрополя, население которого на протяжении многих веков страдало от засухи, рассказывается в настоящем очерке.

Крестьяне в этих краях с давних пор мечтали о воде для своих полей. В конце XIX в. появились первые проекты обводнения и орошения засушливых ставропольских степей. Известен проект переброски воды из р. Кубань через гору Недреманиую в пересохшее русло р. Егорлык, составленный в 1872 г. инженером Агаповым. Более широкую программу обводнения степей Ставрополя и Прикаспия в 1882 г. предложил инженер Данилов, проводивший в 1880-е годы изыскания для строительства Владикавказской железной дороги. Он проектировал судоходный канал из р. Кубань до р. Западный Маныч и второй — по левому берегу р. Кубань². С помощью этих каналов предполагалось обводнить и оросить более 600 тыс. дес. земли. В 1910 г. казак станицы Урупской М. Блынский составил проект, аналогичный проекту Агапова. В 1914 г. инженеры Ныров и Веселовский уточнили и доработали проекты Агапова и Данилова и предложили план создания сети кубань-ставропольских каналов, в том числе для питания рек Калаус и Егорлык³.

Но так как царское правительство не принимало эффективных мер по обеспечению водой засушливых степей Ставрополя, эти проекты остались неосуществленными. Только при Советской власти данная проблема начала планомерно решаться. В. И. Ленин видел в мелиорации земель надежное средство борьбы с голодом, верный путь подъема сельскохозяйственного производства⁴. Мелиорация — «вековая мечта хлебороба», отмечалось на октябрьском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС. О путях ее решения уже в первые годы Советской власти думал В. И. Ленин. В 1921 году по его инициативе было принято постановление Совета Труда и Оборона «О борьбе с засухой», в котором говорится: «Признать борьбу с засухой делом первостепенной важности для сельскохозяйственной жизни страны и мероприятия, предпринимаемые в этом направлении, — имеющими боевое значение»⁵. В том же году Владимир Ильич обращается с письмом к коммунистам Кавказа⁶. Письмо Ленина «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» от 14 апреля 1921 г. — один из тех документов, которые сыграли большую роль в развитии орошения на Северном Кавказе и в частности на Став-

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 23 октября 1984 г. М. 1984, с. 9.

² Орошаемое поле. Ставрополь. 1974, с. 6—7.

³ Развитие орошаемого земледелия Ставрополя и его эффективность. Ставрополь. 1977, с. 9—10.

⁴ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 198—200.

⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.). Т. 1. М. 1967, с. 223.

⁶ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, с. 7.

рополье. Ленин писал: «Орошение особенно важно, чтобы поднять земледелие и скотоводство... Орошение... похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»⁷.

В начале своего существования Советская Россия не располагала денежными и материально-техническими ресурсами для широкого проведения мелиоративных работ. Но даже в годы восстановления разрушенного в период первой мировой и гражданской войн народного хозяйства Коммунистическая партия и Советское правительство выделяли средства на строительство гидротехнических сооружений и оросительных систем⁸. С 1924 г. на Ставрополье начались крупные мелиоративные работы, особенно в восточной части края. Теркумстрой проложил там 11 каналов общей протяженностью в 695 км, а с 1935 г. осуществлялось переустройство Прасковейской оросительной системы. В том же 1935 г. в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР⁹ был разработан комплексный план обводнения и орошения степей Ставрополья. В нем предусматривались широкое использование вод местного стока и подача воды из р. Кубань в засушливые районы края по Кубань-Егорлыкской и Кубань-Калаусской обводнительно-оросительным системам¹⁰. Для строительства Кубань-Егорлыкской системы была создана подрядная организация, получившая название «Ставропольстрой». Одновременно развернулись работы по сооружению водопроводов и реконструкции плотин, созданных ранее.

В управлении «Ставропольстрой» насчитывалось около 5 тыс. рабочих, инженерно-технических работников и служащих, когда началась подготовка к строительству первой очереди системы — Невинномысского канала между реками Кубань и Егорлык. В 5 км от станицы Невинномысской (с 1939 г. — г. Невинномыск) был создан первый строительный участок для возведения плотины на р. Кубань, в станице Барсуковской — второй. На горе Недреманной, под которой должен был пройти уникальный тоннель, закладывались шахты, строился рабочий поселок. По распоряжению «Союзводтреста» с канала Малка-Кура, где работы уже завершились, на прокладку Невинномысского канала прибыли два экскаватора¹¹. На железнодорожную станцию Невинномысская эшелоны стали доставлять строительные материалы и оборудование для нового канала. В марте 1939 г. XVIII съезд ВКП(б) утвердил проект третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, где в числе важнейших ирригационных строек был назван и Невинномысский канал. В решении съезда указывалось: «Закончить все начатые работы по крупному ирригационному и осушительному строительству: Вахш, Колхида, Невинномысский канал»¹².

Весть о строительстве канала разнеслась по всему Северному Кавказу. Из сел и городов приезжали делегации в Невинномысскую, чтобы посмотреть на рождение невиданной реки. «Рекой счастья» назвали ее крестьяне. Труженики края выступили с инициативой — строить канал всем народом по примеру узбекских колхозников, которые за полтора месяца проложили трассу Ферганского канала. И в ноябре 1939 г. бюро Орджоникидзевского крайкома партии обратилось в ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР с предложением провести весной 1940 г. земляные работы на Невинномысском канале силами и средствами Орджоникидзевского края (с 1943 г. — Ставропольский край), Ростовской обл. и Калмыцкой АССР. Одновременно оно просило ЦК ВКП(б) и Советское правительство выделить для строительства канала в 1940 г. дополнительно лес, цемент, тракторы, автомашины, экскаваторы и два метростроевских щита для проходки тоннеля¹³.

3 февраля 1940 г. в Ставрополе состоялось краевое совещание передовиков сельского хозяйства. Оно обсудило идею строительства Невинномысского канала всем народом. Совещание обратилось к колхозам с призывом: «Товарищи ставропольцы!

⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 199, 200.

⁸ Орошаемое поле, с. 8.

⁹ Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь. 1970, с. 275.

¹⁰ Калашников В. И. Орошение и обводнение Ставрополья. — Гидротехника и мелиорация, 1967, № 11, с. 39.

¹¹ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), ф. Р-3069, оп. 1, л. 461, л. 12.

¹² XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 10—21 марта 1939 г. Стеногр. отч. М. 1939, с. 663—664.

¹³ Партийный архив Ставропольского крайкома КПСС (ПАСК), ф. 1, оп. 1, л. 259, л. 5.

По примеру колхозников Ферганской долины примем активное участие в скоростном строительстве Невинномысского канала! Невинномысский канал должен строить весь край!». Более тысячи колхозов насчитывалось на Ставрополье, и все они дружно откликнулись на этот призыв. Строить канал всем народом — этой идеей жило в те дни все Ставрополье. Колхозники активно готовились к выходу на канал, ремонтировали повозки, мастерили тачки и носилки, точили лопаты¹⁴. Краевой комитет партии поставил перед коммунистами задачу: «Добиться того, чтобы каждый колхозник считал своей честью быть участником строительства канала — одного из грандиозных сооружений нашей эпохи»¹⁵. 8 февраля 1940 г. было принято постановление «О строительстве Невинномысского канала»¹⁶. Стремление трудящихся Северного Кавказа превратить строительство Невинномысского канала, ведшееся с 1936 г. сравнительно невысокими темпами, во всенародную стройку получило одобрение партии и правительства. Они усилили помощь строительству: были ассигнованы необходимые средства по государственному бюджету, выделены строительные материалы. Только на 1940 г. было выделено 30 тыс. т цемента, 33 тыс. куб. м леса. По указанию правительства Народный комиссариат путей сообщения предоставил строителям канала два метростроевских щита для проходки тоннеля¹⁷.

Для руководства строительством канала краевая партийная организация создала при управлении «Ставропольстрой» совет строительства, в состав которого вошли секретари крайкома ВКП(б) М. А. Суслов, И. П. Храмков, А. Г. Данилюк, ответственные работники крайисполкома, крайкома ВЛКСМ, Невинномысского райкома партии, представители управления «Ставропольстрой». Совет разработал план мероприятий по выполнению постановления партии и правительства. Ставилась задача в течение апреля — мая 1940 г. силами колхозов и колхозников выполнить все земляные работы. В каждом районе края создавался штаб по подготовке колхозов к участию в строительстве канала и по руководству работой колхозников на отведенных им участках трассы. Районные оперативные штабы народной стройки взяли в свои руки дело формирования строительных отрядов. В селах комплектовались бригады, персональный состав которых обсуждался на заседаниях правлений и общих собраниях колхозников.

Бюро краевого комитета ВКП(б) предложило партийным организациям «развернуть массовую работу во всех колхозах, широко разъяснить огромное значение Невинномысского канала для колхозов и колхозников, организовать между ними социалистическое соревнование за образцовую подготовку к строительству и активное участие в скоростной стройке канала»; бюро крайкома партии и крайисполком учредили переходящее Красное знамя и премиальный фонд для поощрения района — победителя в социалистическом соревновании на строительстве канала, а также лучших колхозов, бригад, звеньев и ударников¹⁸.

И двинулись в станицу Невинномысскую тысячи подвод под красными знаменами, с плакатами. Люди ехали на всенародную стройку с песнями. Только из Апана-сенковского района прибыло 3 тыс. колхозников и 270 подвод. За лучшую подготовку к выезду на народную стройку Новоалександровскому району было присуждено Красное знамя крайкома ВКП(б) и исполкома краевого Совета депутатов трудящихся¹⁹. 25 апреля 1940 г. в связи с началом народной стройки бюро крайкома ВКП(б) провело митинги по всей трассе канала, а также в колхозах, совхозах, на машинно-тракторных станциях.

В апреле 1940 г. на сооружении канала трудилось 34 тыс. колхозников Орджоникидзевского края, 10 тыс. — из Ростовской обл. и 2 тыс. — из Калмыцкой АССР²⁰. Всего под Невинномысск на покорение Кубани прибыло около 50 тыс. человек. Руководил работами начальник строительства инженер-строитель гидросооруже-

¹⁴ Воронцов В. Каналы в степи. М. 1968, с. 30.

¹⁵ ПАСК, ф. 1, оп. 1, д. 370, л. 2.

¹⁶ Орджоникидзевская правда, 24.II.1940.

¹⁷ Воронцов В. Ук. соч., с. 31.

¹⁸ ПАСК, ф. 1, оп. 1, д. 370, л. 2.

¹⁹ Там же, д. 386, л. 2об.

²⁰ Пребывание Михаила Андреевича Суслова на Ставрополье 11—13 мая 1978 года. Ставрополь. 1978, с. 11.

ний С. С. Чугуев²¹. После победы Октябрьской революции, только что вернувшись с фронта, этот 23-летний солдат возглавил созданный в с. Степном Святокрестовского уезда Совет народных комиссаров. «Степновская республика» имела отряд Красной Гвардии, который участвовал в 1918 г. в ликвидации антисоветского мятежа в Святом Кресте (ныне г. Буденновск). Затем был образован сводный отряд Красной Гвардии, преобразованный позднее в Святокрестовскую дивизию, которую в народе называли чугуевской, так как во главе ее стоял Чугуев. И дивизия и ее командир особо отличились в боях с белогвардейцами под Моздоком и на Осетинском направлении.

А в 1940 г. Чугуев возглавил многотысячную армию рабочих—бойцов за воду на строительстве Невинномысского канала.

Среди строителей было около 1 тыс. коммунистов и около 5 тыс. комсомольцев. 2 тыс. коммунистов и комсомольцев вели агитационно-массовую работу. Они выступали с докладами, организовывали беседы на политические темы, демонстрацию кинофильмов, рассказывали о ходе социалистического соревнования, большое внимание уделяли условиям быта строителей²². Политико-воспитательная работа, внимание к людям и забота о них способствовали небывалому трудовому подъему.

Стремлением сделать как можно больше, ускорить пуск кубанской воды были охвачены все, кто строил канал. «На этой народной стройке каждый человек вроде как бы вырастает, делается втрое сильнее», — говорил И. Никульников, колхозник из Шпаковского района. На стройке быстро выросли тысячи подлинных героев труда. Колхозник сельхозартели им. Жаптева Невинномысского р-на И. П. Хурс на земляных работах выполнил норму на 1000%, положив начало движению тысячников. Другой член той же артели П. Б. Шестаков довел выработку до 1050%. Соревнование возглавили коммунисты. Широкой популярностью пользовался А. Е. Рой, приехавший на стройку агитатором и с первых же дней личным примером решивший доказать возможность выполнения на земляных работах не менее 10 норм. Вскоре он довел выработку до 12 норм за смену.

Спустя некоторое время 1000-процентную норму выработало женское звено во главе с колхозницей Невинномысского р-на М. В. Самойленковой²³. На стройке работали тысячи женщин: в столовых, магазинах, библиотеках, медпунктах, выездных редакциях. Но больше всего было их на трассе. Плечом к плечу с мужчинами они строили канал. Павел и его жена Екатерина Барабаш из колхоза им. 1 Мая Петровского р-на были звеньевыми. Муж как-то упрекнул жену, что ее звено действует не в полную силу. Возникла мысль заключить договор о соревновании: звено Павла обязалось выполнять норму на 500, звено Екатерины — на 600%. Через несколько дней женское звено довело выработку до 700%. В колхозе им. КИМ Невинномысского р-на звено В. Ларионовой выполняло норму на 1160%²⁴. «Нелегко сварить борщ в Яшальте, — писала «Орджоникидзевская правда» 8 мая 1940 г., — но он будет. Будет капуста, картошка, будут цветы, будут стада гусей и уток. Чтобы иметь все это в изобилии, с далеких степей сюда, к Кубани, съехались вместе с мужьями, отцами и братьями колхозницы. Тысячи женщин работают на трассе, и их имена победно звучат наряду с именами лучших стахановцев великой стройки».

В. В. Воронцов, обобщивший ряд данных о ходе строительства, пишет: «Пятидесятитысячная армия колхозников работала 30 дней. Ее труд сильно подвинул вперед строительство Невинномысского канала. В течение 4 лет (с 1936 по 1940 год), предшествовавших народному строительству, на канале было поднято 3 миллиона кубометров грунта. За 30 дней народной стройки общий объем выполненных земляных работ составил 4 миллиона 600 тысяч кубометров. Кроме того, было добыто и подвезено 85 тысяч кубометров камня и гравия»²⁵.

По случаю завершения земляных работ на трассе канала 24 мая 1940 г. состоялось общенародное празднование, на которое собрались ударники стройки, пе-

²¹ ГАСК, ф. Р-3069, оп. 1, д. 461, л. 12.

²² Там же, л. 13.

²³ Воронцов В. Невинномысский канал. Ставрополь. 1950, с. 50—51.

²⁴ Свириденко М., Сорокко П., Давнорис В. Тридцать героических дней. Пятигорск. 1940, с. 28, 29.

²⁵ Воронцов В. Каналы в степи, с. 44.

редовики колхозов края и промышленных предприятий Ставрополя и Невинномыска²⁶. Во всех селах торжественно встречали колхозников, возвращавшихся со строительства канала. Совет строительства Невинномысского канала отметил активных участников народной стройки. Ценные подарки и денежные премии получили 1920 колхозников, 9 колхозов, 8 бригад, 71 звено, свыше 250 инженерно-технических работников и 59 культпросветработников. Переходящее Красное знамя крайкома ВКП(б) и крайисполкома было вручено труженикам Новоалександровского района, а Красное знамя Наркомзема СССР, завоеванное краем, передано на хранение трудящимся Ипатовского района²⁷.

Бюро крайкома ВКП(б) и исполком краевого Совета депутатов трудящихся обобщили опыт народного строительства Невинномысского канала и приняли решение, в котором предусмотрели дальнейшее трудовое участие колхозников края на этой стройке с 15 апреля по 31 мая 1941 года²⁸. Кроме того, были привлечены из красных организаций на период народного строительства сроком на два месяца инженеры и техники различных специальностей²⁹. Весной 1941 г. велись работы и на строительстве Свистухинской ГЭС. (Она была сдана в эксплуатацию уже после войны, позволив увеличить подачу электроэнергии Ставрополю более чем в 4 раза.)³⁰.

Главной задачей коллектива управления «Ставропольстрой» являлось окончание строительных работ на Невинномысском канале к 24-й годовщине Великого Октября. Но осуществить намеченную программу строители не смогли. 22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на нашу страну. Началась Великая Отечественная война. В августе 1942 г. фашистские полчища вторглись на Ставрополье. Они разграбили материально-техническую базу стройки Невинномысского канала, эшелонами отправляли в Германию оборудование и строительные материалы, а когда Красная Армия начала стремительное наступление, специальные гитлеровские команды подрывников вывели из строя все основные объекты канала. Немецко-фашистские захватчики уничтожили 9 дизелей общей мощностью 1590 л. с., 6 передвижных электростанций, 160 электромоторов, 28 металлорежущих станков, 37 лебедок, 25 бетономешалок, 40 тракторов, 93 автомашины. Общий убыток, нанесенный ими каналу, составил 11 млн. рублей³¹.

После освобождения Ставрополья от немецко-фашистской оккупации труженики края приступили к восстановлению разрушенного хозяйства и возобновили строительство канала. В сентябре 1943 г. в соответствии с постановлением бюро краевого комитета партии на стройке была создана школа ФЗО на 300 человек по подготовке рабочих массовых профессий³². Ставропольский крайком ВКП(б) и крайисполком утвердили мероприятия по выполнению управлением «Ставропольстрой» плана строительства. На строительство канала мобилизовывались колхозники³³. Несмотря на трудности военного времени, Советское государство помогло управлению «Ставропольстрой» денежными средствами, строительными материалами, оборудованием, машинами и специалистами.

В 1944 г. стройка снова ожила. Возвращались строители, отозванные с фронта или демобилизованные из рядов Красной Армии. Опять приехавший на канал коммунист А. Е. Рой решил вновь стать тысячником. Вскоре об организованном им звене заговорили на трассе: оно выполняло сменные задания на 1000—1200%. Вернувшись на канал и другой ветеран стройки, демобилизованный солдат А. В. Ковшов. Прямо с поезда зашел он в управление строительства, а через несколько дней снова работал арматурщиком. Возвратились на стройку и многие другие воины: Г. Будников, участник штурма Берлина; бывший старшина кавэскадрона А. Королев; наз-

²⁶ ПАСК, ф. 1, оп. 1, д. 390, л. 1.

²⁷ Свириденко М., Сорокко П., Давнорис В. Ук. соч., с. 65.

²⁸ ПАСК, ф. 1, оп. 21, д. 54, л. 4.

²⁹ Там же, оп. 1, д. 521, л. 1.

³⁰ Елистратов В. Ставропольский край за годы послевоенной пятилетки. Ставрополь. 1952, с. 40.

³¹ ПАСК, ф. 1, оп. 1, д. 800, л. 2.

³² Там же, д. 846, л. 12.

³³ Там же, д. 911, л. 13.

наченный начальником строительства А. Е. Бочкин, опытный инженер. В 1947 г. Андрей Ефимович был избран от Невинномысского избирательного округа депутатом Верховного Совета РСФСР; впоследствии он стал Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии ³⁴.

В ноябре 1945 г. бюро крайкома партии приняло постановление «О мерах улучшения строительства Невинномысского канала и Свистухинской ГЭС», в котором обязало партийную организацию и руководство управления «Ставропольстрой» пересмотреть организацию работ на стройке, сосредоточить рабочую силу и строительные материалы прежде всего на пусковых объектах, добиться выполнения норм выработки всеми категориями рабочих ³⁵. Парткому стройки было поручено развернуть социалистическое соревнование между участками, бригадами и отдельными рабочими за досрочное выполнение установленных заданий, всемерно поощрять передовиков строительства, регулярно освещать в печати результаты соревнования ³⁶.

Партком, все коммунисты стройки приложили максимум усилий для выполнения решения крайкома партии, и это дало положительные результаты. В 1946 г. завершились восстановительные работы по всей трассе канала, развернулось строительство тоннеля под горой Недреманной, началось сооружение сброса воды в р. Егорлык. В 1947 г. были закончены основные работы по строительству более чем 49-километрового канала, железобетонной плотины на р. Кубань, установлены затворы и подъемники, проложен 6-километровый тоннель под Недреманной. Для строительства этого тоннеля потребовалось 10 тыс. куб. м леса, 3,5 тыс. т арматурного железа, 39 тыс. т цемента. Из тоннеля было вынута на поверхность 250 тыс. куб. м грунта ³⁷. Одновременно под каналом, в затоннельной части, строители уложили две железобетонные трубы для пропуска ливневых вод.

5 ноября 1947 г. состоялся пробный пуск воды по каналу ³⁸. В течение нескольких дней вода шла по всей трассе и сбрасывалась в русло р. Егорлык. В первой половине 1948 г. проводилось испытание всех гидротехнических сооружений на канале и завершались строительные-монтажные работы. В то же время намечались новые перспективы — строительство второй очереди Кубань-Егорлыкской обводнительно-оросительной системы с целью использования ресурсов Кубани для орошения 105 тыс. га и водоснабжения наиболее засушливых и безводных северо-восточных районов края ³⁹.

1 июня 1948 г. состоялся праздник строителей и передовиков производства по случаю сдачи в постоянную эксплуатацию Невинномысского канала. «Ставропольская правда» писала в тот день: «Объем выполненных земляных работ превысил 10,5 миллиона кубометров. В сооружения вложено 250 тысяч кубометров каменной кладки. На производство строительных работ израсходовано 130 тысяч кубометров леса, 100 тысяч тонн цемента, десятки тысяч тонн железа. Затраты на строительство составили свыше 215 миллионов рублей. Мощная плотина преградила Кубань, и, послушная воле людей, вода этой стремительной реки направляется в русло, созданное усилиями советских людей». Через головные сооружения канала ежесекундно пропускалось 75 км³ воды. Вода Кубани мощным потоком хлынула в пересохшее русло р. Большой Егорлык и пошла в северо-западные засушливые районы Ставрополя и к Ростовской области. Ее получили сотни населенных пунктов, расположенных вдоль новой водной магистрали. Теперь многие местные колхозы получили возможность, имея орошаемые земли, выращивать более высокие урожаи зерновых, технических и овоще-бахчевых культур, улучшать семеноводство многолетних трав, возделывать рис, шире развивать садоводство и виноградарство. Возникли благоприятные условия для общественного животноводства и увеличения поголовья водоплавающей птицы.

³⁴ Воронцов В. Невинномысский канал, с. 77—79.

³⁵ ПАСК, ф. 1, оп. 1, д. 1141, лл. 14—15.

³⁶ Там же, л. 15.

³⁷ Воронцов В. Каналы в степи, с. 55.

³⁸ Калмыков А. С., Коваленко В. Т. Из истории строительства Невинномысского канала. — Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1973, № 4, с. 39.

³⁹ ПАСК, ф. 1, оп. 1, д. 1551, л. 15.

В связи с успешным окончанием строительства и пуском первой очереди Кубань-Егорлыкской обводнительно-оросительной системы — Невинномысского канала 247 лучших рабочих-строителей и инженерно-технических работников были награждены орденами и медалями СССР, в том числе 9 человек — орденом Ленина, 35 — орденом Трудового Красного Знамени, 75 — орденом «Знак Почета». Высшей правительственной награды были удостоены начальник строительства А. Е. Бочкин, бригадир арматурщиков С. Г. Барсов, проходчик-крепильщик А. С. Попов и др.⁴⁰

С завершением строительства на обоих берегах канала и р. Егорлык началось интенсивное возведение насосных станций, водозаборных сооружений, водопойных площадок, в прилегающих районах Ставропольского края и Ростовской обл. — оросительных систем и водопроводов. Одновременно промывалось и заполнялось Веселовское водохранилище, опреснялось оз. Маныч-Гудило.

Управление «Ставропольстрой» значительную часть сил и средств перебросило на строительство второй очереди Кубань-Егорлыкской обводнительно-оросительной системы. В 1949—1952 гг. у станицы Новотроицкой была возведена километровая земляная плотина, которая образовала водохранилище, а в 1958 г. было сдано в эксплуатацию Сенгилеевское водохранилище. Ранее существовавшее здесь озеро с горько-соленой водой опреснили, и оно стало основным источником питьевой воды для Ставрополя, окружающих сел и станиц.

С 1951 по 1959 г. была построена Право-Егорлыкская обводнительно-оросительная система — основная часть Кубань-Егорлыкской системы, которая питается водой, транспортируемой по Невинномысскому каналу. В нее вошли Право-Егорлыкский канал, берущий начало из Новотроицкого водохранилища, а также левая ветвь системы и ряд крупных распределительных каналов для обводнения и орошения северо-западной части Ставропольского края, некоторых районов Ростовской обл. и Калмыцкой АССР. Право-Егорлыкская система орошает в общей сложности 32 тыс. га, в том числе в Ставропольском крае 27,7 тыс., и обводняет 1,5 млн. гектаров⁴¹. Обводнены высохшие реки и балки Большая и Малая Кугульта, Большой и Малый Гок, Кевсала, Большая Джалга и др., построены пруды со сбросными сооружениями. Уже в 1974 г. площадь орошаемых земель по краю в целом достигла 211 тыс. га, а обводненных пастбищ — 1,5 млн. гектаров. Все это заметно повлияло на местную природу.

Ныне в систему Невинномысского канала входят магистральный канал, Сенгилеевское, Новотроицкое и Егорлыкское водохранилища. В 1980 г. начались работы по строительству второй «нитки» тоннеля Невинномысского канала им. М. А. Суелова под горой Недреманной. Пропускная способность нового тоннеля составит 65 куб. м воды в секунду. Значит, на поля пойдет еще больше живительной влаги, которая даст возможность получать в возрастающих размерах зерно, овощи, фрукты, корма, а также мясо, молоко, яйца, шерсть и другую сельскохозяйственную продукцию. На системе Невинномысского канала и его водохранилищ работают четыре гидроэлектростанции: Свистухинская, Сенгилеевская, Егорлыкская и Новотроицкая. Они поставляют электроэнергию колхозам, совхозам и другим предприятиям края. Кроме того, такие мощности отечественной энергетики, как Ставропольская и Невинномысская ГРЭС, для охлаждения энергоблоков используют воду из канала и Новотроицкого водохранилища. Этой водой пользуются также химический комбинат, фабрика первичной обработки шерсти и ряд заводов Невинномыска.

В целях бесперебойного функционирования важной водной артерии Ставрополя коллектив управления эксплуатации Невинномысского канала проводит ремонтно-эксплуатационные мероприятия, капитальный ремонт, реконструкцию. Одним из первых в Российской Федерации он внедрил автоматизацию и телемеханизацию от головного сооружения до Новотроицкого водохранилища, которые обеспечили оптимальный водный режим канала. Это позволило установить четкое соблюдение заданного режима водоподдачи и водораспределения, стабилизировать уровень воды в канале, повысить технический уровень эксплуатации, сэкономить значительные средства, дополнительно выработать до 1973 г. только на Свистухинском каскаде ГЭС более 1 млн.

⁴⁰ Очерки истории Ставропольской организации КПСС, с. 440.

⁴¹ Калашников В. И. Ук. соч., с. 40.

квт-час электроэнергии, а также дополнительно транспортировать 14,2 млн. куб. м воды и увеличить тем самым площадь орошаемых земель на 3 тыс. га⁴².

Выступая 12 мая 1978 г. с речью на торжественном заседании Ставропольского горкома КПСС и горсовета народных депутатов, посвященном вручению Ставрополю ордена Октябрьской Революции, первый секретарь Ставропольского крайкома партии, ныне Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, отметив достижения тружеников края по мелиорации земель, связанные с нею преобразования в экономической и социальной сферах, подчеркнул, что «начало этому огромному и важному делу было положено строительством исторического для нас Невинномысского канала. Порождение Кубани с Егорлыком стало первой, но очень видной вехой на пути перемен в засушливых степях Ставрополья. А ныне рукотворные водные артерии стали неотъемлемой характерной особенностью нашего края. Вода, пришедшая на земли Предкавказья, принесла поистине грандиозные перемены»⁴³.

Сейчас каждый третий гектар на Ставрополье поливается кубанской водой, поданной на поля по системе Невинномысского канала. В 1983 г. с орошаемых земель было получено 152,1 млн. руб. валовой продукции (в сопоставимых ценах 1973 г.). Удельный вес ее в валовой продукции растениеводства общественного сектора возрос до 21%, в то время как удельный вес инженерно-орошаемых земель в площади пашни занимает только 8,3%. В среднем по краю получено по 65 ц кормовых единиц, а в передовых районах — по 75—90 ц с гектара⁴⁴. Значительных успехов в производстве зерна добились многие хозяйства, входящие в Право-Егорлыкскую обводнительно-оросительную систему, которая питается водой, транспортируемой по Невинномысскому каналу. В условиях Ставропольского края озимая пшеница на орошаемых землях дает урожайность в 1,7 раза больше по сравнению с богарными землями, кукуруза на силос — в 2,2 раза, однолетние травы — в 2,1, многолетние травы — в 3,7 раза⁴⁵. В крае освоена технология получения двух и более урожаев сельскохозяйственных культур с поливных плантаций. Вот почему вопросы дальнейшего развития орошаемого земледелия и коренного улучшения использования орошаемых земель стоят здесь в центре внимания.

Кубанская вода дала возможность в более широких масштабах развивать животноводство в засушливых степных районах. Ведущей отраслью сельскохозяйственного производства колхозов и совхозов зоны Право-Егорлыкской обводнительно-оросительной системы в Ставропольском крае и Калмыцкой АССР остается овцеводство, а в Ростовской обл. — мясо-молочное скотоводство. В каждом районе зоны Право-Егорлыкской системы разработаны планы внутрирайонной межхозяйственной специализации и кооперирования по отраслям животноводства.

Но главное в использовании орошаемых земель на Ставрополье — производство кормов. Земледельцы хозяйств Право-Егорлыкской обводнительно-оросительной системы ежегодно получают высокие урожаи кукурузы на силос.

В последние годы на Ставрополье получило большое развитие разведение пресноводных рыб в прудах. Вдоль трассы канала в неудобных для производства сельскохозяйственных культур местах рыбхозы копают пруды, разводят карпов, сазанов, толстолобиков, другую рыбу.

3 ноября 1982 г., выступая на митинге, посвященном открытию мемориальной доски М. А. Суслову, первый секретарь Ставропольского крайкома партии В. С. Мураховский сказал: «В 1982 году труженики Ставрополья засыпали в закрома Родины 1 миллион 900 тысяч тонн зерна. В эту замечательную трудовую победу немалый вклад внесли мелиораторы края. На орошаемых участках труженики получают гарантированные высокие урожаи сельскохозяйственных культур»⁴⁶. Таким образом, Невинномысский канал, одно из крупнейших ирригационных сооружений нашего времени, уже сыграл большую роль в развитии экономики Северного Кавказа.

⁴² Ставропольская правда, 1.VI.1973.

⁴³ Пребывание М. А. Суслова на Ставрополье, с. 26.

⁴⁴ О развитии орошаемого земледелия в 1983 году и за 3 года XI пятилетки. Ставрополь, 1984, с. 21—22.

⁴⁵ Там же, с. 16—17.

⁴⁶ Ставропольская правда, 4.XI.1982.

И. И. ШУВАЛОВ — ДЕЯТЕЛЬ РОССИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Е. В. Анисимов

Время правления Елизаветы Петровны (1741—1761 гг.) не принадлежит к тем периодам русской истории, которые детально изучены специалистами. Однако именно в те годы Россия прочно утвердилась как одна из ведущих мировых держав. Были достигнуты значительные успехи в промышленности и торговле, получила дальнейшее развитие русская культура. Имена М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Б.-Ф. Растрелли, Ф. Г. Волкова тоже связаны с тем временем. За истекшие после кончины Петра I два-три десятилетия сменились поколения, к власти пришли сыновья и внуки тех, кто одержал победу при Полтаве и Гангуте. К этому новому поколению принадлежал и Иван Иванович Шувалов.

Родился он в 1727 г. в Москве в небогатой дворянской семье и получил обычное по тем временам домашнее образование. Благодаря покровительству своих двоюродных братьев Петра и Александра Шуваловых, занимавших важные должности в правительстве Елизаветы Петровны, он в конце 40-х годов попал ко двору и обратил на себя внимание своим умом и начитанностью. Осенью 1749 г. И. И. Шувалов становится фаворитом Елизаветы Петровны.

Фаворитизм — черта, столь характерная для жизни абсолютистских монархий Западной Европы и России XVIII в., что вряд ли бы стоило подробно останавливаться на истории жизни одного из многочисленных временщиков того времени. Однако документы, оставшиеся после И. И. Шувалова, и другие материалы позволяют увидеть в нем деятеля русской культуры середины XVIII в., одного из последовательных выразителей взглядов дворянства. Работы дореволюционных авторов¹ содержат мало материала о взглядах Шувалова, а те факты, которые приводятся в них, истолкованы односторонне: он предстает перед читателем человеком, лишенным недостатков и совершенно оторванным от социальной среды, к которой принадлежал. В советской литературе² нет налета «житийности», в ней даются более объективные оценки Шувалову. Однако составить достаточно полное представление о нем как о человеке они все же не позволяют. Восполнить этот пробел и пытается автор данного очерка.

Наиболее значительную роль при дворе Шувалов стал играть в последние семь-восемь лет правления Елизаветы, когда она все реже появлялась на людях, чаще болела и жила уединенно в Царском Селе. В те годы Шувалов был единственным сановником, имевшим свободный доступ к императрице, и исполнял роль ее главного докладчика и секретаря. В абсолютной монархии, где решение дела порой могло зависеть от сиюминутного настроения властелина, роль влиявшего на него фаворита резко возрастала. Переписка Шувалова с крупными деятелями 50 — начала 60-х годов XVIII в. показывает то значение, которое приобрел он тогда в управлении страной. От Шувалова зависело, когда подать императрице доклад, как прокоммен-

¹ Снегирев И. М. Иван Иванович Шувалов. Основатель Московского университета и русский меценат. — ЖМНП, 1837, ч. 15, август; Голицын Ф. Н. Жизнь обер-камергера Ивана Ивановича Шувалова. М. 1855; Бартенев П. И. Биография И. И. Шувалова. М. 1857; Русский биографический словарь, т. «Шебанов — Шютц». СПб. 1911, с. 476—490; и др.

² Яремич С. Основание Академии художеств. Президентство И. И. Шувалова. В кн.: Русская академическая художественная школа в XVIII веке. М.-Л. 1934; Голицын Н. Иван Иванович Шувалов и его иностранные корреспонденты. Предисловие в кн.: Литературное наследство. Т. 29—30, ч. 1. М. 1937; Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765 гг. М.-Л. 1936, с. 114 сл.; Пенчко Н. А. Основание Московского университета. М. 1953; Белявский М. Т. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М. 1955; и др.

тировать содержание донесения того или иного дипломата и как ответить на него. Шувалов не скрывал, что он сам подготавливал тексты распоряжений царицы: «Приказала мне написать письмо к собственному подписанию, которое теперь и подано»³. Поэтому неудивительно, что сановники наперебой стремились заручиться поддержкой Шувалова. Особенно преуспел в этом канцлер М. И. Воронцов, который через Шувалова добивался от императрицы наград и пожалований. Вот аргументация одной из таких просьб канцлера к Шувалову: «Мне желательно, чтобы ваше превосходительство имели во мне друга сильного и богатого, а не слабого и бедного, каким я теперь»⁴.

Во многом благодаря И. И. Шувалову его двоюродные братья П. И. и А. И. Шуваловы сумели нажить огромные богатства, получив от государства доходные металлургические мануфактуры и монополизировав ряд важных промыслов. Не следует, впрочем, думать, что Шувалов был игрушкой в руках своих родственников и приятелей. Документы по внешней и внутренней политике, написанные его рукой, свидетельствуют о его уме и аналитических способностях. Он достаточно глубоко разбирался в делах и при необходимости добивался решения их по своему плану.

Особенностью официального положения Шувалова было то, что в иерархии чиновной России он занимал скромное место, не имел высших воинских и гражданских званий, орденов и титулов, т. е. тех блестящих атрибутов власти и внешнего почета, которыми временщики стремились компенсировать незаконность своего могущества. Шувалов избегал почестей, отклоняя одно за другим предложения о наградах и пожалованиях. В 1757 г. Воронцов представил ему (для передачи на подписание Елизавете) проект указа, согласно которому Шувалов становился членом Конференции при высочайшем дворе, сенатором, графом, кавалером ордена Андрея Первозванного, наконец, обладателем поместий с населением до 10 тыс. душ⁵. Этот проект и другие, ему подобные, не был осуществлен из-за противодействия Шувалова, оставшегося до конца царствования Елизаветы «генерал-адъютантом, от армии генерал-порутчиком, действительным камергером, орденом Белого орла, святого Александра Невского и святой Анны, кавалером, Московского университета куратором, Академии Художеств главным директором и основателем, Лондонского королевского собрания и Мадритской королевской Академии Художеств членом»⁶.

Не следует, однако, преувеличивать значения скромности фаворита на основании его писем или легенд о том, как Шувалов вернул государству миллион рублей, подаренных ему умиравшей Елизаветой. Более десяти лет он жил на содержании императрицы, ни в чем себе не отказывая. Скромность Шувалова, прекрасно им осознававшаяся и даже подчеркивавшаяся, была не столько особенностью его характера, сколько типом поведения, обусловленным своеобразием положения этого фаворита при дворе. Такая неординарная манера поведения выделяла Шувалова из ряда титулованных вельмож и подчеркивала его исключительность еще более выразительно, чем ордена и звания. Формальная незначительность места Шувалова в чиновной иерархии была удобна ему еще и тем, что снимала с него ответственность за исход дел, к которым он был причастен, и даже нередко позволяла избежать решения их. И тогда нарочитая скромность могущественного временщика становилась маской лицемерия и ханжества: «Не будучи ни к чему употреблен, не смею без позволения предпринимать, а если приказано будет, то вашему сиятельству отпишу»⁷. Современники прекрасно понимали истинное значение Шувалова. «Он вмещается во все дела, — писал в 1761 г. французский дипломат Ж.-Л. Фавье, — не нося особых званий и не занимая особых должностей... Одним словом, он пользуется всеми преимуществами министра, не будучи им»⁸.

³ Письма И. И. Шувалова и графа М. Л. Воронцова. — Русский архив, 1870, № 8—9, стб. 1416.

⁴ Письма М. Л. Воронцова к И. И. Шувалову. — Там же, 1864, № 4, стб. 348.

⁵ Русский архив, 1870, № 8—9, стб. 1398—1401.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 1, д. 29, л. 2.

⁷ Письма и записки И. И. Шувалова к графу М. Л. Воронцову. В кн.: Архив князя Воронцова. Т. 6. М. 1873, с. 279.

⁸ Фавье Ж.-Л. Записки секретаря французского посольства в С.-Петербурге. — Исторический вестник, 1887, т. 29, с. 392.

Роль покровителя искусства и науки была для Шувалова даже более лестной, чем роль вершителя государственных дел⁹. Подтверждением этой мысли служит приведенный выше официальный титул Шувалова. Он весьма необычен для влиятельного вельможи и временщика. Шувалову был присущ живой интерес прежде всего к сфере литературы и искусства. Всякая служба была ему в тягость. Петр III, взойдя на престол, назначил Шувалова начальником Кадетского корпуса. И. Г. Чернышев не без иронии писал ему в марте 1762 г. из-за границы: «Простите, любезный друг, я все смеюсь, лишь только представляю вас в гетрах, как вы ходите командовать всем корпусом и громче всех кричите «На караул!»¹⁰. Сам Шувалов по поводу этого назначения, свидетельствовавшего о явном уменьшении своего бывшего значения, с унынием писал Вольтеру: «Мне потребовалось собрать все силы моей удрученной души, чтобы исполнять обязанности по должности, превышающей мое честолюбие (зачеркнуто — «и входить в подробности, отнюдь не соответствующие той философии, которую мне бы хотелось иметь единственным предметом занятий») и мои силы»¹¹.

Многие источники говорят о Шувалове как о человеке мягком, воспитанном, интеллигентном, но несколько расслабленном, вялом, склонном к самоанализу и созерцательности, что явно противоречит стереотипу поведения людей середины XVIII в. с присущей им, детям Просвещения, кипучей энергией и оптимизмом. Примечательно в этом смысле письмо Шувалова Воронцову от 29 мая 1757 г.: «Я, будучи болен, писал к нему (речь идет о другом адресате. — Е. А.), и как болезнь обыкновенно представляет нам состояние наше, как оное есть точно, то у меня вырвались к нему в письме изъяснения моих гипохондрических мыслей, которых я себе в утешение часто за слабостью моего рассудка и малодушием представляю... Я чувствую, что много дурно делаю, что вашему сиятельству сие пишу; я сей день целой все болен головой, и в голове все к тому собралось печальное. Простите, милостивый государь, в оном меня, когда откроешь мысли, к кому поверенность есть, то кажется, будто полегче»¹².

Для анализа мировоззрения Шувалова особый интерес представляют два документа. В 1763 г. он писал сестре из Вены: «Если бог изволит, буду жив и, возвратясь в мое отечество, ни о чем помышлять не буду, как весть тихую и беспечную жизнь; удалюсь от большого света, который довольно знаю; конечно, не в нем совершенное благополучие почитать надобно, но собственно, все б и в малом числе людей, родством или дружбою со мною соединенных. Прошу бога только о том, верьте, что ни чести, ни богатства веселить меня не могут»¹³. Трудно поверить в искренность излияний экс-фаворита, отправленного Екатериной II за границу, как в ссылку. Но вот письмо, написанное Шуваловым в декабре 1757 г. — пору расцвета его влияния. Отказываясь от предложенных Воронцовым орденов, должностей и прочих внешних атрибутов почета, он писал: «Могу сказать, что рожден без самолюбия безмерного, без желания к богатству, чести и знатности; когда я, милостивый государь, ни в каких случаях к сим вещам моей алчбы не казал в таких летах, где страсти и тщеславие владывают людьми, то ныне истинно и более притчины нет»¹⁴. Что это — лицемерие или подлинная скромность? Ни то, ни другое.

Мы имеем дело со своеобразным, но реальным типом поведения, характерным для определенных кругов русского общества середины XVIII века. Эта манера перекликается с манерой поведения членов кружка дворянской интеллигенции, возглавлявшегося М. М. Херасковым и связанной с Московским университетом. То была литературно-аристократическая фронда. Она культивировала тип человека, «презирающего внешние блага, углубившегося в самосовершенствование, в книги, проводящего жизнь среди высоких идей, окруженного избранными и не менее его добро-

⁹ Бахрушин С. В. Очерки по истории Московского университета. В кн.: Ученые записки Московского университета, юбилейная серия, 1940, история, вып. 50, с. 8.

¹⁰ Письма к И. И. Шувалову. — Русский архив, 1869, стб. 1842.

¹¹ Новые тексты переписки Вольтера. Письма Вольтера. Л. 1970, с. 62, 64.

¹² Архив князя Воронцова. Т. 6, с. 287.

¹³ Письма И. И. Шувалова к сестре его родной Прасковье Ивановне Голицыной. — Москвитянин, 1845, ч. 5, № 10, с. 140.

¹⁴ Русский архив, 1870, № 8—9, стб. 1396.

детельными друзьями»¹⁵. Тип идеального человека «создавался как бы вне своей личной жизни, как идеальный облик бытового сознания дворянина, правомерно занимающего высокое место в сословной лестнице и претендовавшего на самостоятельность»¹⁶. Если к этому добавить манерность и принятую тогда «томность» поведения людей высшего света, то будет понятен и характер роли, которую избрал для себя Шувалов, и то, что в реальной жизни, несмотря на свою «гипохондрию» и «меланхолию», Шувалов оставался деятельным и энергичным сыном века.

Век, в котором жила Шувалов, характеризуется словом «Просвещение». Это мощное движение, охватившее Западную Европу, проникло и в Россию, став фактором ее культурной и общественной жизни, определив особенности развития политической мысли, литературы, науки и культуры. Шувалов собрал прекрасную библиотеку, которая постоянно пополнялась. Как вспоминала Е. Р. Дашкова-Воронцова, он получал из Франции все книжные новинки. Список книг, переданных им в Академию художеств, свидетельствует о целенаправленности, тщательности комплектования им своей библиотеки¹⁷. Главным источником идей для Шувалова и близкого к нему круга людей была французская литература Просвещения с ее кумиром Вольтером и энциклопедистами. Чтение и обсуждение литературы вызвало к жизни в середине 50-х годов XVIII в. журнал «Le Caméléon littéraire». Его редактором был литератор и масон Т.-Г. Чуди, прибывший в Россию в начале 1754 г. и вскоре ставший секретарем И. И. Шувалова. На страницах журнала затрагивались актуальные вопросы литературной и художественной жизни (преимущественно Франции), печатались новинки прозы, поэзии, философии, театра. Много места отводилось в нем Вольтеру и литературным спорам того времени. Знакомство русских читателей с литературой Просвещения было продолжено в журнале «Ежемесячные сочинения», издававшемся с 1755 года. В стране складывалась просветительская среда, в которой жил и действовал Шувалов¹⁸.

Восприятие идей Просвещения зависело не только от индивидуальности человека, но и от объективных условий жизни России, позиции класса-сословия дворянства, к которому Шувалов принадлежал. Примером может служить отношение Шувалова к Вольтеру. Шувалов по своим взглядам был далек от обскурантизма. Более того, он помог появлению в России смелой по тем временам и близкой к атеизму книги английского просветителя А. Попа «Опыт о человеке» в переводе ученика Ломоносова Н. Н. Поповского. Немало он сделал и для защиты от церкви самого Ломоносова как автора «Гимна бороде»¹⁹. Но тем не менее Шувалов явно не одобрял антиклерикализма Вольтера и других просветителей, воспринимая их взгляды как осуждаемое безбожие. В письме Воронцову из Франции в 1766 г. он сожалел о казавшемся ему упадке нравственности и религиозности в стране и видел в этом прямой результат чтения «Вольтеровых сочинений и Ансиклопедии». «Вот плоды господ здешних ученых людей, которые устремились истребить закон христианский!»²⁰, — с пафосом восклицает просвещенный русский вельможа. В таком отношении Шувалова к Вольтеру и просветителям видна характерная для многих деятелей русской культуры той эпохи точка зрения, согласно которой безоговорочно признавался литературный талант Вольтера и других просветителей и почти полностью отрицались критика ими феодализма, их пантеизм и гедонизм²¹.

¹⁵ Гукровский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. М.-Л. 1936, с. 31.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Дашкова Е. Р. Записки. СПб. 1906, с. 11; о комплектовании Шуваловым библиотеки Московского университета см.: Архив князя Воронцова. Т. 6, с. 286.

¹⁸ Попова М. Н. Теодор-Генрих Чуди и основанный им в 1755 году журнал «Le Caméléon littéraire». — Известия АН СССР, серия 7, отд. гуманитарных наук, 1929, № 1; Заборов П. Р. Вольтер в русских переводах XVIII века. В кн.: Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л. 1967. «Le Caméléon» издавался в количестве 312 экземпляров. Для периодического издания на иностранном языке в России середины XVIII в. это был значительный тираж.

¹⁹ Пекарский П. Письмо Шувалова о позволении печатать перевод Поповского книги Попа «Опыт о человеке». — Библиографические записки, 1858, т. 1, № 16.

²⁰ Архив князя Воронцова. Т. 6, с. 305.

²¹ Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер (XVIII — первая треть XIX века). Л. 1978, с. 68.

Отрицая радикализм Вольтера и энциклопедистов, Шувалов видел в Просвещении главным образом борьбу за просвещение и образование против невежества и суеверия, а в победе Просвещения — залог благополучия государства («И когда суеверие и невежество — главные противники просвещения исчезали, надлежало ожидать несомненных успехов»). Первым, кто начал в России борьбу с невежеством и суеверием, был, по мнению Шувалова, Петр I. Он достиг выдающихся успехов, потому что взял на вооружение достижения культуры и науки («божественным своим предприятием исполнение имел через науку») ²². Реформы Петра I представлялись Шувалову прежде всего как реформы образования, воспитания квалифицированных и образованных верноподданных. «Главное сего монарха попечение было, — писал он о Петре I в проекте указа Сенату, — сделать способных людей к правлению разных должностей, составляющих общий порядок государства» ²³. Однако пришедшие в Россию уже после смерти Петра I иностранцы «не радели о распространении наук и искусств в стране им чуждой»; в итоге «такая небрежность о просвещении юности... некоторым образом остановила успехи просвещения. Вот почему благородная ревность к учению совершенно была погашена во многих моих соотечественниках» ²⁴.

Необходимо отметить, что причастность к семье европейских народов воспринималась в России середины XVIII в. не только как копирование европейских обычаев, быта, культуры, но и как осознание своего равенства с членами этой семьи, а следовательно, осознание собственной значимости, ценности как народа. Шувалова и его современников особенно огорчало распространенное за пределами России мнение о неспособности русских без посторонней помощи овладеть общеевропейской культурой. Имея в виду время бироновщины, Шувалов писал Гельвецию: «Столь неприятный для нас промежуток времени дал повод некоторым иностранцам несправедливо думать, что отечество наше неспособно производить таких людей, какими бы они должны быть». Этот мотив повторяется и в проекте, поданном Шуваловым Елизавете: «Мнение иностранных вкоренившееся, что не видать российских достойных людей, приносит всему народу крайнее предосуждение». И далее: завистники России «ласкаются, что мы здесь сами себя невежеством нашим истребляем, возвращаясь без иностранных к оному» ²⁵.

Убедить всех в обратном — такова была идея Шувалова и близких к нему деятелей русской культуры. Наиболее емко эту идею выразил Ломоносов: «Может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать». Примечательна речь ученика Ломоносова и протеже Шувалова, профессора Московского университета Н. Н. Поповского при открытии гимназии этого университета в 1755 году. Обращаясь к будущим ученикам, он сказал: «Если будет ваша охота и прилежание, то вы скоро можете показать, что и вам от природы даны умы такие ж, какие и те, которыми целые народы хвалятся; уверьте свет, что Россия больше за поздним начатием учения, нежели за бессилием, в число просвещенных народов войти не успела» ²⁶. В такой обстановке естественным выглядит подчеркивание собственной культуры, возможностей русских людей. Особенно много писал об этом Ломоносов. Его взгляды находили поддержку у Шувалова, по чьему мнению, в России «мало своих искусных людей или почти никого нет, чему не склонность и понятие людей, но худые смотрения в премудрых учреждениях виноваты» ²⁷.

Это высказывание Шувалова, как и многие другие, отражают его концепцию понимания Просвещения применительно к России: государство может путем создания «премудрых учреждений» воспитать просвещенных, сознательных и послушных верноподданных. В соответствии с этим он предполагал создать стройную систему образования. Университет, Академия художеств, проект введения гимназического

²² Бумаги И. И. Шувалова. — Русский архив, 1867, № 1.

²³ Русский архив, 1867, № 1, стб. 73.

²⁴ Литературное наследство. Т. 29—30, с. 272.

²⁵ Русский архив, 1867, № 1, стб. 74—75.

²⁶ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М. 1952, с. 92.

²⁷ Русский архив, 1867, № 1, стб. 75.

образования в губерниях — вот ряд мероприятий просветительской программы Шувалова, разработанных и отчасти внедренных в жизнь в 50-х годах XVIII века.

В этом деле Шувалов возлагал большие надежды на Ломоносова, в лице которого он видел ученого и педагога, хорошо знакомого с организацией университетской системы в Западной Европе. Шувалов познакомился с Ломоносовым в начале 50-х годов. Их отношения, сохранявшиеся до самой смерти Ломоносова, были довольно тесными, причем ученый оказывал сильное влияние на Шувалова. Это неудивительно. Незаурядная личность великого помора привлекала Шувалова не только успехами в естественных науках, но прежде всего блестящим поэтическим талантом. Есть свидетельства, что Шувалов сам сочинял стихи и брал уроки стихосложения у Ломоносова²⁸. Переписка показывает, что поэтический авторитет Ломоносова был для не отмеченного стихотворным дарованием Шувалова необычайно велик. Вот одно из свидетельств, характеризующих отношение Шувалова к Ломоносову-поэту: «Удивляюсь в разных сочинениях и переводах ваших... богатству и красоте русского языка, простирающегося от часу лучшими успехами еще без предписанных правил и утвержденных общим согласием»²⁹. Со своей стороны, Шувалов тоже влиял на Ломоносова: под его непосредственным воздействием тот занялся написанием пьес и «Истории Российской»³⁰.

Немаловажным обстоятельством, определявшим отношение Шувалова к Ломоносову, являлось то, что тот был «природным» русским поэтом и ученым, живым олицетворением реальных успехов курса Петра I на воспитание отечественной интеллигенции. В первом собрании сочинений Ломоносова, изданных при Московском университете по указанию и при деятельном участии Шувалова, под портретом Ломоносова стояли весьма символические слова: «Открыл природы храм богатым словом россов пример их остроты в науках Ломоносов». Общеизвестен факт активной поддержки ученого Шуваловым в борьбе за реорганизацию Академии наук, против руководителей академической канцелярии И.-Д. Шумахера и И. И. Тауберта. Ломоносов и Шувалов придавали этой борьбе острое политическое звучание, видели в ней сопротивление засилью иностранцев³¹. Нет нужды идеализировать отношения Шувалова и Ломоносова: непреодолимый барьер социального происхождения, несопоставимое положение каждого из них в обществе, существенные различия во взглядах — все это их разделяло.

Шувалов действительно поддерживал Ломоносова в Академии и влиял на президента Академии К. Г. Разумовского, но был при этом очень осторожен. Он явно не хотел, чтобы его вовлекли в открытую борьбу Ломоносова и других ученых с академической канцелярией во главе с И.-Д. Шумахером, а также с приближенным Разумовских советником академической канцелярии Г. П. Тепловым. Шувалов, возможно, опасался, что участие в этой борьбе может отразиться на его положении при дворе. А сохранение власти и влияния оставалось важнейшей целью просвещенного фаворита. Приходилось и Ломоносову расплачиваться за меценатство Шувалова. Характерна в этом смысле история с полемикой вокруг появившейся в начале 50-х годов XVIII в. сатиры поэта И. П. Елагина «На петиметра и кокеток». Из переписки Шувалова с Ломоносовым видно, что Шувалов, приняв на свой счет сатиру о щеголе, предложил Ломоносову публично ответить на выпад Елагина. Ломоносов вначале пытался уклониться от открытой защиты «петиметрства» (символ легкомыслия, щегольства и галломании), но потом был все же вынужден написать стихотворный ответ Елагину, представив «петиметрство» как невинную шалость молодежи, стоящей на пороге серьезного поприща. Обнародование этого стихотворения, автор которого выступал с позиций защиты осуждаемого порока, привело к грубым выпадам литературных противников против Ломоносова и его учеников³².

²⁸ Грот Я. К. Труды. Т. 3. СПб. 1901, с. 14—15.

²⁹ Биллярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб. 1865, с. 355.

³⁰ Пекарский П. История Академии наук в Петербурге. Т. 2. СПб. 1873, с. 505—512.

³¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. М.-Л. 1959, с. 214, 217, 226.

³² Берков П. Н. Ук. соч., с. 125—136.

Не всегда считался Шувалов и с самолюбием Ломоносова, его жизненными принципами. Шувалов был не прочь, потехи ради, сыграть на слабостях Ломоносова, его вспыльчивом нраве. Именно так следует трактовать попытку Шувалова публично примирить двух литературных противников — Ломоносова и Сумарокова. После их ссоры 2 января 1761 г. в доме Шувалова, показавшейся хозяину и присутствующим гостям «смешной сценой», Ломоносов написал своему покровителю письмо, полное гнева и оскорбленного достоинства, которое закончил так: «Ваше высокопревосходительство, имея ныне случай служить отечеству спомоществованием в науках, можете лучше дела производить, нежели меня мирить с Сумароковым... Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет»³³.

Как известно, Ломоносов начал борьбу за создание университета сразу же после возвращения из Германии в начале 40-х годов XVIII века. Он считал, что существовавший при Академии наук университет не отвечал принципам университетской системы Европы (не имел факультетов, регулярных занятий, привилегий, обеспечивавших его автономию), и требовал его преобразования. Однако обстановка при дворе и в Академии не благоприятствовала усилиям Ломоносова. Лишь при содействии Шувалова дело стало меняться к лучшему. Именно с начала 50-х годов XVIII в. Ломоносов возобновил прерванную борьбу за реорганизацию академического университета и гимназии и добился в 1754 г. созыва комиссии о штатах Академии и университета.

Уже после этих событий разворачивается история образования университета в Москве³⁴. Шувалов поддерживал усилия Ломоносова. Организация университета именно в Москве устраивала Шувалова по двум причинам: он хотел избежать столкновения (в случае продолжения борьбы за реорганизацию академического университета) с Тепловым, за спиной которого стояли Разумовские; создание высшего учебного заведения в Москве отвечало и взглядам Шувалова на распространение образования, в первую очередь дворянского. Для русского дворянства Москва по-прежнему играла большую роль. Вокруг нее раскинулись родовые владения, где произрастали дворянские отроки. Однако взгляды Ломоносова и Шувалова на некоторые принципы образования существенно различались. Если структура университета была принята в соответствии с мнением Ломоносова, то на структуру гимназии оказали сильное воздействие взгляды Шувалова, стремившегося к утверждению определенных преимуществ для дворянских детей³⁵.

Признавая выдающуюся роль Ломоносова при создании Московского университета, нельзя забывать и о соответствующих усилиях Шувалова. Его переписка показывает, что, являясь куратором университета, Шувалов многое сделал для его становления. Подбор профессуры и студентов, условия их учебы и жизни, программы образования, гимназия, типография, бюджет, правовой статус университета — вот краткий список дел по университету, которыми занимался Шувалов³⁶. По еще важнее другое: Шувалов воспринял взгляды Ломоносова на сущность университетской системы и последовательно проводил их на практике. По замыслу ученого и благодаря усилиям Шувалова в Москве был создан университет в соответствии с принятыми в Западной Европе правилами и обычаями, главный смысл которых состоял в придании университету статуса автономного от местных властей учреждения — корпорации, защищенной системой привилегий. Шувалов добился не только признания юридической автономии университета от светских и церковных властей, но и подтверждения ее Сенатом, что несомненно способствовало упрочению статуса университета в дальнейшем³⁷.

Проблема художественного образования также занимала Шувалова. Сразу после открытия гимназии при университете в Москве он писал ее директору А. М. Аргамакову о необходимости отобрать наиболее способных учеников из разночинцев

³³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.-Л. 1957, с. 546.

³⁴ Пенчко Н. А. Ук. соч.; Белявский М. Т. Ук. соч.; и др.

³⁵ Кулябко Е. С. Ломоносовский «Регламент московских гимназий». — Вестник АН СССР, 1955, № 5, с. 60—61.

³⁶ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1. М. 1960, с. 35—231.

³⁷ Там же, с. 97; ПСЗ. Т. XIV. М. 1830, № 10781.

и обучать их по специальной программе с тем, «чтоб можно отдать их здесь (т. е. в Петербурге. — Е. А.) учиться художествам и зделать начало, чтоб и в Москве с божьей помощью со временем завести было можно»³⁸. Он предполагал обучение в Академии наук (в Отделении художеств) московских гимназистов с тем, чтобы затем основать художественное учебное заведение в Москве. В 1756 г. четыре ученика гимназии, среди которых выделялся Василий Баженов, были присланы в Петербург на учение. Однако к лету 1757 г. планы Шувалова изменились, и он решил создать в Петербурге Академию художеств. В Московском же университете были организованы специальные художественные классы, где интенсивно готовили будущих студентов Академии.

Одновременно через русских дипломатов Шувалов вербовал за границей профессоров для Академии — известных художников, скульпторов и архитекторов. 23 октября 1757 г. Шувалов писал об основании Академии как об уже решенном деле: «Я сей класс (речь шла о художественном классе университетской гимназии. — Е. А.) и с учителем уповаю в конце нынешнего года взять сюда в Петербург, где Академия художеств основана будет»³⁹. У Шувалова были все причины для уверенности: 23 октября Сенат утвердил его «доношение» о создании Академии художеств. В указе Сената проводилась мысль: «Необходимо должно установить Академию Художеств, которой плоды когда приведутся в состояние, не только будут славою здешней империи, но и великою пользою казенным и партикулярным работам, за которые иностранные посредственного знания, получая великие деньги, обогащаются, возвращаются, не оставя по сие время ни одного русского ни в каком художестве, который бы умел что делать»⁴⁰.

Историки искусства высоко оценивают шуваловский период деятельности Академии художеств (1757—1763 гг.)⁴¹. Шувалов по праву назывался ее основателем. Он сумел в короткие сроки наладить обучение, которое было поручено приглашенным из-за рубежа мастерам: скульптору Н. Жилле, художнику С. Торелли, архитектору В. Деламоту, граверу Г. Шмидту и другим. Следя за первыми шагами Академии, Шувалов вникал во все мелочи учебы и быта студентов. Особое внимание он уделил созданию регламента и штата Академии, которые должны были определить ее структуру и положение среди других государственных учреждений. За основу регламента были взяты идентичные документы некоторых европейских академий художеств, но подход Шувалова к их использованию был достаточно гибким: на первое место он ставил критерий целесообразности, соответствия Академии условиям России.

В 1762 г. Шувалов писал, что в результате обобщения работы Академии за несколько лет «довольный будет приступ к сочинению регламента, который большей частию самым опытом совершенной быть может». Вообще такой творческий подход был характерен для Шувалова. В январе того же года он сообщал в Сенат по поводу основания Московского университета: «По причине недостатка штату и регламенту и за неимением на все случаи указов, особливо по новости места, где более старания я прилагал к его основанию и распространению, нежели к подобному наблюдению канцелярского порядка, иначе делать было не можно»⁴². Шувалов подарил Академии не только свою прекрасно подобранную библиотеку, но и коллекцию из 104 картин кисти Рембрандта, П. Рубенса, А. Ван Дейка, Я. Тинторетто, П. Перуджино, П. Веронезе, Н. Пуссена и других мастеров.

У Шувалова было чутье на талантливых людей. Ни возраст, ни социальное происхождение кандидатов при зачислении в Академию роли не играли. В апреле 1755 г. Шувалов писал Аргамакову о принципе отбора из гимназистов учеников для художественных классов: «Из разночинской гимназии... выбрать из бедных, но способных людей»⁴³. Так же Шувалов поступал и позже. Примечательна его памятная записка в Дворцовую канцелярию (1761 г.), давшая России одного из выдаю-

³⁸ Документы и материалы по истории Московского университета, с. 306.

³⁹ Там же, с. 93.

⁴⁰ ПСЗ. Т. XIV, № 10776.

⁴¹ Яремич С. Ук. соч., с. 52; Зотов А. И. Академия Художеств СССР. Краткие очерки. М. 1960, с. 7.

⁴² Доношение И. И. Шувалова в Сенат. — ЧОИДР, 1859, кн. I, смесь, с. 70.

⁴³ Документы и материалы по истории Московского университета, с. 306.

щихся скульпторов: «Находится при дворе е. и. в. истопник Федот Иванов сын Шубной, который своей работой в резбе на кости и перламутре дает надежду, что со временем может быть искусным в своем художестве мастером». Шувалов просит об определении Шубина в Академию с тем, чтобы он «в содержание причислен был,.. где надежно, что он время не напрасно и с лутшим успехом в своем искусстве проводить может»⁴⁴. Кроме Баженова и Шубина, выпускниками Академии стали архитектор И. Е. Старов, гравер Е. П. Чемезов, скульптор Ф. Г. Гордеев, художник А. П. Лосенко — плеяда мастеров, без которых русское искусство второй половины XVIII в. теперь представить невозможно.

Учреждение Московского университета и Академии художеств было лишь началом. Шувалов предполагал подвести под систему высших учебных заведений прочный фундамент — провинциальные гимназии и школы. Не исключено, что (как и в случае с Московским университетом) инициатива создания гимназической системы принадлежала Ломоносову, а реализация планов была начата Шуваловым. В ноябре 1760 г. Шувалов подал в Сенат проект, в котором предлагалось «в знатных городах учредить гимназии, в которых бы обучали нужные европейские языки и первые основания,.. а по маленьким городам учредить школы, в которых будут обучать русской грамматике, арифметике и прочим первым основаниям, а из оных школ станут выходить в гимназии, а из гимназий в Кадетский корпус, в Академию и в Университет, а из сих трех мест в действительную службу». Отсюда становится ясным замысел: создать единую преемственную систему образования, которая должна была обеспечить страну специалистами. По-видимому, проект носил предварительный характер. Сенат рекомендовал Шувалову сочинить «штаты окуратные» и для этого запросить Академию наук, что и было вскоре осуществлено. Однако затем дело замедлилось, да так и осталось незавершенным⁴⁵.

Планы Шувалова по развитию системы образования в России входили составной частью в общую программу предполагаемых перемен. Программа была разработана Шуваловым примерно во второй половине 50 — начале 60-х годов XVIII в. и отражена в сохранившихся проектах указов Сената и памятной записке на имя Елизаветы Петровны. Эти документы представляют собой любопытный образец развития дворянской мысли той эпохи. В проекте на имя императрицы Шувалов отмечает широкое распространение «неправосудия, нападков, грабежей и разорений», чинимых властями. «Большая причина того невежества,— поясняет он,— что прямо не знает должности своей к государю, к государству, к общему добру и любви к ближнему»⁴⁶. Взгляды Шувалова отражают многие положения, характерные для публицистики XVIII века. Главное зло — в нарушении законов, «святых и полезных», по терминологии Шувалова. Примерно в том же русле развивалась еще петровская правовая мысль. Неукоснительно соблюдать изданные государственные законы и беспощадно преследовать их нарушителей — только так, считали теоретики «регулярного государства», можно добиться возжеленного «общего блага», которое понималось различно применительно к каждому сословию и было детерминировано социальными принципами.

На практике возникало препятствие, которое состояло в отсутствии таких универсальных законов, строгое исполнение которых должно было обеспечить «общее благо». Мысль законодателя была устремлена на их создание. Именно поэтому законодатель XVIII в. обращается в Соборному Уложению 1649 г., видя в нем прообраз универсального кодекса и стремясь переработать его в соответствии с духом времени. Шувалов считал необходимым возобновить разработку нового Уложения и ввести его в действие, видя в этом реальный путь к искоренению недостатков и «пресечению ябед». Кроме того, он предложил «собрать все указы и намерения... Петра Великого, без действия оставленные», и, рассмотрев их «по обстоятельствам, в действо иные производить, прочие нужные дела к докладу представить». Именно в таком анализе законодательных начинаний Петра I видел Шувалов преемственность

⁴⁴ Ярмич С. Ук. соч., с. 57.

⁴⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 9. М.-Л. 1955, с. 570—571, 902—904; Пекарский П. История Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб. 1870, с. 629; ПСЗ. Т. XV. М. 1830, № 11144.

⁴⁶ Русский архив, 1867, № 1, стб. 75.

своих начинаний. Этим он не ограничился и предложил ряд мер по налаживанию работы государственной машины, финансов, флота, промышленности и т. д.⁴⁷

Быть может, с идеями Шувалова о «поправлении» был знаком Ломоносов. Видимо, не случайно он подал Шувалову 1 ноября 1761 г. письмо-записку «О сохранении и размножении российского народа», в предисловии к которой перечислил еще несколько тем, которые предполагал разработать. Они охватывают различные стороны жизни и предназначены «в уповании, может быть найдется в них что-нибудь к действительному поправлению российского света служащее»⁴⁸. Предложения Шувалова нельзя назвать принципиально новыми. Но в одной части его памятной записки царице есть идеи и предложения, уникальность и новизна которых очевидны. Шувалов предложил императрице установить особые «фундаментальные и непременные законы», благодаря введению которых «самая польза, благополучие в. и. в. подданных непременными делают». «Фундаментальные и непременные законы» Шувалова — это слепок с «основных законов» Монтескье, измененных применительно к условиям России. В конечном счете, как и у Монтескье, эти законы Шувалова направлены на ограничение самодержавной власти. Согласно проекту Шувалова, Елизавета Петровна должна была «уверять и обещать пред богом как за себя, так и за наследников своих, следующие законы свято, нерушимо сохранять и содержать, и повелеть всем верноподанным, как истинным детям отечества во всяких случаях наблюдать их непоколебимость и ненарушение и в сем указать учинить присягу»⁴⁹.

Ограничительные тенденции предложения Шувалова налицо: императрица должна присягнуть в соблюдении законов, а подданные должны были наблюдать за их соблюдением. В чем же суть самих законов? Императрица была обязана «утвердить самодержавной властью и присягою, дабы все государи российского престола и жены их, и дети, и мужеск, и женск пол, были греческого православного закона» и все русские «в оном законе постоянно, навсегда пребудут». Затем Шувалов предлагает ввести своеобразную квоту на число служилых иностранцев. Все сенаторы, президенты коллегий, губернаторы должны быть только из русских; из русских же должны быть две трети генералитета и офицерского корпуса. В замещении оставшейся трети постов преимущество отдавалось лифляндцам и эстляндцам — подданным России⁵⁰. Эти положения проекта были навеяны политической ситуацией в России, сложившейся в годы господства иностранных временщиков при Анне Ивановне в государственном аппарате и армии, что вызвало недовольство широких слоев русского дворянства. Предотвратить подобную ситуацию в будущем — цель проекта Шувалова.

«Дети отечества», которые должны наблюдать за «непоколебимостью» законов, — это дворянство. О его интересах заботится Шувалов в первую очередь. Хотя в проекте есть пункт о купцах и крестьянах, однако в качестве политической силы они не фигурируют. Предполагается лишь о них «сделать рассмотрение и стараться их состояние сделать полезнейшим отечеству и им самим». Зато дворянство получает, согласно проекту Шувалова, важнейшие привилегии. Общий срок службы дворян должен быть, по мысли Шувалова, ограничен 26 годами. Предлагая эту меру, он шел навстречу требованиям дворян, давно добивавшихся облегчения своей службы. Вызывают интерес следующие пункты проекта: «13. Впадшее в преступление дворянство теряет только конфискацию собственно нажитое собою имение, а не родовое»; «14. От бесчестной политической казни дворянство освободить»⁵¹. Так последовательно и прямо социальные и политические претензии дворянства до Шувалова никто не высказывал. А между тем предпосылки для подобных претензий были, и они не неожиданны, ибо отражали укрепление позиций дворянства в стране.

Ко времени Елизаветы Петровны дворянство прочно держало в руках основные земельные богатства, обладало правом эксплуатации крепостных, увеличивало объем

⁴⁷ Там же, стб. 79—82.

⁴⁸ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6. М.-Л. 1952, с. 379, 383, 597.

⁴⁹ Бумаги И. И. Шувалова. — Русский архив, 1867, № 1, стб. 84.

⁵⁰ Там же, стб. 83—86.

⁵¹ Там же, стб. 85.

их повинностей⁵². Властно вмешивалось оно и в торгово-промышленную сферу жизни страны, стремясь приобщиться к этому источнику дохода. Вместе с увеличением роли дворянства как опоры самодержавия росли стремления верхушки дворянства иметь большее влияние в политической жизни государства, освободиться от тягостной пожизненной службы. Самодержавие шло навстречу запросам дворянства. Комиссия об Уложении подготовила законодательную основу тех реформ в положении дворянства, которые были приняты при Петре III и особенно при Екатерине II и стали апофеозом дворянских вольностей. Однако никогда верховная власть не решилась на введение тех «непременных и фундаментальных законов», о которых писал Шувалов во второй половине 50-х годов XVIII века. Несомненно одно: нереализованные планы Шувалова свидетельствуют о том, что он был последовательным защитником прав дворянства, которые и стремился расширить. В проекте Шувалова, как и в целом в его тогдашней деятельности, заметно своеобразное преломление идей западного Просвещения в русском дворянском сознании середины XVIII в., имевшее целью упрочить порядки дворянской империи.

Со смертью Елизаветы 25 декабря 1761 г. «время Шувалова» кончилось: никакой роли в государственных делах он уже не играл. Екатерина II не возражала, когда он отправился за границу. Почти 14 лет Шувалов провел в Париже, Вене, Риме, жил в Фернье у Вольтера. После отъезда Шувалова стали приходить в Россию известия о его широкой популярности в литературных салонах Парижа. Прекрасное знание французской культуры и природный ум привлекали к нему виднейших писателей и философов — Вольтера, д'Аламбера, де Жанлис и других. Думается, можно согласиться с мнением Н. Голицына, называвшего Шувалова «русским послом при европейской литературной державе»⁵³. Екатерина II не могла не считаться с этим и пыталась через Шувалова упрочить свою репутацию «просвещенного монарха». В годы фактического изгнания Шувалов не забывал ни родину, ни свое детище — Академию художеств, куда посылал купленные в Италии произведения искусства. Вернувшись в 1777 г. в Россию, Шувалов как обер-камергер пытался сблизиться с Екатериной. Но царица держала его вдали от двора, не скрывая своего раздражения, возникшего «вследствие той популярности, которую И. И. Шувалов приобрел среди европейских ученых и писателей»⁵⁴. По создании Российской Академии — центра по изучению русского языка Шувалов стал ее членом, однако заметного следа в лингвистике не оставил⁵⁵. Те 35 лет, которые Шувалов прожил после 1761 г., не могут идти ни в какое сравнение с периодом 50 — начала 60-х годов XVIII в., отмеченных его наиболее плодотворной деятельностью.

⁵² Преображенский А. А. Об эволюции классово-сословного строя в России. В кн.: Общество и государство феодальной России. М. 1975, с. 71 сл.

⁵³ Голицын Н. Иван Иванович Шувалов, с. 262.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 7. СПб. 1885, с. 93—99.

ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА

Б. Н. Флоря

В 1189—1190 гг. во время третьего крестового похода был основан Тевтонский орден, одна из организаций рыцарей, которые должны были защищать владения крестоносцев в Палестине. Его название свидетельствует о том, что он был создан из рыцарей немецкого происхождения. Не получая притока новых сил из Европы, Орден в конце XII—начале XIII в. влачил жалкое существование. В 20-е годы XIII в. польские князья пригласили для защиты своих владений от набегов язычников-пруссов рыцарей этого Ордена. Так было положено начало созданию в Европе новой военной державы — Орденского государства в Пруссии. Оно «прославилось» особо жестокой, организованной «по-военному» эксплуатацией закрепощенного населения, а его существование зиждилось на политике постоянной агрессии по отношению к соседним странам и народам. Людские ресурсы для пополнения администрации и армии давали Орденскому государству обедневшие слои немецкого рыцарства, искавшие в его рядах возможности для возвышения и обогащения. Орден как защитник веры и борец с язычниками опирался на поддержку всей католической Европы, начиная с ее высших институтов — Священной Римской империи германской нации и папства, санкционировавших захваты крестоносцев, и кончая рыцарством почти всех европейских стран.

При поддержке этих сил Орден, завершивший в 80-е годы XIII в. покорение пруссов и превратившийся в сильную военную державу, стал все чаще обращать острие своей экспансии против соседних стран и народов. Хронист Ордена Петр Дюсбург записал под 1283 г.: «Закончилась война с пруссами. Началась война с литовцами»¹. Плацдармом для агрессии стали замки, поставленные крестоносцами в устье Немана и в заливе, куда эта река впадала. Поначалу речь шла об ослаблении Литвы непрерывными опустошительными походами (ставшими со времени покорения пруссов главным методом внешней политики Ордена). Однако планы Ордена распространялись не только на земли «язычников» — литовцев, но и на земли «схизматиков» (православных) — белорусские и украинские, оказавшиеся с конца XIII — начала XIV в. под властью великих князей литовских. Исполненной грамотой, выданной Ордену в декабре 1337 г., император Людовик Баварский отдавал тевтонским рыцарям не только «Литву», но и «Русь»². Еще прежде, чем эти планы стали претворяться в жизнь, крестоносцы напали на католическую Польшу. Захватив Гданьское Поморье, они отрезали Польское государство от Балтики, и на западе их владения сомкнулись с Бранденбургом, через земли которого к ним приходили все новые отряды немецкого рыцарства.

Агрессия тевтонских рыцарей с характерной для нее войной на уничтожение встречала закономерный, все нарастающий отпор соседних народов. 40 лет сопротивлялись натиску Ордена пруссы. Ожесточенный отпор литовцев и белорусов встретили попытки тевтонских рыцарей укрепиться в нижнем течении Немана³. Взялись за оружие поляки, которые в битве под Пловцами (1331 г.) нанесли серьезный удар войску крестоносцев.

Но силы противников Ордена были разобщены. Польское рыцарство не желало тогда иметь ничего общего с литовцами-язычниками. Литовское боярство оспаривало у польских феодалов подчиненные ими земли Галицкой Руси и стремилось распространить свое влияние на Северо-Восточную Русь, что вело к конфликтам меж-

¹ Chronicon terrae Prussiae von Peter von Dusburg. In: Scriptores rerum Prussicarum (SRP). T. I. Leipzig. 1861, S. 146.

² Preussisches Urkundenbuch. Bd. III, Tl. 1. Königsberg. 1944, S. 101.

³ Па шу то В. Т. Образование Литовского государства. М. 1959, с. 416 сл.

ду Великим княжеством Литовским и русскими княжествами, прежде всего Московским. В этих условиях Орден продолжал укреплять свои позиции. По миру, заключенному в 1343 г. в Калише, Польша оказалась вынужденной признать захват Поморья крестоносцами. Резко усилился их натиск на Великое княжество Литовское. Во второй половине XIV в. объектом больших походов Тевтонского ордена неоднократно становились уже не только пограничные литовские и белорусские области, но и главные центры Литовского государства — Вильнюс и Троки⁴. Основные усилия крестоносцы направляли тогда на подчинение Жемайтии. Захват этой литовской земли позволил бы им не только полностью отрезать Литву от моря, но и сомкнуть в единое целое владения Тевтонского ордена с владениями другого, признававшего верховную власть великого магистра, однако сохранявшего определенную автономию государства крестоносцев в Прибалтике, — Ливонского ордена, который, покорив латышей и эстов, угрожал Литве и землям Северо-Западной Руси. Используя внутренние конфликты в Великом княжестве Литовском, которые властями Ордена всячески разжигались, в начале 80-х годов XIV в. Орден сделал серьезные шаги, чтобы укрепиться в Жемайтии. Опасность для исторических судеб поляков, литовцев, восточнославянских народов резко возросла.

В этом драматическом положении был сделан первый важный шаг к объединению сил противников Ордена. В 1385 г. польским королем был избран литовский великий князь Ягайло, принявший христианство вместе со своими литовскими подданными⁵. Несомненно, предпринимая такую акцию, польские политики думали о совместном выступлении Польши и Великого княжества Литовского против Ордена. Ягайло (в крещении Владислав), вступая на польский трон, принял на себя обязательство вернуть Польскому королевству земли, захваченные крестоносцами⁶. Однако до совместного выступления обоих государств против Ордена прошло еще почти четверть века. Одной из причин несогласованности действий были столкновения между польскими и литовскими феодалами по вопросу о формах будущего объединения. Обострению этих столкновений всячески способствовал Орден. Лишь к середине 90-х годов XIV в., когда фактическим правителем Великого княжества Литовского под верховной властью Ягайло стал его двоюродный брат Витовт, спор был улажен.

Существовали и иные причины задержки. В правящих кругах Польши и Великого княжества Литовского сталкивались разные внешнеполитические концепции. Польских феодалов и литовское боярство манили планы расширения своих границ на Востоке за счет русских земель. Отсюда — дилемма, характерная для предгрюнвальдской политики обоих государств: либо политика экспансии на Востоке, что предполагало соглашение с Орденом и уступку его требованиям; либо решительная борьба с Орденом, что означало мир и политическое сближение с русскими княжествами. Колебаниями воспользовался Орден, и на первых порах не без успеха. Одной из вех на этом пути стал польский договор с Орденом, подписанный в мае 1404 г. в Рацёнке. Ордену отдавалась Жемайтия, признавалось «право» ливонских рыцарей на Псков, взамен же Орден охотно обещал свою поддержку Ягайле и Витовту в завоевании русских земель⁷ и такую помощь действительно послал. Каковы же были результаты соглашений? На Востоке, столкнувшись с объединенными силами русских княжеств, в войне, продолжавшейся более трех лет, Витовт и Ягайло не добились существенных успехов. Подобная политика вызвала лишь политический кризис в их собственных владениях: в 1408 г. отъехал в Москву родной брат Ягайлы Свидригайло вместе с рядом русских князей, а с ним «бояре черниговские и дебрянские, и любутские, и рославские»⁸. А тем временем Орден укреплял позиции в Жемайтии, устанавливая там свою администрацию и закладывая новые замки.

⁴ Łowmiański H. Agresja Zakonu krzyżackiego na Litwę w wiekach XII — XV. — Przegląd historyczny, 1954, № 2—3, s. 357n.

⁵ Данный шаг не повлиял на политику Ордена, продолжавшего перед лицом всей Европы именовать литовцев «язычниками» и устранивать на Литву новые крестовые походы, к участию в которых широко призывалось рыцарство католической Европы.

⁶ Akta unii Polski z Litwą. Kraków. 1932. № 1, s. 2.

⁷ Kolanowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. I. Warszawa. 1930, s. 83.

⁸ ПСРЛ. Т. 25. М.-Л. 1949, с. 237.

В этих условиях борьба взглядов в польско-литовских правящих кругах привела к победе политического реализма. С русскими был заключен мир, а весной 1409 г. началось восстание в Жемайтии при прямой поддержке из Вильнюса. В начавшейся войне Польша и Литва совместно двинули свои войска против Ордена. Жемайтию Орден, захваченный врасплох, удержать не смог. Но и союзники еще не были готовы к большой войне. Осенью военные действия были прерваны перемирием, срок которого истек в июне 1410 года. За это время стороны должны были подготовиться к решающему столкновению. С поражением союзников Орден связывал далеко идущие цели; так, в договоре о союзе с венгерским королем Сигизмундом Люксембургским он специально оговаривал свое право на захват Литвы, Жемайтии, части польских земель⁹. Однако в Мариенбурге (Мальборк), Данциге (Гданьск) и Кёнигсберге (ныне Калининград) понимали, что добиться этой цели будет нелегко: Ордену впервые открыто противостояли объединенные силы его противников.

Крестоносцы рассчитывали на содействие Сигизмунда Люксембургского. Но, занятый борьбой с османами и Венецией, тот не мог немедленно начать военные действия. Поэтому гораздо больше они надеялись на помощь ливонских рыцарей. Великий магистр потребовал от ландмейстера Ливонского ордена, чтобы тот по окончании перемирия объявил Витовту войну и нападением на Литву отвлек на себя литовские силы. Ответ же оказался неожиданным. Ландмейстер в мае извещал, что готов объявить войну, но согласно ранним соглашениям может начать военные действия лишь через три месяца после разрыва отношений. Так как срок перемирия между Тевтонским орденом и его противниками истек в июне, такой ответ фактически означал отказ. Великий магистр, получивший ответ за девять дней до начала войны, пришел в ярость и потребовал от Ливонского ордена вернуть данные ему займы деньги и пушки¹⁰. Современный польский исследователь С. М. Кучиньский¹¹ считает, что главная причина создавшейся ситуации заключалась в том, что после мира 1408 г. началось сближение Польши и Великого княжества Литовского с русскими землями — Великим княжеством Московским, Новгородом и Псковом. В грядущей войне эти земли по существу приняли сторону, враждебную Тевтонскому ордену, и ливонские рыцари в этих условиях решили не вмешиваться в события.

Теперь Ордену оставалось рассчитывать лишь на искусство своих военачальников. Но в начале военной кампании оно оказалось явно не на высоте. В возобновившихся летом 1410 г. военных действиях инициатива с самого начала принадлежала польско-литовской стороне. Несмотря на усилия орденских властей, им не удалось проникнуть в военные планы противника. Предпринятые в июне с разных направлений нападения войск как Польского королевства, так и Великого княжества Литовского дезориентировали военное командование Ордена, вынужденного воздерживаться от активных действий. В этих условиях Витовту и Ягайле удалось успешно достичь той цели, которую они ставили перед собой на первом этапе кампании: 2 июля на Висле, севернее Варшавы, в районе Червиньска беспрепятственно соединились армии обоих государств. 6 июля они перешли прусскую границу, и война развернулась на землях Ордена.

Польско-литовское войско двинулось в глубь вражеской территории, в сторону Мальборка, столицы Ордена¹². Войска союзников «все шли плохими лесными доро-

⁹ Nowak Z. *Polityka północna Zygmunta Luksemburskiego do roku 1411*. Toruń. 1964, s. 98—100.

¹⁰ Prochaska A. *Dzieje Witolda wielkiego księcia Litwy*. Wilno. 1914, s. 124—125.

¹¹ Kuczyński S. M. *Wielka wojna z Zakonem Krzyżackim w latach 1409—1411*. Warszawa. 1989, s. 331—332.

¹² О первой фазе войны подробнее см.: Kuczyński S. M. *Op. cit.*, s. 334—368. В архиве Ордена сохранилось много документов о войне 1409—1411 годов. Большая часть из них опубликована в издании: *Codex epistolaris Vitoldi. Cracoviae. 1882*. Обзор и частичная публикация не вошедших в это издание материалов см.: Biskup M. *Z badań nad «Wieką wojną» z Zakonem Krzyżackim*. — *Kwartalnik historyczny*, 1959, № 3. О самой битве эти документы сведений не содержат. Ее описания сохранились лишь в хрониках. Из источников, отражающих точку зрения Ордена, следует отметить составленное неизвестным лицом продолжение «Хроник» Иоанна Посильге, официала помезанского епископа. Записи здесь близки по времени событиям, которые поданы с точки зрения стороны, враждебной польско-литовской: войска Великого княжества Литовско-

гами и не могли найти ровного и широкого поля, где бы можно было остановиться и дать бой, и были большие и ровные поля около немецкого города Дубровна»¹³. Именно на север от этого города, взятого союзниками на пути к Мальборку, войско великого магистра Ордена Ульриха фон Юнгингена преградило путь польско-литовским силам. По крайней мере на день раньше армия крестоносцев стала на поле, к которому продвигались отряды его противника.

Какими же силами располагали перед решающей битвой обе армии? Точными данными для ответа на этот вопрос мы не располагаем¹⁴. Одно не подлежит сомнению: Орден собрал все свои силы и широко раскрыл казну для вербовки наемников. Лишь в одной из счетных книг Ордена записаны выплаты жалованья для 5750 человек, нанятых на орденскую службу перед битвой при Грюнвальде¹⁵. Но, кроме наемников, благодаря призывам Ордена в Пруссию прибыли большие отряды «гостей» — рыцарей, снарядившихся за свой счет, явившихся сюда в поисках добычи и рыцарских лавров, завоеванных в борьбе с язычниками. В составе армии крестоносцев были отряды рыцарей не только из Мейссена, Вестфалии и рейнских земель, но даже из Швейцарии, «пришедшие на помощь магистру прусскому и Ордену собственным иждивением»¹⁶. Составитель Хроники Быховца был не так далек от истины, написав, что магистр выступил на войну «со всей Германской империей»¹⁷. Но главное, Орден постарался выжать максимум сил из собственных подданных: там, где сохранились данные, видно, что отдельные прусские города выставили контингенты по размеру в несколько раз большие, чем во время других военных кампаний¹⁸. Для решающей битвы, писал современник, великий магистр собрал все силы, «оставив всю землю и все замки» без военачальников и гарнизонов¹⁹.

Точный в подсчетах французский хронист Жильбер де Ланнуа отметил, что уже после Грюнвальда ослабленный Орден выставил в 1413 г. для войны с поляками и литовцами 21 тыс. всадников и множество пехоты. В 1410 г. армия Ордена должна была значительно превышать эти цифры. Учитывая сказанное, с доверием можно отнестись к сведениям документов, которые рассказывали о заукоинных службах по убитым со стороны Ордена: в них упоминалась цифра 18 тысяч²⁰.

го для него — войска язычников. У других хронистов, писавших на территории Пруссии, сохранились краткие записи о войне и битве (все соответствующие тексты собраны в издании: SRP. T. III. Leipzig. 1866). С польско-литовской стороны наиболее ранним и достоверным источником является т. н. *Cronica conflictus Wladislai regis Poloniae cum cruciferis. Anno Christi, 1410. Poznań. 1911* (издание с факсимильным воспроизведением оригинала). К сожалению, это описание войны, составленное по следам событий в канцелярии короля, дошло до нас в сильном сокращении, сделанном неизвестным клириком, использовавшим его как материал для проповеди в годовщину победы при Грюнвальде. Полным текстом «*Cronica conflictus*» располагал и широко использовал его в своей «Хронике» работавший во второй половине XV в. Ян Длугош. Однако текст этого источника он использовал не механически, а перерабатывал под влиянием сообщений своего покровителя, краковского епископа Збигнева Олесницкого, относившегося с большой неприязнью к литовцам и православным. Отсюда — выступающая в его повествовании тенденция приписать основную заслугу в победе под Грюнвальдом польскому войску (описание войны и битвы помещено в начале книги XII «Хроники»: *Joannis Dlugossii seu Longini canonici Cracoviensis opera omnia. T. XIII. Cracoviae. 1877*). Современный русский перевод: Длугош Я. Грюнвальдская битва. М.-Л. 1962. Противоположная тенденция может быть отмечена в рассказе «Хроники Быховца», где отразились предания о битве, бытовавшие в среде аристократии Великого княжества Литовского в XVI веке. Наряду с недостоверными этот рассказ содержит ряд важных и точных сведений, отсутствующих в других источниках (см. *Kuczyński S. M. Informacje tzw. latopisu Byshowca o «Wielkiej wojnie» lat 1409—1411. In: Studia z dziejów Europy Wschodniej X—XVII w. Warszawa. 1965*). Ср. также: ПСРЛ. Т. 32. М. 1975; русск. пер.: Хроника Быховца. М. 1966.

¹³ Хроника Быховца, с. 79.

¹⁴ *Kuczyński S. M. Spór o Grünwald. Warszawa. 1968, s. 66.*

¹⁵ *Ekdahl S. Kilka uwag o księdze żołdu Zakonu krzyżackiego z okresu «Wielkiej wojny» 1410—1411. — Zapiski historyczne, 1968, № 3.*

¹⁶ Длугош Я. Ук. соч., с. 93—95.

¹⁷ Хроника Быховца, с. 78.

¹⁸ *Kuczyński S. M. Spór o Grünwald, s. 86.*

¹⁹ SRP. T. III, S. 314—315.

²⁰ *Jahrbücher Johannes Lindenblatts oder Chronik Johannes von der Posilie, Officials zu Riesenburg. Königsberg. 1823, S. 257—258.*

Польша и Великое княжество Литовское также собрали к месту битвы свои основные силы. Из перечня отрядов (хоругвей) в составе войска союзников видно, что и Ягайло и Витовт привели с собой войска не только с расположенных сравнительно близко от Ордена польских, белорусских и литовских, а также русских (Смоленщина) территорий, но и с украинских земель: в польском войске были хоругви Галицкой земли, Холмщины, Подолии, в литовском — Киевская, Кременецкая, Стародубская²¹. Поскольку по размерам территории и числу жителей Польское королевство и Великое княжество Литовское значительно превосходили Орден, из этого иногда делался вывод о большом численном превосходстве войск союзников. Ряд обстоятельств говорит, однако, против этого предположения. Во-первых, союзники не располагали той огромной внешней поддержкой, которой пользовался Орден. В составе польского войска были, правда, наемные отряды и добровольцы, но все они (и добровольцы и наемники) пришли из Силезии, польской земли, входившей в то время в состав Чешского королевства, а также из самой Чехии, которая была, таким образом, единственной страной католической Европы, оказавшей помощь противникам Ордена²². Вступая в ряды польского войска, чехи и силезцы действовали вопреки желанию чешского короля Вацлава IV, который, стремясь сохранить за собой трон Священной Римской империи, в начавшейся войне явно поддерживал крестоносцев.

Хронисты Ордена и находившиеся под их влиянием хронисты западноевропейских стран писали об огромном войске татар, участвовавших в войне на польско-литовской стороне во главе с самим «татарским императором»²³. В действительности речь могла идти лишь о небольшом отряде Джелал ад-Дина, сына Тохтамыша, который нашел в то время приют у Витовта, потерпев поражение в борьбе с Едигеем²⁴. Союзники получили также помощь от молдавского господаря, но это был небольшой отряд, насчитывавший 800 человек²⁵. Существенно и другое: если Орден смог собрать все свои силы под Грюнвальдом, не опасаясь нападения с другой стороны, то союзники не могли себе этого позволить. Длугош прямо свидетельствует о том, что часть польских войск осталась на южной границе для защиты от нападения союзника крестоносцев Сигизмунда Люксембургского²⁶. Немалая часть войск Великого княжества Литовского продолжала охранять границы с Ливонским орденом и Золотой Ордой.

Таким образом, хотя союзники и располагали, судя по всему, численным перевесом²⁷, он не мог быть подавляющим и в битве на открытом поле компенсировался преимуществами тяжеловооруженной рыцарской конницы, тогда как войска из украинских земель Польши и Великого княжества Литовского располагали более легким вооружением. Несомненно одно: в сражении с обеих сторон участвовали десятки тысяч человек. Следовательно, битва при Грюнвальде была одним из крупнейших сражений эпохи средневековья.

Разным был и моральный дух сторон. Прибывшие с войском Ордена наемники и «гости» стремились к захвату добычи, а прусские города и рыцари тяготились деспотической властью Ордена и не испытывали горячего желания сражаться за его интересы. В другом же лагере — поляков, литовцев, белорусов, украинцев и воинов русской Смоленщины объединяло желание дать отпор агрессору, давно и жестоко разорявшему их земли, не скрывавшему планов расчленения и порабощения соседних государств и народов. И это не могло не повлиять на исход развернувшейся битвы.

²¹ Длугош Я. Ук. соч., с. 89. *Cronica conflictus* также упоминает при описании боя «хоругвь Галицкой земли» (s. 27).

²² Длугош Я. Ук. соч., с. 88—90. В составе одного из таких отрядов гетмана Яна Сокола принял участие в Грюнвальдской битве Ян Жижка (там же, с. 134).

²³ SRP. T. III, S. 7, 314—315, 405—407, 413, 453—455.

²⁴ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.-Л. 1950, с. 398—400.

²⁵ *Codex epistolaris Vitoldi*, App. XXXVII, p. 1064.

²⁶ Длугош Я. Ук. соч., с. 63.

²⁷ «Прусское войско как рыцарской силой, так и числом знамен уступало польскому» (там же, с. 90).

Утром 15 июля войска крестоносцев, выстроившись в боевой порядок, стали на поле между поселениями Танненберг и Грюнвальд. Между тем войска союзников (на правом крыле стояло войско Польского королевства, на левом — Великого княжества Литовского) не торопились начинать битву, не выдвигаясь пока вперед из окружавших долину лесов. В этот момент к Ягайле и Витовту явились герольды от великого магистра с необычным заявлением, которое именно поэтому отмечено во всех главных источниках о битве²⁸. «Светлейший король! Великий магистр Пруссии Ульрих шлет тебе и твоему брату два меча, как поощрение к предстоящей битве, чтобы ты с ними и со своим войском незамедлительно и с большей отвагой, чем ты показываешь, вступил в бой и не таился дольше, затягивая сражение и отсиживаясь среди лесов и рощ. Если же ты считаешь поле тесным и узким для развертывания твоего строя, то магистр Пруссии Ульрих... готов отступить сколько ты хочешь от ровного поля, занятого его войском»²⁹. И вслед за появлением герольдов войска крестоносцев действительно отошли назад. По правилам войны, принятым в то время, это был вызов, граничащий с оскорблением, за которым должно было по логике событий последовать немедленное выступление союзных войск против армии крестоносцев.

Так и произошло. По согласному свидетельству источников³⁰, первыми начали сражение войска Великого княжества Литовского. Им и пришлось узнать, что скрывалось за «рыцарским» вызовом магистра. Еще в XVI в. составителю Хроники Быховца рассказали, что на будущем поле битвы крестоносцы «накопали ям и прикрыли их землею, чтобы в них падали люди и кони». В эти ямы и попала двинувшаяся в атаку литовская конница. Здесь погиб один из военачальников, имевший земли в Подолии, князь Иван Жедевид, «и еще многим людям от тех ям большой вред был»³¹. Таким образом, уже в первой фазе битвы крестоносцы с помощью вероломства нанесли существенный вред левому крылу союзников. Это сказалось на дальнейшем ходе сражения. Против литовского войска устремились отряды «гостей», желавших встретиться с «язычниками»³², а войска, собранные в Пруссии, начали бой с хоругвями польского войска, ударив на них, по сообщению Длугоша, «с более высокого места». «Когда же ряды сошлись, то поднялся такой шум и грохот от ломающихся копий и ударов о доспехи, как будто рушилось какое-то огромное строение... Нога наступала на ногу, доспехи ударялись о доспехи и острия копий направлялись в лица врагов... Наконец, когда копыта были переломаны, ряды той и другой стороны и доспехи с доспехами настолько сомкнулись, что издавали под ударами мечей и секир, насаженных на древки, страшный грохот, какой производят молоты о наковальни, и люди бились, давимые конями»³³.

В течение часа ни одна из сторон не могла добиться успеха. Затем под натиском крестоносцев, к которым подошли свежие силы, левое крыло союзников стало «отступать и наконец обратилось в бегство... Враги рубили и забирали в плен бегущих, преследуя их на расстоянии многих миль... Бегущих же охватил такой страх, что большинство их прекратило бегство, только достигнув Литвы»³⁴. Несмотря на определенность и категоричность суждений Длугоша, эта часть его рассказа давно вызывала сомнение, т. к. находилась в противоречии с данными других источников. Отсюда — длительный спор о характере действий левого крыла армии союзников в Грюнвальдской битве³⁵. Лишь сравнительно недавно был обнаружен важный источник, окончательно подтвердивший правоту критиков Длугоша. Уже после Грюнвальда один из начальников Ордена предупреждал магистра, что в новом сражении про-

²⁸ SRP. T. III, S. 316; *Cronica conflictus*, s. 22.

²⁹ Длугош Я. Ук. соч., с. 98—99.

³⁰ Там же, с. 101.

³¹ Хроника Быховца, с. 79; из сообщений Длугоша можно заключить, что в такие ямы крестоносцы ставили колья и покрывали их соломой (*Długossii J. Opera omnia*. T. XIII, s. 295, 304).

³² *Cronica conflictus*, s. 25.

³³ Длугош Я. Ук. соч., с. 101.

³⁴ Там же, с. 102.

³⁵ Обзор дискуссии: Kuczyński S. M. *Taktyka walki skrzydła litewsko-ruskiego w bitwie pod Grünwaldem*. In: *Studia i materiały do historii wojskowości*. T. X, cz. II, Warszawa. 1964.

тивники могут умышленно вызвать бегство нескольких отрядов, чтобы привести к разрыву боевых порядков тяжелой конницы так же, как это произошло в «великой битве»³⁶. Значение этого свидетельства состоит прежде всего в том, что оно подтверждает «с противной стороны» то описание действий литовцев, которое дал неизвестный поляк, автор «Cronica conflictus». Ведь он пишет, что, когда литовцы стали отступать, отряды крестоносцев, «полагая, что они уже одержали победу, рассеялись [удалившись] от своих знамен, нарушив порядок своих отрядов».

Нарушив боевой строй, дававший ей силу удара, тяжелая рыцарская конница сошла с поля в болотисто-пересеченную местность, где все преимущества были на стороне привыкших действовать в таких условиях литовцев и белорусов. «Затем, — продолжает «Cronica conflictus», — когда они захотели вернуться к своим людям и знаменам, окруженные людьми короля (так хронист называет все войска, подчиненные верховной власти Ягайло. — Б. Ф.), они были взяты в плен или погибли, сраженные мечом»³⁷. Лишь некоторым из этих отрядов удалось вернуться назад. Искусный маневр был вынужденным и, конечно, рискованным, а предпринят он был уже после того, как, по выражению «Cronica conflictus», были «убиты многие и с той и с другой стороны» и какая-то часть литовского войска могла действительно обратиться в бегство. Но главные силы левого крыла остались на поле битвы и сумели нанести ощутимый урон крестоносцам.

В своем рассказе Длугош противопоставил поведение литовского войска действиям трех смоленских полков, которые в отличие от других отрядов не отступили, продолжая сражение с крестоносцами. «Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены и знамя их втоптанно в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям, и, наконец, соединились с польскими войсками»³⁸. Почему они не отошли вместе со всем войском Великого князя Литовского? Прямых сведений нет, ответ же подсказывается общим положением на поле битвы: отход литовских войск, хотя и приносивший определенные выгоды, вместе с тем был чреват серьезной опасностью. Преследуя отступавших, конница крестоносцев могла зайти в тыл войскам правого крыла. Именно эту опасность предотвратили, «соединившись с польским войском», смоленские полки. В тяжелый для армии союзников момент «примыкавшие к польскому войску справа смоленские полки прочно занимали отведенное им место и, несмотря на тяжелые потери, обеспечили защиту польских полков от флангового удара рыцарей»³⁹. Это имело большое значение для общего исхода сражения.

Тем временем бой на правом крыле разгорался со все большей силой. Здесь с крестоносцами сражались войска Польского королевства. Главным объектом атаки крестоносцев стала большая хоругвь Краковской земли, над которой поднималось знамя с главной эмблемой государства — белым орлом. Крестоносцы, по-видимому, считали, что под этим знаменем сражается сам польский король, и его захват решит исход сражения⁴⁰. Наступил момент, когда под вражеским натиском знамя упало на землю. У знамени завязалась отчаянная схватка: «Отборный отряд храбрейших рыцарей встал около него грудью, защищая его своими телами и оружием», и враг был отброшен⁴¹. По-видимому, положение восстановила часть брошенных в бой резервов, под натиском которых войска Ордена начали медленно отходить⁴².

Это не осталось незамеченным в лагере крестоносцев, и великий магистр, придя к заключению, что уже все силы союзников вступили в бой, решил нанести решающий удар. В его распоряжении был еще значительный резерв (16 хоругвей, почти треть армии крестоносцев), который массовой атакой должен был решить исход битвы. Убежденный, что силы противника истощены, магистр с главными сановниками Ордена встал во главе идущих в бой рыцарей. Бой продолжался

³⁶ Ek d a h l S. Die Flucht der Litauer in der Schlacht bei Tannenberg. — Zeitschrift für Ostforschung, 1963, Hft. 1, S. 16—17.

³⁷ Cronica conflictus, s. 26.

³⁸ Длугош Я. Ук. соч., с. 102.

³⁹ Караев Г. Н., Корольюк В. Д. К 550-летию Грюнвальдской битвы. — Вопросы истории, 1960, № 7, с. 98.

⁴⁰ Длугош Я. Ук. соч., с. 88; K u c z y ŋ s k i S. M. Wielka wojna, s. 401.

⁴¹ SRP. T. III, S. 316; Длугош Я. Ук. соч., с. 104.

⁴² K u c z y ŋ s k i S. M. Wielka wojna, s. 402—403.

уже шесть часов, наступал переломный момент сражения. Атака крестоносцев была снова направлена на то место, где, по мнению крестоносцев, находился король. Но в этот самый момент Ягайло и Витовт ввели в бой свои резервы: поляки с одной стороны и литовцы — с другой ударили на войско магистра. Столкнулись мчащиеся навстречу друг другу потоки конницы. И в этой решающей схватке отборные силы Ордена, «окруженные отовсюду, были повержены и раздавлены, почти все воины, сражавшиеся под шестнадцатью знаменами, были перебиты или взяты в плен». Погибли магистр и ряд других сановников Ордена. Войска крестоносцев стали отходить с поля битвы. Увидев перемену военного счастья, начали складывать оружие отряды «гостей». Перешла целиком на польскую сторону во главе со своим хорунжим хоругвь захваченной крестоносцами польской Хелминской земли. Часть Орденского войска обратилась в паническое бегство⁴³.

В дальнейшем ходе битвы рыцарская конница уже не участвовала. Однако из рассказа Длугоша можно заключить, что само сражение на этом не закончилось. Большая часть воинов Ордена, бежавших с поля боя, «искала защиты в прусском обозе при стане». Там была предпринята серьезная попытка организовать сопротивление, что следует из слов хрониста «они были перебиты» (т. е. встретили врага с оружием в руках)⁴⁴. Скупость сведений хронистов об эпилоге битвы удачно объяснил польский историк С. Инглот⁴⁵. На штурм лагеря двинулась пехота, состоявшая из людей «подлого звания»⁴⁶, не знавших рыцарских правил и стремившихся лишь к одному — уничтожить врага. Если рыцари, преследовавшие вражеских рыцарей, по приказу Ягайлы «избегали резни» и, не пуская в ход оружие, привели пленных «невредимыми, без насилия и увечья»⁴⁷, то в лагере картина была иная. «Все находившиеся в нем погибли от меча». «На этом месте, — указывается в источнике, — было видно больше трупов, чем [убитых] во всей битве»⁴⁸. Так сломенное в конной битве войско Ордена было уничтожено вооруженными польскими, литовскими, белорусскими, украинскими и русскими крестьянами. В лагере победители обнаружили возы с цепями, которыми крестоносцы рассчитывали заковать пленных⁴⁹.

Армия Ордена практически перестала существовать: большая ее часть была уничтожена, значительное число воинов попало в плен. Победителям достались обоз, артиллерия, боевые знамена крестоносцев (51 захваченное знамя было доставлено в Краков, остальные отправлены в Вильнюс)⁵⁰. В битве погибли или попали в плен не только почти все главные чины Ордена, но и наместники округов — комтуры (кроме одного, не участвовавшего в битве). Поражение было сокрушительным. От нанесенного удара Орден так и не смог оправиться, несмотря на то, что политики Польши и Великого княжества Литовского не сумели в полной мере воспользоваться плодами победы. В последующих столкновениях с соседями вплоть до 1525 г., года ликвидации Ордена, он боролся лишь за сохранение своих позиций. Угроза агрессии со стороны немецких феодалов по отношению к полякам, литовцам, восточным славянам была надолго устранена.

В историческую традицию этих народов битва под Грюнвальдом, происходившая 575 лет тому назад, вошла не только как символ мужества и героизма в борьбе за родную землю против иноземных захватчиков, но и как свидетельство того, что, когда народы объединяются, чтобы общими силами дать отпор агрессору, отстаивать свою свободу и независимость, они добиваются победы.

⁴³ Об этом решающем моменте сражения см.: Длугош Я. Ук. соч., с 104—107; *Cronica conflictus*, s. 27—28. Об участии литовцев в атаке на войско магистра говорит продолжатель хроник Посильге (SRP. T. III, S. 316).

⁴⁴ Длугош Я. Ук. соч., с. 108. В *Cronica conflictus* (s. 28) еще более определенно указано, что укрывшиеся в лагере пробовали создать вокруг себя защиту из возов.

⁴⁵ Ingłot S. *Udział chłopów w obronie Polski*. Łódź. 1946, s. 21.

⁴⁶ О людях «неблагородного звания», или просто крестьянах, в составе польского войска имеются прямые свидетельства документов из архива Ордена (Biskup M. *Op. cit.*, s. 686, 699, 703—704, 709).

⁴⁷ Длугош Я. Ук. соч., с. 109.

⁴⁸ *Cronica conflictus*, s. 28.

⁴⁹ Длугош Я. Ук. соч., с. 108.

⁵⁰ Там же, с. 157; Długosz J. *Banderia Prutenorum*. Warszawa. 1958; Хроника Быховца, с. 80.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории и Научных советах АН СССР

ГОДИЧНОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

Годичное общее собрание Отделения истории АН СССР по итогам работы в 1984 г. состоялось 11 и 15 марта 1985 года. С докладом «Итоги деятельности научных учреждений Отделения истории АН СССР в 1984 г.» выступил академик-секретарь Отделения акад. С. Л. Тихвинский¹.

Доклад «Об эффективности международных научных связей учреждений Отделения истории АН СССР в 1984 г.» сделал заместитель председателя Национального комитета историков Советского Союза (НКИСС) А. О. Чубарьян. Он охарактеризовал вопросы, связанные с ролью и местом международных связей в деятельности Отделения и НКИСС, основные направления и формы международных научных связей советских историков. Приоритетный характер носило сотрудничество с учеными социалистических стран. Такие контакты активно развивали все институты и научные советы Отделения, Архив АН СССР, Археографическая комиссия, двусторонние комиссии ученых СССР и социалистических стран. Основные усилия были сконцентрированы на реализации целевых комплексных международных двусторонних и многосторонних проектов.

Докладчик обратил внимание на состояние изучения и преподавания истории СССР в социалистических странах и внес предложение провести совещание представителей институтов Отделения с учеными других социалистических стран. Следует также учитывать специфику развития исторической науки в них при планировании и организации международных научных связей. В условиях усиления идеологической борьбы желательны меры, направленные на повышение эффективности наших связей с братскими социалистическими странами. Нуждается, в частности, в совершенствовании структура выездов: в последнее время число краткосрочных командировок научно-организационного плана неоправданно увеличилось за счет долгосрочных научных командировок. Новой формой сотрудничества будет совещание главных редакторов исторических журналов социалистических стран².

Рассказав о конкретном состоянии научных связей с освободившимися странами, докладчик отметил, что институты Отделения обязаны активизировать контакты с учеными многих государств Азии, Африки и Латинской Америки. Далее А. О. Чубарьян остановился на развитии международных научных связей с учеными капиталистических стран. Наиболее активными были контакты с США, Финляндией, Францией и Японией. Уменьшился объем научных связей с Англией, Италией и ФРГ. По линии НКИСС были подписаны соглашения о двусторонних научных коллоквиумах с Австрией, Данией и Швецией, проведен первый коллоквиум с историками Португалии. Затем докладчик осветил ход подготовки к XVI Международному конгрессу исторических наук (МКИН) в Штутгарте (ФРГ), вопросы участия советских ученых в деятельности международных комиссий и организаций, проблемы повышения эффективности международных научных связей историков СССР.

¹ См. его статью в этом номере журнала.

² Первое такое совещание состоялось в Праге 27—28 марта 1985 г. (см. информацию о нем в этом номере журнала).

Прения по докладам открыл директор Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбаков. Он призвал к расширению координационных связей с другими Отделениями АН СССР и контактов с писателями, рассказал о работе Института археологии.

Председатель Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» акад. И. И. Минц высказался за повышение уровня координации между институтами Отделения и периферийными институтами, поделился соображениями о содержании комплексной программы «Революции и социальный прогресс», рассказал о работе Международной комиссии по истории Октябрьской революции и ближайших планах Научного совета.

Директор Института всеобщей истории АН СССР чл.-корр. АН СССР З. В. Удалцова остановилась на деятельности этого института, высказала предложения по совершенствованию работы над комплексными программами Отделения и призвала к активизации деятельности по изучению истории мировой культуры, изданию документов по международным связям России и подготовке к конгрессу в Штутгарте. Директор Института этнографии АН СССР акад. Ю. В. Бромлей внес ряд предложений по улучшению работы по подготовке докторов наук и приданию большей значимости участию научных сотрудников в создании коллективных трудов. Он подчеркнул необходимость оценки не объема, а качества исследований и степени их новизны, говорил об обязательности разработки институтами Отделения фундаментальных проблем, призвал шире развивать дискуссии и прикладные аспекты исследований, а затем охарактеризовал планы Института этнографии.

Зам. директора Института истории СССР АН СССР Г. А. Трукан осветил основные направления деятельности института, обратив внимание на расширение исследований по истории социалистического строительства в СССР, а также рассказал о планах института на 12-ю пятилетку.

Чл.-корр. АН СССР В. И. Рутенбург (Ленинградское отделение Института истории СССР) говорил о деятельности Ленинградского научного центра АН СССР и его Совета по общественным наукам. Он рассказал о подготовке юбилейного, 50-го выпуска сборника «Средние века» и внес предложение о вступлении советских ученых в Международную федерацию по проблемам Возрождения.

Председатель Научного совета «История внешней политики СССР и международных отношений» акад. А. Л. Нарочницкий дал характеристику основных направлений деятельности этого совета, подготовленным под его эгидой коллективным трудам и монографиям, высказал тревогу по поводу невыполнения издательством «Наука» планов выпуска намеченных трудов и роста переходящего портфеля уже подготовленных к печати работ. Он отметил трудности привлечения в науку молодых исследователей, указал на недостатки преподавания истории в средней школе, невысокое качество ряда трудов, просчеты в организации международных научных связей советских историков.

Зам. директора Института востоковедения АН СССР Г. Б. Широков рассказал о расширении координационных связей востоковедов с другими головными, а также периферийными институтами, успехах религиоведческих исследований и планах института на 12-ю пятилетку. Он высказался за преимущественную подготовку не индивидуальных монографий, а коллективных трудов.

Зам. директора Института славяноведения и балканистики АН СССР В. Н. Виноградов говорил о деятельности института в истекшем году и совершенствовании его структуры, актуализации тематики научных исследований и планах института на следующую пятилетку. Он затронул также вопрос о путях улучшения международных связей с учеными социалистических стран.

О. А. Ржешевский (Институт всеобщей истории АН СССР) осветил вопросы, связанные с 40-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне, с планом мероприятий к 50-летию начала второй мировой войны, и внес предложение о создании Научного совета по истории второй мировой войны.

Зам. председателя Научного совета «История исторической науки» (ИИН) В. А. Дунаевский указал на возможности совершенствования работы научных советов Отделения и предложил издавать их совместный информационный бюллетень.

* * *

15 марта 1985 г. состоялись выборы академика-секретаря Отделения истории АН СССР, его заместителей и членов Бюро. В результате голосования академиком-секретарем на новый срок был переизбран акад. С. Л. Тихвинский, его заместителями избраны: акад. Ю. В. Бромлей, члены-корреспонденты АН СССР П. А. Жилин, И. Д. Ковальченко и Ю. С. Кукушкин. В Бюро Отделения, кроме них, были избраны академики М. П. Ким, И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий, Б. А. Рыбаков и А. М. Самсонов, члены-корреспонденты АН СССР В. П. Алексеев, А. А. Искендеров, Г. Ф. Ким, Ю. А. Поляков, В. Г. Трухановский, З. В. Удальцова и В. Л. Янин.

В. Г. Овчинников

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ПО ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР СССР И США

10—11 апреля 1985 г. в Доме ученых в Москве состоялся «круглый стол» по проблеме «Взаимодействие культур Советского Союза и США. XVIII—XX вв.», в котором приняли участие историки, философы, филологи, искусствоведы Москвы, Ленинграда, Горького, Перми, Тюмени, Ленинскана и других городов. «Круглый стол» был создан Комиссией по истории культуры США и Канады Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История мировой культуры».

Это была первая встреча советских специалистов, комплексно исследующих американскую культуру.

Доклад В. И. Рабиновича был посвящен просветителю и литератору Ф. В. Каржавину, одному из первых русских путешественников по Америке. Современные американские интерпретации философской культуры России XVIII—XX вв. были рассмотрены М. А. Маслинным, а Америка глазами русских писателей XIX в. была показана в докладе В. П. Шестакова.

Н. Н. Болховитинов привел новые материалы о русских моряках и путешественниках, побывавших в Северной Америке во второй половине XVIII века. Он представил также документальные свидетельства того, что статьи об Америке, публиковавшиеся Н. И. Новиковым в «Прибавлениях к Московским ведомостям», не принадлежали перу Каржавина. Точка зрения Н. Н. Болховитинова получила поддержку в выступлении А. Н. Николкина.

Большое внимание было уделено влиянию прогрессивной русской, а затем советской общественной мысли и искусства на культуру США в начале XX в., в период Великой Октябрьской социалистической революции и в 20—30-е годы. Новые архивные материалы были приведены И. В. Киреевой (Горький) в докладе «Великий Октябрь в переписке А. Р. Вильямса с американскими корреспондентами». Ю. И. Сохряков (Ленинскан) показал, какое сильное воздействие творчество М. Горького оказало на формирование целого поколения американских критических реалистов. О большой роли социалистического строительства в СССР, поездок в нашу страну в идейно-художественной эволюции негритянского писателя, ученого, общественного деятеля У. Дюбуа говорила Ф. С. Мырзалиева. Доклад С. С. Шведова «Образ Генри Форда в советской публицистике 1920—1930-х годов: восприятие и трансформация ценностей чужой культуры» касался времени первых пятилеток, когда имело место сотрудничество с американскими деловыми кругами, а в становлении советской автомобильной промышленности принимали участие бизнесмены, инженеры и рабочие из США. Тогда же происходили поездки за океан советских деятелей культуры, которые затем создали свои произведения об Америке (книги Б. Пильняка, И. Ильфа и Е. Петрова), дающие картину жизни США тех лет (об этом рассказала В. Н. Сушкова — Тюмень). В 30-е годы возникли определенные организационные формы культурного сотрудничества между двумя странами — о них

говорила С. Н. Деметьева (Пермь), которая охарактеризовала воздействие культурных обменов на общественную мысль США.

Доклад Б. А. Гилленсена был посвящен работе американских корреспондентов — писателей и журналистов — в СССР во время войны (Э. Колдуэлл, Г. Кессиди, Дж. Девиса, Р. Лаутербаха, Э. Уинтер, Дж. Смита, Э. Сноу, Дж. Брауна и др.). Они увидели и сумели понять дух советского народа и писали о том, что «секретным оружием» является советский патриотизм. Их свидетельства опровергают писания тех западных историков и публицистов, которые ныне умаляют решающий вклад Советского Союза в разгром фашизма.

В ряде выступлений были поставлены проблемы взаимодействия и сотрудничества Советского Союза и США в области науки и техники, архитектуры, литературы, музыки, театра и кино. В. И. Вьюницкий показал, что научно-техническое соревнование и сотрудничество между СССР и США представляют собой важный фактор ускорения научно-технического прогресса в обеих странах (американцы осознали это в период «спутникового шока») и в глобальном масштабе. А. А. Фурсенко (Ленинград) рассказал о своем участии в работе Советской выставки достижений науки, техники и культуры в 1959 г. в Нью-Йорке, которая проходила почти одновременно с Американской национальной выставкой в Москве в соответствии с первым американско-советским соглашением о культурном обмене 1958 года.

В докладе В. Л. Хайта было показано, что советские архитекторы активно изучали опыт США в период первой пятилетки (особенно опыт промышленного строительства) и в первые послевоенные годы (малоэтажное жилищное строительство, торговые центры, высотные здания и т. д.).

Об американско-советских культурных связях в 1960—1970-е годы говорила Г. П. Добросельская. А. С. Мулярчик показал, что анализ литературы и искусства может дать дополнительные аргументы в спорах с нашими идейными противниками, представить подлинную картину советской культуры, советского образа жизни.

В ходе обсуждения за «круглым столом» говорилось о роли «моста культуры» между Советским Союзом и США. По мнению А. Н. Николюкина, наиболее активной в их взаимосвязях выступала та сторона, которая усматривала в культуре другой страны общее и необходимое для себя в данный исторический момент. Так, в первой половине XIX в. американский романтизм вызвал интерес в России, а после Гражданской войны в США американские писатели обратились к русской литературе (Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов), находя в ней то, что было необходимо для развития реализма в США. О сложности общественного резонанса в США на произведения советского искусства говорил (на опыте кино) К. Э. Разлогов. Дж. К. Михайлов напомнил о том, что, например, полноценному осознанию американской музыки в нашей стране мешало сложившееся отношение к ее популярным формам, как наиболее характерным для музыкальной культуры США.

А. Ю. Мельвиль и О. Э. Туганова обратили внимание на то, что образ чужой культуры включает как адекватные, так и неадекватные восприятия. Неадекватность образуется в результате политических и идеологических представлений, но проистекает также и из-за фундаментальных различий исторического опыта, национальной традиции и национально-психологического склада. Следует относиться к «коду» чужой культуры очень внимательно. В этом случае и взаимовлияние культур будет плодотворнее. О. Э. Туганова коснулась в связи с этим проблем американского индивидуализма и понимания главной нацеленности в функционировании экономического механизма США. А. Ю. Мельвиль заметил, что восприятие Советского Союза в США искажается антикоммунистической пропагандой. В то же время в современном американском массовом сознании представление об СССР богаче, разнообразнее идеологических клише.

В выступлениях за «круглым столом» говорилось также о том, что часто во взаимодействии культур Советского Союза и США Западная Европа являлась своего рода посредником, связующим звеном.

О. Э. Туганова

Рецензии

Актуальные проблемы истории развитого социализма в СССР. М. Мысль. 1984. 412 с.

Теория и исторический опыт развитого социализма как нового этапа движения советского общества по пути к коммунизму все больше привлекает внимание ученых. Причина понятна: именно на этом магистральном направлении исследований могут быть получены важные в научном и практическом отношении результаты. За последние годы отечественная историография обогатилась рядом ценных работ по этим проблемам¹.

Существенный вклад в историографию развитого социализма вносят и рецензируемый коллективный труд². В нем впервые комплексно рассмотрены методология, историография и все важнейшие проблемы истории развитого социализма, главные процессы социально-экономического, политического, духовного развития советского народа в 1961—1980 гг., вопросы внешней и внутренней политики КПСС, социалистического интернационализма, возрастание руководящей и направляющей роли КПСС, усиление ее теоретической, политической и организаторской деятельности.

Изучение проблем истории общества зрелого социализма — задача сложная, поскольку решается она на историческом этапе, который еще не завершен, в процессе самих исследуемых событий, в ходе возникновения новых социальных и экономических тенденций, формирования законо-

мерностей развития этого общества. Поэтому при разработке данных проблем особенно важно опираться на прочную методологическую основу. Авторы широко использовали труды В. И. Ленина, документы съездов и пленумов ЦК КПСС, руководствовались положением, которое было подчеркнуто на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС: «На магистральном направлении развития общественных наук должна находиться проблематика зрелого социализма. Речь идет о том, чтобы, отталкиваясь от уже добытых истин, двигаться вперед, расширяя наш теоретический горизонт, углубляя представления о важнейших закономерностях экономического, социально-политического и духовного прогресса страны»³.

Авторы определили свое отношение к периодизации нового исторического этапа — развитого социализма. Его начальным рубежом, пишут они, можно считать конец 50-х — начало 60-х годов. При этом учитывается вывод XXI съезда КПСС о том, что «Советский Союз вступил в новую полосу исторического развития. Социализм одержал в нашей стране полную и окончательную победу»⁴. В ходе дискуссии, имевшей место по вопросу о начальном рубеже развитого социализма, выявилось, как известно, несколько точек зрения.

Характеризуя сущность и основные черты развитого социализма в СССР, авторы выдвигают на первый план зрелость всей системы социалистических общественных отношений, развитие его на собственной социалистической основе. При этом степень зрелости развитого социализма рассматривается в сравнении с ранними этапами социализма в следующих сферах: экономике, социально-классовых отношениях и социальной структуре общества; общественно-политической сфере, культурном строительстве, духовной сфере; национальных отно-

¹ Ворожейкин И. Е., Сенявский С. Л. Рабочий класс — ведущая сила советского общества (Вопросы методологии и историографии). М. 1977; Сенявский С. Л. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961—1980 гг.). М. 1982; Ким М. П. Проблемы теории и истории реального социализма. М. 1983; и др.

² Авторский коллектив: И. М. Волков, И. Е. Ворожейкин (рук.), М. А. Вылцан, К. А. Гафурова, В. Д. Есаков, В. А. Козлов, А. Н. Кочетов, Г. Б. Куликова, В. П. Наумов, Л. Н. Нежинский, И. М. Некрасова, А. П. Ненароков, И. П. Остапенко, Н. К. Петрова, С. В. Попов, Л. С. Рогачевская, Л. В. Рутес, А. С. Сенявский, С. Л. Сенявский (рук.), А. П. Тюрина, В. А. Шестаков. Редакционная коллегия: С. Л. Сенявский (отв. ред.), И. Е. Ворожейкин, В. А. Козлов, С. В. Попов.

³ Пленум Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. Стеногр. отч. М. 1983, с. 11.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 7, с. 387.

шениях; международном положении Советского государства.

Большой интерес представляет та часть монографии, в которой определяются критерии зрелости социализма в каждой из этих сфер. В области экономики для достижения стадии развитого социализма, по мнению авторов, необходима такая ступень развития производительных сил и производственных отношений, которая характеризовала бы новый, более высокий уровень экономического базиса: с одной стороны, окончательное преодоление остатков переходного периода, а с другой — реальное соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма.

В производственных отношениях критериями, как считают авторы, являются исчезновение остатков мелкотоварного производства в городе и деревне; высокий уровень обобществления кооперативной формы собственности на средства производства, определивший широкий процесс сближения двух форм социалистической собственности; крупномасштабность экономики, образование единого народнохозяйственного комплекса.

К критериям зрелости в области социально-классовых отношений, изменений в социальной структуре общества авторы относят практически полное исчезновение представителей некооперированных слоев мелкотоварных производителей в городе и деревне; кардинальные изменения в соотношении между численностью и удельным весом рабочего класса, колхозного крестьянства и других социальных слоев в пользу рабочего класса; начало широкого процесса сближения классов и социальных слоев; превращение тенденций стирания существенных различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней в закономерность общественного развития.

В общественно-политической сфере критерием зрелости авторы считают высокую степень демократизации социалистического общества, что связано с перерастанием диктатуры пролетариата в общенародную власть, с превращением Советского государства из органа диктатуры пролетариата в общенародное государство, а КПСС — партии рабочего класса — в партию всего народа. Укрепление к этому времени морально-политического единства общества на базе социалистических интересов и коммунистических идеалов рабочего класса,

превращение многонационального советского народа в новую историческую общность также составляют важнейшие признаки достижения социализмом высокой степени зрелости в общественно-политической сфере.

Зрелость духовной сферы общества, полагают авторы, определяется тем, что на идейные позиции рабочего класса, выраженные марксистско-ленинской идеологией, перешли все слои общества. В области культуры критерием зрелости можно считать достижение такого уровня развития общества, когда культурный уровень народа определяется значительным удельным весом в его составе лиц со средним и высшим образованием, увеличением численности интеллигенции, повышением культурно-технического уровня рабочего класса и крестьянства, приобщением широких слоев населения к научно-техническому прогрессу как в производстве, так и в быту, к сокращению культуры и искусства.

Образование советского народа как новой исторической общности людей, объединенных единой территорией, единой экономикой, общими чертами психологического склада, единой марксистско-ленинской идеологией, социалистической по содержанию культурой, единым языком межнационального общения, является, по мнению автора, критерием зрелости в национальных отношениях.

В международном положении Советского государства критерием достижения им стадии развитого социализма авторы считают гарантию от реставрации капитализма. Под такой гарантией марксизм-ленинизм понимает окончательную победу социализма. Превращение мировой системы социализма в решающий фактор международного развития определило наряду с полной и окончательную победу социализма в СССР.

Таким образом, в монографии показано, что основные черты развитого социализма (хотя они могут вызревать и не одновременно) складываются из достижения зрелости социалистического общества в социально-экономической, общественно-политической и культурной областях его развития в условиях гарантии от реставрации капитализма. Все эти черты рассматриваются авторами в совокупности, в их диалектической взаимосвязи.

Аргументированно раскрыто в монографии достижение советским обществом ста-

дии развитого социализма, его функционирование в области экономики, социальных изменений, политической жизни, духовного развития, повышения творческой активности трудящихся масс, социалистического интернационализма. Изменения, происшедшие во всех этих областях, наглядно иллюстрируются таблицами, цифровой материал которых подтверждает достоверность и объективность рассмотрения поставленных вопросов. Такова, например, таблица 4 (с. 146), показывающая динамику потребления населением СССР основных продуктов питания. По ней видно, какие большие изменения произошли в обеспечении населения нашей страны продуктами питания, каково современное состояние этой проблемы, какие задачи предстоит решить с учетом рациональных норм и фактического потребления. Это еще раз подчеркивает значение Продовольственной программы и необходимость ее осуществления. Таким же образом рассматриваются в книге другие основные аспекты темы.

В заключение два замечания по содержанию этого весьма ценного исследования. На с. 94—95 говорится о том, что развитие советской экономики в 60-х и 70-х годах осуществлялось в соответствии с Программой КПСС, принятой XXII съездом партии, и решениями XXIII—XXV съездов. Это верно, но не следовало забывать о том, что впервые главная экономическая задача и основные направления ее осуществления были сформулированы на внеочередном, XXI съезде КПСС. Не было случайностью и появление семилетки

в отличие от обычных для нас пятилетних планов: оно было обусловлено необходимостью пересмотра контрольных цифр шестой пятилетки в сторону ускорения развития производительных сил страны на основе достижений НТР, прогрессивных отраслей промышленности, особенно химической индустрии. Правда, поставленные тогда задачи оказались непомерно большими, но стратегическая линия партии в развитии экономики была правильной, а энтузиазм трудящихся масс — высоким.

Думается, что в географическом плане раскрытие темы могло бы быть гораздо шире. Наряду с союзными республиками интереснейший материал дают такие крупные регионы РСФСР, как Сибирь, Урал, Дальний Восток, где осуществляются большие научно-технические программы освоения природных ресурсов, ускоренными темпами развиваются производительные силы, происходят важные изменения в социальном и культурном развитии населения. Примерами могут служить освоение нефтяной целины в Западной Сибири и строительство Байкало-Амурской магистрали, где применяется комплексный подход к решению задач социально-экономического, общественно-политического и культурного развития. В осуществлении их участвуют весь советский народ, партия, ленинский комсомол. Черты зрелости развитого социалистического общества в районах нового освоения при всем их региональном колорите проявляются наиболее рельефно.

И. И. Комогорцев

Д. И. АНТОНЮК. *Динамизм культурного строительства в Советской Молдавии (опыт партийного руководства)*. Кишинев. Картя молдовеняскэ. 1984. 343 с.

Отдельные аспекты партийного руководства культурным строительством в Советской Молдавии уже нашли освещение в советской историографии¹. В новом исследовании по этой проблеме зам. директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС кандидат исторических наук Д. И. Антонюк, опираясь на богатую источниковую базу, большая часть которой выявлена в архивах, впервые комплексно, в проблемно-хронологическом плане исследует многогранную деятельность Компартии Молдавии — одного из боевых отрядов КПСС — по претворению в жизнь программы культурного строительства на протяжении всего периода становления, упрочения и совершенствования социалистического общества.

Начиная от Великого Октября и установления Советской власти в Молдавии (конец 1917 г. — начало 1918 г.), закономерно рассматриваемых как исходный рубеж для создания социалистической культуры в Молдавии, Д. И. Антонюк последовательно воссоздает историю борьбы за победу социалистической идеологии и организации на основе ее принципов всей духовной жизни трудящихся: вначале в период строительства социализма в Молдавской ССР (большая часть территории Молдавии находилась в эти годы под румынской буржуазно-помещичьей оккупацией), затем — после воссоединения в июне 1940 г. и образования Молдавской ССР, т. е. в годы, когда одновременно осуществлялось руководство дальнейшим развитием социалистической культуры в Левобережных районах МССР и процессами культурной революции в освобожденных районах, формированием

социалистической культуры всего молдавского народа.

Автор раскрывает значение использования накопленного в 20—30-х годах опыта партийного руководства культурным строительством, созданной за эти годы развитой материальной базы, наличия подготовленных в стране квалифицированных кадров, огромной помощи РСФСР, УССР и других братских республик для ускорения решения задач социалистического преобразования духовной сферы общества на территории республики. Особое внимание уделено деятельности Компартии Молдавии в области культурного строительства в период развитого социализма. Опыт республиканской партийной организации, подчеркивается в книге, еще раз подтвердил жизненность ленинской теории культурной революции. Используя историко-сравнительный метод исследования, автор последовательно выявляет как общие закономерности культурного строительства, так и особенности их проявления, вытекающие из конкретно-исторических условий края.

Поэтапно анализируется в монографии развитие всего комплекса средств трудового, нравственного, эстетического, атеистического воспитания, проводимого партийными комитетами и первичными парторганизациями, совершенствование массовых и индивидуальных форм работы в трудовых коллективах, по месту жительства, в центрах культуры и отдыха, широкое использование для этих целей различных каналов агитационно-массовой, культурно-просветительной работы.

Д. И. Антонюк освещает разностороннюю деятельность средств массовой информации по пропаганде произведений основоположников марксизма-ленинизма, по распространению научных знаний, формированию у трудящихся материалистического мировоззрения, интернационалистского сознания, любви к социалистической Родине, их мобилизации на развитие экономики и культуры республики. В книге обобщается опыт работы партийных организаций, в том числе и первичных, по совершенствованию деятельности учреждений культуры, особенно на селе, укреплению их материальной базы.

В монографии исследован процесс фор-

¹ Антонюк Д., Сабадырев И. Распространение и изучение марксизма-ленинизма в Молдавии. Кишинев. 1969 (на молд. яз.); Антонюк Д. И. Наука и культура Советской Молдавии. Кишинев. 1974 (на молд. яз.); Флока Е. М. Партийное руководство развитием духовной культуры. Кишинев. 1980; Калинин И. П. Коммунистические идеалы. Как их утверждать, развивать в человеке: из опыта Компартии Молдавии по совершенствованию партийного руководства воспитательным процессом. М. 1981; Петрик П. П. Активная жизненная позиция: вопросы формирования и утверждения. Кишинев. 1983; и др.

мирования и развития системы народного образования и просвещения, обобщен опыт работы общеобразовательной, профессиональной и высшей школы в республике в соответствии с требованиями каждого нового этапа ее развития. Проследивая, в частности, ход выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду» (декабрь 1977 г.), автор показывает, что в школах республики были введены дополнительные опытнические работы старшеклассников, увеличено число ученических и межшкольных производственных бригад и учебно-производственных комбинатов, в которых учащиеся обучаются более чем 50 специальностям. Широкое распространение получило в Молдавии движение выпускников средних школ «Из школьного класса — в рабочий класс» (с. 234—235).

Д. И. Антонюк характеризует также работу по воспитанию учащихся в духе любви к социалистической многонациональной Родине и готовности к ее защите, в духе социалистического, пролетарского интернационализма, непримиримости к любым проявлениям буржуазной идеологии (с. 81—82, 131—132, 232—233 и др.).

В книге анализируется партийное руководство всеми звеньями подготовки народной интеллигенции, высококвалифицированных специалистов, соответствующих требованиям развитого социализма. Автор освещает малоразработанный в советской историографии вопрос об особенностях современного этапа комплектования контингента студентов и подготовки кадров специалистов из рабочих и крестьян, прошедших школу трудовой и общественной жизни, с учетом многонационального состава населения Молдавии, взаимопомощи республик в подготовке специалистов (с. 236—244).

Много места отведено в книге реализации в Молдавии политики партии в области науки, процессу формирования и развития при помощи научных центров Москвы, Ленинграда, Киева научных исследований в республике, внедрению их результатов в практику (с. 90—103, 178—179, 253—263). Автор уделяет значительное внимание формам и методам партийного руководства развитием литературы и искусства, заботе Компартии Молдавии о повышении художественного и идейного уровня произведе-

ний писателей, художников, композиторов, кинематографистов, росту партийного ядра в их коллективах и его влияния на творческий процесс. В книге рассмотрена деятельность ЦК КП Молдавии и первичных партийных организаций по идейно-политическому и интернациональному воспитанию деятелей литературы и искусства, особенно творческой молодежи, развитию литературно-художественной критики.

Анализируя пути обогащения национальной культуры молдавского народа достижениями братских наций и народностей СССР, что способствует ее расцвету как составной части единой советской культуры, Д. И. Антонюк концентрирует внимание на многообразии форм обмена духовными ценностями. В монографии обобщен опыт Компартии Молдавии по руководству языковыми процессами в республике, анализируется роль русского языка в развитии культуры молдавского народа, в упрочении его социально-политического и идейного единства с другими нациями и народностями страны, в его приобщении к духовным ценностям многонациональной отечественной и мировой культуры, к достижениям научно-технического прогресса.

Формирование и развитие культуры в Молдавской ССР, социалистической по содержанию, многообразной по национальным формам, интернационалистской по духу и характеру (с. 186), Д. И. Антонюк рассматривает как одно из ярких проявлений духовного прогресса советского народа — новой социальной и интернациональной общности. Фактический материал и выводы исследования служат аргументированным опровержением утверждений советологов о «русификаторской политике» КПСС, о «денационализации» культуры народов СССР, в том числе и молдавского народа.

Разумеется, не все аспекты проблемы анализируются в монографии с одинаковой глубиной. Представляется, что автор мог ввести больше конкретных суждений относительно диалектики соотношения национального и интернационального в культуре зрелого социалистического общества. Было бы желательно глубже раскрыть взаимообогащение национальных культур в таких жанрах, как кинематография и изобразительное искусство. Названные и некоторые другие сюжеты (развитие политической культуры, культуры труда и управления и т. д.) могут стать объектом новых исследований.

Рецензируемая монография убедительно раскрывает возрастание руководящей роли Коммунистической партии в развитии социалистической культуры. Обобщенный в

ней опыт может быть использован для дальнейшего улучшения партийного руководства культурным строительством.

Я. М. Копанский, М. К. Сытник

Историческая наука в Московском университете. 1934—1984. М. Изд-во МГУ. 1984. 336 с.

Книга приурочена к 50-летию открытия в 1934 г. в МГУ Исторического факультета и представляет собой попытку анализа деятельности всех его кафедр с момента образования¹. За полвека факультет превратился в научный и учебно-методический центр не только всесоюзного, но и международного масштаба. Книга дает представление о формировании структуры и методов учебно-педагогической работы, основных направлениях научной деятельности кафедр, сотрудничества историков МГУ с учреждениями АН СССР, международном признании их научных трудов, их роли в подготовке специалистов и учебных пособий.

Очерк декана факультета чл.-корр. АН СССР Ю. С. Кукушкина дает сведения о формировании структуры факультета.

Раздел «Отечественная история» открывается статьей о кафедре истории КПСС, где показана роль изучения истории партии в формировании мировоззрения студентов, прослежено становление этой научной дисциплины. Преподаватели кафедры разрабатывают проблемы зарождения большевизма, подготовки партийных кадров, деятельности партии в годы Великой Отечественной войны, партийного руководства

научно-техническим творчеством рабочего класса, истории комсомола, источниковедения и историографии КПСС и др.

В очерке о кафедре истории СССР периода социализма (она образовалась в 1953 г. при разделении кафедры истории СССР на три самостоятельные кафедры) говорится о том, что ее коллектив разработал программы и методику преподавания, общий курс и специальные учебные пособия по нему, создал учебник по истории советского общества. При кафедре работает лаборатория, которая занимается методологическими и методическими вопросами, связанными с изучением становления советского народа как социальной общности.

Важным этапом в деятельности кафедры истории СССР периода капитализма, как показано в книге, была подготовка вузовского учебника по истории России XIX века. На кафедре разрабатываются проблемы социально-экономического развития России XIX — начала XX в., истории общественной мысли и революционного движения, русской культуры, внутренней и внешней политики. Статья о кафедре истории СССР периода феодализма содержит сведения об изучении на ней отечественной истории (до XVIII в. включительно), о работе лаборатории истории русской культуры, а также о международных контактах сотрудников кафедры.

В деятельности кафедры источниковедения истории СССР, созданной в 1953 г., сочетаются, как показано в книге, преподавание и изучение традиционных направлений этой дисциплины, археографии (включая полевую), разработка учебных курсов и пособий по палеографии, исторической географии, пропаганда и внедрение математико-статистических методов и ЭВМ при анализе источников.

Раздел о кафедре новой и новейшей

¹ Авторы: А. И. Вдовин, С. В. Воронкова, А. Д. Горский, В. Н. Грашенков, Е. В. Гутнова, В. И. Злобин, В. Г. Карасев, Л. Г. Кислягина, А. Ч. Козаржевский, В. И. Кузищин, Ю. С. Кукушкин, Л. П. Лашук, Л. С. Леонова, Г. Е. Марков, И. Л. Маяк, А. В. Муравьев, М. В. Силаева, С. С. Соловьева, Н. А. Хачатурян, Н. И. Цимбаев, В. С. Шульгин, В. Л. Янин. Редакционная коллегия: члены-корреспонденты АН СССР Ю. С. Кукушкин (отв. ред.), И. Д. Ковальченко, З. В. Удальцова, В. Л. Янин, акад. АПН СССР И. А. Федосов, И. С. Галкин, А. Д. Горский, В. Н. Грашенков, В. Г. Карасев, В. И. Кузищин, Л. С. Леонова, Г. Е. Марков, Д. В. Саратьянов, Н. С. Борисов, Л. С. Белоусов.

истории стран Европы и Америки отмечает заслуги ряда ученых (Н. М. Лукина, В. П. Волгина, Ф. В. Потемкина, В. М. Хвостова и др.) и рассказывает о лаборатории американистики.

Специальная статья посвящена первой в СССР университетской кафедре истории южных и западных славян, подготовке усилиями ее преподавателей первого в нашем славяноведении учебника по этой дисциплине.

Сотрудники кафедры истории средних веков, как подчеркивается в книге, упор делают на социально-экономическую проблематику. При этом происходит расширение тематики исследований (за счет вопросов типологии общественного развития, духовной жизни крестьянства, идеологии Возрождения), а также усиливается внимание к вспомогательным дисциплинам, историографии и методологии.

Авторы очерка о кафедрах истории древнего мира и древних языков сообщают о том, что коллектив первой занимается изучением связей между древневосточными и античными обществами, а сотрудники второй готовят и издают переводы сочинений древних авторов, обеспечивают чтение курсов латинской эпиграфики и средневековой латинской палеографии.

В статье о кафедре археологии подчеркивается, что основой ее учебной работы стала практика долговременных экспедиций — Новгородской, Хорезмской, Керченской, Черниговской, Смоленской и др. Кафедра этнографии, отмечается в книге, ориентируется на изучение прошлого народов мира, а в последние годы обратилась к этносоциологическим исследованиям современности.

Раздел, посвященный искусствоведческому отделению, характеризует научную и учебную работу коллективов кафедр истории русского, советского и зарубежного искусства.

Деятельность университетских историков-востоковедов в книге, к сожалению, не представлена, если не считать специалистов по истории древнего Востока. Кроме того, в одних случаях в основе очерков об отдельных кафедрах лежит характеристика их научной работы (чего, видимо, и следовало ожидать от сборника статей под таким заголовком), в других — превалирует материал об учебной и методической их деятельности. В целом же он пополнил представления о деятельности большого отряда историков, работающих в университетах страны.

С. К. Красавина

«О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимильное издание. М. Наука. 1984. 14+XIV+342+175 с.

Проблемная группа по изучению первой революционной ситуации в России под руководством акад. М. В. Нечкиной четверть века занимается факсимильным изданием сочинений, связанных с деятельностью А. И. Герцена, Н. П. Огарева и их Вольной русской типографии. Специалисты получили ценный комплекс источников: 11 выпусков «Колокола» с приложениями, 9 выпусков «Полярной звезды», 4 выпуска «Голосов из России» и др. Очередь дошла до конволюта М. М. Щербатов — А. Н. Радищев¹, составленного Герценом в 1858 году. Оба

автора столь резко отличались друг от друга и по идейной направленности их сочинений, и по восприятию действительности, и по месту, занимаемому каждым из них в социальной иерархии феодального общества, что невольно рождается вопрос, как мог Герцен заставить их служить совместно общему делу — освободительному движению России, новый подъем которого намечался в 50-х годах XIX века.

В самом деле, что может быть общего между представителем древнего рода князем Щербатовым и нетитулованным дворянином Радищевым. Первый был вельможей, человеком, вхожим в царский дворец, второй не принадлежал к аристократической

¹ Книга издана под ред. акад. М. В. Нечкиной и Е. Л. Рудницкой. Вступительная статья и комментарии Н. Я. Эйдельмана.

элите и имел скромный чин надворного советника. Первый стоял на страже дворянских привилегий, настаивая на сохранении «права иметь деревни одним дворянам»; второй, руководствуясь теорией естественного права, выступал против сословного строя, сословных привилегий. Первый стремился к сохранению крепостнических порядков, о крестьянине лекся лишь в той мере, в какой тот мог обеспечить благополучие дворянина и государства; второй стоял за ликвидацию постыдного рабства. Первый не выходил из круга монархических идей, его вполне устраивала самодержавная форма правления, лишь несколько усовершенствованная, второй — страстно ненавидел ее. У Щербатова в центре внимания — жизнь двора, вельмож; Радищев проявлял интерес к жизни народа, прежде всего крестьян, на долю которых выпала тяжелая повинность обеспечивать сытую жизнь господ. На эту несхожесть авторов и их сочинений обратил внимание читателей еще Герцен, уподобивший Щербатова и Радищева двуликому Янусу, назвав их печальными часовыми «у двух разных дверей» (с. V).

Щербатова и Радищева Герцен считал мыслителями, стоявшими у истоков двух направлений общественно-политической мысли в России. В Щербатове, как отмечает Н. Я. Эйдельман, он видел предшественника славянофилов, Радищева считал предтечей того направления, которое представлял сам Герцен. Конечно, между славянофильскими воззрениями в пору их расцвета в середине XIX в. и взглядами Щербатова — дистанция огромного размера. Зрелое славянофильство содержало в себе сложную систему философских, общественно-политических, исторических и экономических воззрений. Такой системой взглядов Щербатов не обладал. Но его роднит со славянофилами общее отношение к прошлому страны и существенные совпадения в оценке петровских преобразований. «Воздайте хвалу и благодарение Петру Великому», — патетически восклицал Щербатов. Но он же считал, что от Петра идет «повреждение нравов». Взгляды Щербатова на преобразование Петра I получили дальнейшее развитие (понятно, что без влияния Щербатова) у Карамзина, а затем были дополнительно обоснованы славянофилами. Равным образом Герцен считал Радищева своим предшественником, хотя революционно-демократическая идеология, представленная В. Г. Бе-

линским, Герценом и Огаревым, поднялась на более высокую ступень развития.

В то же время в этих двух сочинениях нетрудно обнаружить некоторую общность — их сближает обличительная направленность. Правда, Щербатов ограничивается критикой жизни двора, расточительности вельмож, наглого грабежа ими народного достояния, сообщением читателю потрясающих фактов дворцового разврата, прежде всего императриц, и «ссадой развратницы» Екатерины II в особенности. Кстати, «повреждение нравов», которое так ярко живописал Щербатов, было присуще не только русскому, но и другим европейским дворам, где разврат, может быть, не шел ни в какое сравнение с тем, что наблюдалось в России. Разврату Радищев тоже уделил некоторое внимание, подчеркивая при этом, что «нижние заражаются от верхних; а от них язва разврата достигает и до деревень» (с. 216), но не эти страницы главы «Едрово» составляют главное содержание «Путешествия» — его автор идет значительно дальше Щербатова и осуждает не безнравственность вообще, а безнравственность социальных и политических порядков, царивших в крепостнической России.

При всем различии восприятия окружающего и отношения к нему двух авторов, оба они, каждый по-своему, послужили борьбе Герцена с самодержавием в тот период, когда общественный подъем сопровождался повышенным интересом к тайным страницам истории страны. Революционный демократ подвергал царизм атаке доводами не только из настоящего, но и из прошлого. Другим подтверждением общности этих сочинений является их судьба — оба они относились к разряду потаенной литературы, долгое время находившейся в дореволюционной России под запретом.

Хотя почти весь тираж радищевского «Путешествия» был сожжен тотчас после опубликования в 1790 г., текст сочинения тем не менее был известен читающей публике в многочисленных списках. Щербатовское же «О повреждении нравов в России», написанное в 1786—1787 гг., было практически неведомо в стране и впервые увидело свет не в России, а в Англии. Полный текст сочинения был опубликован в России только в 1898 году. Рецензируемое факсимильное издание является третьей полной публикацией сочинения и первым советским его изданием. Что касается «Путешествия», то попытки его опубликовать

увенчались успехом лишь после буржуазно-демократической революции 1905 года. В советское время книга Радищева издавалась неоднократно с обстоятельными комментариями.

Публикуемые в конволюте сочинения изучены не в одинаковой степени. Если «Путешествие» имеет традиции научных изданий, то аналогичная публикация «Повреждения нравов в России» предпринята впервые. Это наложило свой отпечаток на характер факсимильного издания: текст «Путешествия» не комментирован, а в приложении даны текстологические разночтения прижизненного издания и издания Вольной русской типографии, появившегося 68 лет спустя. Разночтения в текстах 1858 и 1790 гг. свидетельствуют о стремлении русских читателей-переписчиков приблизить язык сочинения к лексике середины XIX века. Разночтения должны заинтересовать историков языка, они лишней раз свидетельствуют об актуальности и действительности текста «Путешествия» в герценовское время.

По-иному готовился к печати текст «Повреждения нравов в России». Ему сопутствуют не только комментарии, но и подлинный авторский текст, извлеченный из ЦГАДА. Опубликование подлинника — несомненная заслуга издателей, и специалисты будут признательны им за его обнародование. Подобное распределение внимания издателей к памфлету Щербатова и сочинению Радищева в принципе правомерно, хотя в некоторых случаях все же необходимо было освободить читателя от надобности обращаться к справочной литературе при встрече с такими словами, как «чикчиры» (с. 129), «Ариман» (с. 246), «прещение» (с. 238, 308).

Коснемся двух аспектов комментариев к «Повреждению нравов». Первый относится к общей оценке идейного наследия Щербатова и его месту в общественно-политической жизни России второй половины XVIII века. Дело в том, что в последнее время высказан взгляд, отличающийся от установившейся в советской историографии точки зрения на место Щербатова в истории русской общественно-политической мысли². Одна из сторонниц такой новой оценки,

З. П. Рустам-Заде, анализируя неизвестное ее предшественникам раннее сочинение Щербатова («Разговор между двух друзей о любви к отечеству»), пришла к выводу: «О Щербатове в нашей научной литературе сложилось мнение как об убежденном крепостнике-реакционере. Публикуемый нами разговор, а также другие его произведения дают основание считать, что традиционная оценка Щербатова неточна и требует пересмотра»³. В другой статье, подводя итоги изучения «Умного разговора» Щербатова, З. П. Рустам-Заде писала: «Сказанное выше о М. М. Щербатове не означает, что мы забываем о его принципиальных позициях. Восставший против злоупотреблений помещиков, он тем не менее выступал за сохранение крепостного права»⁴.

Заметим, что последняя фраза как бы подчеркивает призыв автора к пересмотру оценки Щербатова. К сожалению, З. П. Рустам-Заде не дала всесторонней характеристики взглядов Щербатова, а ее призыв к их переосмыслению не звучит убедительно потому, что критические и даже обличительные упреки Щербатова в адрес правительства нисколько не колеблют главного — при решении коренного в общественной жизни России второй половины XVIII в. вопроса о крепостном праве он твердо стоял на позициях ярого крепостника, ни в настоящем, ни даже в отдаленном будущем не намечавшего освобождения крестьян от крепостной неволи. Этому не противоречит призыв Щербатова к смягчению некоторых форм крепостного права: введению опекунов над помещиками-разорителями, ограничению размера феодальной ренты и т. д. Прав Н. Я. Эйдельман, отвергающий попытки «радикализировать» взгляды Щербатова.

Памфлет Щербатова — прежде всего памятник общественно-политической мысли. Но автор вместе с тем оперирует множеством фактов и имен. В этой связи возникает вопрос о значении сочинения как источника, о достоверности сообщаемых в нем сведений. Н. Я. Эйдельман в комментарии то и дело напоминает: «Рассказ Щербато-

² Наиболее обстоятельно эта точка зрения изложена в монографии: Федосов И. А. Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М. М. Щербатов. М. 1967.

³ Рустам-Заде З. П. Разговор между двух друзей о любви к отечеству. — Ученые записки Ленинградского университета, № 339, серия филологических наук, 1967, вып. 72, с. 203.

⁴ Рустам-Заде З. П. «Умный разговор» М. М. Щербатова в свете его социально-политических взглядов. — Русская литература, 1966, № 3, с. 79.

ва... не точен»; «Здесь Щербатов хронологически неточен»; «Указание Щербатова на ссылку Д. М. Голицина не совсем точно». Список неточностей можно продолжить, причем их число увеличивается по мере удаления освещаемых событий от эпохи, современником которой был Щербатов. Это дает основание согласиться с мнением комментатора, что при написании памфлета князь не прибегал к источникам, а пользовался информацией, полученной из вторых и третьих рук, семейными преданиями, молвой и т. д.

Щербатов представил жизнь двора до «повреждения нравов» в идиллическом ключе. Простота, неприхотливость, скромность, которые с такой симпатией изображает Щербатов, не были свойственны уже Алексею Михайловичу и, как свидетельствует монография А. И. Заозерского, этот царь тяготел и к роскошному столу, и к заморским напиткам, и к соответствующей экипировке⁵.

Рассказ Щербатова о том, что Б. П. Шереметев отказался поставить свою подпись под смертным приговором царевичу Алексею, заявив при этом, что он, Шереметев, «рожден служить своему государю, а не кровь его судить», не подтверждается источниками. Причиной отсутствия Бориса Петровича в новой столице была смертельная болезнь, лишавшая его возможности отправиться из Москвы в продолжительное путешествие. Не подтверждаются источниками и материальные затруднения, якобы претерпеваемые Шереметевым незадолго до смерти. Жалобы вдовы, что «она от исков и других убытков пришла в разорение» (с. 22), имели место, но они для того времени обычны и не отражают подлинного состояния ее хозяйства.

Щербатов считал невестой Петра II дочь

⁵ См. Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. М. 1937, с. 119—124, 140.

А. Д. Меншикова Екатерину (с. 38). В действительности она умерла задолго до обручения. Невестой царя была объявлена Мария Александровна. Неверны рассуждения Щербатова о том, что после смерти Петра II имелись сторонники воцарения дочери Петра I Анны (с. 42). Такого не могло быть, ибо Анна Петровна умерла еще в 1728 году. Щербатов сообщает о том, будто Анна Иоанновна разорвала кондиции после коронации (с. 46). В действительности это событие произошло 25 февраля, а коронация — 28 апреля 1730 года⁶.

Памфлет пестрит множеством характеристик. Они, надо полагать, более или менее верны, когда речь идет о людях, лично известных Щербатову, и его оценки сложились в результате общения с ними. Но встречаются портретные зарисовки, основанные на рассказах других лиц. Это столь же лаконичные, как и сомнительные оценки деятельности А. И. Остермана и Б. К. Миниха: «Таков был отличной своим разумом Генерал-Адмирал Граф Остерман, который управлением своим министерских дел многия пользы России приобрел; таков был Фельдмаршал Граф Миних, многожды победитель над Турками и первый из европейских вождей, который укротил гордость сего вражеского христианам народа» (с. 55).

Настала пора подготовить академическое издание «Повреждения нравов» и других сочинений Щербатова. Полезный почин уже сделан. Надо надеяться, что Институт истории СССР АН СССР продолжит успешно начатую работу над памфлетом, значение которого при изучении как общественно-политической, так и исторической мысли России второй половины XVIII в. трудно переоценить.

Н. И. Павленко

⁶ См. Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань. 1880, с. 276—279.

А. К. ЧЕРНЕНКО. *Причинность в истории*. М. Мысль, 1983. 204 с.

Современное состояние советской исторической науки характеризуется устойчивым интересом к теоретико-методологическим проблемам. В их разработку наряду с историками активно включились философы. Несомненно, философский подход к проблемам исторического познания может способствовать обогащению их понимания, при условии, однако, что он будет основываться на тщательном учете результатов, практики конкретно-исторического исследования, исходить из признания специфики этой формы научного познания.

Этому требованию вполне соответствует монография ректора Новосибирской межобластной высшей партийной школы кандидата философских наук А. К. Черненко. Автор подчеркивает «особую ценность» понятия причинности как «универсального взаимодействия, которое помогает с наибольшей адекватностью вскрыть сложный мир причинных связей общественной жизни» (с. 186). Он уделяет главное внимание исследованию действия этой категории в истории.

Вслед за главой, в которой рассматривается структура причинности как общеполитической категории, идут разделы, представляющие наибольший интерес для историков. В них исследуются сущность исторической причинности, диалектика объективной и субъективной сторон в социальном детерминизме, структура исторической причинности, диалектика общей, особенной, единичной причин, их субординация. В своем подходе к этим вопросам автор, руководствуясь марксистско-ленинским учением о социальном детерминизме, последовательно обосновывает идею специфичности исторической причинности в силу чрезвычайно сложной природы причинных связей в жизни общества.

Историческая причинность рассматривается в книге как сложная многоуровневая структура, воплощающая в себе диалектику объективного и субъективного в историческом процессе. Автор выделяет три уровня причинности в истории: «1. Способ производства как субстанциональное взаимодействие — общая причина и общий структурный уровень исторической причинности. 2. Историческая обстановка (соотношение классовых сил) как конкретное взаимодействие — особенная причина и особенный

структурный уровень исторической причинности. 3. Деятельность исторической личности как отдельное причинное отношение универсального взаимодействия — единичная причина и единичный структурный уровень социального детерминизма» (с. 66). Особенно важен анализ двух последних уровней причинности, т. к. именно с ними чаще имеют дело историки в своей исследовательской практике.

В последнее время все большее внимание исследователей привлекает к себе марксистское понимание механизма конкретно-исторического действия, понятийный аппарат, специально приспособленный для объяснения многообразия реальной социальной действительности в ее непрерывном движении и изменении. Ключевым понятием при этом является категория исторической причинности, ибо основная задача историка как раз и состоит в объяснении конкретного хода событий, составляющих в своей совокупности живую ткань исторического процесса. Отсюда и вытекает значение рецензируемой книги.

Представляется плодотворным выдвижение и обоснование в ней понятия «особенная причина» как выражения специфического уровня структуры универсальной причинно-следственной связи в истории, т. е. именно того уровня, на котором, как правило, работает историк. Понятие особенной причины служит своеобразным переходом в историческом анализе от общего к частному, от общих положений марксистско-ленинской социологической теории к индивидуальным социальным явлениям. Это позволяет глубже и вместе с тем конкретнее объяснить интересующий историка мир событий. Другими словами, рассматриваемое понятие выступает как важнейшая категория исторического познания, характеризующая его специфику. Существенное содержание особенной исторической причины составляет, как подчеркнуто в книге, конкретное соотношение классовых сил (см. с. 83). В книге убедительно показано значение последовательного классового анализа исторической действительности как необходимого условия подлинно научного объяснения конкретного многообразия ее форм, равно как и отдельных событий и явлений.

В этой связи А. К. Черненко касается оживленно дискутируемого в советской фи-

лософско-исторической литературе вопроса об исторической закономерности. Предостерегая против понимания особенной причины как фатально предопределенной, он формулирует положение о том, что «историческая закономерность складывается и проявляется в процессе соотношения и борьбы классов, народных масс» (с. 89). Конечно, такое определение едва ли может считаться исчерпывающим, поскольку оно абстрагируется от объективных предпосылок складывания исторической закономерности. Ведь сама деятельность субъективного фактора, воплощаясь в борьбе масс и классов, детерминируется материальными условиями жизни общества. В то же время своей формулировкой автор указывает на действительно присущий исторической закономерности существенный момент, отличающий ее от закономерности общесоциологической. Приходится только сожалеть, что этот сюжет не получил развития в книге. Между тем сам анализ исторической причинности необходимо подводит к такой постановке вопроса о закономерности в истории, когда она выступает как сложный продукт пересечения различных причинно-следственных рядов.

В этих каузальных цепях свое место принадлежит причинам, связанным с деятельностью исторических личностей. Нет необходимости говорить о том, насколько важным является изучение этого уровня причинности. Развенчивая идеалистическое представление о личности как творце истории по собственному произволу, марксизм-ленинизм вместе с тем далек от огульного отрицания всякой ее самостоятельной роли в общественном процессе. Выявление этой роли является одной из самых интересных и в то же время сложных задач, стоящих перед историками. А. К. Черненко определяет деятельность личности как единичную причину, оказывающую свое влияние на движение истории (с. 115). Отмечая бесчисленное количество единичных событий, неповторимых в своей индивидуальности социальных явлений и фактов, из совокупности которых складывается конкретная историческая ситуация, он справедливо указывает на необходимость учета роли деятельности личности при осмыслении этой ситуации. «Материалистическое понимание этой стороны теории исторической причинности,—подчеркивает автор,—помогает избежать известного упрощения и одно-сторонности в познании сложной системы

всеобщей взаимосвязи общественных сил, рассматриваемых как процесс деятельности людей (классов, партий, наций, исторических личностей)» (с. 115—116).

В деятельности личности воплощается единичное проявление общего и особенного в истории, придающее индивидуальные черты неповторимости каждому событию или явлению. Рассматривая детерминацию деятельности личности, А. К. Черненко справедливо подчеркивает ее классовую обусловленность. Вместе с тем классовая детерминация образует достаточно широкие рамки деятельности личности, в пределах которых она обладает относительной самостоятельностью. Учет этого обстоятельства важен не только в теоретическом, но и в практически-политическом отношении. Без этого останется не понятой до конца конкретная историческая действительность с пестрым многообразием составляющих ее событий, поступков, действий.

Одной из положительных сторон книги является стремление ее автора приложить свои теоретические рассуждения к анализу актуальных проблем исторической науки и социальной практики. Отметим, в частности, научную плодотворность содержащегося в монографии анализа итогов дискуссии об азиатском способе производства (с. 69—73, 87—89), а также проблемы т. н. исламского Возрождения на современном зарубежном Востоке (с. 137—140).

В заключительной главе монографии рассматриваются объективная и субъективная стороны причинности социалистического развития и исследуется механизм действия и использования этой категории при социализме. Подчеркивая, что теоретические положения на этот счет тесно связаны с практически-политической деятельностью партии и государства, А. К. Черненко показывает, что именно раскрытие механизма причинности как системы взаимодействующих факторов позволяет полно и всесторонне изучить характер противоречий при социализме, решать вопросы совершенствования управления и планирования, а также идейно-воспитательной работы.

Книга А. К. Черненко имеет ясно выраженный полемический характер. На всем ее протяжении автор раскрывает несостоятельность буржуазных, реформистских и ревизионистских представлений о социальном детерминизме, а также дискутирует с от-

дельными недостаточно четкими формулировками некоторых советских историков и философов.

Исследование А. К. Черненко будет способствовать творческой разработке акту-

альных проблем марксистско-ленинского историзма, дальнейшему развитию категориального аппарата исторической науки.

Б. Г. Могильницкий

И. М. САВЕЛЬЕВА. *Профсоюзы и общество США в XX веке. Критика буржуазно-реформистских концепций*. М. Наука. 1983. 175 с.

В книге научного сотрудника Института международного рабочего движения АН СССР кандидата исторических наук И. М. Савельевой предпринята попытка комплексного анализа идейно-политического содержания, методологической основы и важнейших этапов эволюции буржуазно-реформистских концепций тред-юнионизма в США на протяжении XX в. в сопоставлении с концепциями других буржуазных течений. Научная и общественно-политическая значимость изучения этой проблемы определяется тем, что воззрения буржуазных идеологов и теоретиков на профсоюзное движение служат основой для разработки социальной политики правящих кругов, направленной на интеграцию профсоюзов в систему институтов капиталистического общества, на подавление, нейтрализацию или использование в интересах буржуазии профессиональных организаций пролетариата.

В монографии охарактеризована сложная и противоречивая картина формирования и эволюции буржуазно-реформистского подхода к проблемам отношений между трудом и капиталом. Автор прослеживает тернистый путь развития американских профсоюзов, не все отряды которых сумели возвыситься до принятия идеи классовой борьбы и находятся под влиянием антисоветизма и антикоммунизма. Проанализировав широкий круг трудов буржуазных исследователей, автор предлагает научно обоснованную периодизацию этапов формирования либерально-реформистского подхода, который начал складываться в конце XIX в. в общем русле социальной политики господствующего класса США. Этот подход пробивал себе дорогу в борьбе с консервативными и «твердолобными индивидуалистическими» концепциями,

трактующими профсоюз как «монополию» и «насилие над личностью рабочего».

Автор выделяет висконсинскую (историко-экономическую) и балтиморскую (структурно-административную) школы, а также социально-психологическое и морально-этическое направления. Большой интерес представляет анализ воззрений висконсинской школы, оказавшей наиболее сильное влияние на развитие американской историографии рабочего движения. Отдельные аспекты концепций этой школы уже рассматривались в работах С. М. Аскольдовой, В. Л. Малькова и других советских историков. И. М. Савельева подвергает подробному анализу висконсинскую школу во всей целостности, в общем контексте эволюции буржуазной историографии профсоюзного движения в США. Как показывает автор, ведущий представитель висконсинцев Дж. Коммонс и его последователи Э. Перльман, Д. Эндрюс, Э. Самнер и др., придерживаясь концепции «исторического институционализма», который сводил развитие общества к истории социально-политических институтов — правительств, политических партий, ассоциаций бизнеса и т. д. — и взаимоотношений между ними, рассматривали профсоюзы как стабилизирующую силу, способствующую утверждению «конституционного правления в промышленности» (с. 22). Коммонс и его последователи требовали наделить профсоюзы равными с бизнесом и правительством правами для достижения «институционального равновесия». Главная цель всех школ либеральной ориентации конца XIX — начала XX в., как отмечает автор, состояла в том, чтобы обосновать необходимость вмешательства государства в отношения между трудом и капиталом в интересах сглаживания социально-классовых конфликтов (с. 23).

Важным этапом формирования буржуазно-реформистского подхода стали 30-е годы, когда были сформулированы основные положения неолиберализма, вобравшие в себя и отдельные важнейшие положения висконсинской школы. Существенным фактором, способствовавшим выдвижению на передний план этого течения, было банкротство традиционных консервативных концепций и подходов. «Под сомнение была поставлена научная состоятельность теории «твердого индивидуализма», как и его способность практически обеспечить функционирование экономики на каком бы то ни было этапе развития капитализма» (с. 39). Предписывая государству роль регулятора экономических и социальных интересов различных групп общества, неолибералы (С. Чейз, Р. Тагуэл, К. Догерти, П. Дуглас и др.) отводили первое место в формировании политики, направленной на создание «классовой гармонии», законодательным органам (с. 47), что нашло отражение в законодательных актах «нового курса», особенно законе Вагнера (с. 51).

После второй мировой войны в условиях наступления консервативных сил имело место отступление неолиберализма. Законы Тафта — Хартли (1947 г.) и Лэндрама — Гриффина (1959 г.) перечеркнули многие завоевания рабочего класса 30-х годов. Как правильно отмечает автор, усиление консерватизма нашло самое непосредственное отражение и в литературе о трудовых отношениях, для которой стали характерны оживление индивидуалистических идей «периода процветания», обострение полемики между сторонниками и противниками государственного регулирования (с. 69). Противники последнего Г. Саймонс, Ч. Линдблом, М. Фридман и др., которые взяли за основу воззрения Ф. фон Хайека и Л. фон Мизеса, сгруппировались в «чикагскую школу», которая объявляла «вмешательство профсоюза или государства в прерогативу собственника... противоречащим «истинной свободе» и «традициям Америки» (с. 72). Однако отдельные фракции правящего класса, не желавшие принимать неолиберальный вариант регулирования трудовых отношений, тем не менее начинали понимать, что необходимо учитывать реальности государственно-монополистического капитализма.

Эту задачу, как отмечается в книге, выполнило новое течение — неоконсерватизм,

возникшее в результате осознания частью индивидуалистов новой роли буржуазного государства и одновременно сдвига отдельных групп неолибералов вправо. Основоположающим моментом для неоконсерваторов «стало признание государственного регулирования трудовых отношений в форме антирабочего трудового законодательства» (с. 73). Они критиковали рабочую политику правительства за то, что она якобы поставила профсоюзы в привилегированное положение. Автор приводит убедительные аргументы, подтверждающие научную несостоятельность тезисов неоконсерваторов. Сдвиг вправо в общественно-политических умонастроениях США послевоенного периода завершился оформлением «консервативно-неолиберального согласия» (с. 82).

Автор обращает внимание на то, что после второй мировой войны изучение отношений между трудом и капиталом вступило в США в новую стадию. Так, если прежде этими исследованиями занимались представители различных специальностей, от историков до юристов и социологов, то теперь этой сферой социальных отношений занялись т. н. индустриалисты, представители специальной науки «о трудовых или индустриальных отношениях» (с. 98—99). Объектом ее внимания стали отношения профсоюзов с предпринимателями, «рабочая политика» государства, рынок рабочей силы и т. д. (с. 99). Для представителей «науки об индустриальных отношениях» (Д. Бока, Д. Данлопа, К. Керра, Р. Лестера и др.) характерен утилитаризм, их исследования носят большей частью прикладной характер, ведутся по заказам научно-исследовательских центров монополий и под руководством государства и определяются тактической линией предпринимателей по отношению к тред-юнионам (с. 104).

Автор останавливается на анализе позиций консерваторов, «твердых индивидуалистов» и неолибералов в 60—70-х годах. Последние «приступили к переосмыслению идейного наследия периода «холодной войны» (с. 117). В проведении социальной государственно-монополистической политики неолибералы призывали опираться на профсоюзы. Вместе с тем они «подменяют изучение многообразной и противоречивой действительности американских тред-юнионов отвлеченным теоретизированием», отождествляют все рабочее движение с «бюрократической профсоюзной верхуш-

кой», игнорируют эволюцию самого тред-юнионизма (с. 121). К неолиберальной историографии автор относит И. Бернштейна, Д. Броуди, У. Гейлинсона и др. и издаваемый ими журнал «Labor History». Автор показывает, что отличие этой — «исторической» — школы от висконсинских традиций состоит, в частности, в том, что ее адепты «включили в орбиту своих научных интересов трудоемкую работу по воссозданию социально-психологического облика пролетариата различных эпох» (с. 130). В целом же, считает автор, эта группа неолибералов в своих исследованиях продолжала придерживаться канонов висконсинцев (с. 133).

Новая интерпретация американского рабочего движения, указывает И. М. Савельева, сформировалась в работах тех американских исследователей, которые решительно порвали с принципами висконсинской школы и ищут новые подходы к проблеме на путях социально-культурно-бытовой истории рабочего класса. Такая попытка нашла выражение в трудах «новой рабочей истории», представленной Г. Гутмэном и др. (с. 133). Объектом их исследований является «некий усредненный «массовый тип» рабочего, бытие и сознание которого формируются под влиянием всех видов социальной общности — семьи, этнической группы, религиозной общины, школы, профсоюза» (там же) и т. д. В тех случаях, когда эти историки обращаются к профсоюзам, стачкам, политическим организациям трудящихся, они ставят перед собой цель «показать процесс формирования рабочего класса, особенности становления общественного сознания пролетариата, отношение к труду, специфику «рабочей культуры» (с. 136). Будучи ответом на социально-политические движения 60-х годов, «новая рабочая история» отличается интересом к жизни простых людей, их духовному миру. Представители этой школы широко используют массовые источники и количественные методы их обработки. По своей методологии и техническим приемам эта школа функционирует в рамках влиятельной «новой социальной истории» (с. 134). Однако, как справедливо подчеркивается в книге, представители «новой рабочей истории», порвав с традиционно-либеральными воззрениями, все же не сумели подняться до объективного понимания места и роли профсоюзов как массовых рабочих организаций, классовые интересы которых

несовместимы с капиталистической системой.

В 60-х годах наблюдался рост интереса к истории рабочего движения также в кругах леворадикальной интеллигенции. Подвергая критике общественный строй США, леворадикальные («новые левые») историки С. Линд, Г. Альперовиц, Р. Рэдлош, Ф. Гринбаум и др. одновременно развивали, особенно в период увлечения маркузизмом в конце 50-х — начале 60-х годов, идею о консервативном характере американского тред-юнионизма на протяжении всей его истории, рассматривали рабочий класс как часть капиталистической системы (с. 139—140). Вместе с тем, указывает автор, «новые левые» внесли «освежающую струю в исследования по рабочему движению», способствовал развенчанию «элитарных воззрений», активизировал изучение роли народных масс, «рядовых», роли экономических факторов в историческом процессе (с. 142).

Книга И. М. Савельевой, в которой рассматриваются проблемы формирования идеологии тред-юнионизма в США, роль правящего класса и его идеологов в деле внедрения в сознание рабочего класса стереотипов и установок буржуазной идеологии, напоминает о необходимости дальнейшего исследования проблем, связанных с отсталостью классового сознания американского пролетариата. Нам представляется, что при сопоставлении различных школ и направлений американской буржуазной науки о трудовых отношениях автор недостаточно критично оценивает леворадикальное течение, представители которого порой доходили до прямого отрицания роли профсоюзов, да и всего рабочего класса в общественно-историческом процессе. Думается также, что в монографии не всегда в достаточной мере учитывается тенденция к разграничению между собственно профсоюзами, составляющими лишь 19% всех трудящихся, и рабочим классом в целом и к их противопоставлению друг другу, которая четко прослеживается у некоторых буржуазных исследователей.

В монографии порой встречаются слишком резкие и однозначные формулировки. И. М. Савельева, например, верно пишет, что кризис 1929—1933 гг., показавший несостоятельность принципов «свободного рынка», оказался «весомым аргументом» против идеологии «твердого индивидуализма». Однако вряд ли можно согласиться с

тем, что эта идеология «была списана в теоретический антиквариат, хотя система альтернативных политэкономических взглядов для ее замены еще не была разработана» (с. 40). В другом месте И. М. Савельева совершенно правильно отмечает «рецидив индивидуализма», оживление индивидуалистических идей «периода процветания» после второй мировой войны (с. 69).

Рецензируемая работа является ценным пополнением историографии профсоюзного движения в США. Содержащая большой фактический материал, насыщенная полемикой с буржуазными авторами, эта книга значительно расширяет наши представления об идеологических и политических проблемах американских профсоюзов.

К. С. Гаджиев

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ. *Дубровник и Османская империя*. М. Наука. 1984. 288 с.

Новая монография доктора исторических наук проф. М. М. Фрейденберга (Калининский университет) явилась итогом его многолетнего изучения средневековой истории далматинских городов и еще одним свидетельством интереса советских исследователей к истории города в системе феодализма. Автор поставил перед собой задачу — рассказать о Дубровнике, «его исторических судьбах и о том, как сложились его отношения с турецким государством» (с. 6). Это обусловило широту хронологических и географических рамок работы. В центре внимания М. М. Фрейденберга — тысячелетняя история города с момента его основания и до потери им самостоятельности в начале XIX века. В монографии прослеживается тесная взаимосвязь Дубровника с боснийскими, сербскими и болгарскими землями, сначала независимыми, затем оказавшимися под игом Османской империи, раскрыт драматизм положения свободного Дубровника, окруженного турецкими владениями.

Особенностью монографии являются яркость и выразительность повествования об исторических событиях, а литературные достоинства книги приближают ее к художественному произведению.

Введение начинается с живого, эмоционального описания землетрясения 1667 г. в Дубровнике, когда погибло большое число жителей, а от города остались «горы камня и обломков». Но Дубровник постепенно возродился после этой катастрофы. Из источников М. М. Фрейденберг называет лишь главные — статут Дубровника, нотариальные акты, свидетельства современни-

ков об отдельных событиях. Историография же представлена по-иному: во-первых, удивляет обилие новейшей советской и зарубежной, в основном югославской, научной литературы, которая была привлечена автором, и, во-вторых, выводы и наблюдения большинства современных исследователей вошли составной частью в книгу; это делает ее своеобразным срезом историографии по горизонтали, отражением того уровня знаний по средневековой истории Дубровника и Далмации, который достигнут в настоящее время.

Главы первая и вторая — «Истоки», «Последний век независимости» (с. 7—67), а также отдельные очерки последующих глав (с. 73—80, 96—103) охватывают историю Дубровника и Далмации с раннего средневековья и до турецкого завоевания, т. е. период генезиса и расцвета феодализма в южнославянских землях, проблемы которого в последнее время привлекают внимание советских и югославских медиевистов. Здесь говорится о первых столетиях существования Дубровника, о трудностях освоения морской скалы, где первоначально возникло городское поселение, о застройке городских кварталов и возведении укреплений. Город издревле владел рядом ближайших островов и земельной округой, которую постоянно пытался расширить. Географические условия местности повлияли на развитие сельского хозяйства округа, на формирование морских промыслов и ремесел. В книге затрагиваются проблемы этнического и демографического развития Дубровника, показана степень изученности процесса славянизации далматинских городов, в частно-

сти Дубровника, где в ранний период преобладало романское население, приводятся мнения современных исследователей (И. Манкен, В. Цестарич-Якич), относящих начало этого процесса к XI веку. В связи с демографической характеристикой города М. М. Фрейденберг останавливается на истории дубровницкого здравоохранения, особенностях архитектурного облика города и т. д. Но стержневыми проблемами рассматриваемых разделов остаются проблемы развития экономики, социальной структуры и политического строя Дубровника. Характеристика этих сторон истории города основана на синтезировании выводов, которые были сделаны как самим автором, так и другими исследователями (см. литературу к главам). Один из очерков посвящен дубровницкому ремеслу, которое составляло основу производственной базы города и являлось сферой деятельности более трети его населения. Дубровник был самым развитым центром Далмации: в период расцвета в нем насчитывалось 35—40 ремесленных профессий, тогда как в Задаре, втором по значению городе Далмации, всего лишь 24. В книге подробно освещены несколько ремесел — ювелирное дело, выделка кож, производство сукна. Типично средневековые корпорации — братства — вбирали в себя всю ремесленную массу города. Рыхлые и часто неоднородные ремесленные корпорации далматинских городов М. М. Фрейденберг не склонен отождествлять с цехами Германии или северной Франции. И даже в Дубровнике, по мнению автора, цеховой строй почти не развился (с. 64—65).

Следует отметить, что А. А. Сванидзе, изучая организацию ремесла в средневековых шведских городах, предлагает другое решение вопроса. В ее монографии ремесленный цех представлен как сложная организация со своей динамикой развития. Расплывчатые формы организации шведского ремесла рассматриваются А. А. Сванидзе как стадии в развитии цеха¹. И нам думается, что при характеристике далматинского ремесла нет оснований противопоставлять его организацию западноевропейскому цеху. Не правильнее ли ставить вопрос о том, какие стадии формирующегося цеха проявились в братствах городов Далмации?

В очерках «Коммерческие успехи» и «Дорожные заботы» даны все основные сведе-

ния о развитии торговых отношений Дубровника на море, главным образом с итальянскими городами, и на суше — с соседними балканскими землями. Интенсивность торговых связей, виды товаров, направления грузопотоков, сеть транспортных артерий, влияние политических факторов на товарообмен, организация торговли — вот неполный перечень вопросов, затронутых автором. Все приводимые факты собраны различными историками в архивах Дубровника и итальянских городов. Опираясь на них, автор дает впечатляющую картину энергичного проникновения купеческого капитала в земли Сербии и Боснии, где с XIII в. идет разработка рудников и возникают дубровницкие колонии. Вывоз цветных металлов, особенно серебра, попадает в руки дубровчан.

К сожалению, М. М. Фрейденберг, упоминая современных исследователей торговли Дубровника серебром, опускает имя М. Динича — его книга о горнорудном деле в Сербии и Боснии была первой в ряду последующих работ по этой проблеме². Нельзя также не внести одно уточнение: главным предметом вывоза дубровчан из Боснии, кроме серебра, был свинец, а не олово, как сказано в монографии, и знаменитый дубровницкий купец конца XIV в. Жоре Бокшич торговал не оловом, а свинцом (с. 54, 57).

Важный вопрос о годовом объеме производства серебра в рудниках Сербии и Боснии давно занимает югославских историков. М. М. Фрейденберг приводит подсчеты И. Тадича, определившего общий вес серебра, ежегодно вывозимого в середине XV в. из Сербии и Боснии дубровницкими купцами, в 25 т (с. 55). В последнее время выводы И. Тадича дополнены и уточнены С. Чирковичем, пришедшим к заключению, что в 1421—1425 гг. объем ежегодного вывоза серебра купцами Дубровника колебался от 3,9 до 11,06 тонны³.

Социальная структура Дубровника — типично далматинская: вся власть в городе принадлежит патрициату, «замкнувшемуся» в Большом совете в начале XIV в. и ревниво охранявшему свои привилегии. Остальные жители Дубровника относились к простолюдиам. Крупные купцы из простолю-

² Динич М. За историју рударства у средњовековној Србији и Босни. Део I, II. Београд. 1956, 1962.

³ Чиркович С. Дубровачка ковница и производња сребра у Србији и Босни. — Историјски гласник, 1976, бр. 1—2. с. 97

¹ Сванидзе А. А. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции. М. 1967, с. 261 сл.

динов боролись за доступ в Большой совет, но добились лишь наименования «граждане». Основную же массу простолюдинов составляли ремесленники, мелкие торговцы, поденщики, городские земледельцы, слуги, рабы. В городской округе жили земледельцы, ремесленники, мореходы. Среди непосредственно земледельцев различались две категории работников — арендаторы (колоны) и кметы.

Весь этот большой, имеющий научное значение материал подан в монографии очень сжато. Но краткость, одно из главных достоинств книги, иногда, оборачивается неясностью. Например, по поводу утверждения: «Если правящей элите и присущ феодальный характер, то он порожден не характером собственности в городском дистрикте, а всем комплексом отношений, в которых находится город с окружающим его балканским миром» (с. 26), — возникают вопросы: а какова же собственность в городском дистрикте, и каков же характер не-элиты?

Очерк «...Заботьтесь об общественных делах!», написанный М. М. Фрейденбергом и А. В. Чернышовым (с. 96—102), является новым словом в советской далматинистике: впервые основные органы городского самоуправления рассматриваются авторами как взаимосвязанная структура, которая в Дубровнике получила наиболее законченную форму. Постепенное перерождение Дубровницкой коммуны в аристократическую республику было сопряжено с усложнением управления выросшей территорией дистрикта. Но особенности республиканского строя в Дубровнике как самой распространенной в средние века политической формы города-государства авторами уже не анализируются.

Главы третья — седьмая (с. 69—253) посвящены времени нашествия и господства турок на Балканах. Рассмотрим основные аспекты этой части монографии.

Османская империя, как показано автором, оценила способность дубровницких купцов аккумулировать торговый капитал, и самостоятельный Дубровник стал для нее не только окном в Западную Европу, но и источником получения золотых дукатов. Дубровчане ежегодно платили дань (харач) — 12,5 тыс. дукатов, откупали торговые пошлины, преподносили дары — великолепная серебряная посуда, мешочки с золотом постоянно отправлялись султану, турецким вельможам и были главным аргу-

ментом дубровчан в конфликтах с турками. Дубровник покупал покровительство турецких сановников, например, великого визиря Мехмеда Соколовича, политика, деятельность и личность которого охарактеризованы на страницах монографии. Империя предоставила дубровчанам возможность вести широкую торговлю в своих европейских владениях, взимая с них минимальную пошлину в 2%. Монополия Дубровника в балканской торговле привела к невиданному ранее обогащению его купцов. В книге собраны данные о монетах на балканском рынке — дубровницких динарах, венецианских дукатах, турецких акче и реалах, о колебаниях их курсов в течение XVI в. и последующего времени (с. 139—141, 230), о переменах в структуре дубровницкого ввоза и вывоза — дубровчане уже не вывозят драгоценные металлы, торговля теперь идет продуктами сельского хозяйства и скотоводства. Автор оперирует огромным цифровым материалом (с. 144, 233, 236 и др.), иллюстрирующим изменения в балканской торговле Дубровника, расширение ее масштабов, возвышение новых торговых центров. Но если о росте дубровницких колоний в болгарских землях говорится достаточно подробно (с. 154 сл.), то о деятельности дубровчан в тех областях Сербии и Боснии, где до турецкого владычества торговая активность их была наибольшей, не сказано почти ничего.

Действительно, вопрос об изменениях в экономическом развитии балканских стран, попавших под власть Османской империи, во многом остается неисследованным. Отдельные работы частично восполняют этот пробел, и среди них примечательной, на наш взгляд, является монография С. Димитриевича о торговле дубровчан в Южной Сербии в XVII в.⁴, выводы которого, к сожалению, не нашли отражения в рецензируемой книге. В этой связи следует отметить, что не все положения М. М. Фрейденберга, касающиеся экономического развития Балкан в XVI—XVIII вв., представляются бесспорными. Несомненно, что торговая деятельность дубровчан оказывала огромное влияние на экономику балканских земель, но было ли оно только благотворным? (с. 6, 138). Более вероятно, что воздействие купеческого капитала на аграрные отношения феодальных областей было, как

⁴ Димитријевић С. Дубровачки каравани у Јужној Србији у XVII веку. Београд. 1958.

и в большинстве подобных случаев, далеко не однозначным. Расцвет Дубровника, достигший своего апогея в 70-е годы XVI в., был явлением ярким, даже исключительным, и вряд ли его можно назвать без серьезных оговорок составной частью общего экономического подъема на Балканах (с. 138). Нельзя также не возразить автору, утверждающему, что Венеция в XVI в. переживает полосу экономического упадка, «масштабы которого в настоящее время подвергаются переоценке, но самое существование которого бесспорно» (с. 146). Мнения об упадке Италии, в том числе и Венеции, в XVI в., как известно, давно отвергнуты в новейшей зарубежной и советской историографии⁵.

С конца XVII в. у Дубровника появляются новые конкуренты — англичане, французы проникают на Балканы, французские ткани наводняют турецкие рынки (с. 230). Конкуренция западного кулечества, складывание местной торговой буржуазии на Балканах приводят к ослаблению дубровницкой торговли, к ухудшению политических позиций Дубровника вне и внутри Османской империи. В монографии приведены

новые данные об установлении дипломатических контактов Дубровницкой республики с Россией. И хотя в середине XVIII в. Дубровник находит в себе силы обновить и увеличить свой флот, закат республики не за горами. Первые признаки политического краха и гибель Дубровника как самостоятельного государства показаны в заключительной главе монографии.

Мы не имели возможности остановиться на очерке о венецианской Далмации, написанном М. М. Фрейденбергом совместно с И. Г. Воробьевой, на разделах о гайдуцком движении в славянских землях, о литературе и театре Дубровника в XV—XVII вв., об этапах развития дубровницкого гуманизма — все они интересны и содержат свежий материал по истории южных славян в эпоху османского ига.

Итак, монография М. М. Фрейденберга, обращенная к массовому читателю, представляет собой заметное явление в нашей историографии: вопросы, поднятые на ее страницах и касающиеся развития города в системе феодализма (в данном случае османского), остаются актуальными в советской медиевистике. Отдельные спорные положения книги только подчеркивают научную значимость данной проблематики.

Н. П. Мананчикова

⁵ См. Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени. Л. 1974, с. 9—15.

А. С. ШОФМАН. *Распад империи Александра Македонского*. Казань. Изд-во КГУ. 1984. 224 с.

В последние десятилетия изучение эпохи эллинизма заняло важное место в трудах советских античников. Немало сделано для выяснения экономической и социальной истории эллинизма, широко рассматриваются также вопросы культуры, идеологии, политики. Давно и плодотворно занимается этой эпохой проф. Казанского университета доктор исторических наук А. С. Шофман¹. В своей новой монографии он дал всесто-

роннее освещение социально-экономических и военно-политических проблем распада государства Александра Македонского, создания и функционирования системы эллинистических монархий.

Книга написана на основе широкого круга самых разнообразных источников. Автор привлек все доступные для современного ученого нарративные материалы, нередко скудные и противоречивые, к тому же страдающие субъективизмом. Наряду с сочинениями Диодора, Плутарха, Юстина, Курция Руфа и др. А. С. Шофман исследует надписи, монеты. Это существенно расширило источниковую базу монографии, позволило ввести в науку ранее неизвестные

¹ Шофман А. С. История античной Македонии. Чч. I—II. Казань. 1960—1963; его же. Восточная политика Александра Македонского. Казань. 1976; см. рецензию А. М. Ременикова и М. М. Слонимского. — Вопросы истории, 1977, № 5.

факты, увидеть некоторые новые грани исторического процесса.

Автором в полной мере учтена богатая историография эпохи эллинизма. Используются практически вся специальная отечественная литература и зарубежные исследования, посвященные диадохам. Признавая те или иные конкретные наблюдения и выводы буржуазных ученых, А. С. Шофман вместе с тем критически анализирует концепции П. Клоше, М. Фонтана, М. Ростовцева и др., вступает с ними в полемику, убедительно показывает несостоятельность их методологических позиций.

Автор убедительно показывает, что бурная и изменчивая эпоха, в которую жили и действовали исторические деятели, боровшиеся после смерти Александра за его наследство, наложила неизгладимый отпечаток на их психологию. Оценивая сущность междоусобиц, в которых участвовали эти люди, А. С. Шофман пишет: «Жестокая и бесплодная борьба разнообразных личностей между собой создавала ложное впечатление, что именно они определяли судьбу огромного наследства Александра. В действительности же реальная социально-экономическая необходимость прокладывала себе дорогу через многочисленные военные конфликты к более ограниченным, но к более компактным и прочным государственным объединениям и отметала возможность сохранения в целостности прежнего огромного конгломератного государства» (с. 67—68).

Рисуя красочную и достоверную картину войн, дипломатических акций, А. С. Шофман главное внимание уделяет раскрытию сущности борьбы диадохов, в ходе которой решался вопрос — быть или не быть династии Александра. Со смертью одного из наиболее крупных его полководцев, Антигона, замыслы о сохранении единой империи рухнули. Автор справедливо считает, что битва при Ипсе, в которой погиб Антигон, развязала центробежные силы, укрепила сепаратистские тенденции среди диадохов (с. 116). Социально-экономические отношения той эпохи и присущие ей сословно-классовые противоречия являются центральными в рецензируемом труде. Автор успешно решает ряд научных проблем. Так, он тщательно анализирует причины и характер активной градостроительной политики диадохов. «Политика синойкизма², — подчеркивается в

книге, — способствовала расширению производства, упрочению финансов, улучшению торговли. Она втягивала в торговый обмен отсталые районы, ликвидировала раздробленность полисов, приводила к росту городского населения, к сближению греков и македонян с азиатскими народами» (с. 139).

Реконструируя картину развития экономики, автор отмечает противоречивость хозяйственных процессов, вызванных особенностями развития полиса и самостоятельных в экономическом отношении, независимых союзов Греции, которые на Востоке встретились с уже сложившимися комплексами различных типов экономической организации (с. 150). Уточняя высказанные еще А. Б. Рановичем мысли о судьбах Греции после смерти Александра³, А. С. Шофман приходит к выводу, что в результате перемещения торговых центров на Восток упадок испытала не вся Греция. Важен вывод и о том, что экономическое развитие эпохи диадохов наталкивалось на ряд непреодолимых трудностей, мешавших установлению прочного экономического единства. К ним он относит прежде всего неравномерность социально-экономического развития различных частей государства Александра (с. 149).

Особо выделяя роль экономических факторов, автор тщательно прослеживает конкретные противоречия, разрушившие огромную державу. По убедительному мнению А. С. Шофмана, она распалась не только в результате войн и столкновения честолюбивых личностей, но главным образом из-за ожесточенной социальной, классовой борьбы, освободительных движений греков и восточных народов, тяготившихся македонским гнетом (с. 191—192). Автор анализирует обстановку в Афинах, в Кирене, в севевкидской Азии, дает оценку народным выступлениям в этих регионах, их действительности. Анализируя события, которые прежде рассматривались лишь как эпизоды военных конфликтов, А. С. Шофман исследует их главным образом через призму столкновения различных классовых сил.

Анализ обширного фактического материала автор заключает рассмотрением вопроса о преемственности политики Александра и диадохов. В монографии сделан обобщен-

дов в единый полис. Со времени диадохов новые города отказались от прежней замкнутости греческого полиса.

³ Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль М.-Л. 1950, с. 29.

² Синойкизм — в Древней Греции объединение нескольких поселений или горо-

ванный вывод, что диадохи многое восприняли от политики Александра, но от многого и отказались. Они отвергли завоевательные планы своего полководца, намеченные им незадолго до смерти. Но они восприняли основные аспекты его экономической политики, видоизменяя и совершенствуя ее. Особенно они взяли на вооружение градостроительную политику, хотя рвали с традициями Александра в отношении способа формирования гражданского населения, используя характерную для Греции полисную структуру. Автор вместе с тем считает, что восточный фактор в их политике был весьма значителен. «Какую бы сторону политики диадохов мы ни взяли, всюду можно проследить своеобразную закономерность. Диадохи во многом присоединились к ориентализму Александра и даже пошли дальше, вернувшись во многих отношениях к персидским порядкам либо усилив соответствующее мероприятие Александра» (с. 198).

А. С. Шофман предлагает убедительную периодизацию эпохи диадохов, подразделяя ее на три этапа: от смерти Александра до начала борьбы Антигона за мировое господство (323—316 гг. до н. э.); история этой борьбы вплоть до трагической для Антигона битвы при Ипсе (316—301 гг. до н. э.); усиление сепаратистских тенденций (300—280 гг. до н. э.). Данная периодизация в монографии убедительно обоснована, ибо она объясняет основные ведущие тенденции эпохи не столько волею отдельных диадохов, сколько экономическими и политическими устремлениями социальных групп греко-македонского и в некоторой степени восточного общества. Эта периодизация помогает глубже осмыслить содержащийся в книге материал, акцентирует внимание на основных рубежах сложной, насыщенной событиями эпохи. Удачна и попытка систематизации военной истории диадохов по регионам их деятельности: параллельно описываются события на Балканском полуострове, с одной стороны, и в Азии — с другой, что позволило сгруппировать события в определенные ряды и вскрыть сущность, тенденции развития. Например, в очень частых вооруженных столкновениях между диадохами автор сумел различить три основные ведущие тенденции: стремление сохранить монархию Александра для его потомков; удержать ее под личной

властью отдельных диадохов; стремление последних расчленить империю на ее составные части (с. 32).

Воспроизведению эпохи диадохов помогает органично применяемый автором и своеобразный художественно-исторический метод, яркое и образное изложение материала, что делает монографию доступной и увлекательной для широкого круга читателей. Нарисованные автором портреты исторических деятелей органически сочетают героическое и обыденное, обусловленное как обстановкой, так и конкретными человеческими характерами. Все это помогает лучше понять тогдашнюю обстановку.

В книге под разными углами зрения рассмотрен процесс распада одного из конгломератных государств древности. Само это понятие — «конгломератное государство» — автор применяет не только к государствам древности (Ассирия, Персия, держава Александра, Рим), но и к средневековым государствам Каролингов в Европе, монголов в Азии, а также к колониальным империям нового времени. Тем самым автор перебрасывает мост к современности, доказывая на историческом опыте беспочвенность осуществления миродержавнических планов империалистической реакции в наше время.

При анализе экономики и торговли эпохи диадохов А. С. Шофман мог бы шире привлечь археологический материал. Не получила, к сожалению, специального отражения идеологическая сторона происходивших тогда процессов. Рассмотрение проблемы синтеза восточных и греческих начал в сфере идеологии и культуры обогатило бы содержание книги. Представляется, что автор несколько преувеличивает дипломатические способности Селевка, проявленные им в ходе урегулирования конфликта с Чандрагуптой (с. 49). Ведь хотя Чандрагупта и передал Селевку несколько сотен слонов, территориальные потери сирийской державы были весьма значительными и вряд ли могли быть компенсированы таким образом. Желательно было бы, помимо указателя имен, снабдить книгу указателем географических названий.

Проделанная А. С. Шофманом работа заслуживает высокой оценки как увлекательно написанное исследование, важное в теоретическом и конкретно-историческом отношении.

Н. С. Талашова, А. М. Ременников

КОРОТКО О КНИГАХ

Соратники. Биографии активных участников революционного движения в Москве и Московской области. М. Московский рабочий. 1985. 510 с.

В сборник, подготовленный Институтом истории партии МГК и МК КПСС¹, включено более 400 биографических справок об организаторах и участниках марксистских кружков, создателях «Рабочего союза» — первой социал-демократической организации московского пролетариата, борцах трех российских революций, членах МК, руководителях районных и уездных партийных организаций, начальниках боевых дружин и командирах красногвардейских отрядов, публицистах и пропагандистах идей марксизма-ленинизма.

«Москва и Московская губерния, — говорится в предисловии к книге, — к началу XX века наряду с Петербургом являлись крупнейшим политическим и экономическим центром страны. Здесь было сосредоточено около 20% российского фабрично-заводского пролетариата, настроенного исключительно революционно, прошедшего большую школу классовой борьбы, наиболее восприимчивого к социал-демократической агитации и пропаганде» (с. 5).

Большинство названных в сборнике лиц — рабочие: металлисты, железнодорожники, печатники, булочники и т. д. Среди них первый русский рабочий-революционер, организатор в Москве кружка рабочих-пропагандистов П. А. Алексеев, П. А. Бабаев, А. И. Горбунов, П. Г. Добрынин, И. К. Дубинин, И. Ф. Журавлев, В. П. Капранов, Е. М. Маленков, Н. Н. Прямыков, А. В. Ухтомский, П. М. Щепетильников и другие. Имена многих из них носят улицы, переулки и площади столицы, промышленные предприятия, культурно-просветительные учреждения и т. д.

В Москве и Подмосковье активно работали профессиональные революционеры, видные деятели большевистской партии, соратники В. И. Ленина. В книгу включены биографии И. В. Бабушкина, Н. Э. Баумана, А. С. Ведерникова, М. Ф. Владимирского, И. Ф. Дубровинского, В. М. Загорского, Р. С. Землячки, Д. И. Курского, В. М. Лихачева, В. П. Ногина, С. И. Мишкевича, А. Ф. Мясникова, В. А. Обуха, М. С. Ольминского, В. Н. Подбельского, Н. А. Семашко, И. И. Скворцова-Степанова, П. Г. Смиловича, М. И. Ульяновой, А. И. Ульяновой-Елизаровой, Г. А. Усиевича, М. В. Фрунзе и многих других.

¹ Авторы: В. В. Бутко, В. П. Величина, Л. А. Гришина, К. К. Еремин, К. Ф. Зарезина, Ю. К. Крылов, Г. М. Кулагина, В. В. Ложкин, О. А. Полетаев, А. Н. Пономарев, Н. И. Родионова, Ю. С. Савельев, В. Н. Степанова, Л. М. Тараканова, И. Ф. Угаров. Составитель и руководитель авторского коллектива Н. И. Родионова.

Значительная часть биографических справок — это первые опубликованные сведения о жизни и деятельности тех, кто шел на штурм самодержавия, сражался на баррикадах в годы революции 1905—1907 гг., кто внес свой вклад в свержение царизма и Временного правительства, в установление в Москве Советской власти, кто защищал завоевания Октября на фронтах гражданской войны. Каждая биографическая справка составлена на базе архивных документов и материалов, а также фактов, содержащихся в литературе, и сопровождается перечнем источников, на основе которых она подготовлена.

Собранные воедино, эти биографии рисуют коллективный портрет российских социал-демократов-ленинцев, их идеалы, деятельность, направленную на освобождение трудящихся от власти эксплуататоров, на строительство социалистического общества. Многие названные в книге участники революционного движения погибли в царских тюрьмах, на каторге, в ссылках, на фронтах гражданской войны. Оставшиеся в живых были активными участниками партийной, государственной, хозяйственной, культурной, научной жизни страны, защищали Отчизну на фронтах Великой Отечественной войны, трудились в тылу, строили развитой социализм. С этой точки зрения сборник отражает жизнь всей партии, всего советского народа.

Биографическим справкам предпосланы документальные фотографии участников революционного движения в Москве и Подмосковье.

Г. В. Пронина

Б. А. ФЕЛЬДМАН. *Становление. Краткий очерк истории издательства ЦК КПСС «Правда» и типографии газеты «Правда» им. В. И. Ленина.* М. Правда. 1984. 136 с.

Издательство ЦК КПСС «Правда» выпускает 13 газет и более 30 политических, литературно-художественных, массовых иллюстрированных, научно-популярных и научных журналов; его полиграфическим предприятием является типография газеты «Правда» им. В. И. Ленина. Автор, недавно скончавшийся, много лет трудился в издательстве, был его директором.

В книге дана краткая история предшествовавших «Правде» газет «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» и др. Их опыт, подчеркивает автор, стал той школой, уроки которой были творчески использованы и подняты на новый уровень газетой «Правда» (с. 9). Уже в 1912—1914 гг. она приобрела огромное влияние на широкие массы трудящихся. На ее страницах постоянно публиковались статьи Ленина. После Февральской революции издание газеты было возобновлено.

В марте 1918 г. начался «московский период» в жизни газеты. В книге говорится о том, что из Петрограда привезли часть наборной техники, по партийному направлению приехали кадровые наборщики. Работа проходила в тяжелых условиях. Не хватало бумаги, топлива, но «Правда» выходила в срок. «Когда было особенно трудно с бумагой, — отмечает автор, — то по личному указанию В. И. Ленина газету выпускали на двух полосах, а размеры статей были ограничены 70 строками; печаталась только суть, исключалось все второстепенное» (с. 27).

Книга содержит очерк развития издательства «Правда» в межвоенные годы (рост тиража газеты, увеличение числа других газет и журналов, расширение типографского хозяйства). Автор пишет о том, что эти издания доносили до масс директивы и решения партии, рассказывали читателям о важнейших событиях в жизни страны и на международной арене. Когда возникла необходимость ускорить поступление «Правды» к читателям, в июне 1931 г. газетные матрицы стали доставлять самолетами в Харьков, а затем и в другие города. «Децентрализация печатания, — подчеркивает автор, — позволила также привлечь новых читателей, самые широкие круги трудящихся к реализации важнейших задач строительства социализма» (с. 47). В 1934 г. начал функционировать новый полиграфический корпус. Автор рассказывает о его строительстве и техническом оснащении, о работе выездных редакций газеты «Правда» на всех крупнейших стройках первых пятилеток.

В годы Великой Отечественной войны из 284 коммунистов типографии, пишет Б. А. Фельдман, 224 сражались на фронте (с. 71). Ушедших заменили на производстве их старшие товарищи, женщины и подростки. В Казани была организована типография-дублер, а временной базой издательства стал Куйбышев. Но и московская типография продолжала выпускать необходимые сражавшейся стране печатные издания. С начала 1942 г., помимо тиражей «Правды» и других газет, ежедневно выпускалось для фронта 3 млн. листовок на разных языках, огромное количество брошюр и других материалов (с. 78). В блокадный Ленинград матрицы «Правды» доставлялись самолетами (с. 85).

В послевоенные годы, пишет автор, началось оснащение типографии новой техникой, осуществлялась реконструкция ряда производств, что позволило улучшить качество продукции, начать печатание новых журналов и газет. Были возведены специализированный комплекс глубокой печати, новый газетный комплекс, включающий редакционный и производственный корпуса. Сейчас в среднем ежедневно издательство «Правда» и типография выпускают около 17 млн. экз. газет в четырехполосном исчислении, около 3,5 млн. журналов на многих языках, 50 тыс. книг (с. 124).

Л. О. Бережный

А. С. МОСКОВСКИЙ, В. А. ИСУПОВ. *Формирование городского населения Сибири (1926—1939 гг.)*. Новосибирск. Наука. Сибирское отделение. 1984. 168 с.

Тема монографии доктора исторических наук А. С. Московского и кандидата исторических наук В. А. Исупова (Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР) — процессы формирования городского населения и рост трудовых ресурсов для индустрии Сибири в период строительства социализма.

Опираясь на произведения В. И. Ленина и документы Коммунистической партии, авторы исследуют материалы Всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 гг., а также данные отдельных общесоюзных или региональных учетов населения (перерегистрация горожан в 1931 г., перепись городского населения Кузбасса в 1931 г., паспортизация городского населения в 1933—1934 гг., данные текущего учета и др.). Обширный материал извлечен авторами из сборников и статистических справочников, изданных в центре и на местах, публикаций итогов выполнения пятилетних планов развития народного хозяйства СССР и его отдельных регионов, периодической печати, центральных и местных архивов (прежде всего из документов Наркомата труда СССР и различных плановых комиссий, занимавшихся разработкой текущих и перспективных планов развития Сибири).

Территориальные рамки исследования — Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский экономические районы и Якутская АССР. Хронологические рамки — период превращения страны в индустриальную социалистическую державу.

В книге рассмотрены взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина на демографические проблемы; труды советских историков, экономистов, демографов, касающиеся вопросов народонаселения как по стране в целом, так и (главным образом) по Сибири; охарактеризованы использованные источники. Авторы определяют динамику численности горожан Сибири в изучаемое время: за 12 лет их контингенты более чем утроились, при этом темпы роста городского населения значительно превышали соответствующие показатели по стране. «Численность городского населения, — пишут авторы, увеличивается за счет естественного и механического прироста, а также преобразования сельских населенных пунктов в городские» (с. 43). В книге отведено много места анализу этих источников формирования городского населения. Важным источником являлся приток в Сибирь населения из других районов, прежде всего из Европейской России. Изучение этого процесса, а также оттока из Сибири части населения — одна из тем книги.

Авторы выясняют резервы пополнения городского населения Сибири за счет сельского (как сибирского, так и других районов страны) и последствия этого процесса для сибирского села, прослеживают изменения социально-классовой структуры населения городов. В книге рассмотрены так-

же итоги изменения демографического и национального состава городского населения Сибири.

Подводя итоги исследования, авторы пишут, что «основные закономерности формирования и развития городского населения в период социалистической реконструкции народного хозяйства СССР определяются революционным поворотом от старых, присущих капиталистическому обществу закономерностей движения населения к новым, социалистическим» (с.120). Эти закономерности проявились в ускоренном росте численности городского населения, увеличении количества рабочих, служащих и кооператоров, вытеснении и ликвидации мелкобуржуазных и капиталистических элементов, изменении отраслевой, демографической и национальной структуры жителей городов.

В приложении содержится 31 таблица (кроме того, 30 таблиц имеется в тексте). Они в обобщенном виде характеризуют рассмотренные авторами процессы. Книга снабжена географическим указателем.

К. И. Седов

М. Д. КУРМАЧЕВА. *Крепостная интеллигенция России. Вторая половина XVIII — начало XIX века*. М. Наука. 1983. 352 с.

История крепостной интеллигенции относится к числу малозученных проблем. Старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР кандидат исторических наук М. Д. Курмачева поставила задачей своего исследования изучение социального происхождения и статуса крепостной интеллигенции, ее состава, положения и деятельности. Рассмотрение этих вопросов в тесной связи с социально-экономическими и политическими процессами позволяет глубже «осмыслить кризис феодально-крепостнической системы на уровне взаимоотношения разных общественных сил» (с. 72—73), подойти к изучению проблемы — народ и культура феодально-крепостнической России. Наряду с указанными вопросами в книге освещен вклад крепостной интеллигенции в развитие различных областей культуры, дан анализ ее мировоззрения и отражения в нем антикрепостнических настроений крестьянства. Многие из использованных автором источников впервые вводятся в научный оборот.

В книге рассматривается формирование крепостной интеллигенции как определенной социальной группы. Развитие производительных сил страны разрушало многовековую монополию класса феодалов на получение образования. Возрастающие потребности хозяйственной и культурной жизни, пренебрежительное отношение дворянства к некоторым сферам интеллектуальной деятельности способствовали появлению в среде податных сословий лиц, профессионально занятых умственным трудом. Изменения внутри крепостного хозяйства вели к возникновению новых профессий и

росту численности крепостной интеллигенции. Это явление М. Д. Курмачева оценивает как следствие складывания капиталистических отношений в стране.

В политике самодержавия автор отмечает двойственность, связанную с необходимостью, с одной стороны, дать минимальное образование народу, с другой — воспрепятствовать его просвещению. Положение крепостных интеллигентов определялось личной зависимостью крестьянина от помещика — лишь немногим из них удавалось выкупиться на волю.

Численность крепостной интеллигенции, показывает автор, была значительной, ее вклад в развитие культуры огромным. Это подтверждается анализом письменного творчества крепостных интеллигентов. Кроме опубликованных мемуаров и дневников, М. Д. Курмачева привлекает еще не введенные в научный оборот автобиографии крепостных — музыканта В. М. Малашова и художника В. Е. Раева и другие материалы. На примере писателей крепостных М. Комарова, Е. И. Кострова, И. И. Варакина, И. И. Тревогина, Ф. Н. Слепушкина она раскрывает основные черты мировоззрения крепостной интеллигенции, свойственное ей понимание социально-политических проблем, показывает ее роль в развитии отечественной научной и технической мысли.

На основе преимущественно архивного материала в книге раскрывается участие крепостной интеллигенции в классовой борьбе крестьянства.

В приложении опубликованы автобиография И. И. Тревогина, его Проект об устройстве просветительных и учебных заведений (1783 г.) и некоторые другие материалы. В именном указателе названо свыше тысячи фамилий.

Е. А. Соловьев

А. Н. БОХАНОВ. *Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. — 1914 г.* М. Наука. 1984. 152 с.

В монографии кандидата исторических наук (Институт истории СССР АН СССР) А. Н. Боханова рассматривается связь русских газет с крупным капиталом в 1861—1914 годах. Из двух составных элементов газетного дела — литературно-редакторского и хозяйственного — главное внимание обращено автором на издательскую, хозяйственную его сторону, административно-цензурные условия. Он отмечает концентрацию газет в крупнейших центрах, малочисленность подписчиков; рост числа газет и их тиражей объясняется развитием капитализма и некоторым повышением грамотности населения. В целях политического давления на прессу царское правительство использовало законы капиталистической конкуренции, запрещая тем или иным изданиям розничную продажу и особенно публикацию платных объявлений. Такое давление было ослаблено только

под воздействием революционного движения масс в 1905—1907 годах.

Новое в развитии буржуазной прессы при империализме, отмечается в книге, было связано с тем, что буржуазия все активнее использовала это средство для отстаивания своих политических интересов, в целях разложения революционных сил выпускаемая многочисленными дешевыми массовыми изданиями. Их финансировали, не считаясь с убытком, отдельные капиталисты или группы предпринимателей. Бульварные, т. е. копеечные газеты являлись самыми высокотиражными изданиями.

Во время промышленного подъема перед первой мировой войной, пишет автор, газеты уделяли повышенное внимание экономической информации, что отражало интересы буржуазного читателя. Иной стала и организационная форма: теперь издателями большинства газет являлись не отдельные лица, а общества, товарищества. Наиболее детально в книге исследована постановка дела самых крупных по финансовым оборотам ежедневных изданий: «Нового времени», превратившегося из либерального органа в рупор консервативно-погромных сил, и «Русского слова», дающего яркий пример концентрации производства в издательском деле. В эпоху империализма шел процесс специализации части периодических изданий на обслуживании акционерного дела, освещении состояния биржи.

Рассматривая источники финансирования газетных предприятий, автор показывает, что, несмотря на рост издержек, издатели старались покрыть их не за счет повышения подписной или розничной цены, а увеличивая плату за публикацию рекламы, что и лежало в основе финансовой зависимости печати от рекламодателей. В наибольшее подчинение попадала провинциальная пресса, слабая в финансовом отношении. Крупнейшими пубlikаторами такого рода были банки. По мнению автора, накануне первой мировой войны они и стали для буржуазной прессы главным источником денежных средств.

В. К. Алексеев

Современная Испания. М. Политиздат. 1983. 383 с.¹

В коллективной монографии о современном периоде испанской истории, хронологические рамки которого охватывают 70-е

и начало 80-х годов, — время перехода от диктатуры к буржуазно-демократическому строю, рассматриваются следующие проблемы: крах франкистского режима и становление системы представительных органов; роль партий, армии и церкви в процессах обновления внутривластной жизни; эволюция внешнеполитического курса; испанская культура на переломном этапе исторического развития.

Анализу уникальной ситуации, сложившейся после падения франкизма, в монографии уделено основное внимание. Франкизм оставил стране труднопреодолимое наследие: поощрявшееся режимом однопартийное «неокапиталистическое» развитие, которое официальная пропаганда представляла как испанское «экономическое чудо», привело к диспропорциям социального и экономического развития целых регионов. В связи с этим крайне острым оставался и вопрос о политической автономии провинций. Курс франкизма на «централизацию» и протекционизм, поощрение иностранных капиталовложений, международного туризма, экспорта рабочей силы обернулся крайне негативными последствиями уже в 70-е годы. Односторонний характер развития испанской экономики, отмечается в книге, усугубляли влияние международного капитала, ТНК, зависимость от валютных поступлений, росту которых содействовали иностранный туризм и заработки испанских рабочих за рубежом. Неравномерность зависимость от европейского капитализма экономического развития Испании к концу 70-х годов привела к обострению многих хронических противоречий, вызванных небывалым ростом инфляции, сокращением числа рабочих мест, увеличением безработицы. Обострение экономического кризиса привело к росту социальной напряженности, ущемлению прав профсоюзов, наступлению на жизненный уровень трудящихся.

В результате этого кризиса, пишут авторы, резко усилилась борьба вокруг демократических преобразований, между блоком левых сил, особенно испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), одержавшей убедительную победу на парламентских выборах 1982 г., и неофранкистским движением во главе с «Народным альянсом». Разобщенность левых сил оказывала негативное воздействие на рабочее движение. Забастовочная борьба трудящихся в различных регионах страны ослаблялась и неkoordinированностью действий отдельных ее отрядов. Вместе с тем ее политизация, подчеркивается в книге, свидетельствовала о росте влияния рабочего класса на процесс демократических преобразований.

Несмотря на оголтелую антикоммунистическую пропаганду, направленную прежде всего против Коммунистической партии Испании (КПИ), парламентские и муниципальные выборы 1979 г., как считают авторы, подтвердили укрепление ее авторитета в массах. Однако компартию ослабляли как внутривластные теоретические разногласия, так и недостаточная активность ее

¹ Авторский коллектив: А. В. Авилова, В. С. Акимов, Т. Н. Баранова, Ю. К. Беленко, З. Б. Бунина, И. В. Викторов, Ю. В. Владимиров, В. М. Гонгадзе, Н. Г. Григорьев, В. В. Загладин, Т. Б. Иванова, В. Л. Калинин, Р. М. Капланов, В. В. Кулешова, Х. Кобо, А. И. Ландабасо, А. В. Медведенко, М. Т. Мещеряков, С. П. Пожарская, Д. П. Прицкер, В. А. Савин, В. Ю. Сильюнас, С. И. Семенов, Ю. В. Степанов, Е. М. Тепер, И. А. Тертерян, С. М. Хенкин.

организаций на местах. Победа на выборах 1982 г. ИСРП, выступившей с конструктивной программой политического обновления страны, стала свидетельством того, что, несмотря на подъем терроризма, попытки путча со стороны реакции, рост политического напряжения в стране, правым не удалось изменить сложившееся соотношение сил. В книге раскрывается консервативная роль армии и католической церкви — двух неизменных в прошлом опор франкистского режима — в процессах демократических преобразований испанского общества.

Внешняя политика Испании, ее отношения с США и другими странами рассматриваются в монографии под углом борьбы двух тенденций — проатлантической политики в Европе и более реалистической, антиамериканской на Ближнем Востоке и особенно в Латинской Америке (с. 315).

Картину идеологической жизни испанского общества в целом позволяют увидеть затронутые авторами проблемы развития культуры, средств массовой информации, анализ художественной литературы.

В. А. Деев

НОВЫЕ КНИГИ

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М. Политиздат. 1985. Справочный том. VIII, 502 с. 40 000 экз. 1 руб. 60 коп.

Владимир Ильич Ленин. Биография. 1870—1924. В 2-х т. (А. Г. Егоров и др.). 7-е изд. М. Политиздат. 1985. Т. 2: 1917—1924. 364 с. с илл. 400 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Владимир Ильич Ленин. Жизнь и деятельность. Документы и фотографии. Авт. коллектив: А. К. Аверьянова и др. Вступительная статья О. В. Гранкиной, В. В. Мичурова. М. Прогресс. 1985. 488 с. с илл. 25 000 экз. 12 руб. 40 коп. — Издано на русск., англ., франц., нем., исп. и вьетн. яз.

Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции, Москва, 10—11 декабря 1984 г. М. Политиздат. 1985. 512 с. 100 000 экз. 2 руб. 20 коп.

История СССР

Бабоченок П. А. М. П. Одинцов. Свердловск. Средне-Уральское книжное изд-во. 1985. 206 с. с илл. 10 000 экз. 50 коп.

Бармашов А., Бузыкаев В. *Легенды творят люди.* Историко-социологический очерк. Кызыл. Тувинское книжное изд-во. 1985. 189 с. с илл. 3000 экз. 55 коп.

Большевистская печать и ее роль в политическом просвещении и организации пролетариата в Сибири (1895—1917 гг.). Томск. Изд-во Томского ун-та. 1985. 264 с. 1000 экз. 2 руб. 20 коп.

ВАЗ: История в документах. Сборник документов за 1966—1983 гг. Сост. А. Д. Воробьев и др. Куйбышев. Книжное изд-во. 1985. 256 с. 4000 экз. 35 коп.

Валиханов Ч. Ч. *Собрание сочинений.* В 5-ти т. Алма-Ата. Казахская Советская энциклопедия. 1985. Т. 2. 416 с. 15 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Варюхичев А. *Слово о граде Кириллове.* Архангельск. Северо-Западное книж-

ное изд-во. 1985. 221 с. с илл. 5000 экз. 50 коп.

Великая Отечественная народная, 1941—1945. Краткий исторический очерк. М. Мысль. 1985. 368 с. с илл. 100 000 экз. 3 руб. 10 коп.

Величие подвига Москвы. М. Наука. 1985. 223 с. с илл. 15 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Величие подвига советского народа. За рубежные отклики и высказывания 1941—1945 годов о Великой Отечественной войне. Сост. А. И. Бабин и др. М. Международные отношения. 1985. 383 с. 100 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Вербилло А. Н. и др. *Ленин. Партия. Победа.* Торжество ленинских идей защиты социалистического Отечества в годы Великой Отечественной войны. Киев. Вища школа. 1985. 214 с. с илл. 5000 экз. 5 руб.

Во главе нерушимого братства. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор боевого и трудового содружества народов СССР в ходе освобождения Советской Украины от немецко-фашистских захватчиков. Материалы республиканской научной конференции, 29 декабря 1984 года. Киев. Политиздат Украины. 1985. 335 с. 5000 экз. 1 руб. 20 коп.

Во имя Победы. Сборник писем. Вып. 2. Сост. М. Т. Сергеев. Йошкар-Ола. Марийское книжное изд-во. 1985. 174 с. 5000 экз. 35 коп.

Все для Победы. Тульская область в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов и материалов. Сост. А. М. Аполлонова и др. Тула. Приокское книжное изд-во. 1985. 350 с. с илл. 3000 экз. 90 коп.

Все для фронта, все для победы! Сборник воспоминаний тружеников тыла, посвященный 40-летию Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками. Сост. А. П. Каченко, И. А. Мизгирев. Новосибирск. Запдно-Сибирское книжное изд-во. 1985. 224 с. 10 000 экз. 55 коп.

Галкин П. М. *Разведчицы фронтового неба.* 2-е изд., перераб. и доп. Орджони-

кидзе. Ир. 1985. 182 с. с илл. 10 000 экз. 35 коп.

Герои огненных лет. Очерки о Героях Советского Союза — ярославцах. Сост. И. И. Сидоров, Б. П. Румянцев. 3-е изд. Ярославль. Верхне-Волжское книжное изд-во. 1985. 456 с. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Героический путь КПСС — путь борьбы и побед. Л. Изд-во ЛГУ. 1985. 185 с. 3000 экз. 1 руб. 40 коп.

Грин Ц. И. *Переводчик и издатель «Капитала».* Очерк жизни и деятельности Николая Францевича Даниельсона. М. Книга. 1985. 255 с. с илл. (Деятели книги). 15 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Грозные версты. Днепропетровщина 1941—1945 гг. Днепропетровск. Проминь. 1985. 462 с. с илл. 25 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Давыдов В. П. *Борьба за социализм: общее и особенное.* М. Мысль. 1985. 207 с. 10 000 экз. 1 руб.

Датешидзе Н. Г. *Наука и культура Грузии в годы Великой Отечественной войны Советского Союза* Тбилиси. Мецниереба. 1985. 106 с. 1200 экз. 90 коп.

Демиденко Г. Г. *Советская историография жизни и деятельности соратников В. И. Ленина.* Харьков. Вища школа. 1985. 149 с. 2000 экз. 1 руб. 70 коп.

Документы героических свершений. Об источниках по истории Коммунистической партии Украины. Киев. Политиздат Украины. 1985. 425 с. 3000 экз. 1 руб. 60 коп.

Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского дома. Сборник научных трудов. Л. Наука. 1985. 348 с. 5300 экз. 2 руб.

Жуков Ю. Н. *Сохраненные революции.* Охрана памятников истории и культуры в Москве в 1917—1921 гг. М. Московский рабочий. 1985. 208 с. с илл. 50 000 экз. 40 коп.

Заводчиков Л. В., Казаков Л. М., Полелов И. И. *Шахтеры Подмосковья в боях и труде.* М. Недра. 1985. 150 с. 10 000 экз. 50 коп.

Иванов В. В. *Ленинская концепция истории: методология и методика исследования.* Учебное пособие для вузов. Казань. Изд-во КГУ. 1985. 192 с. 3500 экз. 65 коп.

Ивина Л. И. *Внутреннее освоение земель России в XVI в.* Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л. Наука. 1985. 273 с. 1600 экз. 3 руб. 50 коп.

Идеологическая работа КПСС в Действующей армии. 1941—1945 гг. М. Воениздат. 1985. 270 с. 19 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Имашев С. Н. *Свет ленинских идей.* Избранные труды. Алма-Ата. Казахстан. 1985. 472 с. 6500 экз. 2 руб. 30 коп.

Историография истории Коммунистической партии Молдавии. Кишинев. Карта молдовеняскэ. 1985. 222 с. 1200 экз. 1 руб. 20 коп.

История русского утопического социализма XIX века. М. Изд-во МГУ. 1985. 254 с. 3500 экз. 1 руб. 40 коп.

История советского рабочего класса. В 6-ти т. М. Наука. 1984. Т. 3: Рабочий

класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938—1945 гг. 591 с. 26 500 экз. 4 руб. 40 коп.

Кобрин В. Б., Леонтьева Г. А., Шорин П. А. *Вспомогательные исторические дисциплины.* Учебное пособие для вузов. М. Просвещение. 1984. 208 с. 34 000 экз. 70 коп.

Летопись Севера. Т. 11. М. Мысль. 1985. 255 с. 6000 экз. 1 руб. 90 коп.

Маркин В. А. *Петр Алексеевич Кропоткин. 1842—1921.* М. Наука. 1985. 208 с. с илл. (Научно-биографическая серия). 11 000 экз. 80 коп.

Марфин А. П. *Героический штурм.* Краснодар. Книжное изд-во. 1985. 207 с. с илл. (Ратный подвиг Новороссийска). 20 000 экз. 30 коп.

Микшин В. В. *В. И. Ленин о нравственных началах в создании партии нового типа.* М. Лениздат. 1985. 255 с. 10 000 экз. 85 коп.

Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине. 1941—1944. В 2-х кн. Киев. Наукова думка. 1985. Кн. 1: Борьба в подполье. 399 с. 10 000 экз. 1 руб. 90 коп.

Немятый В. Н. и др. *Подвигом прославленные.* Герои Советского Союза — партизаны и подпольщики Украины в годы Великой Отечественной войны. Киев. Политиздат Украины. 1985. 382 с. 50 000 экз. 85 коп.

Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. 3-е изд., перераб. и доп. Л. Наука. 1985. 327 с. с илл. 25 000 экз. 3 руб. 10 коп.

Ниякий В. В. *Первая российская революция в Нижегородском Поволжье.* Горький. Волго-Вятское книжное изд-во. 1985. 191 с. 10 000 экз. 35 коп.

Овчинникова Л. *Улица среди окопов.* М. Молодая гвардия. 1985. 191 с. (Летопись Великой Отечественной). 100 000 экз. 45 коп.

Окладников А. П., Окладникова Е. А. *Древние рисунки Кызыл-Кёля.* Новосибирск. Наука. 1985. 147 с. с илл. 1100 экз. 3 руб. 40 коп.

От Западного Буга до Вислы. Очерки, воспоминания, документы. Сост. М. В. Вербинский, Б. В. Самарин. Львов. Каменяр. 1985. 247 с. с илл. 25 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Павловский И. Г. *Сухопутные войска СССР.* Зарождение, развитие, современность. М. Воениздат. 1985. 318 с. с илл. 27 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Першина Т. С. *Фашистский геноцид на Украине. 1941—1944.* Киев. Наукова думка. 1985. 170 с. 3000 экз. 1 руб. 60 коп.

Плотников Ю. В. и др. *Исторический подвиг Сталинграда.* М. Мысль. 1985. 415 с. 40 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Подвиги во имя Отчизны. О Героях Советского Союза — уроженцах Харькова и Харьковской области. 2-е изд., перераб. и доп. Сост. В. Т. Милуха. Харьков. Прапор. 1985. 710 с. 10 000 экз. 2 руб. 20 коп.

Потехин А. С. *31-й Особый.* 2-е изд., перераб. Горький. Волго-Вятское книжное изд-во. 1985. 192 с. 10 000 экз. 35 коп.

Рабочее движение в Молдавии. 1895—

февраль 1917 г. Сборник документов. Кн. Шинев. Штутт. 1985. 327 с. 1440 экз. 3 руб.

Романов Д. Ф. и др. *Военные грозы над Полесьем. Житомирщина в годы Великой Отечественной войны*. Киев. Политиздат Украины. 1985. 229 с. 40 000 экз. 70 коп.

Седов Н. *Мы — седины*. О Краснодарском танкостроительном заводе им. Г. М. Седина. Краснодар. Книжное изд-во. 1985. 160 с. 3000 экз. 35 коп.

Сибирь и декабристы. Вып. 4. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное изд-во. 1985. 272 с. 15 000 экз. 70 коп.

Силой большевистского слова. Идеологическая деятельность Коммунистической партии в условиях Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М. Мысль. 1985. 302 с. 33 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. Документы и материалы. В 3-х т. 2-е изд., доп. Киев. Наукова думка. 1985. Т. 1: Украинская ССР в первый период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г.—18 ноября 1942 г.). 516 с. 35 000 экз. 2 руб. 10 коп.

Солдатская Слава. О подвигах свердловчан — полных кавалеров ордена Славы. Сост. В. М. Демидов. Свердловск. Средне-Уральское книжное изд-во. 1985. 175 с. с илл. 3000 экз. 95 коп.

Солдатские матери. Сост. А. В. Жинкин. Краснодар. Книжное изд-во. 1985. 240 с. 15 000 экз. 65 коп.

Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск. Наука. 1985. 230 с. 17 550 экз. 1 руб. 20 коп.

T-34: путь к Победе. Воспоминания танкостроителей и танкистов. Сост. К. М. Слободин, В. Д. Листровой. Предисловие А. А. Епишева. Харьков. Прапор. 1985. 235 с. с илл. 10 000 экз. 95 коп.

Трибуц В. Ф. *Балтийцы сражаются*. М. Воениздат. 1985. 463 с. с илл. (Военные мемуары). 150 000 экз. 2 руб. 60 коп.

Федоров-Давыдов Г. А. *Монеты — свидетели прошлого*. Популярная нумизматика. М. Изд-во МГУ. 1985. 176 с. с илл. 50 000 экз. 1 руб.

Шаги амурской пятилетки. 1984. Сост. А. И. Кайда. Благовещенск. Хабаровское книжное изд-во. 1985. 109 с. 3000 экз. 25 коп.

Штеменко С. М. *Генеральный штаб в годы войны*. Кн. 2. М. Воениздат. 1985. 471 с. с илл. (Военные мемуары). 200 000 экз. 2 руб. 30 коп.

Шумихин В. С., Борисов Н. В. *Немеркнущий подвиг*. Героизм советских воинов в годы Великой Отечественной войны. М. Наука. 1985. 271 с. 20 000 экз. 1 руб. 60 коп.

Южнее озера Ильмень. Сборник воспоминаний. Сост. В. С. Кислинский. 2-е изд., доп. и испр. Л. Лениздат. 1985. 335 с. 50 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Всесообщая история

Давидович Д. С. *Гамбург на баррикадах*. М. Наука. 1985. 172 с. с илл. 13 600 экз. 70 коп.

Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во второй мировой войне. Документы и материалы. Авт.-сост. А. И. Бабин и др. М. Воениздат. 1985. 640 с. 35 000 экз. 1 руб. 90 коп.

Рабочий класс в мировом революционном процессе. М. Наука. 1985. 372 с. 3650 экз. 3 руб. 10 коп.

Разоружение — веление времени. Документы и материалы. Вып. 5. Сост. Н. Прокопкин. М. Правда. 1985. 191 с. 80 000 экз. 35 коп.

Розанов Г. Л. *Конец «третьего рейха»*. М. Международные отношения. 1985. 350 с. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 70 коп.

Румянцев А. М. *Возникновение и развитие первобытного способа производства*. Первобытное воспроизводящее хозяйство. М. Наука. 1985. 181 с. 2500 экз. 1 руб. 50 коп.

Свенцицкая И. С. *От общины к церкви*. О формировании христианской церкви. М. Политиздат. 1985. 224 с. 100 000 экз. 40 коп.

Страны СЭВ и развивающиеся государства. 80-е годы. М. Наука. 1985. 248 с. 2800 экз. 1 руб. 80 коп.

Тимофеев И. *«Среди серых стен и горячей пыли...»: хроника ливанской трагедии*. М. Молодая гвардия. 1984. 127 с. 75 000 экз. 20 коп.

Чепоров Э. А. *Ольстер: время оставилось?* М. Политиздат. 1985. 176 с. (Империализм: хроника преступлений). 75 000 экз. 45 коп.

Чичерина Н. Г. *Международные концерны: социальная политика, пропаганда*. М. Наука. 1985. 351 с. 2550 экз. 2 руб. 50 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Бауэрман Р. и др. *Учение Маркса об исторической миссии рабочего класса в идеологическом противоборстве*. Пер. с нем. М. Политиздат. 1985. 288 с. 35 000 экз. 90 коп.

Гронски Ф., Сухи Ю. *Социалистический образ жизни: вопросы теории и практики*. Пер. со словац. М. Наука. 1985. 224 с. 6200 экз. 80 коп.

Космос: каким его видят из Вашингтона. Пер. с англ. Предисловие Г. С. Хозина. Послесловие Г. М. Гречко. М. Прогресс. 1985. 269 с. 30 000 экз. 40 коп.

VII съезд Германской коммунистической партии, Нюрнберг, 6—8 января 1984 г. Пер. с нем. М. Политиздат. 1985. 271 с. (Документы и материалы зарубежных коммунистических и рабочих партий). 70 коп.

Стоун И. *Достойные моих гор*. Открытие Дальнего Запада, 1840—1900. Пер. с англ. Предисловие И. Р. Григулевича. М. Прогресс. 1985. 622 с. 30 000 экз. 1 руб. 70 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

История СССР, 1985, № 3. Епишев А. А. Великая Победа: истоки, итоги, уроки; Гиренко Ю. С. Великая освободительная миссия. Роль Советского Союза и его Вооруженных Сил в избавлении народов от фашистского рабства, спасении мировой цивилизации; Сиполс В. Я. Роль советской внешней политики в обеспечении Победы в Великой Отечественной войне и в послевоенном мирном урегулировании; Сеоев В. Б. Берлинская операция; Геронзм советских воинов. Документы о Великой Отечественной войне; Зеленин И. Е. Вклад тружеников сельского хозяйства в достижение Победы в Великой Отечественной войне; Зинич М. С. Забота Советского государства о материально-бытовом положении населения в 1941—1945 годах; Зиновьев А. П. Международные связи советской молодежи в 1941—1945 годах; Биск И. Я. К. М. Симонов как автор воспоминаний о Великой Отечественной войне; Горяева Т. М. Фонодокументы как источник по истории Великой Отечественной войны; Ржешевский О. А. Новейшая буржуазная историография о коренном переломе в ходе второй мировой войны; Быстров В. Е., Кульков Е. Н. Партизанское движение в период Великой Отечественной войны в современной буржуазной историографии; Милов Л. В. О причинах возникновения крепостничества в России; Дегоев В. В. Военная тревога 1837 года: к истории англо-русского инцидента с шхуной «Зиксен».

Новая и новейшая история 1985, № 3. Тихвинский С. Л., Марушкин Б. И. Ответственность историка в ядерный век; Севостьянов П. П., Кынин Г. П. Крымская (Ялтинская) конференция: история и современность; Смоленский Н. И. К критике концепции Макса Вебера о природе исторического познания; Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов Т. М. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения); Чистозвонov А. Н. О некоторых основных закономерностях развития мануфактурной стадии капитализма; Круглый стол: Движение Сопротивления в странах Европы; Павленко Г. В. Немецкий утопист-коммунист Вильгельм Вейтлинг (1808—1871); Ларин Е. А. Жизнь, творчество и борьба Хосе Мариа Эредиа; Сергеев Ф. Тайный путь США к войне во Вьетнаме; Борозняк А. И. Марксистско-ленинская историография в Федеративной Республике Германии; Лаврецкий И. Р. Убийство архиепископа Ромеро; Королев В. Н., Магаков Г. Ю. Джон Смит на Юге России; Парфенов И. Д. Историческому факультету Саратовского государственного университета — 50 лет; Вишлёв О. В. 35-й съезд западногерманских историков.

Советская археология 1985, № 2. Третьяков В. П. Неолит Верхнего Подесенья; Шилов В. П. Курган 6 урочища Бичкин-Булук и проблема хронологии на-

чала средней бронзы Калмыкии; Колотухин В. А. К вопросу о таврах и кизилкобинской культуре; Шрамко Б. А., Янушевич З. В. Культурные растения Скифии; Сапрыкин С. Ю. Аспургиние; Макаров Н. А. Орнамента белозерской лепной керамики X—XI вв.; Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника; Юшко А. А. О пределах Московского княжества Ивана Калиты; Артемьев А. Р. Стратиграфия и хронология Изборской крепости; Барта Ю. Палеолитические памятники Словакии; Рындица Н. В., Яхонтова Л. К. Древнейшее медное изделие Северной Месопотамии; Дубовская О. Р. Погребение лучника раннего железного века; Патрушев В. С. Шейные гривны эпохи раннего железа из Волго-Камья; Габуев Т. А. Аланские погребения IV в. н. э. в Северной Осетии; Распопова В. И. Стекланные сосуды с росписью из Пенджикента; Галибин В. А. Химический состав стекла фрагментов расписных сосудов из Пенджикента; Гаврилов С. А. Борисоглебский крест 1467 г.; Матвеева Н. П. Антропоморфные фигурки из раскопок у Андреевского озера; Шаровская Т. А. О функциональном назначении каменных орудий из могильника Веселая Роша; Михайлов Б. Д. Курганы эпохи бронзы в Северном Приазовье; Новицкий Е. Ю. Деревянная конструкция из ямного погребения у села Холмское; Гаврилов А. В., Шкарбан А. С. Скифский курган у села Крыловка в Крыму; Чорейф М. Я. Антропоморфная стела и плита с тамгообразным знаком из фондов Бахчисарайского музея; Кропоткин В. В., Обыденнов М. Ф. Находка античных монет в погребении кочевника на Южном Урале; Соловьев В. С. Новые находки древнетюркских изваяний в Южном Таджикистане; Безуглов С. И. Погребение кочевника VII в. н. э. на Нижнем Дону; Падин В. А. «Большой курган» Старого Трубчевска; Косиков В. А., Гриб В. К. Парное кочевническое погребение из кургана у села Каменка в Донецкой области; Плоткин К. М. Письма членов Псковского археологического общества профессору С. Ф. Платонову.

Советская этнография 1985, № 2. Арутюнян Ю. В., Ремизова С. Ф. О трудовой деятельности многонационального советского крестьянства в годы Великой Отечественной войны; Коваль М. В. Материальный быт партизан Украины (1941—1944 гг.); Марков Г. Е. Советские этнографы в годы Великой Отечественной войны; Байбурин А. К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура; Остапенко Л. В., Сусоколов А. А. Динамика национального состава студенчества союзных республик в послевоенные годы; Гурвич И. С., Таксами Ч. М. Социальные функции языков народностей Севера.

ра и Дальнего Востока СССР в советский период; Обсуждение статьи М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций» (Бернштам Т. А., Решетов А. М., ответ Громыко М. М. От редакции); Андреева Т. И., Сомова О. В. Забытый эксперимент (из истории Этнографического театра); Гусев В. Е., Михеева Н. А., Рыжкова Л. Н. Киришские фестивали и проблемы фольклоризма в молодом городе; Мужухоев М. Б. Из истории язычества вайнахов (пантеон божеств в позднем средневековье); Бусыгин Е. П., Яковлев В. И. Гусли у поволжских народов; Бродянский Д. Л. Стрелок Кадо и богиня Амаэрасу в произведениях неолитических скульпторов (два опыта соединения мифологических и археологических текстов); **Фрадкин Э. Е.**

О нескольких ранних произведениях изобразительного искусства; Яблонский Л. Т. К краиологии кельтеминарцев. Внутригрупповой анализ; Плисецкий М. М. О своде украинского народного творчества; Евтух В. Б. Западные этнологи о пейотизме в жизни североамериканских индейцев.

Рабочий класс и современный мир 1985, № 1. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Рабочий класс в странах социалистического содружества: тенденции культурно-квалификационного роста; Наумов В. П. Бригада на современном этапе; Матвеев Р. Ф. Важная сфера классовой борьбы; Кива А. В. Революционная демократия и рабочий класс; Крылов В. В. Об общественно-исторических типах наемного труда в развивающихся странах; Попов Н. П. Массовое сознание в США и проблемы борьбы между трудом и капиталом; Хенкин С. М. Некоторые особенности общественно-политического сознания рабочего класса Испании; Духовная Л. Т. США: политика государства на рынке рабочей силы; Дамье В. В. Идеино-политическая эволюция «зеленых» в ФРГ; Мяло К. Г. Леоэкстремистские группировки в странах Западной Европы: идейный и социально-психологический генезис; Старченков Г. И. Формирование и положение рабочего класса Турции; Экономическое положение трудящихся развивающихся стран (Научно-аналитический обзор).

Советские архивы 1985, № 1. X Международный конгресс архивов; Ваганов Ф. М. Возрастание общественной роли государственных архивов в СССР в современных условиях; Красавин А. С. ЕГСД и вопросы советского документоуправления; Никифоров Е. И. К вопросу о развитии ЦГА СССР в качестве общесоюзных научно-методических центров; Гетман М. Л. Общественно-политическое самообразование московских рабочих накануне первой русской революции 1905—1907 гг.; Восстановительные работы в освобожденных от фашистской оккупации районах РСФСР (1943—1944 гг.).

Публикацию подготовил Осин В. М.; Малоизвестный источник по истории кризиса верхов накануне Февральской революции (из дневника С. Д. Протополова). Публикацию подготовила Дьяконова И. А.; Каширина Т. В. Профсоюзы Таджикской республики в борьбе за просвещение трудящихся (1924—1932 гг.); Козлов В. Ф. Материалы о руководстве Наркомпроса РСФСР делом охраны исторических памятников Крыма в 1920-х годах; Керимов А. К. Документы ЦГАОРСС Азербайджанской ССР о развитии судоходства на Каспии (1946—1975 гг.); Сикора В. Социалистическому архивоведению Чехословакии 30 лет.

Вестник Московского университета, 1985, № 2. Серия 8. История. Злобин В. И. Развитие историко-партийной науки в Московском университете; Белявский М. Т. Памятник боевых традиций и бессмертного подвига (к 40-летию Великой Победы); Братченко Т. М. Деятельность партии по руководству восстановлением комсомольских организаций в освобожденных от немецко-фашистских захватчиков областях РСФСР (1943—1950 гг.); Павлов Д. Б. «Московская оппозиция» в партии эсеров; Сытин А. Н. Политика России в вопросе об индемнизациях (1801—1803 гг.); Лаптева Л. П. Профессор М. К. Любавский как преподаватель истории западных славян в Московском университете (1894—1918 гг.); Налетов А. Г. К истории создания иконостаса нового собора Донского монастыря; Бандровский А. Г. Этническая ситуация Карпатского региона в период исторических контактов с Римской империей (I—III вв. н. э.).

Вестник Московского университета 1985, № 2. Серия 12. Теория научного коммунизма. Горохов В. Н. Немеркнущие традиции; Рябов Д. Д. Коммунистическая партия Советского Союза — вдохновитель и организатор победы в Великой Отечественной войне; Котельников Г. А. Морально-политическая сплоченность советского народа в Великой Отечественной войне; Наместникова Г. А. Трудовой героизм советского народа в годы войны; Рубанов Н. С. Интернациональный долг советского народа и его Вооруженных Сил; Гридин П. С. Защита Отечества — важнейшее условие развития социализма; Ветераны войны вспоминают; Лашин А. Г. Коммунисты шли впереди; Сидоров Н. А. В боях за Сталинград; Сумбатян Ю. Г. Выполняя интернациональный долг; Сулимов Е. Ф. Помогали строить новую жизнь; Лисенков М. Я. Высокое призвание ветеранов войны; Шипуло Т. И., Шэдлер К. Борьба Германской коммунистической партии с неофашизмом; Мокин С. В. Несостоятельность буржуазных фальсификаций решающей роли СССР в разгроме фашистской Германии; Сидоров Н. А., Козик А. К. Современная эпоха. Мировой революционный процесс и закономерности его развития.

Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. Отделение истории АН СССР. Археологическая комиссия. Ленинград-

ское отделение. Л. 1985. Шмидт С. О. О классификации исторических источников; Шепелев Л. Е. Некоторые проблемы источниковедческого и историко-вспомогательного изучения делопроизводственных документов XIX—начала XX в.; Шендерович А. С. Об одном нетривиальном приложении метода сетевых планов; Молчанов А. А. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X—XIII вв.; Скржинская Е. Ч. Печать Нила. (Киевская находка 1976 г.); Пиотровская Е. К. Еще одно прочтение новгородской берестяной грамоты № 9; Янин В. Л. «Память, как торговали доселе новгородцы» (к вопросу об эволюции новгородской денежной системы в XV в.); Симонов Р. А. Модель новгородского денежного абака XV в.; Алексеев Ю. Г. Владимирский летописец и победа на Угре; Альшиц Д. Н. Записки Генриха Штадена о Москве Ивана Грозного как исторический источник; Дмитриева З. В. Некоторые аспекты метрологии вытных книг XVII в.; Кох О. Б. К вопросу о достоверности переписных книг 1710 г.; Астаханский В. С. Работа В. Н. Татищева «Примечания на Гибнеров коммерческий лексикон» (1725); Сафонов М. М., Филиппова Э. Н. Неизвестный документ по истории общественно-политической мысли России начала XIX в.; Булгакова Л. А. Мемуары как источник по истории университетов дореформенной России; Чернуха В. Г. Неизвестное публицистическое сочинение А. И. Васильчикова; Потолов С. И. Указ 2 декабря 1905 г. (опыт источниковедческого анализа); Кручковская В. М. Стенограммы заседаний Петроградской городской думы как источник по истории революционных событий в Петрограде (24—25 октября 1917 г.); Смолин А. В. Стенограммы вечеров воспоминаний как исторический источник. (По материалам стенографических записей воспоминаний участников обороны Петрограда в 1919 г.); Смирнов Н. Н., Чистиков А. Н. Ленинградцы — Герои Труда

первых пятилеток (о выявлении документации, численности и состава); Соколов А. К. Методика обработки анкет делегатов съездов Советов как источника для изучения состава высших представительных органов власти СССР; Мажуга В. И. О стиле раннесредневекового латинского письма и его зависимости от техники письма; Френкель Л. М. Первая французская политическая газета — «Gazette» Теофраста Рендо. (К истории возникновения периодической печати во Франции в XVII в.); Фурсенко А. А. Библиотека президента США Линдона Б. Джонсона; Копанев А. И. К 150-летию Археографической комиссии; Алексеев Ю. Г., Семенова Л. Н. Проблемы вспомогательных исторических дисциплин в трудах К. Н. Сербининой; Янин В. Л. Иван Георгиевич Спаский и советская нумизматика.

Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России (вторая четверть XIX в.). Межвузовский сборник научных трудов. Владимирский государственный педагогический институт им. П. И. Лебедева-Полянского, Владимир. 1984. Копылов Д. И. Советская историография второй половины 60-х — начала 80-х годов о кризисе феодально-крепостнической системы хозяйства; Федоров В. А. Крепостная вотчина в России во второй четверти XIX в.; Горланов Л. Р. Кризис феодально-крепостнической системы в удельных имениях России; Седов А. В. Кризисное состояние земледелия удельных крестьян Нижегородской губернии накануне падения крепостного права; Розов Е. К. Кризис крепостнической системы хозяйства в России во второй четверти XIX в. (по материалам Тверской и Новгородской губерний); Крутиков В. И. К вопросу о положении помещичьих имений в период кризиса крепостничества (задолженность помещичьих имений Тульской губернии накануне реформы 1861 г.); Рянский Л. М. К вопросу о «вымирании» крепостного крестьянства в период кризиса феодализма.

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ «КОМПЛЕКСНЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ»

20—22 февраля 1985 г. в Москве проходило IV Всесоюзное совещание «Комплексные методы в исторических исследованиях». Оно было организовано Институтом истории СССР АН СССР и Комиссией по применению методов естественных наук в археологии Московского общества испытателей природы. В работе совещания приняли участие свыше 200 специалистов, представлявших основные научные центры и вузы Москвы, Ленинграда, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Российской Федерации, Таджикистана, Ук-

раины. Первое такое совещание состоялось в 1978 г., II — в 1981 г., III — в 1983 году¹. Направленность работы данного совещания определялась поисками более успешного

¹ См.: Новое в применении физико-математических методов в археологии. М. 1978; Естественные науки и археология в изучении древних производств. М. 1982; материалы III совещания пока не опубликованы; Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. Тезисы докладов совещания. М. 1984.

синтеза методов естественнонаучных и гуманитарных дисциплин в археологии, палеогеографии, истории технологии, аграрной истории, социологии, источниковедении.

Пленарное заседание открыл В. Е. Полетаев. Были заслушаны доклады: Ю. Л. Шапова — Естественнонаучные методы в изучении древних производств; Г. А. Федоров-Давыдов — Количественные методы в археологических исследованиях; А. К. Станюкович — Роль гидроархеологии в развитии наук о Земле; К. В. Хвостова — Исторические науки и информация; Я. Е. Водарский — Комплексные методы в историко-географических исследованиях; Ю. П. Бокарев — Проблемы математико-статистической обработки больших комплексов массовых источников; С. А. Морозов, Л. Е. Морозова — Комплексный подход к проблеме изучения нарративных источников; Л. И. Бородкин, А. К. Соколов — Структурный анализ таблиц сопряженностей (по материалам обработки анкет делегатов съездов Советов); В. А. Устинов — ЭВМ, математические методы и историческое исследование (методологические аспекты).

На совещании работали восемь секций. В центре внимания секции «Комплексные методы в изучении памятников материальной культуры» находились эффективность и плодотворность применения геофизических (магниторазведка, электроразведка) методов при исследовании памятников материальной культуры античности и средневековья. Отмечались трудности, с которыми приходится сталкиваться археологам при разработке формализованных методов истолкования данных дистанционной разведки. Недостаточное внимание при реконструкции облика материальной культуры прошлого уделяется изучению микрорельефа и почвы. Фактором, отрицательно влияющим на взаимопонимание специалистов, является отсутствие унифицированной научной терминологии.

Повышенный интерес к математико-статистическим методам и моделированию в археологических исследованиях проявила секция «Математические методы в археологии». Рассмотрение таких вопросов, как классификация материала, этногенетические проблемы, информатика при изучении погребальных обрядов, количественные исчисления в нумизматике, показало необходимость неотложной выработки корректных методов единой классификации археологических предметов. Задача археологов сводится здесь к сведению до минимума «интуитивного подхода» к предмету. Для преодоления существующих трудностей предлагалось использовать в широких масштабах многомерный анализ.

Применение металлографического и химического анализа, электронной микроскопии и лазеров обсуждалось на секции «Проблемы изучения древних производств». Рождение этой междисциплинарной отрасли знаний предопределило при-

влечение в археологию методов естественных наук. Они должны способствовать преодолению регионально-хронологического и культурологического разграничения объекта и предмета исследования. Актуальным является и здесь создание унифицированного понятийного аппарата.

На секции «Палеоэкология и проблемы расселения» рассматривалась роль географической среды для населения первобытнообщинной эпохи и раннеклассовых цивилизаций (на материалах Кавказа и Дальнего Востока). Дискутировался также вопрос о методике комплексного палеогеографического и археологического анализа мезолитических памятников.

Необходимость создания полной истории античной картографии, применение при локализации античных и средневековых объектов комплексных данных разнотипных источников, закономерности процесса урбанизации в древности и средневековье, атрибуция нарративных источников на основе анализа географических сведений обсуждались на секции «Комплексные методы в историко-географических исследованиях». Были выработаны рекомендации относительно сохранности подводных памятников культуры и активизации составления сводного каталога древних карт территории СССР.

Оживленная дискуссия развернулась на секции «Комплексные методы в изучении нарративных источников». На материалах повествовательных источников, в основном по отечественной истории XV — XVII вв., обсуждались понятия «текст» и «сюжет»; эффективность сочетания традиционных и количественных методов в историко-текстологических исследованиях; новые методики анализа сюжета для характеристики текста; использование формализации и «свертывание» информации при изучении текста. И здесь подчеркивалось отсутствие терминологического единообразия. Были предложены новые подходы и методики изучения текстов (частотные матрицы, системный анализ, моделирование) и продемонстрирована эффективность их использования.

На секции «Количественные методы и моделирование в историко-экономических исследованиях» в качестве основной выступала проблема возможности получения дополнительной информации из традиционных источников (писцовые книги XVII в., описи крестьянских дворов, земская статистика XIX в., актовые книги городских и земских судов XVII в. и др.) посредством корреляционного моделирования, факторного анализа, многомерного статистического анализа. На секции также встал вопрос корректности выбора математических моделей для характеристики историко-экономических явлений.

Методологические и методические аспекты использования нетрадиционных методов в историко-социологических исследованиях обсуждались на секции «Количественные методы в изучении социальной структуры общества». Дискуссия показала, что, несмотря на обилие методов, ис-

следователю зачастую нечем воспользоваться. Одной из основных причин такого положения являются слабые контакты между историками и математиками, пассивное восприятие историками и социологами математических методов. Было сформулировано предложение создавать содержательные модели исследуемых явлений, включающих гипотезу исследователя, с тем чтобы на основании такой модели прибегать затем к использованию только корректных методов. Говорилось и о том, что отсутствует координация усилий: создаются однотипные программы, а информация, собираемая разными исследователями, не содержит необходимого инструментария и несопоставима с аналогичной информацией других работ. Полезно было бы создавать общедоступные банки машиночитаемой информации с соблюдением авторского права. Было принято решение помочь координации исследований укреплением межинститутских связей в рамках АН СССР и проведением регулярного тематического семинара на

базе Института истории СССР АН СССР. Отмечалась также слабая разработанность математических методов, рассчитанных на анализ социальных явлений. После совещания состоялось заседание Круглого стола «Методы анализа информации нечисловой природы».

Работа совещания показала, что без обогащения традиционных методов исследования методами естественных наук сегодня невозможно полное развитие общественных наук. В итоговом документе Оргкомитет сформулировал рекомендации: сделать совещания такого рода периодическими; публиковать их материалы; организовывать тематические семинары по отдельным вопросам использования комплексных методов в исторических исследованиях; способствовать унификации понятийного аппарата; ходатайствовать о создании печатного органа типа ежегодника для публикации работ по данной теме.

Д. В. Карев

КОНФЕРЕНЦИЯ О РОЛИ КПСС В ДОСТИЖЕНИИ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ

20—22 февраля 1985 г. в Днепропетровске состоялась Всесоюзная научная конференция на тему «Руководящая роль КПСС в Победе советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Ее организовали Министерство высшего и среднего специального образования СССР, Днепропетровский обком Компартии Украины и Днепропетровский университет. В работе конференции приняли участие ученые-обществоведы всех союзных республик (особенно широко были представлены вузы и научные учреждения Москвы, Ленинграда и Киева), ветераны Великой Отечественной войны, работники партийных и комсомольских органов, пропагандисты, лекторы, учителя истории и обществоведения средних специальных учебных заведений и школ Днепропетровска.

Конференцию открыл заместитель начальника Главного управления преподавания общественных наук Министерства высшего и среднего специального образования СССР В. Н. Донченко. Участников ее приветствовал первый секретарь Днепропетровского обкома Компартии Украины В. Г. Бойко.

В. И. Немятый (Киев) в докладе «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор Победы в Великой Отечественной войне» раскрыл основные направления деятельности КПСС в годы войны. А. М. Черненко (Днепропетровск) выступил с докладом «Решающий вклад Советского Союза и его Вооружен-

ных Сил в разгром фашистской Германии и ее сателлитов. Критика буржуазных фальсификаций». Были заслушаны также доклады И. З. Захарова (Ленинград) «Братская дружба народов СССР — источник победы в Великой Отечественной войне», А. А. Филимонова (Минск) «КПСС во главе народной войны в тылу врага», В. К. Лужеренко «Деятельность КПСС по руководству Советскими Вооруженными Силами в годы Великой Отечественной войны» и Л. М. Топюк (Днепропетровск) «Патриотическое и интернациональное воспитание трудящихся на боевых и трудовых подвигах народа в годы Великой Отечественной войны».

Участники конференции выслушали выступления Героев Советского Союза А. В. Тканко (Черкассы) «Партизаны Украины в битве за Днепр» и И. П. Ялowego (Днепропетровск) «Мое участие в штурме Берлина».

На конференции работали шесть секций. В секции «Деятельность КПСС по руководству Советскими Вооруженными Силами и организации разгрома фашистских войск на фронтах Великой Отечественной войны» А. С. Дубинин сделал доклад «КПСС — авангард сражающегося народа». Проблемам деятельности Коммунистической партии по укреплению союза рабочего класса и крестьянства в годы войны был посвящен доклад С. Д. Улитина (Петрозаводск). П. А. Ларин (Таллин) рассмотрел деятельность Компартии Эстонии по организации отпо-

ра фашистским захватчикам в первые месяцы войны. В значительной части сообщений, с которыми выступили А. П. Дикань (Харьков), А. Ф. Мингазутдинов (Киев), А. Д. Марченко, Б. Л. Вениг (Саратов), Н. Н. Мыколенко (Днепропетровск) и др., были отражены укрепление интернационального единства советского народа, совершенствование внутрипартийной работы в Красной Армии, а также разоблачались буржуазные фальсификаторы.

На заседании секции «Коммунистическая партия — организатор всенародной борьбы в тылу фашистских оккупантов» шла речь о деятельности коммунистов в подпольных организациях и партизанских соединениях. По этим вопросам выступили: Д. П. Пойда (Днепропетровск), Н. Н. Туфар и Г. Н. Топузу (оба — Кишинев), Ф. С. Репринцев, И. Д. Горпинюк (оба — Днепропетровск) и др.

В секции «Руководство КПСС работой советского тыла в годы Великой Отечественной войны» затрагивались следующие аспекты проблемы: руководящая роль партии в перестройке советской экономики на военный лад, организация подготовки кадров, работа среди женщин, эвакуация научных учреждений и вузов. С сообщениями выступили И. И. Виноградов (Ленинград), В. П. Пятковский (Мурманск), М. Р. Акулов (Симферополь), Н. Д. Олейниченко (Киев), В. А. Жаура, П. И. Проценко, Л. И. Бакина (оба — Днепропетровск) и др.

На секции «Идеологическое обеспечение КПСС боевой и трудовой деятельности советских людей» рассматривались проблемы укрепления боевого и трудового сотрудничества народов СССР, гуманистического характера борьбы советского народа, деятельности средств массовой ин-

формации и др. С сообщениями выступили Э. Э. Шкляр, Н. А. Кирсанов, Е. И. Шурыгин (Воронеж), Г. С. Шуров (Архангельск), П. Д. Виноградов, Е. Н. Шабалина (оба — Днепропетровск) и др.

В работе секции «Внешнеполитическая деятельность КПСС в годы Великой Отечественной войны» приняли участие Ю. А. Львунин, К. А. Вишняков-Вишневецкий (Ленинград), В. М. Чуприна (Львов), А. И. Аврус (Саратов), Л. Ф. Кондратюк (Днепропетровск) и др. Их выступления касались внешнеполитической деятельности КПСС и Советского государства, интернациональной работы советских общественных организаций, освободительной миссии Советских Вооруженных Сил в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

В секции «Историография Великой Отечественной войны. Критика фальсификаций роли КПСС в Великой Отечественной войне» подчеркивалась необходимость решительной борьбы с буржуазными фальсификаторами руководящей роли КПСС в достижении победы над фашистской Германией, источников победы советского народа в войне. С сообщениями выступили: Г. Н. Шарлай, А. С. Завьялов, А. Я. Снитко (все — Днепропетровск), П. И. Гарчев (Симферополь), Г. Ф. Марискевич (Львов), Ю. Н. Абабков (Ленинград), А. Ю. Ракунас (Вильнюс) и др.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы конференции и приняты рекомендации, направленные на дальнейшую разработку проблемы и совершенствование работы партийных организаций по воспитанию советских людей в духе патриотизма и интернационализма.

И. А. Кривой, А. К. Швидько

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СИБИРЬ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ»

Эта конференция состоялась в Новосибирске 5—6 марта 1985 года. Она была организована Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения (СО) АН СССР, а также Центральным советом философских (методологических) семинаров при Президиуме СО. В работе конференции приняло участие около 1 тыс. научных сотрудников, преподавателей вузов, партийных и советских работников, военнослужащих, ветеранов войны и труда. С докладами и сообщениями¹ выступили свыше 160 специалистов, представлявших Москву, Ленинград,

РСФСР, Украину, Казахстан и республики Средней Азии.

Открыл конференцию вступительным словом председатель Оргкомитета акад. Д. К. Беляев. Секретарь Новосибирского обкома КПСС Л. Ф. Колесников в докладе «Коммунистическая партия — организатор и вдохновитель Победы советского народа в Великой Отечественной войне» раскрыл содержание понятия «воюющая партия», охарактеризовал основные направления партийного руководства Советскими Вооруженными Силами, народным хозяйством и идеологической работой в период войны.

Первый зам. председателя Президиума СО акад. А. А. Трофимук говорил о роли геологической науки в обеспечении фронта и

¹ Тезисы докладов и выступлений см.: Сибирь в Великой Отечественной войне. Новосибирск. 1985.

тыла минерально-сырьевыми и энергетическими ресурсами, осветил историю открытия ряда месторождений полезных ископаемых, этапы геолого-поисковых работ. Начальник Политического управления Сибирского военного округа генерал-лейтенант В. Г. Самойленко рассказал об истории формирования воинских соединений в Сибири тех лет, их роли в боях за Родину и в освобождении народов Европы от фашизма.

В докладе чл.-корр. АН СССР А. П. Дервянко, В. В. Алексеева и Н. Я. Гушина (все — Новосибирск) были рассмотрены итоги и задачи историографического изучения трудового подвига сибиряков в годы Великой Отечественной войны и названы слабо исследованные проблемы, среди которых выделены следующие: ускоренное строительство промышленных объектов, организация поточного производства, внедрение научных разработок; неравномерно изучена деятельность различных отрядов рабочего класса, в том числе легкой, пищевой, местной промышленности, сферы обслуживания и транспорта. Не показана достаточно полно жизнь сибирской деревни. В докладе была подчеркнута важность критики буржуазных концепций хозяйственного освоения Сибири, суть которых сводится к тому, что война явилась «благом» для прогресса производительных сил.

Ф. В. Соловьев (Владивосток) посвятил доклад значению разгрома милитаристской Японии и освобождения народов Восточной Азии от японского господства. Огромный вклад в это событие, внесенный СССР, создал благоприятные условия для борьбы трудящихся за социальное и национальное освобождение, ускорил распад колониальной системы империализма, способствовал усилению влияния коммунистических партий и укреплению позиций демократических сил.

Дальнейшая работа конференции протекала в шести секциях. Участники секции «Деятельность партийных организаций в условиях войны» говорили об авангардной роли коммунистов в превращении края в важнейший военно-промышленный арсенал Родины. Среди слабоизученных тем отмечались: конкретные формы партийного руководства социальными процессами в Сибири военного времени; деятельность партизанских организаций по укреплению связей между фронтом и тылом, народом и армией.

На секции «Сибиряки на фронтах войны. Всенародная помощь фронту» часть выступлений была посвящена сибирякам, принимавшим участие в боевых действиях на фронте, партизанском движении и антифашистском Сопротивлении в европейских странах; освещалась также разносторонняя помощь сибиряков фронту и вклад в нее коренных народов региона. Были выделены проблемы, требующие углубленной научной разработки: роль Сибири в подготовке личного состава Вооруженных Сил; история

создания сибирских воинских соединений; сибирячки в рядах вооруженных защитников Родины.

В процессе работы секции «Сибирская индустрия — фронту» рассматривалась роль края в экономической победе над врагом. Первостепенное внимание было уделено таким слабо разработанным вопросам, как размещение эвакуированных предприятий на новом месте, развитие капитального строительства и промышленной кооперации, помощь предприятий Сибири освобожденным от фашистской оккупации районам страны. Впервые рассматривалась история проведения поисковых работ на уголь, нефть и газ в Сибири того времени.

На секции «Сибирская деревня в период Великой Отечественной войны» анализировались процессы, протекавшие на селе. В выступлениях подчеркивалось, что основным источником развития сельскохозяйственного производства тех лет являлись его внутренние резервы. Назрела необходимость комплексного исследования проблем союза рабочего класса и крестьянства в условиях войны. Практически отсутствуют работы о деятельности совхозов того периода. Было признано целесообразным опубликовать документальные материалы и сборники воспоминаний ветеранов колхозного труда.

Участники секции «Социальное развитие Сибири в годы войны» анализировали демографические процессы: динамику численности населения, его миграцию, эвакуацию людей из прифронтовых районов и их размещение в Сибири; комплектование трудовых коллективов, изменения в их составе. Ряд выступлений был посвящен участию рабочих Казахстана и Средней Азии в развитии экономики Сибири. Большое внимание участники секции уделили материально-бытовым условиям жизни населения.

На секции «Наука и культура Сибири в период войны» шла речь о роли сибирской интеллигенции в идеологической работе, анализировались местные особенности развития науки, народного образования, литературы и искусства. Подробно рассматривались деятельность организаций Общества Красного Креста, разработка лекарственных препаратов на базе флоры Сибири. Признано необходимым сосредоточить внимание на методологических проблемах истории культуры и создания обобщающих работ по этой тематике.

На заключительном пленарном заседании отмечалось, что на конференции была определена степень изученности многих проблем и намечены вопросы, требующие углубленной разработки. Была подчеркнута роль конференции как очередного этапа координации усилий сибирских специалистов.

С. С. Букин, И. М. Савицкий

В СОВЕТЕ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

В наши дни исторические романы и повести пользуются повышенным читательским спросом. Более высокий уровень общественного сознания в принципе невозможен без исторического мышления, которое помогает разобраться в сложнейших проблемах современности, творчески подойти к решению насущных социально-экономических задач. В этих условиях совместная работа писателей и историков является необходимостью.

В июне 1983 г. по инициативе группы членов Московской писательской организации Союза писателей РСФСР был создан Совет по московской исторической прозе. В него вошли литераторы, работающие над исторической тематикой (В. Н. Ганичев, Д. А. Жуков, А. П. Левандовский, Ю. М. Лошица, А. В. Митяев, О. Н. Михайлов, С. Т. Романовский, Э. И. Сафонов и др.), и историки (акад. Б. А. Рыбаков, доктора исторических наук В. И. Буганов, А. Г. Кузьмин, А. Н. Сахаров и др.). Совет служит как бы организационным ядром, объединяющим литературную и научную общественность, которая интересуется проблемами историко-художественной литературы. В его заседаниях принимают участие историки, литературоведы и журналисты, сотрудники Госкомиздатов СССР и РСФСР, работники издательств и телевидения, кинематографисты, архивисты, преподаватели, студенты. Всего со времени создания совета проведено 12 заседаний.

Определились два основных направления работы совета: проблемы достоверности литературных сочинений на историческую тематику; отображение в художественных образах патристической и героической темы отечественной истории.

Первое заседание совета в ноябре 1983 г. было посвящено теме «История и литература. Достоверность исторического романа» (докладчик — В. И. Буганов). На следующем заседании оживленную дискуссию вызвал доклад О. Н. Михайлова, автора историко-биографических книг серии «Жизнь замечательных людей» об отечественных деятелях. Выступавшие отмечали, что в этой серии недостаточно представлена русская персоналия, как и во всей нашей историко-художественной и научно-популярной литературе последних десятилетий. Не случается поэтому читательский интерес к научно-популярным книгам типа работ Р. Г. Скрынникова «Иван Грозный» и «Борис Годунов». Писатель А. В. Митяев в докладе «Военно-патристическая тема в исторической прозе» говорил о том, что подрастающее поколение не обеспечено в нужной мере книгами по отечественной истории; что издается мало сочинений беллетристов о выдающихся военных и государственных деятелях России. О желательности более пристального внимания к военно-патристической тематике говорили В. А. Чивилихин, С. Т. Романовский, С. М. Голицын, Э. И. Сафонов, Ю. П. Тюрин и др.

На одном из последующих заседаний со-

вета обсуждался доклад Л. В. Беловинского «Атрибуты русского быта XVIII—XIX столетий в исторической прозе». В докладе и прениях были отмечены многочисленные неточности при воссоздании реалий той эпохи, допущенные прозаиками. Вместе с тем обращалось внимание на трудности, испытываемые писателями и кинематографистами из-за малого количества справочной литературы, книг по культурно-бытовой тематике и биографических изданий. Большой интерес вызвал доклад Ю. М. Лошица «Современная историческая проза в критике». Отмечалось, что исторические журналы не практикуют рецензирования историко-художественной литературы; со времени соответствующего серьезного аналитического обзора исторической прозы прошло более 20 лет¹, а статья В. А. Дьякова «Реалистические традиции русской и советской исторической беллетристики»² является сейчас фактически единственным знаком внимания редакций специальных журналов к этим проблемам. Полезной для писателей была встреча с сотрудниками архивов (ЦГАОР СССР, ЦГАДА и ЦГВИА СССР) на заседании, посвященном теме «Писатель и исторические архивы» (ноябрь 1984 г.).

При обсуждении проблемы «Историческая проза в кино и на телевидении» (докладчик — Ю. П. Тюрин) отмечалось, что историческая тема сравнительно слабо представлена на нашем экране, хотя воспитательное воздействие ее на массовую аудиторию огромно. Как удачный опыт совместной работы писателя, кинематографистов и историка участники заседания называли многосерийный телефильм «Россия молодая» по одноименному роману Ю. Германа (научный консультант — В. И. Буганов).

Темой отдельных заседаний были: обсуждение проблемы «Художественные особенности исторического романа» (докладчик — Б. И. Хотимский); аналитический обзор серийных изданий по отечественной истории, которые осуществляют издательства «Молодая гвардия», «Современник», «Советская Россия» и местными издательствами (докладчик — В. М. Свининников). В апреле текущего года на заседании совета с докладом «Историзм и историческое мышление» выступил акад. Б. А. Рыбаков. В мае был проведен вечер памяти Владимира Чивилихина, на котором выступили писатели А. А. Ольшанский, Е. И. Осетров, В. Н. Ганичев, С. Т. Романовский и др.

Для дальнейшей плодотворной работы совета необходимо активное участие историков. Это тем более важно, что у них есть обоснованные претензии к авторам исторических романов и повестей. Да и писатели не

¹ Пашуто В. Т. Средневековая Русь в советской художественной литературе. — История СССР, 1963, № 1.

² Вопросы истории, 1984, № 3.

всегда удовлетворены теми отношениями, которые складываются у них с учеными. Писателям не всегда удается следить за новейшими достижениями исторической науки, и они сетуют на то, что порой не знают, где можно получить квалифицированную консультацию по конкретным вопросам исторической темы. Может быть, следует организовать на общественных началах такую консультацию при Институте

истории СССР АН СССР и на Историческом факультете Московского университета. Назрела также необходимость издания научной библиографии советского исторического романа.

*В. В. Каргалов **

* В. В. Каргалов является председателем Совета по московской исторической прозе.

Хроникальные заметки

◆ Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры» АН СССР и Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствоведения Министерства культуры СССР провели 26 апреля 1985 г. в Москве научную конференцию «Великая Отечественная война в советском искусстве». Вступительное слово произнесла директор института М. П. Котовская. С докладом выступили: В. А. Карпушин — Победа в Великой Отечественной войне и всемирно-историческое значение советской культуры; О. И. Подобедова — Изобразительное искусство в Великой Отечественной войне. Воспоминаниями поделился ветеран войны М. И. Бархин.

◆ 13 апреля с. г. в Москве имело место заседание в связи с 35-летием деятельности научного студенческого кружка источниковедения истории СССР Историко-архивного института. Вступительное слово произнес руководитель кружка С. О. Шмидт. Были заслушаны доклады: В. Ф. Козлов — Кружок источниковедения истории СССР в 1980—1985 гг.; А. Д. Зайцев — Развитие архивоведения и археографии и творческая деятельность кружковцев; Е. Ю. Наумов — Развитие источниковедения и историографии и творческая деятельность кружковцев; С. М. Каштанов — Кружку источниковедения — 35 лет. Были зачитаны приветствия начальника Главархива СССР Ф. М. Ваганова, академиков Д. С. Лихачева, Д. Ф. Маркова и С. Л. Тихвинского, чл.-корр. АН СССР В. Л. Янина, руководителей ЦГАДА, ЦГАЛИ СССР, ЦГАНХ СССР и др.

◆ 25 апреля 1985 г. в Москве состоялось заседание Археографической комиссии АН СССР на тему «Виктор Иванович Шунков на фронтах Великой Отечественной войны и военно-историческая тематика в его деятельности». Вступительное слово произнес председатель комиссии С. О. Шмидт. Сообщения сделали: Д. И. Буднев (Смоленск) — Лекции В. И. Шункова на фронте (впечатления слушателя); С. В. Журавлев — Документы Центрального архива Министерства обороны СССР о деятельности В. И. Шун-

кова; Б. Г. Литвак — В. И. Шунков — главный редактор журнала «Исторический архив» и материалы военно-исторической тематики в журнале; Н. А. Ивницкий — О работе В. И. Шункова в журнале «Исторический архив».

◆ 25 апреля состоялся вечер памяти известного реставратора-историка Г. В. Алферовой, организованный Домом художника и Обществом по охране памятников истории и культуры. Выступившие на нем историки, архитекторы, работники библиотек и архивов Москвы отметили большие заслуги Г. В. Алферовой в выяснении уровня отечественного градостроительного искусства XVI—XVII вв. и в деле сохранения исторических и культурных памятников прошлого. Перу Г. В. Алферовой — знатока истории русского градостроительства принадлежат монографии «Каргополь и Каргополье» (М. 1973), «Памятник русского зодчества в Кадашах» (М. 1974), «Киев во второй половине XVII в.» (Киев. 1982).

◆ Ленинградское отделение Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики АН СССР провело 22 мая 1985 г. чтения, посвященные 1100-летию со дня кончины Мефодия, одного из создателей славянской письменности. Вступительное слово произнес чл.-корр. АН СССР Л. А. Дмитриев. Были заслушаны доклады: А. И. Рогов — Кирилло-мефодиевская традиция у западных славян в эпоху средневековья; В. Д. Андреев (Ленинград) — Кирилло-мефодиевская традиция в современных славянских литературах; И. П. Садовская (Ленинград) — Дело славянских первоучителей Кирилла и Мефодия в болгарском киноискусстве. В заседании приняли участие акад. Д. С. Лихачев, сотрудники Института этнографии АН СССР, Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, филологического и исторического факультетов Ленинградского университета, Библиотеки АН СССР, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинградского института театра, музыки и кинематографии и др.

◆ А. Я. Члянец в монографии «В. И. Ленин — организатор партийно-политической работы в Красной Армии» (Львов. Вища школа. 1984) исследует одну из сторон многогранной деятельности Ленина. Анализируя выступления вождя на митингах, конференциях, собраниях красноармейцев, политработников, курсантов и слушателей военно-учебных заведений, ленинские письма и телеграммы, автор показывает их значение в становлении и развитии Советских Вооруженных Сил.

◆ Комплексное исследование рукописей К. Маркса, в которых идет речь о первобытных коллективах, их деформации в условиях столкновения с капитализмом, предпринял И. Л. Андреев в работе «Рукописная страница истории марксизма (проблема общины и рода в рукописях К. Маркса 70—80-х гг.)» (М. Мысль. 1985). В книге показано значение этих рукописей для анализа общественного развития тех освободившихся стран, где использование родоплеменных и общинных связей в процессе современных преобразований стало государственной политикой.

◆ 4-м изданием вышли «Записки командующего фронтом. 1943—1945» Маршала Советского Союза И. С. Конева (М. Наука. 1985) о наступательных операциях Красной Армии тех лет, деятельности Ставки Верховного Главнокомандования, военных советов ряда фронтов и армий, стойкости и мужестве советских воинов.

◆ Механизм действия социальных факторов в сфере производства, пути совершенствования планирования, организации трудовой активности коллектива, укрепления дисциплины и улучшения морально-психологического климата рассматривает М. В. Брык в монографии «Социальные факторы повышения эффективности общественного производства в условиях развитого социализма» (Киев. Наукова думка. 1985).

◆ В сборнике «Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года» (М. Финансы и статистика. 1985) публикуются статистические сведения, полученные в результате этой переписи, в сопоставлении с итогами прошлых переписей.

◆ Книга А. Б. Турсунбаева «Курсом интенсификации» (Алма-Ата. «Казахстан». 1985) освещает деятельность Компартии Казахстана по осуществлению аграрной политики КПСС в 1965—1982 годах.

◆ О кораблях Балтийского флота, экипажи которых принимали участие в штурме Зимнего, рассказывает книга В. Кускова «Корабли Октября» (Лениздат. 1985).

◆ В серии «Пламенные революционеры» вышла книга С. Тхоржевского «Испытание воли» (М. Политиздат. 1984): о жизни и деятельности П. Л. Лаврова — ученого, публициста, идеолога революционного народного движения.

◆ Верхне-Волжское книжное издательство выпустило очерк П. И. Хмелевского «Александров» (Ярославль. 1984). В нем рассказывается об одном из старинных

русских городов, истории его уезда и района, развитии их хозяйства и культуры.

◆ Система межгосударственных отношений анализируется в коллективном исследовании. Авторами рассмотрено воздействие на нее мирового революционного процесса («Система, структура и процесс развития современных межгосударственных отношений». М. Наука. 1984).

◆ Анаст. А. Громыко и В. А. Кокошин характеризуют в своей книге деятельность президента США Дж. Кеннеди, министра юстиции США Р. Кеннеди и сенатора Э. Кеннеди («Братья Кеннеди». М. Мысль. 1985).

◆ Попытку обобщить имеющийся в литературе фактический материал по истории булатной стали предпринял Ю. Г. Гуревич в работе «Загадка булатного узора» (М. Изд-во Знание. 1985).

◆ Об истории селения Каратаг в Таджикистане — родины множества ремесел и прославивших его ремесленных мастерах повествует Н. Н. Ершов в книге «Каратаг и его ремесла» (Душанбе. Дониш. 1985).

◆ Д. Кшибеков («Кочевое общество: генезис, развитие, упадок». Алма-Ата. Наука. 1984) рассматривает особенности истории кочевых обществ Казахстана, роль перехода их к оседлому образу жизни, культуру кочевников, ее влияние на культуру оседлых народов.

◆ Исследование партийно-политического и государственно-правового развития стран социалистической ориентации осуществлено в коллективной монографии «Политические системы в странах социалистической ориентации» (М. Наука. 1985).

◆ Издательство «Мысль» предприняло выпуск серии книг «Современный монополистический капитализм» (в США, Японии, Англии, ФРГ, Франции, Италии, малых странах Западной Европы, Австралии и Канаде). Вышел из печати том «Австралия и Канада» (М. 1984), в котором показаны место и роль этих стран в системе современного капитализма, выявлена специфика канадского и австралийского путей капиталистического развития и охарактеризованы основные черты их внутренней и внешней политики.

◆ В. Ю. Пресняковым («Экспортная стратегия Франции». М. Наука. 1985) прослеживается формирование экспортной политики Франции 60—80-х годов во взаимосвязи с эволюцией ее экономики и политики за послевоенный период.

◆ А. Фазили («Древняя и раннесредневековая история Азербайджана в историографии Ирана». Баку. Элм. 1984) сосредоточил внимание на разработке вопросов экономической, политической и лингвистической истории Восточного Закавказья III—VII веков.

◆ История Англо-Иранской нефтяной компании, роль нефтяного фактора в международных отношениях, и особенно в установлении «особых» отношений между США и шахским режимом, основные направления внутренней и внешней политики иранских властей в годы «белой революции», национально-освободительное движе-

ние в Иране исследуются С. М. Алиевым («Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в.», (М. Наука. 1985).

◆ О борьбе за минеральное сырье в рамках Тихоокеанского региона, роли этого сырья в капиталистическом развитии ряда государств идет речь в книге А. Ю. Сучкова «Сырьевые ресурсы и региональные связи тихоокеанских стран» (М. Наука. 1985).

◆ Справочник Л. Л. Фитуни «Народная Республика Ангола» (М. Наука. 1985) содержит сведения о населении, этапах истории, государственном строе, проблемах экономического и социального развития страны, вставшей на путь социалистической ориентации.

◆ Экземпляр первого прижизненного издания книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» поступил в областной краеведческий музей Ростова-на-Дону из семьи бывшего директора библиотеки Государственного Эрмитажа О. Э. Вольценбурга.

◆ В Центральном историческом архиве СССР (Львов) обнаружены материалы о пребывании во Львове английской писательницы Э.-Л. Войнич и ее письма к литераторам М. Павлику, Лесе Украинке, М. Драгоманову, И. Франко. Документы датированы 1894—1895 годами. Материалы свидетельствуют об активной деятельности Э. Войнич в Галиции по доставке нелегальной революционной литературы в Россию, ее связях с украинскими демократами.

◆ В этом же архиве обнаружен подлинник письма Богдана Хмельницкого, до сих пор известного лишь в копиях. Оно адресовано командующему войсками Трансильванского княжества Ивану Кемени и датировано 29 марта 1653 года.

◆ В Рукописном отделе ленинградской Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина выявлено не публиковавшееся ранее письмо декабриста В. К. Кюхельбекера В. Ф. Одоевскому, датированное 3 мая 1845 г. и написанное из Смоленской слободы Курганского уезда Тобольской губернии.

◆ При раскопках городища на берегу р. Ваги у г. Вельска Архангельской обл.

найдена вислая свинцовая печать. На лицевой ее стороне надпись: «Печать Артемия Дементьевича»; на оборотной: «владычного наместника» и изображение восьмиконечного креста. Датируется печать третьей четвертью XV века. До настоящего времени была известна лишь одна печать Артемия Дементьевича, хранящаяся в Государственном Историческом музее.

◆ В одном из курганов близ с. Бурлацкое Великоновоселковского р-на Донецкой обл. археологами обнаружено захоронение мастера по изготовлению наконечников стрел; найдены заготовки, готовые изделия, приспособление для шлифовки древка: песчаниковые плитки с желобками посередине. Погребение датируется началом II тыс. до н. э. и относится к катакомбной культуре.

◆ На городище Джаркутан (Узбекистан) расчищен храм огнепоклонников, относящийся к бронзовому веку.

◆ В с. Пичори Гальского р-на Грузии археологи, обследуя комплекс холмов площадью почти в 7 га, обнаружили несколько культурных слоев от середины II тыс. до н. э. по III в. н. э., содержащих орудия труда, каменные зернотерки, керамику, предметы быта и украшения.

◆ Археологи Криворожского историко-краеведческого музея исследовали курганную группу «Рядовые могилы» на территории совхоза «Родина» Криворожского р-на Днепропетровской области. Погребения относятся к различным эпохам, самые древние — к ямной культуре. В погребениях катакомбной культуры обнаружены бронзовые шила и орнаментированная керамика, в одном из захоронений — череп, на котором сохранилась глиняная маска, расписанная красной и черной красками. Два кургана относятся к скифскому периоду; в них найдены фрагменты чешуйчатого железного панциря, бронзовые наконечники стрел и пояс из бронзовых пластинок.

◆ В пещере на окраине с. Сибирячиха (Горный Алтай) рядом с остатками скелета неандертальца обнаружены каменные орудия труда, кости мамонта, бизона и носорога, другие следы жизни древних обитателей пещеры. Ее назвали именем акад. А. П. Окладникова.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

ВСТРЕЧА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

По инициативе руководства чехословацкого журнала «Československý časopis historický» в Праге 27—28 марта впервые состоялась встреча представителей исторических журналов Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии. Открыл встречу и председательствовал на всех заседаниях главный редактор журнала «Československý časopis historický» Ю. Кржижек.

Участники встречи обменялись информацией о профиле, содержании и планах работы своих журналов. В. Василев (журнал «Исторически преглед», Болгария) подчеркнул при этом важность воспитания у читателей патриотизма на материале истории. Среди задач журнала на предстоящий период он назвал освещение в нем 100-летия воссоединения Северной и Южной Болгарии. Г. Беккер («Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», ГДР) сказал, что журнал считает борьбу с буржуазной историографией ФРГ одним из основных направлений своей деятельности. В перспективе журнал будет печатать материалы к XI съезду СЕПГ и 40-летию ее создания.

И. Апостол («Revista de istorie», Румыния) указал на важность пропаганды знаний по отечественной истории и среди задач журнала выделил подготовку специального номера к XVI Международному конгрессу исторических наук. А. Скшипек и Э. Потковский («Kwartalnik historyczny», Польша) сообщили, что журнал уделяет большое внимание дискуссиям. Ф. Мучи («Századok», Венгрия) рассказал о том, что журнал стремится удовлетворить растущий интерес к проблемам методологии и методики исторического исследования. В дальнейшем в нем намечается публикация материалов к 100-летию со дня рождения Б. Куна и 300-летию освобождения Буды из-под османского ига.

В. Г. Трухановский («Вопросы ис-

тории») подробно остановился на планировании работы и роли редколлегии журнала. Главной его задачей является сейчас подготовка материалов навстречу XXVII съезду КПСС, а также по тематике, связанной с 80-летием первой российской революции. Г. Н. Севостьянов («Новая и новейшая история») информировал об опыте проведения круглых столов и освещении журналом истории социалистических стран. В планах его, кроме публикации материалов к XXVII съезду КПСС, подготовка к 50-летию VII конгресса Коминтерна.

В. Матула («Historický časopis», Чехословакия) говорил о работе журнала с молодыми авторами. Ю. Кржижек («Československý časopis historický») указал на то, что журналы должны шире информировать о развитии исторической науки в братских странах, и предложил совместными усилиями вести подготовку материалов к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, а также к 200-летию Французской буржуазной революции конца XVIII века.

Все выступавшие выражали признательность Чехословацкой АН за инициативу проведения встречи, которая будет способствовать дальнейшему развитию связей между историческими журналами социалистических стран. При этом особо подчеркивалось значение публикации в них материалов, связанных с 40-летием Победы над фашизмом. Была также поддержана идея регулярного проведения такого рода встреч в будущем.

Состоялась беседа участников встречи с директором Института чехословацкой и всемирной истории Чехословацкой АН Я. Пуршем. Приветствуя собравшихся, он подчеркнул, что проведение совещания редакторов исторических журналов социалистических стран отвечает задачам, кото-

рые обсуждались на встречах секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий социалистических стран по идеологии и пропаганде. Исторические журналы призваны содействовать воспитанию читателей в духе пролетарского интернационализма и единства в борьбе за сохранение мира, против угрозы ядерной войны.

Участники встречи обсудили вопрос о формах и перспективах сотрудничества исторических журналов социалистических стран. При этом большое внимание было уделено рецензированию книг, публикации обзоров литературы и статей о состоянии исторических исследований в этих странах, согласованной подготовке к юбилейным датам и международным конгрессам исторических наук и усилению борьбы с буржуазной историографией. Упор был сделан на расширение двусторонних связей между журналами путем взаимного информирования об их работе и научной жизни в братских странах, обмен научными статьями, посвященными крупным юбилейным датам (например, 70-летию Великого Октября).

Участники встречи договорились о том, что итоги ее будут обсуждены на заседаниях редколлегии представленных на ней журналов и после этого начнется работа по реализации внесенных предложений.

В заключение был обсужден, согласован и подписан всеми участниками встречи следующий протокол:

27—28 марта 1985 г. в Праге (ЧССР) по предложению руководства журнала «Ceskoslovensky časopis historicky» состоялась встреча представителей исторических журналов Народной Республики Болгарии («Исторически преглед»), Венгерской Народной Республики («Századok»), Германской Демократической Республики («Zeitschrift für Geschichtswissenschaft»), Польской Народной Республики («Kwartalnik historyczny»), Социалистической Республики Румынии («Revista de istorie»), Союза Советских Социалистических Республик («Во-

просы истории», «Новая и новейшая история»), Чехословацкой Социалистической Республики («Ceskoslovensky časopis historicky», «Historicky časopis»).

Участники встречи обменялись информацией о современном состоянии и перспективах работы своих журналов, отметили большую важность освещения проблем, связанных с 40-летием Победы над фашизмом, историческим опытом социалистического строительства в своих странах, с борьбой за мир и предотвращение ядерной катастрофы, грозящей человечеству, укреплением позиций марксистско-ленинской исторической науки в условиях обостряющейся идеологической борьбы на международной арене.

Участники встречи одобрили инициативу Чехословацкой Академии наук по проведению этой встречи и условились:

а) Считать целесообразным регулярное проведение такого рода встреч для взаимной информации и обмена опытом о работе редакций исторических журналов социалистических стран с целью совершенствования их работы.

б) Расширить постоянные контакты между журналами, исходя из накопленного опыта двустороннего сотрудничества между ними.

в) Рекомендовать редколлегиям представленных на встрече журналов обсудить итоги ее работы.

Протокол подписали: от НРБ — Василев В.; ВНР — Мучи Ф.; ГДР — Беккер Г., ПНР — Потковский Э., Схшипек А.; СРР — Апостол И., Лаке Ш.; СССР — Севостьянов Г. Н., Созин И. В., Трухановский В. Г., Тряпицын Е. И.; ЧССР — Кржижек Ю., Матула В., Нецкаржова Л.

По предложению представителя журнала «Исторически преглед» следующую встречу редакторов исторических журналов намечено провести в Народной Республике Болгарии примерно через два года.

И. В. Созин

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement. George Allen and Unwin. Lnd. 1983. XII + 436 p.

Фашистский вызов и политика умиротворения

Агрессия фашистских государств и политика «умиротворения» постоянно остаются в поле зрения буржуазной историографии. Доказательством тому может служить сборник материалов международной конференции, проходившей в Лондоне в мае 1980 г. под эгидой Института германской истории (г. Лондон). Предисловие к сборнику подготовил директор Института германской истории В. Моммзен (ФРГ). Книга вышла под редакцией В. Моммзена и Л. Кеттенакера.

В центре внимания авторов — внешняя политика фашистской Германии, политика «умиротворения» Англии и Франции, роль военных ведомств западных держав в разработке курса на соглашение с агрессорами, внешнеполитическая деятельность Советского государства.

Многоаспектность поставленных проблем определила структуру сборника: 28 статей объединены в четыре части, каждая из которых, по замыслу составителей и редакторов, призвана решать вполне самостоятельные, но подчиненные общему замыслу задачи. Давая обоснование такому построению, Моммзен отмечает, что «британская политика умиротворения должна рассматриваться не изолированно, а в своем международном контексте» (с. X).

Вводная статья проф. Лондонской школы экономики и политических наук Д. К. Уотта, представляющего официальное направление английской историографии, трактует международную обстановку в предвоенной Европе как своеобразную «гражданскую войну» в границах «транснационального политического общества», в которой экономические, социальные и прочие

макроструктуры зачастую вступали в противоречие с интересами вовлеченных в эту войну наций (с. 5, 17). Применение структуралистского метода выхолащивает классовое содержание империалистической политики в период между мировыми войнами. Использование Уоттом элитарных понятий — «генерационные группы» (с. 6) в духе концепции «циркуляции элит» Р. Михелса, аккумулировавшей взгляды таких правосоциалистических и буржуазных идеологов, как Э. Бернштейн, К. Каутский, М. Вебер, неизбежно порождает вывод о фатальном исходе событий 1933—1939 гг., безальтернативности политики «умиротворения», поскольку «инстинктивно генерационные группы стремились... избежать конфликта в рамках существующей системы» (с. 16). Для Уотта Европа — это некий единый организм без существенных классовых различий, да и само понятие «класс» отсутствует, оно подменено произвольным — «генерационная группа». Естественно, что автор не усматривает принципиальной разницы между советской внешней политикой и дипломатией империалистических держав. Такой подход есть не что иное, как завуалированная фальсификация основных проблем международных отношений накануне второй мировой войны.

Вывод этот разделяют М. Вэсс (Франция) и проф. университета в г. Солт-Лейк-Сити (США) Р. Смелзер (с. 42, 234). Произвольно толкуя коллективную безопасность, последний, как и научный сотрудник Оксфордского университета Р. Паркер, зачисляет Англию в разряд искренних и последовательных поборников мира в Европе (с. 27, 42). Такая трактовка бри-

танской политики ведет свое происхождение от официальной версии правящих кругов страны, которую Р. Макдональд, С. Болдуин, Н. Чемберлен и члены их кабинетов упорно пропагандировали на протяжении 1930-х годов. Апология политики «умиротворения» находит свое выражение также в том, что Паркер изображает внешнеполитический курс английских правящих кругов как закономерный результат «провала коллективной безопасности» (с. 22), замалчивая то обстоятельство, что Англия имела прямое отношение к срыву усилий Советского Союза по поддержанию мира. Вывод о фатальной неизбежности событий 1933—1939 гг. вполне укладывается в узкоклассовые схемы буржуазной науки, отрицающей объективную основу, социальный детерминизм процессов общественного развития.

Анализ внешней политики фашистской Германии, проведенный сотрудником Института истории Высшей технической школы г. Дармштадта (ФРГ) В. Михалкой, не выходит за ограниченные рамки построений историков умеренного направления в буржуазной историографии ФРГ. Говоря об агрессивности нацизма и антисоветской фашистской экспансии, автор отстаивает несостоятельный тезис об оппозиции нацистам во главе с К. Нейратом, якобы существовавшей в аппарате МИД Германии (с. 50, 52). Причисление к разряду «оппозиционеров» Шахта и магнатов германской тяжелой индустрии (с. 53, 55) призвано снять с них ответственность за подготовку и развязывание второй мировой войны.

Стремление Михалки возложить на Гитлера единоличную вину за агрессивный внешнеполитический курс Германии, противопоставить нацистского фюрера не только «национально-консервативным кругам», но и другим функционерам его партии (с. 55) служит реакционным политическим целям. Отказ от анализа фашизма как явления, порожденного империализмом, игнорирование социально-экономических условий, персонификация политики «умиротворения» в той или иной степени присущи всем авторам сборника. Так, Смелзер трактует нацизм как неподвластную человеческому разуму силу (с. 32). Отсюда следует реакционный вывод американского историка о «непричастности» монополистического капитала к нацистской диктатуре и ее программе безудержной экспансии. Несостоя-

тельным выглядит и искусственное ограничение Смелзером и Р. Дугласом (Англия) рамок «умиротворения» 1937—1938 гг., равно как и отождествление этой политики с деятельностью английского премьер-министра Чемберлена (с. 40—43, 79—88).

Марксистско-ленинская историография убедительно доказала, что правящие круги западных держав с момента прихода Гитлера к власти в Германии взяли курс на достижение соглашения с фашистскими государствами. Политика «умиротворения» являлась попыткой решения экономических, политических и стратегических проблем за счет ревизии договоров Версальской системы, интересов малых европейских стран и СССР. Эскалация фашистской агрессии вызывала ответную поэтапную реакцию правительств Англии, Франции и США, своеобразную эскалацию политики «умиротворения». Поэтому неправомерно рассматривать последнюю в качестве статичного феномена, разрывая преемственную связь между ее отдельными взаимозависимыми звеньями. Оформление пакта четырех держав в 1933 г., англо-германское морское соглашение 1935 г., политика «невмешательства» в период гражданской войны в Испании 1936—1939 гг., поощрение фашистской агрессии в отношении Эфиопии, Австрии, Чехословакии — эти и другие акции по «умиротворению» агрессоров явились этапами подготовки международным империализмом второй мировой войны.

Авторы сборника уделяют много внимания определению характера и целевой направленности политики «умиротворения». Американский историк Р. Шэй-младший, проф. политических наук университета в г. Бохуме (ФРГ) Г. Шмидт и проф. современной истории Гамбургского университета Б.-Ю. Вендт выступают против недооценки консервативной историографией воздействия экономической ситуации в Англии на позицию правительств этой страны по отношению к Германии, подчеркивая огромную роль финансово-промышленных групп лондонского Сити в предвоенные годы (с. 92, 107, 109, 159, 165). Констатация этого факта не подкрепляется, однако, необходимым анализом деятельности большого бизнеса; отсутствует в книге и упоминание «клайвденской клики» — группы реакционных, профашистски настроенных английских политиков, оказывавших немалое влияние на правительства Англии. Такое

умолчание характерно в целом для буржуазной историографии предвоенных международных отношений.

Оценка «умиротворения» как превентивной дипломатии, рассчитанной на мирное решение спорных проблем, которую дают Г. Шмидт, Вендт и сотрудник Боннского университета Р. Мейерс (с. 103, 157, 161, 340), уводит в сторону от анализа классовой сущности и антисоветской направленности этой политики. Субъективизм авторов в исследовании международных отношений проявляется также в том, что Вендт рассматривает «умиротворение» в качестве производного неверных оценок английскими правящими кругами характера и конечных целей нацистского режима (с. 170). Между тем эти оценки программы внешней экспансии германского фашизма, имевшие место в военно-политических кругах Великобритании, не были случайными. Они диктовались общей настроенностью английских правящих кругов на «широкое соглашение» с Германией за счет уступок в экономических и политических вопросах с целью канализации фашистской агрессии на Восток, против Советского Союза.

В разделе о внешней политике Франции, подготовленном Р. Жиро и Р. Франкенштейном (оба — Франция), умеренная критика французского руководства, выдвинувшего лозунг «Лучше Гитлер, чем Народный фронт», переплетается с попытками «обосновать» капитулянтский курс правительства ссылками на внутренние трудности и зависимость Франции от Англии (с. 209, 220, 236, 240). Жиро лишь вскользь упоминает «политические и социальные потрясения Народного фронта», неустойчивость внутренней ситуации во Франции (с. 217), замалчивая то обстоятельство, что французская финансовая олигархия своей политикой саботажа программы Народного фронта обостряла экономическое положение страны и толкала Францию к национальной катастрофе.

С французскими историками полемизирует представитель английской либерально-критической школы А. Адамтуэйт. Он выступает против традиционной для буржуазной историографии абсолютизации зависимости политики «умиротворения», проводимой Францией, от британской внешней политики, что служит для оправдания пагубного внешнеполитического курса французских правящих кругов. «Руководители

Франции,— справедливо отмечает он,— отнюдь не являлись пассивными партнерами во вдохновляемом англичанами предприятии (политике сближения с Германией.— А. И.), а были «убежденными миротворцами» (с. 246). Причины политики «умиротворения», на взгляд английского историка, достаточно многообразны, включая «страх правящих кругов перед социальной революцией», стремление установить «порядок» во Франции, раздираемой острыми классовыми конфликтами (с. 248). И все же на передний план Адамтуэйт выводит глубоко субъективные моменты, заимствованные в арсенале консерваторов: «неприятие войны» французским руководством и «отсутствие у него политической воли» (с. 247). Непоследовательность и противоречивость в суждениях и оценках, порочность методологических построений не позволяют автору дать объективный анализ внешней политики Франции в предвоенный период.

Большинство авторов сборника замалчивают, а консервативный историк М. Белофф (Англия) и проф. Маннгеймского университета (ФРГ) Г. Нидхардт голословно отрицают тот факт, что антисоветизм правящих кругов Запада лежал в основе политики «умиротворения» (с. 285, 288, 291). При этом последний ссылается на публичные выступления английских руководителей, не учитывая документы Форин Оффис и кабинета министров Великобритании, которые свидетельствуют об обратном. С откровенно реакционных, антисоветских позиций Белофф постулирует цели и задачи советской внешней политики. Явно выдержанным в духе «холодной войны» и насквозь лживым является его заявление о стремлении СССР обеспечить свою безопасность любыми средствами, включая соглашение с фашистской Германией, к чему якобы были направлены усилия советской дипломатии в 30-х годах (с. 284).

Белофф игнорирует общеизвестные факты, изложенные в многочисленных публикациях, которые свидетельствуют о том, что накануне второй мировой войны СССР настойчиво и последовательно добивался создания системы коллективной безопасности как единственно возможной меры пресечения фашистской агрессии. Однако правящие круги Англии, Франции и США, ослепленные антисоветизмом, не желали такого сотрудничества с СССР, предпочтя ему пагубный для дела мира и безо-

пасности курс на соглашение с агрессорами. Робкие попытки отдельных чиновников английского дипломатического ведомства, например, руководителя северного департамента Форин Оффис Л. Кольера и постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситарта, установить более нормальные отношения с СССР торпедировались правительством, военными и руководством МИД. Это, в частности, подтверждают материалы, подготовленные сотрудником университета в штате Джорджия (США) Д. Хендоном (с. 297, 305). Существенным недостатком этих материалов является некритическое восприятие автором ошибочных оценок руководством британского истеблишмента оборонного потенциала СССР (с. 302, 304, 306). Эти оценки не отражали истинного положения вещей. Однако автор об этом умалчивает.

Несостоятельной представляется попытка Хендона и Дугласа оправдать политику Великобритании в предвоенный период в целом и в 1938—1939 гг. в особенности. Авторы считают, что позиция Англии и Франции во время чехословацкого кризиса 1938 г. была логически обоснованной, поскольку на СССР, «как на военный фактор, нельзя было положиться» (с. 88, 308). Известно, однако, что Советский Союз, верный своим обязательствам по отношению к Чехословакии, настойчиво добивался пресечения фашистской агрессии и готов был с этой целью выставить соответствующие военные силы. Но все предложения СССР об организации коллективного отпора агрессорам намеренно срывались правительствами западных держав и их союзников. Англия и Франция при поддержке США взяли курс на соглашение с Германией за счет Чехословакии.

Противоречащим истине и документам является заявление Хендона, будто «Англия стремилась обеспечить советское участие в антигерманской коалиции весной и летом 1939 г.» (с. 311). Подобные фальси-

фикаторские оценки объективно ведут и к фальшивой концепции «дипломатической революции» (решающего поворота Англии и Франции от «умиротворения» к противоборству с Германией), якобы имевшей место после захвата гитлеровцами Чехословакии в марте 1939 года. Данную концепцию поддерживают Паркер (с. 27), Дуглас (с. 87), Вендт (с. 158), Б. Бонд (Англия) — с. 204, Жиро (с. 209), Адам-туэйт (с. 251), Д. Мак Смит (Англия) — с. 285.

Концепцию «дипломатической революции» опровергает позиция Англии и Франции на переговорах с СССР в 1939 году. История их убедительно свидетельствует о том, что западные державы после захвата Гитлером Чехословакии отнюдь не изменили курса на соглашение с агрессорами. Существо политики «умиротворения» осталось прежним. Нежелание правящих кругов Англии и Франции заключать с Советским Союзом эффективный договор о союзе против фашистской агрессии привело к срыву переговоров. Весьма существенно, что и представитель английской историографии К. Макдональд отвергает концепцию «дипломатической революции». Он пишет, что и в 1939 г. британское руководство «жаждало прийти к полюбовному соглашению с Гитлером, нежели противостоять агрессорам» (с. 408).

Содержание сборника показывает, что в современной буржуазной историографии продолжается полемика между представителями различных течений и школ по основным проблемам предистории второй мировой войны. Обострение современной международной обстановки по вине агрессивных милитаристских сил империализма привело к активизации историков консервативного направления, регенерации антисоветских, антикоммунистических концепций, что отвечает интересам наиболее реакционных кругов империалистических государств.

А. Г. Иванов

KRIEGSWENDE: Dezember 1941. Referate und Diskussionsbeiträge des internationalen historischen Symposiums in Stuttgart von 17. bis 19. September 1981. Koblenz. 1984. 268 S.

Поворот в войне: декабрь 1941 года

Под таким названием в ФРГ вышли материалы международного симпозиума историков, состоявшегося в Штутгарте в сентябре 1981 года. В публикации наглядно прослеживается различие в подходах советских и буржуазных историков к анализу и оценке событий второй мировой войны, относящихся к концу 1941 — началу 1942 года.

Общеизвестно, что во второй половине 1941 г. эпицентр второй мировой войны переместился на советско-германский фронт. Провал фашистского плана «молниеносной войны на Востоке» и поражение гитлеровцев под Москвой оказали огромное влияние на изменение военно-политической обстановки в пользу государств и народов, подвергшихся агрессии со стороны фашистского блока. Однако на симпозиуме на первое место буржуазными историками были выдвинуты проблемы ведения войны на Тихом океане, в Атлантике и на Средиземном море, а вопрос о победе Советской Армии в битве под Москвой оказался отодвинутым на задний план. Большинство выступлений было посвящено причинам возникновения войны на Тихом океане и значению вступления США во вторую мировую войну. При этом обе проблемы были изложены явно тенденциозно.

Японский контр-адмирал в отставке С. Тойяма и западногерманский историк П. Херде предприняли попытку снять ответственность с фашистской Германии и милитаристской Японии за развязывание войны против США. Следуя выдвинутой еще в 60-е годы правоконсервативными историками Запада концепции, оба докладчика утверждали, что японское правительство стремилось урегулировать спорные вопросы с США «без применения военной силы» и вынуждено было совершить нападение на Пёрл-Харбор якобы только из-за неуступчивости американского правительства, занявшего «жесткую позицию». «Решающим толчком» к началу японской агрессии на Тихом океане, по их мнению, оказалось принятие Ф. Рузвельтом решений о замораживании японских активов и наложении эмбарго на поставки нефти в Японию (с. 17,

21, 40, 47, 50—51). В соответствии со сложившейся в консервативной историографии ФРГ традицией П. Херде также заявил, что военно-политический союз Германии и Японии преследовал цель «воспрепятствовать вступлению США в войну» на стороне Великобритании (с. 40). Оба автора, не обращая внимания на многочисленные данные о приготовлениях Японии к нападению на СССР в 1940—1941 гг., утверждают, что с 1939 г. после событий на Халхин-Голе японская военщина «не имела ни малейшей склонности нападать на Советский Союз» (с. 45, 60—61).

Американский историк Г. Вайнберг обратил внимание на факты, опровергающие версию о «превентивно-оборонительном» характере германо-японского альянса по отношению к США. Он показал, что уже с 1937 г. гитлеровское руководство вынашивало замыслы войны против США, а с весны 1941 г. неоднократно обещало японскому правительству свою поддержку в случае возникновения японо-американского военного конфликта (с. 74—75, 77—78). Вместе с тем Г. Вайнберг стремится преувеличить роль США в войне против фашистских держав. Он пишет, что вступление Японии в войну на Тихом океане было «высшей целью германской политики в 1941 г.», а нападение фашистской Германии на СССР пытается истолковать как некую вспомогательную акцию, призванную «освободить Японию от всякой заботы за безопасность тыла» на севере и тем самым «облегчить» ей развертывание наступления на юге (с. 76).

Откровенное стремление преувеличить влияние США на ход второй мировой войны в 1940—1941 гг. характерно и для западногерманского историка Ю. Ровера. Полностью игнорируя факты, свидетельствующие о том, что вплоть до мая 1943 г. США и Великобритании не удавалось обеспечить эффективную защиту транспортных перевозок в Атлантическом океане от действий немецких подводных лодок¹, он пишет, что «решающий поворот в битве за

¹ См. подробнее: Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984, с. 328—331.

Атлантику произошел в 1941 г.» (с. 83, 103). Этот тезис Ю. Ровер пытается подкрепить утверждением, что США стали оказывать значительную помощь английскому флоту в организации охраны океанских коммуникаций еще до официального вступления в войну против фашистского блока (с. 102). Однако при этом он обошел то обстоятельство, что флот США, как свидетельствуют американские историки, в 1941 г. был «совершенно не подготовлен (как с материальной, так и моральной точек зрения) для развертывания противолодочных операций» и еще длительное время нес значительные потери в Атлантике от подводных лодок противника².

Иными словами, буржуазные историки пытаются утверждать, будто вступление США в войну оказало «решающее влияние» на ее ход, явилось «началом конца для стран оси» (с. 54). Ч. Люттичау (США) договаривается при этом до того, что заявляет: японская атака на Пёрл-Харбор положила конец военной угрозе СССР со стороны Японии (с. 55).

Домыслам буржуазных историков дал надлежащий ответ руководитель делегации советских историков акад. А. М. Самсонов. Он указал, что в период битвы под Москвой японские милитаристы, сосредоточив почти миллионную Квантунскую армию у нашей дальневосточной границы, лишь выжидали удобный момент для нападения на СССР. Они не решились на этот шаг только потому, что советское командование даже в самые тяжелые дни борьбы против германского вермахта не пошло на ослабление Дальневосточной армии (с. 60—70). А. М. Самсонов опроверг и утверждение Г. Вайнберга об «угрозе» Японии со стороны СССР. Будучи не в состоянии возразить по существу вопроса, Г. Вайнберг сказал, что «с германской точки зрения, японцы боялись (СССР.— Е. К.) независимо от того, существовала реальная угроза или нет» (с. 118).

Событиям на Средиземноморском театре военных действий были посвящены выступления Дж. Сомервилла (Великобритания) и А. Сантони (Италия). Дж. Сомервилл в основном ограничился изложением некоторых аспектов наступления британских войск в Киренаике (19 ноября 1941 — 10 января 1942 г.), а также отступления их (21 янва-

ря — 7 февраля 1942 г.) под ударами итало-немецких войск к границам Египта. В его сообщении отсутствуют какие-либо обобщающие оценки значения Средиземноморского театра военных действий в рассматриваемый период и не приведены данные о составе и количестве задействованных там сил и средств.

В отличие от Дж. Сомервилла А. Сантони главное внимание уделил широким «обобщениям». Он критикует с ультраправых, пронацистских позиций политику фашистской Италии в 1940—1941 гг., рассыпаясь в похвалах по поводу «эффективности действий» германского вермахта. Попытки итальянского фашистского руководства до 1941 г. осуществлять агрессию собственными силами, продиктованные его стремлением в какой-то мере сохранить самостоятельность и не попасть окончательно в полную зависимость от своего более сильного союзника и конкурента — германского империализма, А. Сантони расценил как основную «причину итальянских военных поражений», имевших, по его словам, «катастрофические последствия для стран оси», поскольку Гитлер в 1941 г. вынужден был направить на помощь Италии «значительные силы», которые могли быть использованы в «превентивной войне против Советского Союза» (с. 149, 166).

Это не что иное, как пересказ домослов из «политического завещания» Гитлера, в котором нацистский фюрер, пытаясь переложить ответственность за разгром фашизма Советской Армией на Муссолини, утверждал, что если бы вермахт не поспешил на помощь Италии, потерпевшей осенью 1940 г. поражение в греческой кампании, то успех войны против СССР был бы обеспечен. Западногерманские историки, которым хорошо известен этот документ, сделали вид, что не замечают, откуда А. Сантони заимствовал «свою» версию. Лишь Э. Еккель счел нужным указать слишком ретивому адвокату нацистов, что война Гитлера против СССР «со всех точек зрения была неспровоцированной, наступательной войной» (с. 171). Заявление А. Сантони о «значительных силах» вермахта, направленных на помощь Италии, также неверно. Осенью 1941 г. в Северной Африке находилось всего 65 тыс. немецких солдат, тогда как в группе армий «Центр», наступавшей на Москву, их было почти в 30 раз больше. При этом следует учитывать, что тогда на советско-германском фронте действовал

² Морисон С. Битва за Атлантику (сентябрь 1938 г.— май 1943 г.). М. 1956, с. 250.

60-тысячный итальянский экспедиционный корпус.

Несостоятельность различных версий, выдвинутых буржуазными историками с целью преувеличения роли Тихоокеанского, Атлантического и Средиземноморского театров военных действий, особенно наглядно выступит в свете опубликованного в сборнике доклада акад. А. М. Самсонова «Битва под Москвой». Он развертывает величественную панораму героической борьбы советского народа против превосходящих сил фашистов в оборонительных сражениях летом и осенью 1941 года. Большое внимание автором уделено социально-политическим факторам, оказавшим влияние на исход битвы. «Победа под Москвой,— пишет он,— была бы невозможной без передового социалистического строя, присущей ему гуманной, прогрессивной идеологии, единства всех наций и народностей, планового хозяйства, без поддержки фронта всем населением в тылу» (с. 195).

В докладе А. М. Самсонова подчеркнуто, что в битве под Москвой потерпел окончательное крушение немецко-фашистский план «молниеносной» войны против СССР, вермахту было нанесено сокрушительное поражение, которое развеяло легенду о его непобедимости. Правильность этого вывода вынужден был признать сотрудник военно-исторического исследовательского управления бундесвера К. Райнхардт. По его словам, германский вермахт под Москвой «утратил ореол непобедимости», понес громадные потери, которые «в будущем уже невозможно было восполнить» (с. 207). Вместе с тем К. Райнхардт пытается отстоять избитую версию буржуазной историографии о «роковых просчетах» Гитлера, который якобы вопреки желанию своих генералов не стремился к «быстрой военной победе», недооценивал значения наступления на Москву и т. п. (с. 200).

Среди материалов симпозиума привлекает к себе внимание историографическое сообщение А. М. Филитова. В нем показана абсурдность распространенных в буржуаз-

ной литературе попыток трактовать битву под Москвой как одно из «рядовых событий войны», опровергнуты различные доводы в пользу надуманной версии, будто Советская Армия смогла сорвать немецко-фашистский «блицкриг» лишь благодаря поставкам оружия из США (с. 211—214).

Завершает сборник раздел «Обобщающая дискуссия по теме «Поворот в войне: декабрь 1941 г.». Однако, к сожалению, содержание раздела не соответствует его названию. Основное место в нем отведено рассуждениям буржуазных историков А. Хилльгрубера, Г.-А. Якобсена, Г. Дойча и др. о целях воюющих держав во второй мировой войне. Они пытаются приписать СССР некие агрессивные устремления в Европе, Азии и даже на Аляске, обвинить его в «экспорте революции» и т. п. (с. 231, 234—235, 241, 250). Советские историки дали достойный ответ этим клеветническим выпадам. Они убедительно показали, что СССР в навязанной ему войне преследовал справедливые, освободительные цели, последовательно выступал за соблюдение права каждого народа на установление такого общественного строя и избрание такой формы правления, какие он считает целесообразными.

Материалы сборника показывают, что буржуазные историки не ослабляют попыток, с одной стороны, принизить значение выдающейся победы Советской Армии в битве под Москвой, а с другой — преувеличить роль военных действий англо-американских вооруженных сил на Тихом океане и Атлантике, где стратегическую инициативу в то время еще прочно удерживали государства фашистского блока. Выступления советских исследователей способствовали разоблачению фальсификаторов, укреплению авторитета марксистско-ленинской исторической науки, утверждению правды о решающем вкладе СССР в спасение человечества от угрозы фашистского порабощения.

Е. Н. Кульков

КОРОТКО О КНИГАХ

Сборник от научни трудове и материали по история и теория на науката и техниката. София. Научно дружество по история и теория по науката. 1983. 503 с.

Сборник научных трудов и материалов по истории и теории науки и техники.

В 1970 г. в Болгарии начал выходить на русском языке Международный ежегодник истории и теории медицины «Асклепий»¹. Первоначально в состав его редколлегии входили ученые Болгарии и СССР, с 1974 г. (с III тома) в ней были представлены СССР, Болгария, ГДР, Венгрия, Чехословакия, Польша, Румыния, Монголия, Куба, Вьетнам и Югославия. Главный редактор и инициатор издания — известный болгарский историк науки В. Т. Павлова. Это издание интересно не только для историков науки и медицины, но и для историков вообще. В нем опубликованы материалы о важных эпизодах развития болгарской культуры, много нового по истории русско-болгарского сотрудничества во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

В настоящее время в рамках Болгарской АН действует Научное общество по истории и теории науки, а также научная группа по истории науки (руководитель В. Т. Павлова). Тематика исследований, проводимых ими, включает не только историю медицины, но и историю и теорию науки и техники в целом. Об этом свидетельствует сборник, изданный после состоявшегося в 1981 г. XVI Международного конгресса по истории науки, в котором наряду с болгарскими учеными приняли участие ведущие советские историки науки во главе с чл.-корр. АН СССР С. Р. Микулинским.

По содержанию сборник делится на два раздела: научно-философские, историографические проблемы истории науки и техники и конкретная история науки. В первом разделе речь идет о развитии медико-биологических наук в Болгарской АН за первое столетие ее существования (Д. А. Сепетлиев, М. Н. Петкова). Проблем изучения донаучной картины мира касается статья Е. Данкова. Во втором разделе в статье И. Цветкова излагаются результаты изучения физических знаний в античную эпоху. Расшифровку гербария Псевдоапuleя как источника сведений о древней флоре Балканского полуострова сделал В. Васильев. О первых горных разработках полезных ископаемых и зачатках металлургии на территории Болгарии пишет Г. Георгиев. Материал, касающийся практического лечения психических заболеваний в средневековой Болгарии, приводят Н. Предов и М. Апостолов. И. Галчев дает обзор деятельности Пинколы Булгара — известного врача, писателя и дипломата XIV века. В статье М. Шенгелля освещается деятельность в Болгарии

Иоана Петрици — известного грузинского просветителя. Роли ряда болгарских ученых посвящены статьи Н. Бочваровой (о П. Бероне), С. Боричева (о П. Р. Славейкове), Т. Е. Кирковой (об А. Николау-Берлацкой, первой болгарской женщине-враче) и И. Изманова (о П. И. Бахметеве — основателе болгарской физики). Для истории болгарской культуры представляет интерес попытка реконструкции и изучения каталогов личных библиотек крупнейших деятелей культуры, науки и искусства Болгарии, предпринятая Е. Кировой.

Мемуарам деятелей культуры и науки — участников Старозагорского восстания 1875 г. и их значению как источника посвящена статья Н. Конева. О болгарских ученых — продолжателях традиций и деятельности Института гималайских исследований «Урусвати» в Кулу, руководимого Н. К. Рерихом, пишут Б.-Д. Бадараев и Г. Свечников. Деятельности того же института посвящена статья С. Пейкова.

История налаживания сотрудничества болгарских ученых с учеными социалистических стран рассматривается Г. Бранковым. В ряде статей исследуется развитие отдельных наук в Болгарии — океанологии, гелиминтологии, а также медицины.

Помимо статей, имеющих общеисторическое значение, в сборник включены материалы историко-научного характера, в том числе подготовленные советскими авторами (это переводы или изложение их ранее опубликованных работ).

А. Н. Шалин

K. KELLES-KRAUZ. *Listy*. T. I. 1890—1897. 752 s.; T. II. 1898—1905. 923 s. Wrocław. Ossolineum. 1984.

К. КЕЛЛЕС-КРАУЗ. *Письма*.

Польская АН выпустила в свет двухтомник писем известного социолога-марксиста и теоретика Польской социалистической партии (ППС) К. Келлес-Крауза (1872—1905 гг.). Издание подготовили В. Беньковский, А. Гарлицкая и А. Коханьский; редактор и автор вступительной статьи — Ф. Тых. Двухтомник включает свыше 800 впервые публикуемых писем, находящихся в Центральном архиве ЦК ПОРП в Варшаве и ряде других польских и зарубежных хранилищ. Круг адресатов Келлес-Крауза весьма широк. Среди них наряду с его родными и друзьями руководящие органы ППС, видные деятели польского и международного социалистического движения.

Ведущее место в письмах занимают идейно-политические вопросы, связанные с программой и деятельностью польских рабочих партий — ППС и СДКПил. Публикации снабжены пространным и содержательным комментарием, занимающим почти половину издания и включающим либо аннотации, либо фрагменты писем, на которые отвечает Келлес-Крауз.

¹ См. рец. С. С. Кривобокковой (Вопросы истории естествознания и техники, 1981, № 4).

Для советских читателей представляет интерес освещение в письмах Келлес-Крауза и в комментариях к ним деятельности русской политической эмиграции конца XIX — начала XX в., в том числе «Группы старых народовольцев». Корреспондентом Келлес-Крауза был, например, один из создателей группы, Н. С. Русанов. Двухтомник содержит немаловажные сведения, относящиеся и к истории российской социал-демократии искровского периода, к первым годам пребывания В. И. Ленина в эмиграции.

Новые источники, вводимые в научный оборот данным изданием, важны для изучения истории польского социалистического движения в целом, и прежде всего его левого крыла. Письма Келлес-Крауза и все содержание двухтомника убедительно подтверждают, что для польской социалистической левицы конца XIX—начала XX в. была характерна идейная близость к СДКПил, стремление к сотрудничеству с российской социал-демократией, классовый подход к борьбе за независимость Польши, отчетливое понимание того, что польское национально-освободительное движение и рабочее движение могут успешно развиваться только в тесной взаимосвязи друг с другом. Политическую актуальность изданию придает то, что его содержание отражает правильное понимание исторических традиций передовой частью тогдашней польской интеллигенции, которая видела главный смысл своей деятельности в борьбе за перестройку общества на основе принципов социализма и в восстановлении независимости Польши¹.

В. А. Дьяков

П. СОХАН, Г. ЧЕРНЯВСКИ. *Формиране на марксистско-ленинската концепция за история на България 1918—1944*. София. Наука и изкуство. 1983. 205 с.

П. С. СОХАНЬ, Г. И. ЧЕРНЯВСКИЙ. *Формирование марксистско-ленинской концепции истории Болгарии в 1918—1944 гг.*

В книге советских историков П. С. Соханя и Г. И. Чернявского, опубликованной в Болгарии, прослеживается становление марксистской историографии новейшей болгарской истории от ее зарождения непосредственно после первой мировой войны и до победы революции 1944 г., процесс выработки концепций, ход подготовки кадров специалистов и т. д.

Один из основных вопросов монографии — содержащаяся в трудах В. И. Ленина характеристика влияния Октябрьской революции на подъем классовой борьбы в Болгарии. Авторы выявили источники сведений о Болгарии, которыми пользовался Ленин, — советская, иностранная и международная периодика, личные встречи с деятелями болгарского революционного движения и получен-

ные от них документальные материалы и письма, литература на болгарском языке, — показали роль ленинских оценок в становлении подлинно научной концепции новейшей истории Болгарии.

Авторы выделили четыре этапа в рамках рассматриваемого ими периода. Их совпадение в определенной степени с этапами развития Болгарии и БКП обосновывается тем, что именно общественно-политические условия, характер задач, которые ставила и решала БКП, степень ее перехода на позиции ленинизма определяли как общий уровень развития целостной концепции истории страны, так и оценки отдельных фактов и событий.

Первый этап (1918—1923 гг.) П. С. Соханя и Г. И. Чернявский рассматривают как время зарождения марксистско-ленинской оценки новейшей болгарской истории. При анализе второго этапа (1923—1929 гг.) уделено внимание значительным изменениям в условиях, при которых происходило развитие исторических взглядов, — переходу БКП на нелегальное положение, образованию значительной болгарской политэмиграции, в частности в СССР. В то же время в книге показано, что события 1923 г. и последующих лет стимулировали марксистский анализ сущности и особенностей болгарского фашизма. Третий этап (1929—1934 гг.) характерен тем, что в борьбе с левосектантскими тенденциями продолжала углубляться марксистско-ленинская оценка болгарской истории. Четвертый этап (1934—1944 гг.), которому в монографии уделено наибольшее внимание, оценивается авторами как годы, давшие наибольшие результаты в исследовательской работе по истории БКП, рабочего движения, экономической истории, болгарского фашизма и его особенностей.

Авторы характеризуют условия исследовательской работы в те годы. Так, до установления народной власти архивное дело в Болгарии было организовано слабо. БКП тщательно собирала свою документацию (в книге приводятся данные о подготовке первого сборника), но ее архивные фонды не были скомплектованы, и это затрудняло их исследование. Вместе с тем содержание книги свидетельствует, что допускаемая подчас недооценка сделанного в болгарской марксистской историографии 1918—1944 гг. совершенно неосновательна. Именно тогда, в 20-е — первой половине 40-х годов, возник и утвердился научный подход ко многим общим и частным проблемам новейшей истории Болгарии.

В работе показано значение документов БКП и Коминтерна, трудов Д. Благоева, В. Коларова, Г. Димитрова, исследований Х. Кабакчиева, Г. Бакалова, И. Орманова, специалистов молодого поколения из числа болгарских политэмигрантов, находившихся в СССР, а также советских историков, связанных, в частности, с сектором славяноведения Института истории АН СССР и кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, в становлении марксистско-ленинской концепции новейшей истории Болгарии.

Д. Б. Мельцер

¹ См. рец. В. Навроцкого: *Трудна Луду*, 3. 1. 1985.

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ*Исторически преглед.* София. 1985, № 3.

З. Маркова. Церковно-национальное движение в Восточной Македонии в 70-х гг. XIX в.; Г. Сотиров. Жизнь, отданная великому делу (к 1100-летию со дня смерти Мефодия); Сообщения. Б. Григоров. Февральские события 1934 г. в Австрии и Франции и болгарское рабочее движение; М. Д. Дихан. Участие бессарабских болгар в первой российской революции; События и люди. В. Чичовска. Деятельность А. Обретенова на посту председателя Палаты народной культуры.

Etudes balkaniques. Sofia. 1984, № 4.

40-летие победы социалистической революции 9 сентября 1944 г. в Болгарии. Т. Живков. Великий день Болгарии; Конференция болгарских историков в связи с 40-летием революции 9 сентября. Н. Тодоров. Вступительная речь; И. Караяннопулос. Приветствие участникам конференции; Статьи. Г. Делчева. Внешняя политика Албании в 1944—1948 гг.; Е. Тодорова. Торговый путь через Балканы в средние века; Н. Кочев. Некоторые аспекты церковно-политических отношений на Балканском полуострове в XIV—XV вв.; Г. Диттен. Мир или война были между Византией и Болгарией в 837 г.?; Сообщения. И. Иорданов. Печати Бориса-Михаила (865—889 гг.) и Симеона (893—913 гг.); Д. Драганов. Чеканка серебряной монеты в Кабиле и тетрадрахмы короля Каваруса (Фракия); Распространение болгарского влияния к северу от Дуная в VIII—X вв. Н.Щ. Танаоша, Т. Теотеон. Распространение болгарского влияния к северу от Дуная в VIII—X вв. (румынская историография проблемы); С. Брезяну. «Болгария по ту сторону Дуная» в свете письменных источников средневековья.

Századok. Budapest. 1984, № 2.

Ф. Э. Киш. Судьба «бумажек Кошута» (бумажных денег) на оккупированной австрийскими войсками венгерской территории в 1848—1849 гг.; Г. Эрледи. Единство или свобода. Оценка дилеммы немецкого либерализма газетой «Pesti Napló» в 1858—1871 гг.; Collegium Christi г. Эстергома в средние века; Д. Лугоши. Жизненный путь Морица Бенёвски (XVIII в.).

Századok. 1984, № 3.

Д. Ранки. Экономическое развитие России в 1861—1917 гг.; Д. Кёвер. Английский рынок капиталов и Венгрия: Англо-венгерский банк 1868—1879 гг.; Сообщения. П. Гунст. Рыночные отношения в венгерском сельском хозяйстве и немецкий рынок в 1920—1930 гг.; Ф. Вираг. Социальный состав венгерского сельского населения на южной части Венгерской низменности в конце XIX—начале XX в.

Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin. 1985, № 2.

З. Томас. Внешнеполитическая оппозиция в ФРГ 1949—1969 гг. Тенденция развития, группировки, последствия; Г. Фессер. О последствиях закона об имперских объединениях (1908—1914 гг.); И. Херрман. Единство письменных и археологических источников и изучение ранних исторических эпох.

Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1985, № 3.

В. Шмидт. Проблема наследия и традиции в исторической науке ГДР; У. Херрман. Немецкие женщины — члены СДПГ в борьбе за мир до и во время первой мировой войны; Э. Вернер. Значение новых методов османистики для византиноведения: исследование дефтеров (переписей податного населения Османской империи); Дискуссии. В. Кюттлер. Еще раз о классовом положении юнкерства во время и после промышленного переворота.

Przegląd historyczny. Warszawa. 1984, № 4.

Е. Колендо. Венеды в Центральной и Восточной Европе. Этническое размещение и действительность; Г. Ловмянский. Вопрос о славянском политизме; Е. Михальский. Проблематика польско-русского союза при Станиславе Августе (1764—1766 гг.); Зб. Ляндау, Е. Томашевский. К дискуссии относительно оценки тенденций развития польского хозяйства в 1918—1939 гг.; Обзоры. Е. Хольцер. Зарождение национал-социализма. Обзор проблематики; Дискуссии. А. Сухени-Грабовская. Размышления относительно сеймов при Сигизмунде Августе (в связи с книгой В. Урушчака).

Śląski kwartalnik historyczny Sobótka. Wrocław. 1984, № 3.

Я. Грухала. Политическое положение на польских землях в начале XX в. (до 1914 г.) в оценке чешских политических партий; Э. Завацкая. Участие «рацибужанок» в почтово-курьерской службе Армии Крайовой; А. Магерская. Формирование администрации на западных и северных польских землях; Р. Маевский. Борьба за освобождение Вроцлава в 1945 г.

Śląski kwartalnik historyczny Sobótka. 1984, № 4.

Из истории протестантизма в Силезии (материалы научной сессии во Вроцлаве 3.XII.1983 г.). К. Матвиёвский. Вступительное слово; К. Малечиньская. Произведения М. Лютера во Вроцлаве в XVI—XVII вв.; Я. Харасимович. Силезское лютеранство в эпоху Реформации, попытка характеристики; В. Гладкевич. Путь к Реформации в историографии раннеренессансного Вроцлава на примере Ф. Фабера; К. Ожеховский. Место и роль протестантов в истории силезских сословных собраний; К. Матвиёвский. Из истории пиетизма в Силезии (влияние г. Галле на дело просвещения в Силезии); А. Галос. Из истории празднования годовщины, связанных с Реформацией, в Германии и в Силезии в XIX в.; Источниковедческие исследования. К. Гурная. Сезонность естественного движения протестантского населения в церковном приходе Жонсьник в 1794—1874 гг.; М. Гурный. Тарногорская семья в свете переписи населения 1872 г.; Г. Панько. Протестантская церковь как фактор сплочения польского населения в чешской части Тешинской Силезии в межвоенный период; М. Рок-Костуркевич. Вроцлавские протестанты после второй мировой войны; С. Заградник. Польская церковная печать в Чехословакии до 1939 г.

Studia historyczne. Kraków. 1985, № 1.

Я. Пирожиньский. О познаньском печатнике Петре Секстилисе из Обжицка и о польских букварях XVI в.; Х. Ольшевский. Политическая система и политико-правовая доктрина Речи Посполитой времен Яна III; К. Дах. Деятельность М. Чайковского (Садык-паши) и В. Замойского на румынской территории во время Крымской войны; Я. Линовский. Великобритания и античехословацкая политика Ю. Бека (сентябрь 1938 г.); Е. А. Радомский. Участие чехословацкого легиона в событиях сентября 1939 г.; К. Новак. Культурно-просветительное Общество рабочего университета в Кракове (1945—1947 гг.); Материалы. Б. Слушкевич. Печати подгальских деревень XIX в. как исторический источник. Дискуссии.

З. Пех. Археология и вспомогательные исторические дисциплины (в связи с книгой В. Маизла).

Revue des études sud-est européennes. Bucarest. 1984, № 2.

Международная ассоциация по изучению Юго-Восточной Европы, научное сотрудничество и защита мира; Ст. Брезяну. «Даки» в «Суде». Реинтерпретация; И. Деретич. Значение трудов Д. Обрадовича для компаративистики; З. Михайл. Идеология, образ мыслей и язык; К. Мишо. Солнце, орел и полумесяц. Французское посольство при Османской Порте и осада Вены турками в 1683 г.; К. Иордан. Отношение Румынии и Югославии к фашистской Италии (1926—1928 гг.); М. Дж. Роук. Английское правительство и торговля с Юго-Восточной Европой (1938—1939 гг.).

Историјски часопис. 1982—1983. Београд. Књ. XXIX—XXX.

И. Калич. Деспот Стефан Лазаревич и турки (1421—1427 гг.); М. Петрович. «Церковные заступники» в Номоканоне св. Савы; М. Янкович. Липлянская епископия и Грачацкая митрополия; Р. Чук. Два древних рынка в Полимле; Г. Томович. Надгробные надписи из Подринья; М. Николич. Карта Балканского полуострова первой половины XV в.; Н. Фейич. Дубровчанин Бенко Котрулевич перед судом Марии Арагонской в Барселоне; С. Димитриевич. Древнейшие мелкие медные монеты «фолар» в Дубровнике; И. Войе. Значение г. Брскова в экономике средневековой Сербии; Д. Боянич. О Новобродской «господчине»; Р. Тричкович. Галлиполийские и ягодинские сербы; М. Стоякович. Установление власти турок над Поречьем (Северная Сербия); О. Зироевич. О происхождении имени «Хамза»; И. Ерцег. Соляная торговля на побережье Хорватии (XVII—XVIII вв.); Т. Попович. Французский представитель в Белграде в 1593—1606 гг.; В. Бошков. Ферман Мехмеда III из Хилендарского монастыря; Г. Станоевич. Статистика экспорта из Сплита в Венецию за пятилетний период (1699—1705 гг.); Б. Храбак. Ростовничество в Западной Македонии в XVII в.; Д. Синдик. Завещание духовника Никанора (1685 г.); М. Ячов. Участие сердара Я. Митровича и его сыновей в Кандийской и Морейской войнах; С. Гаврилович. Социально-экономическое развитие Южной Венгрии в XVII—XVIII вв.; Р. Самарджич. Исследовательский метод Й. Тадица; Д. Янкович. Значение Первого сербского восстания в европейской и балканской истории; В. Стоянчевич. Об ответственности М. Петровича за поражение сербской армии у Каменицы (1809 г.); Н. Вучо. Первоначальное накопление капитала в Сербии; Л. Алексич-Пейкович. Черногория и Сербия — центры на-

ционально-освободительной борьбы южно-славянских народов до 1878 г.; К. Джамазовский. Мелкий рогатый скот Сербского княжества на константинопольском рынке в XIX в.; Р. Люшич. Российский консул Г. В. Ващенко о Боснии и Герцеговине конца 30-х — начале 40-х гг. XIX в.; В. Стоянчевич. Формирование пограничной этнической зоны в Сербии в первой половине XIX в.; Д. Милич. Экономическая политика сербского либерализма в первой половине XIX в.; Д. Берич. Проблемы упадка экономической системы Османской империи в период 1848—1878 гг.; Дж. Игнатович. «Призрак коммунизма» в Сербии (1848—1875 гг.); Ж. Джорджевич. Англичане А. П. Ирби и Г. М. Макензи в Сербии в 1862, 1863, 1864 гг.; Д. Милоевич. Пребывание Б. Стратимировича в Италии в 1864—1865 гг.; Д. Джорджевич. Сербия и сербское общество в 1880-х гг.; М. Войводиц. Финансы Сербии и вооружение

армии — два важных вопроса программы правительства С. Новаковича (1895—1896 гг.); Н. Ракочевич. Первая конституция Черногории; Н. Урич. Миссия В. Джорджевича в Вену в ноябре 1912 г.; С. Терзич. И. Скерлич в Народной скупщине 1912 г.; Д. Батакович. Конфликт между военными и гражданскими властями в Сербии весной 1914 г.; У. Остоич-Феич. Р. У. Ситон-Уотсон и Г. М. Тревельян в Сербии 1914—1915 гг.; Д. Живоинович. Правительство США и конвенция о Югославии в Чикаго 1915 г.; Л. Трговчевич. План создания югославянской энциклопедии в годы первой мировой войны; П. Опачич. Сербско-итальянское военное сотрудничество в годы первой мировой войны и образование Югославии; С. Джурович. Некоторые формы влияния Чехословакии на развитие промышленности Югославии после 1918 г. (на примере Сербии); В. Винавер. Отношение КПЮ к Балканскому пакту 1934 г.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Барановский В. Г. Политическая интеграция в Западной Европе: некоторые вопр. теории и практики.— М., 1983.—264 с. Рец.: Dost A.—*Staat u. Recht. Brl.*, 1984, H. 11, S. 939—941.

Брусилов А. А. Мои воспоминания.— М., 1983.—256 с. Рец.: Gieritz H.—*Militärgeschichte, Brl.*, 1985, № 1, S. 80—81.

Восток: Рубеж 80-х годов: Освободившиеся страны в соврем. мире /Примаков Е. М. (руководитель авт. коллектива), Ким Г. Ф., Андреасян Р. Н. и др.— М., 1983.—269 с. Рец.: Wessel I.—*Asien, Afrika, Lateinamerika, Brl.*, 1984, Bd. 12, H. 6, S. 1123—1125.

Губайдулин В. М. Революционная власть в освобожденных районах Китая (1937—1945 гг.) /Отв. ред. Гудошников Л. М.—Новосибирск, 1981.—272 с. Рец.: Jordan G.—*A politikai foiskola kozleményei, Budapest*, 1984, № 1/2, 261—266. old.

Добротин Р. Б., Карпило Н. Г. Библиотека Д. И. Менделеева.— Л., 1980.—222 с. Рец.: Róziwicz J.—*Kwartalnik historii nauki i techniki, Warszawa*, 1984, № 3/4, s. 674—676.

Курилович А. Н. Белорусское народное ткачество.— Минск., 1981.—119 с. Рец.: Szczerbowski A.—*Acta Universitatis wratislaviensis*, 1984, № 724. *Slavica Wratislaviensis*, № 31, s. 124—126.

Куропятник Г. П. Россия и США: Экон., культ. и дипломат. связи, 1867—1881.— М., 1981.—373 с. Рец.: Hart-

grove J. D.—*American Historical Review*, N. Y., 1983, vol. 88, № 5, p. 1300—1301.

Куценков А. А. Эволюция индийской касты.— М., 1983.—325 с. Рец.: Schaller E.—*Asien, Afrika, Lateinamerika, Brl.*, 1984, Bd. 12, H. 6, S. 1127—1129.

Лавров Н. М. Мексиканская революция 1910—1917 гг.— М., 1972.—290 с. Пер. на венг. яз.—*Budapest*, 1983. Рец.: Skatag P.—*A politikai foiskola kozleményei, Budapest*, 1984, № 1/2, 267—273. old.

Левандовский А. А. Из истории кризиса русской буржуазной историографии: А. А. Корнилов.— М., 1982.—180 с. Рец.: Black J. L.—*American Historical Review*, N. Y., 1983, vol. 88, № 5, p. 1299—1300.

Ленинская внешняя политика и развитие международных отношений /Александров В. В., Севостьянов И. П., Сергеев Р. А., и др.: Под ред. Александрова В. В.— М., 1983.—287 с. Рец.: Шентов О.—*Известия на Института по история на Българската Комунистическа партия. София*, 1984, № 52, с. 475—480.

Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий: В 5-ти т. /Редкол.: Преображенский В. С. (председатель), и др. 3-е изд., перераб. и доп.— М., 1982. Т. 1. Географические открытия народов древнего мира и средневековья (до плаваний Колумба). 286 с. Рец.: Karczmarczuk R.—*Kwartalnik historii nauki i techniki, Warszawa*, 1984, № 3/4, s. 700—703.

Общественное сознание на Балканах в средние века. Межвуз. темат. сб. /Редкол.: Фрейденберг М. М. (отв. ред.) и др.— Калинин, 1982.—187 с. Рец.: Mihail Z.—

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам в январе 1985 года.

Revue des études sud-est européennes, Bucarest, 1984, t. 22, № 4, p. 93—95.

Очерки истории организации науки в Ленинграде, 1703—1977. /Кольцов А. В., Копелевич Ю. Х., Лебин Б. Д. и др.; Под ред. Лебина Б. Д.—Л., 1980.—314 с. Рец.: Róźiewicz J.—Kwartalnik historii nauki i techniki, Warszawa, 1981, № 3/4, s. 720—723.

Политические партии США в новое время /Редкол.: Сивачев Н. В. (отв. ред.) и др.—М., 1981.—264 с. Рец.: Andris P.—Právník, Praha, 1984, č. 12, s. 1126—1129.

Разрядка против антиразрядки: Некоторые вопросы борьбы КПСС против подрыва разрядки агрессив. силами. /Деборин Г. А. (руководитель), Гаглов И. И., Корнев Л. Н. и др.—М., 1982.—271 с. Рец.: Haber J. A.—Studia nauk politycznych, Warszawa, 1984, № 2(68), s. 186—187.

Савина Н. В. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в.—М., 1982.—340 с. Рец.: Meyer M.—Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Brl., 1984, H. 12, S. 1121—1123.

Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность /Подгот. Былинин В. К., Гребенюк В. П., Державина О. А. и др.; Под ред. Робинсона А. Н.—М., 1982.—352 с. Рец.: Malek E.—Przegląd ruscystyczny, Warszawa; Łódź, 1984, z. 3/4, s. 212—217.

Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. /Под ред. Гиньва В. Н.—Л., 1981.—256 с. Рец.: Thompson J. M.—American Historical Review, N. Y., 1983, vol. 88, № 5, p. 1300—1301.

Утченко С. Л. Юлий Цезарь.—М., 1976.—365 с. Пер. на нем. яз.—Brl., 1982. Рец.: Rothe C.—Literaturzeitung, Brl., 1984, H. 11, Sp. 893—897.

Этническая история народов Севера /Отв. ред. Гурвич И. С.—М., 1982.—269 с. Рец.: Tambovtsev Y. A.—Finnish-ugriscche Forschungen, Helsinki, 1984, Bd. 46, H. 1/3, S. 177—181.

Glinkin A. N. El latinoamericanismo contra el panamericanismo: (Desde Simon Bolivar hasta nuestros dias).—Mosku, 1984.—212 s. Рец.: Dvořák L.—Mezinárodní vztahy, Praha, 1984, č. 8, s. 76—77.

Хроникальные заметки

◆ К 40-й годовщине Победы над фашизмом изданы лекции Зигфрида Фицке, прочитанные им в Высшей партийной школе при ЦК СЕПГ. Автор освещает следующие вопросы: организация КПГ борьбы антифашистов: формы и методы Сопротивления; стратегия и тактика партии в период господства фашизма (S. Vietzke. Die KPD im Kampf gegen Faschismus und Krieg (1933 bis 1945). Berlin. Dietz Verlag. 1985. 282 S.).

◆ Коллектив авторов под руководством Карла-Хайнца Шёнебурга (ГДР) написал книгу о становлении первого рабоче-крестьянского государства на немецкой земле. В работе характеризуются уничтожение в Германии фашистского государственного аппарата и появление революционно-демократических органов в ее восточной зоне, исторические условия возникновения ГДР, экспроприация монополистического капитала, планирование и руководство народным хозяйством и образованием, охрана революционных завоеваний, становление диктатуры пролетариата (Errichtung des Arbeiter- und Bauern-Staates der DDR, 1945—1949. Berlin. Staatsverlag der DDR. 1983. 298 S.).

◆ Хельга Пихт (ГДР) исследует пути распространения научного социализма в странах Восточной Азии, начиная с первых шагов в познании идей основоположников марксизма и кончая современным периодом (H. Picht. Asien. Wege zu Marx und Lenin. Berlin. Dietz Verlag. 1984. 207 S.).

◆ Современный этап борьбы за национальное и социальное освобождение стран Латинской Америки освещает Вильгельма Хренко (ГДР), описывающая объективные предпосылки и конкретные обстоятельства этой борьбы, участвующие в ней социальные и политические силы. Отдельные главы касаются империалистической внешней политики США в Латинской Америке (W. Chrenko. Lateinamerika. Neue Etappe im Ringen um nationale und soziale Befreiung. Berlin. Dietz Verlag. 1984. 151 S.).

◆ АН ГДР публикует отдельными выпусками доклады и сообщения, сделанные на заседаниях Отделения общественных наук. В числе последних публикаций: Вольфганг Айххорн. Закономерность революций (W. Eichhorn. Gesetzmässigkeit von Revolutionen. Berlin. Akademie-Verlag. 1985. 29 S.); Йоахим Херрманн. Историческая триада и общественные формации: теория и практика столетия после публикации труда Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (J. Herрманн. Geschichtstriade und Gesellschaftsformationen. 1985. 50 S.); Борен за мир — гуманист — ученый. К 100-летию со дня рождения президента Германской АН в Берлине в 1951—1956 гг. Вальтера Фридриха (Friedenskämpfer — Humanist — Wissenschaftler. 1985. 47 S.).

◆ В качестве вып. 17 серии работ по истории естественных наук, издаваемой Институтом чехословацкой и всемирной истории ЧСАН, увидел свет сборник, посвящен-

ный 60-летию словацкого историка Яна Тибенского. В сборник вошли статьи чешских и словацких ученых о развитии науки в Чехии и Словакии XIX—XX веков (Práce z dějin přírodních věd. 17. Praha. UČSD. 1983. 363 s.).

◆ Вып. 5 серии работ по истории средневековой Чехии, издаваемой тем же институтом, содержит статьи по истории чешских городов и государства, гуситского движения, материалы секции истории феодализма V съезда чехословацких историков, состоявшегося в феврале 1982 г. (Folia historica Bohemica. 5. Praha. UČSD. 1983. 552 s.).

◆ Вып. 6 серии по истории социалистической Чехословакии, издаваемой там же, посвященный 60-летию Вацлава Пеши, включает статьи ученых ГДР, СССР и ЧССР по истории буржуазных революций в Европе XVI—XVIII вв., Чехословацкой буржуазной республики, переходного периода к социализму и социалистического строительства в ЧССР, историографические и архивоведческие материалы (Dějiny socialistického Československa. Studie a materiály. Sv. 6. Praha. UČSD. 1983. 434 s.).

◆ Иван Каменец из Словацкой АН исследует начальный этап развития марксистской исторической мысли в Словакии, особенно в связи с ростом революционного движения и появлением пролетарской печати, начиная с рубежа XX столетия (I. Kamenec. Začiatky marxistického historického myšlenia na Slovensku. Bratislava. VSAV. 1984. 143 s.).

◆ Сборник по истории науки и техники в Словакии включает статьи: Магда Юрицова. Развитие исследовательской экспериментальной базы в Словакии 1945—1980 гг.; Ян Тибенский. Четверть века Словацкой АН в науке и культуре: общественные науки; Ондрей Пёсс. Революционные перемены в точных науках; Штефан Андорович. Начало моторного летания в Словакии; Ян Медович. История исследований Большой Фатры (Cesty k súčasnému vedecko-technickému rozvoju Slovenska. Bratislava. VSAV. 1984. 131 s.).

◆ Биографию Венцеслава Будовца (1551—1621 гг.) — чешского общественно-политического деятеля и просветителя (с приложением ряда документов эпохи) написала Ноэми Рейхртова, специализирующаяся по истории общественной мысли XVI—XVII веков (N. Rejchrtová. Václav Budovec z Budova. Praha. Melantrich. 1984. 274 s.).

◆ Вышел научно-популярный очерк древней и раннесредневековой истории Чехии, принадлежащий перу Богуслава Глипки, который рассматривает предания о Чехе в свете накопленных наукой археологических, этнографических и других материалов (B. Hlípka. Spor o praočce Čecha. Praha. Práce. 1984. 299 s.).

◆ Как заселялась Западная и Центральная Словакия в средние века? Какую роль сыграли в этом процессе праславянские аборигены, а также авары, хорваты, венгры, немцы и поляки? Проф. Бранислав Варсик (Словацкая АН) анализирует эти воп-

росы в свете исторических, археологических и лингвистических данных (B. Varsik. Z osídlenia západného a stredného Slovenska v stredoveku. Bratislava. VSAV. 1984. 257 s.).

◆ Любомир Панайотов, Константин Пандев и Надежда Недкова (Болгария) составили сборник материалов о жизни и деятельности Михаила Иванова Герджикова — видного деятеля национально-освободительного и революционного движения в Македонии конца XIX — первой половины XX века (Михаил Герджиков: спомени, документи, материали. София. Наука и изкуство. 1984. 439 с.).

◆ Болгарская АН публикует серию «Раскопки и исследования». В ее кн. XI помещены статьи двух археологов: Димитр Николов. Фракийская вилла у с. Чаталка Старозагорского округа; Цветана Дремсизова-Нелчинова. Вилла около с. Мадара Шуменского округа (Разкопки и проучвания. Кн. XI. София. ИБАН. 1984. 128 с.).

◆ Мария Янкович из белградского Исторического института (Югославия) в монографии о сербской средневековой церкви охватила время с начала XIII в. (создание архиепископства) до конца XIV в. (османское завоевание). Она характеризует церковное устройство, принадлежавшие клиру территории, его отношения с государством, феодалами и Константинопольской патриархией (М. Јанковић. Епископије и митрополије Српске цркве у средњем веку. Београд. Народна књига. 1985. 227 с.).

◆ Ольга Зироевич из того же института пишет о церквях и монастырях Печского патриаршества как историко-археологических памятниках VIII—XVII веков. Дав во введении их общий обзор, она рассказывает о каждом памятнике отдельно (О. Зиројевић. Цркве и манастири на подручју Пећке патријаршије до 1683. године. Београд. Народна књига. 1984. 308 с.).

◆ Тот же институт публикует серию «Документы». В качестве ее кн. 26 увидела свет аннотированная библиография журналов, календарей и альманахов сербской исторической периодики от ее появления до 1920 г., составленная Иеремией Митровић. Всего описано 689 изданий (Ј. Д. Митровић. Грађа за историју и библиографију српске периодике до 1920. године. Београд. Просвјета. 1984. 139 с.).

◆ Научный сотрудник того же института Марко Ячов в книге о влиянии Венеции и Сербии на Далмацию XVIII в. рассматривает следующие вопросы: судьба Далмации до Пожаревацкого мира 1718 г., сербское культурное и церковное воздействие на далматинцев, сербо-далматинские изгнанники и переселенцы в России, аграрная история Далмации, развитие там сербских школ, народные обычаи (М. Јачов. Венеција и срби у Далмација у XVIII веку. Београд. Просвјета. 1984. 157 с.).

◆ Сотрудник этого института Воин Дабич исследует историю Восточной границы — особой области в составе Австрийской империи конца XVII — первой половины XVIII в., оборонительного кордона против

османской агрессии. Автор освещает административное устройство области, ее географию, демографию, этнос, жизнь и быт военнообязанных сербо-хорватских граничаров, социальное и имущественное расслоение в их среде, их восстания 1730—1731 и 1751 гг. (В. С. Дабич. Банска Крајина (1688—1751). Прилог историји српског и хрватског народа и крајишког уређења у Банији. Београд — Загреб. Просвјета. 1984. 212 с.).

◆ К 20-летию архива австрийского Сопротивления и к 60-летию его основателя Герберта Штайнера приурочен выход сборника статей по истории австрийского рабочего движения, фашизма, движения Сопротивления, прогрессивной эмиграции, национальных меньшинств (*Arbeiterbewegung — Faschismus — Nationalbewusstsein*. Wien. Europa-Verlag. 1983. 500 S.).

◆ В ФРГ увидел свет под редакцией Акселя Ульриха сборник материалов об участии профсоюзов Гессена в движении Сопротивления 1933—1945 годов: воспоминания, документы, записки участников движения. В сборник вошли также материалы о деятельности коммунистической и социал-демократической партий (*Hessische Gewerkschafter im Widerstand 1933—1945*. Giessen. Verlag Günter Kämpf. 1983. 352 S.).

◆ Ганс-Гюнтер Рихарди (ФРГ) написал книгу о начале концлагеря Дахау. В ее основу положены архивные материалы и записи бесед с оставшимися в живых узниками. Она содержит описание условий, в которых находились заключенные, и их первого восстания, возглавленного коммунистами (H.-G. Richardi. *Schule der Gewalt. Die Anfänge des Konzentrationslagers Dachau*

1933—1934. Ein dokumentarischer Bericht. München. C. H. Beck. 1983. XII, 332 S.).

◆ Очерки истории лейбористского движения в Австралии 1890—1950 гг. написаны Питером Лавом из Ла-Тробского университета. Упор сделан в книге на идеологию этого движения (*P. Love. Labour and the Money Power*. Carlton. MUP. 1984. 240 p.).

◆ Общественная жизнь в г. Ричмонд (Австралия) в 1900—1965 гг. стала темой книги Джанет Маккэлмэн из Австралийского национального университета. Главным источником ей послужила местная пресса (*J. McCalman. Struggletown*. Carlton. MUP. 1984. 325 p.).

◆ Как жил, трудился и управлялся Мельбурн в 1850—1891 годы? Эта тема освещается в очерках проф. Дикинского университета Дэвида Данстэна, написанных по архивным материалам и редким публикациям прошлого века (*D. Dunstan. Governing the Metropolis*. Carlton. MUP. 1984. 362 p.).

◆ Вблизи альпийского г. Брено итальянские ученые нашли следы неолитического поселения IV тыс. до н. э., принадлежавшего к культуре, хорошо известной по находкам севернее Альп и относящейся к верхнедунайской цивилизации. В хижине 8 на 4 м сохранились остатки стены, ступенек и очага, земляной пол утрамбован. Рядом находилось захоронение. Обнаружены фрагменты глиняной посуды, наконечники стрел, украшения, обтесанные камни, кости животных.

◆ Раскопки у дер. Гузокур (Северная Франция) дали множество каменных орудий труда, принадлежавших палеолитическим людям, жившим тут примерно 350 тыс. лет назад.

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ В ДАГЕСТАНЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Социалистическое соревнование — одно из наиболее ярких проявлений нового отношения к труду, рожденного социализмом. Некоторые аспекты развития социалистического соревнования в Дагестане нашли отражение в работах, посвященных социалистическим преобразованиям в республике¹. Однако специальных исследований по данному вопросу нет. Не получило освещения, в частности, развитие социалистического соревнования в республике в годы первой пятилетки. Приводимые в данной работе материалы по этому вопросу в какой-то мере восполняют пробел.

Новое отношение к труду впервые проявилось во время коммунистических субботников, которые проводились в городах², а затем и в аулах Дагестана. Широкое распространение получили в республике субботники, «неделя труда», «неделя трудового фронта», «неделя крестьянина», «неделя красного пахаря», «неделя ребенка» и др. Проходили они с большим трудовым подъемом, производительность труда, как правило, превышала обычную норму выработки в 2—3 раза. Характерными чертами субботников были массовость участников и взаимопомощь³.

В первые годы Советской власти в Дагестане еще сильны были патриархально-феодалные пережитки, поэтому роль субботников как школы воспитания нового отношения к труду была здесь особенно велика. Совместная работа на субботниках людей труда, представителей различных национальностей укрепляла классовую со-

лидарность, дружбу народов, сознание важности борьбы за общую цель — построение социализма.

Благодаря субботникам в Дагестане в сравнительно короткий срок (1921—1923 гг.) были восстановлены многие заводы и фабрики, рыбные промыслы, морской порт, железнодорожные сооружения и т. д. В сельской местности восстанавливались старые и сооружались новые оросительные каналы, дороги, мосты, строились школы, больницы и т. д.⁴. Методом субботников в те годы осуществлялось строительство ирригационного канала им. Октябрьской революции от р. Сулак (ст. Чирюрт)⁵ до г. Махачкалы, играющего и сейчас огромную роль в экономической жизни республики. За строительство канала Дагестанская АССР 16 февраля 1922 г. первой⁶ среди братских республик была награждена орденом Трудового Красного Знамени. В постановлении ВЦИК особо отмечалось, что Дагестан награжден «за проявленную им величайшую энергию и сплоченную работу по прорытию оросительного канала силами местного населения в порядке многолюдных субботников»⁷.

⁴ ЦГА ДагАССР, ф. 209р, оп. 1, д. 20, л. 64; ф. 77р, оп. 2, д. 18, л. 9; Советский Дагестан, 11.VII.1921.

⁵ В 1963 г. сельский населенный пункт и станция Чирюрт были преобразованы в город Кизилюрт (Кажаев А. Н. Возникновение и экономическое развитие городов ДагАССР. Махачкала. 1971, с. 300).

⁶ История Дагестана. Т. III, с. 169.

⁷ В литературе принято считать, что ДагАССР была награждена 12 февраля 1923 года. Нами установлено, что награждение состоялось 16 февраля 1922 г., после окончания строительства первой части канала (от р. Сулак до ст. Шамхал), которое велось исключительно методом субботников (см. Постановления и распоряжения ВЦИК IX созыва и его Президиума. Сб. № 2 (февраль 1922 г.). М. 1922, с. 18). Впоследствии, когда СНК РСФСР оказал Дагестану денежную помощь, на строительстве канала стал применяться и оплачиваемый труд.

¹ История Дагестана. Т. III. М. 1968; Алиев А. И. Исторический опыт строительства социализма в Дагестане. Махачкала. 1969; Даниялов А. Д. Строительство социализма в Дагестане. 1921—1940 гг. М. 1975; и др.

² Первый субботник был проведен 1 мая 1920 г. (Партийный архив ДагАССР (ПА ДагАССР), ф. 1, оп. 1, д. 58, лл. 1—2).

³ Там же, оп. 2, д. 8, л. 14; ф. 106, оп. 14, д. 63, лл. 238, 240; оп. 15, д. 120, л. 32.

Коммунистические субботники были важной предпосылкой развития в дальнейшем массового социалистического соревнования в Дагестане. В них проявились такие характерные черты социалистического соревнования, как коллективизм, гласность, сравнимость результатов, возможность повторения лучшего опыта, взаимопомощь, новое отношение к труду, повышение производительности труда, энтузиазм и другие.

Как и во всей стране, в Дагестане получила распространение новая форма творческой активности рабочих, возникшая в 1923 г. на промышленных предприятиях Ленинграда и Москвы,— производственные совещания⁸. С 1925 г. они стали функционировать на всех заводах и фабриках республики.

В Дагестане отсутствовала крупная промышленность, преобладали предприятия кустарного и полукустарного типа со старым, изношенным оборудованием; квалифицированные, кадровые рабочие, а также рабочие и специалисты местных национальностей были малочисленны, а основная масса рабочих неграмотна; формирование рабочего класса из местных национальностей происходило преимущественно из вчерашних батраков, бедняков, середняков и кустарей. В таких условиях производственные совещания явились хорошей школой для подготовки квалифицированных рабочих и кадров руководящих работников из местных национальностей для молодой промышленности республики, важнейшей формой вовлечения рабочих в управление производством, повышения их культурно-технического уровня. По рекомендациям производственных совещаний внедрялись различные предложения, способствовавшие улучшению технологии производства, снижению процента брака и т. д.⁹ Развивая творческую активность масс, выявляя и обобщая их опыт и передавая его другим, содействуя повышению производительности труда и т. д., производственные совещания также явились предпосылкой развития в дальнейшем массового социалистического соревнования.

Возникновению массового социалистического соревнования в Дагестане благоприятствовали и такие формы деятельности

трудящихся, как временные контрольные комиссии (первая была организована в декабре 1927 г. на фабрике им. III Интернационала, г. Махачкала) и общественно-производственные смотры (проводились с 1928 г.). К началу первой пятилетки в республике сложились объективные и субъективные условия для превращения социалистического соревнования в массовое движение. Трудящиеся Дагестана добились значительных успехов в развитии народного хозяйства. За небольшой срок (1921—1928 гг.) промышленность была восстановлена, многие предприятия реконструированы на новой технической основе, что привело к значительному повышению производительности труда рабочих; вступили в строй новые овощеконсервные заводы, шерстопрядильная и шерстоечная фабрики, механизированный стекольный завод, лесопильные, сыроваренные заводы и др.¹⁰. Благодаря развитию промышленности в начале первой пятилетки в Дагестане была полностью ликвидирована безработица, наметился рост благосостояния трудящихся¹¹. Увеличивались численность и удельный вес рабочего класса, особенно за счет коренных национальностей. В общественную жизнь вовлекались женщины-горянки, чему способствовало строительство детских садов и яслей. Все это стимулировало рост производственной активности рабочего класса. В апреле 1929 г. Дагобком ВКП(б) опубликовал обращение «О развитии социалистического соревнования в республике». В ответ на этот призыв на всех предприятиях были проведены митинги, трудящиеся выразили свою готовность развернуть массовое социалистическое соревнование¹².

Бюро Дагобкома партии неоднократно обсуждало на своих заседаниях вопросы развития соревнования, намечало конкретные мероприятия по улучшению его организации¹³. Эта работа дала положительные результаты. Только с 1 мая по 1 октября 1929 г. в соревнование включалось более 150 предприятий и учреждений. Было заключено 197 договоров на соревнование с охватом 10,8 тыс. рабочих и служащих;

¹⁰ История Дагестана. Т. III, с. 198, 201.

¹¹ Даниялов Г. Д. Социалистические преобразования в Дагестане. Махачкала. 1960, с. 174, 235—236.

¹² Красный Дагестан, 18.IV.1929.

¹³ ЦГА ДагАССР, ф. 1, оп. 10, д. 23, лл. 170, 199, 241, 243, 244.

⁸ ЦГА ДагАССР, ф. 39р, оп. 4, д. 36, лл. 207—208; Красный Дагестан, 12. II. 1925.

⁹ Красный Дагестан, 12.II.1925; ЦГА ДагАССР, ф. 39р, оп. 4, д. 71а, л. 15.

на 1 января 1930 г. — соответственно 333 и 21,2 тыс., на 1 апреля 1931 г. — 433 и 25 тысяч ¹⁴. С развитием соревнования росло и количество ударников. Если в 1929 г. в республике было 560 ударников, то в 1930 г. — 6950, а на 1 апреля 1931 г. — свыше 10 тысяч ¹⁵. Среди ударников возросло количество рабочих местных национальностей: в 1931 г. на фабрике им. III Интернационала из 351 — 139; на Буйнакском кожзаводе из 93 — 55; на Дербентском ореходробильном заводе из 234 — 123 ¹⁶.

Политика индустриализации привела к значительному повышению удельного веса промышленности в народном хозяйстве республики: 43,9% — в 1929/30 хоз. г. по сравнению с 31,5% — в 1925/26 хоз. году. Производительность труда за два года пятилетки возросла на 69%, себестоимость продукции была снижена на 15%, средняя зарплата рабочих превысила довоенный уровень в 2 раза ¹⁷.

В годы первой пятилетки широкое распространение в Дагестане получили и такие формы соревнования, как месячники рационализации и борьбы с потерями на предприятиях, производственные смотры и переключки, конкурсы на лучшее предприятие, лучший цех, лучшего рабочего, встречное планирование и т. д. На 1 ноября 1930 г. в республике насчитывалось 33 сквозные бригады, 36 общественных буксиров для подтягивания отстающих, к началу 1932 г. — 76 хозрасчетных бригад ¹⁸. Расширили свою работу и производственные совещания. Развитие массового социалистического соревнования сыграло огромную роль в досрочном выполнении республикой плана первой пятилетки.

Стремление трудящихся Дагестана быстрее ликвидировать его вековую отсталость рождало новые формы их творческой активности. Одной из таких форм было движение за создание «Фонда 1000». Рабочие ДагАССР взяли обязательство путем усиления борьбы с потерями на производстве, более производительного использования

оборудования и внесения тысячи рационализаторских предложений добиться значительного повышения производительности труда и обеспечить увеличение объема выпускаемой продукции. Возникло движение по инициативе рабочих-ударников Махачкалинского бондарного завода в середине декабря 1931 года. Уже к 10 января 1932 г. было подано 1041 рационализаторское предложение с предполагаемой экономией в 1334 тыс. руб., а к 20 января обязательства были перевыполнены более чем вдвое ¹⁹. Конкурс по созданию «Фонда 1000» продемонстрировал высокую трудовую активность и сознательность рабочих Дагестана. Эти предложения внедрялись уже в годы второй пятилетки.

По примеру рабочих промышленных предприятий социалистическое соревнование развернулось и среди тружеников сельского хозяйства республики. Большую роль в воспитании у крестьянских масс нового отношения к труду сыграли производственные совещания. В отличие от центральных областей страны деятельность производственных совещаний в колхозах и совхозах Дагестана началась только в годы первой пятилетки, но они сразу стали школой приобщения бедняцких и батрацких масс крестьянства к социалистическим формам труда.

В годы первой пятилетки колхозники Дагестана активно участвовали в проведении «Дня урожая и коллективизации», сельских собраний, перевыборных кампаний, батрацко-бедняцких конференций; все эти мероприятия способствовали вовлечению тружеников села в социалистическое строительство.

Благодаря разъяснительной работе партийных и общественных организаций села, а также деятельности производственных совещаний уже в 1930 г. в социалистическом соревновании участвовало 12% колхозов и совхозов ²⁰.

Заслуживает внимания опыт работы по воспитанию нового отношения к труду в Буйнакском р-не, где часто проводились съезды и слеты колхозников, на которых обсуждались вопросы организации труда в бригадах и колхозах, задачи бригадиров, производственных совещаний, проблемы развертывания соревнования, укрепления трудовой дисциплины и т. д. Развитие со-

¹⁴ ЦГА ДагАССР, ф. 59р, оп. 12, д. 27, лл. 177—178; оп. 14, д. 54, л. 173; Очерки истории Дагестана. Т. 2. Махачкала. 1957, с. 201.

¹⁵ ЦГА ДагАССР, ф. 59р, оп. 13, д. 3, л. 30; оп. 14, д. 54, л. 173.

¹⁶ Там же, оп. 13, д. 3, л. 74.

¹⁷ ПА ДагАССР, ф. 1, оп. 11, д. 63, лл. 5—8.

¹⁸ На путях большевистской перестройки. Махачкала. 1931, с. 17; ЦГА ДагАССР, ф. 59р, оп. 14, д. 41, л. 86.

¹⁹ Дагестанская правда, 10, 26.I.1932.

²⁰ ЦГА ДагАССР, ф. 59р, оп. 12, д. 27, л. 1.

ревнования и выполнение плановых заданий находилось под постоянным контролем партийной организации района и принесло хорошие результаты. Так, если в 1930 г. в районе было 30 колхозов, то в 1931 г. — уже 76; число соревнующихся колхозов увеличилось соответственно с 15 до 50. Ударников и ударных бригад в 1930 г. в районе не было, а в 1931 г. 1200 человек получили звание ударника, 32 бригады — звание ударной. За хорошую работу были премированы 370 ударников. В 1931 г. прошло 160 слетов ударников по специальности, 78 производственных совещаний (в 1930 г. — 15); увеличилось и число колхозников, принимавших участие в работе совещаний: в 1930 г. — 160, в 1931 г. — 2800. О росте сознательности тружеников Буйнакского р-на свидетельствует и тот факт, что в 1931 г. в колхозах района прошло 35 заседаний общественных судов над прогульщиками, что привело к укреплению трудовой дисциплины. Хорошо поставленная работа по организации соревнования способствовала перевыполнению районом плановых заданий. За достигнутые успехи переходящее Красное знамя победителей социалистического соревнования, учрежденное VIII Вседагестанским съездом Советов, Буйнакскому району присуждалось неоднократно²¹.

Активно содействовали развитию соревнования партийные организации совхозов республики. Уже к концу 1930 г. в 10 совхозах было подписано 35 договоров на соревнование. В него включились 3082 человека, в том числе 1539 ударников²².

В совхозе «Красный Дагестан» при огромном недостатке рабочей силы (например, 80 сезонных полевых рабочих заменили труд 120 человек) план уборки конопли в 1932 г. был выполнен на 105%, канатника и кенафа — на 100%. Эти успехи были достигнуты благодаря широкой постановке массово-разъяснительной работы, развитию соревнования и ударничества²³. В совхозе «Пролетарий» в период весеннего сева

1932 г. были организованы 42 хозрасчетные бригады, охватившие 1504 человека, проведены две общесовхозные производственные конференции. Ударники совхоза внесли 25 рационализаторских предложений, на общественный буксир был взят отстающий совхоз «Красный партизан»²⁴ и т. д.

Благодаря неустанной заботе Коммунистической партии и Советского правительства и помощи, оказываемой ДагАССР на основе ленинской национальной политики, благодаря самоотверженному труду народов республики первый пятилетний план развития ее народного хозяйства, как и в целом по СССР, был выполнен за 4 года и 3 месяца. Соотношение отраслей народного хозяйства удалось изменить в пользу промышленности — ее удельный вес составил 50,4%, что свидетельствовало о превращении Дагестана в индустриально-аграрную республику²⁵.

Социалистическому соревнованию, которое включает в себя многие факторы, влияющие на различные стороны жизни советского общества, принадлежала огромная роль в ускорении темпов строительства социализма. В Дагестане же, как и в других республиках, осуществивших переход к социализму, минуя капитализм, социалистическое соревнование решало еще и задачу ликвидации патриархально-феодальных пережитков в экономике и быту. В процессе социалистического соревнования у трудящихся ДагАССР воспитывались такие нравственные качества, как коллективизм и товарищеская взаимопомощь, сознательное отношение к труду, к общественной и государственной собственности, пролетарский интернационализм. Социалистическое соревнование, в корне меняя вековой уклад и психологию трудящихся Дагестана, сыграло большую роль в формировании нового человека социалистического общества.

Н. Е. Фриммер

²¹ Там же, ф. 138, оп. 10, д. 7, лл. 1—12.

²² Там же, ф. 59р, оп. 12, д. 25, лл. 46—47.

²³ Дагестанская правда, 3.XI.1932.

²⁴ Там же, 15.V.1932.

²⁵ История Дагестана. Т. III, с. 240.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Я. М. СВЕРДЛОВ И ФОРМИРОВАНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ФРАКЦИИ ВЦИК

Работа Я. М. Свердлова на посту Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) уже достаточно подробно освещена¹. Но отдельные ее аспекты, в частности деятельность по формированию фракции большевиков в этом органе², раскрыты еще не полностью³. Это отчасти объясняется характером сохранившихся источников, поскольку организационная работа председателя ВЦИК в напряженные месяцы 1917—1919 гг. не всегда документировалась. Некоторые новые источники наряду с уже известными фактами позволяют дополнить существующие представления об этой стороне деятельности Председателя ВЦИК, одновременно являвшегося секретарем ЦК большевистской партии.

Среди различных форм большевистского руководства деятельностью ВЦИК особое значение имело регулирование состава фракции РКП(б) как ведущей в верховном органе власти. На большевиков — чле-

нов ВЦИК возлагалась задача обеспечить в многопартийном ВЦИК твердое и последовательное проведение политики ленинской партии; законодательное оформление завоеваний Октябрьской революции. Успешное выполнение этой задачи во многом зависело от подбора и расстановки кадров во ВЦИК.

Практически работа по формированию фракции большевиков начиналась с утверждения общих принципов ее создания, как это имело место, например, на заседании большевиков—депутатов IV Всероссийского съезда Советов в марте 1918 г., когда присутствующие согласились с предложением Свердлова включить в состав ВЦИК наиболее активных работников наркоматов, а также секций ВЦИК⁴. При персональном отборе кандидатов учитывалось мнение работавших в этих органах членов партии. Сохранилась записка фракции большевиков Крестьянской секции ВЦИК с предложением включить в состав ВЦИК V созыва некоторых работников секции⁵. Очевидно, списки кандидатов велись Свердловым, ибо в одной из его записных книжек за 1918 г. сохранился предварительный список большевистской фракции ВЦИК V созыва⁶. Имеется также свидетельство члена Коллегии ВЧК М. И. Лациса (Я. Ф. Судрабса). 26 июня 1918 г. при обсуждении в Конституционной комиссии ВЦИК принципов комплектования верховного органа власти он говорил, что «прошлый раз тов. Свердлов... составлял список работников, которых нужно было включить в ЦИК»⁷.

Составляя списки, Яков Михайлович со-

¹ Городецкий Е., Шарапов Ю. Я. М. Свердлов. Жизнь и деятельность. М. 1961; Клеандрова В. М. Организация и формы деятельности ВЦИК (1917—1924 гг.). М. 1968; Калинин Г. С. ВЦИК в первые месяцы существования Советского государства.—Ученые записки Всесоюзного юридического заочного института, 1970, вып. XXI, ч. I; и др.

² ВЦИК с 1917 по 1937 г. являлся верховным законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР, действовавшим в периоды между Всероссийскими съездами Советов. В его состав вошли после II Всероссийского съезда Советов большевики, эсеры (левые и максималисты), меньшевики-интернационалисты и украинские социалисты. Большинство принадлежало фракции большевиков. 8(21) ноября 1917 г. председателем ВЦИК был избран Свердлов.

³ Об участии Свердлова в формировании большевистской фракции ВЦИК II созыва см.: Разгон А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М. 1977, с. 81—83.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 6980, оп. 1, д. 12, л. 55а.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 43, л. 15.

⁶ Там же, д. 19, лл. 2—6. Некоторые авторы считают, что этот список составлен членом Президиума и секретарем ВЦИК В. А. Аванесовым.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 6980, оп. 1, д. 12, л. 55а.

ветовался относительно кандидатур с членами областных делегаций, представленных на Всероссийском съезде Советов⁸. С особым вниманием относился он к подбору тех кандидатов, которым предстояла, помимо того, работа в аппарате верховного органа власти. Старая большевичка С. И. Гопнер, работавшая тогда на Екатеринославщине, отмечала, что из личной беседы со Свердловым по поводу ее возможного назначения секретарем ВЦИК она вынесла чувство восхищения тем, «насколько хорошо Свердлов осведомлен о местных работниках»⁹. В деле подбора кадров для ВЦИК, как и в других областях организационной работы, Свердлов приобрел, говоря словами В. И. Ленина, «безусловно непререкаемый авторитет»¹⁰. Первостепенную роль играло то, что Яков Михайлович твердо проводил в жизнь большевистскую политику и опирался на решения ЦК партии. Огромное значение имела также его объективность: «Никогда не руководствовался личными симпатиями и антипатиями»¹¹. Кроме того, по мнению современников и соратников, почти никто не знал партийные кадры лучше, чем он¹².

Знание кадров, учет деловых качеств людей, их политического и жизненного опыта позволяли Якову Михайловичу осуществлять расстановку товарищей во ВЦИК с максимальной эффективностью для дела социалистической революции. Удачным оказалось выдвижение для работы в отделах ВЦИК, в частности, И. Д. Гразкина, В. Ф. Ваничкова и ряда других товарищей. Их кандидатуры при выдвижении на посты в верховном органе власти утверждались ЦК партии, который и в целом определял принципы представительства различных организаций во ВЦИК. Так, на заседании 19 января (1 февраля) 1918 г. ЦК наметил выдвинуть в Президиум ВЦИК Я. М. Свер-

длова, М. К. Муранова, К. И. Ландера, В. А. Аванесова, А. И. Окулова, К. А. Петерсона, В. Володарского и др.¹³.

В уже упоминавшемся предварительном списке фракции ВЦИК V созыва¹⁴ первую группу составляют члены ЦК РКП(б) во главе с Лениным. По 7 человек имели Петроград и Москва, 30 человек — работники аппарата ВЦИК. В списке перечислены также представители почти всех наркоматов¹⁵ (нарком и по два—четыре члена коллегии), ответственные работники ВЦСПС и ВЧК. До 70% членов фракции работали в Москве и могли постоянно принимать участие в заседаниях ВЦИК. Такой порядок сохранялся до VII Всероссийского съезда Советов (декабрь 1919 г.).

По несколько представителей имели во ВЦИК все основные губернии и регионы: Сибирь, Юг, Волга, Урал, Север, Запад (по терминологии списка). Например, Север представляли делегаты Вологодской, Архангельской, Новгородской губерний, городов Череповца и Петрозаводска. Предполагалось, что один представитель от каждого региона постоянно будет находиться в Москве. По такому принципу формировался состав фракции большевиков ВЦИК IV и VI созывов¹⁶.

ЦК партии ориентировал большевиков — делегатов Всероссийских съездов Советов на выдвижение в состав ВЦИК политически зрелых, имевших большой революционный опыт коммунистов. Во ВЦИК V созыва вошли, помимо группы товарищей, вступивших в партию в послефевральский период (около 20 человек), 72 члена РКП(б), вступившие в партию еще до революции

¹³ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). М. 1958, с. 180.

¹⁴ Персональный и количественный состав фракции по данному списку незначительно отличается от окончательного состава, опубликованного 14 июля 1918 г. в «Известиях ВЦИК». В списке указано, какие центральные органы или какие губернии представляли будущие члены фракции.

¹⁵ Представители Наркомата почт и телеграфа В. Н. Подбельский и И. И. Покальмис прошли во ВЦИК по дополнительному списку (Известия ВЦИК, 17.VII.1918).

¹⁶ Формирование ВЦИК II и III созывов имело специфические черты, обусловленные, в частности, тем, что многие члены ВЦИК избирались организациями, формально не связанными с Советами (Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М. 1920, с. 74—75).

⁸ О Якове Свердлове. Воспоминания, очерки, статьи современников. М. 1985, с. 151.

⁹ Там же, с. 152.

¹⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 78.

¹¹ Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов. М. 1985, с. 278.

¹² Как свидетельствует К. Т. Свердлова, знание людей «годами накапливалось у Якова Михайловича в период подполья, в нелегальных организациях, в тюрьмах, на этапах и в ссылках, беспрестанно обогащалось в первые месяцы революции» (Свердлова К. Т. Деятельность Я. М. Свердлова в 1917 году. — Вопросы истории, 1956, № 6, с. 5).

1905—1907 годов. Вместе с теми, кто стал членом партии в дни первой российской революции, они составляли костяк не только своей фракции, но и ВЦИК в целом¹⁷. Средний возраст коммунистов во ВЦИК V созыва равнялся 34 годам (Свердлову было тогда 33).

При выдвижении кандидатов обращалось внимание на необходимость учитывать факторы стабильности состава ВЦИК и преемственности в его работе¹⁸. Ведь лишь за время, когда председателем ВЦИК был Свердлов, состав этого органа переизбирался четырежды (II—VI созывы), и всякий раз приходил ряд новых лиц, не имевших навыков соответствующей работы. Но примерно половина состава¹⁹ входила во ВЦИК предыдущих созывов. Среди тех, кто действовал в рамках II—VI созывов, были и члены ЦК РКП(б), и работники аппарата ВЦИК (В. А. Аванесов, А. Д. Садовский, А. С. Енукидзе, Ю. М. Стеклов, Л. М. Никитин, И. И. Кузяков, А. П. Платонов), наркоматов, других центральных государственных органов (А. В. Галкин, В. В. Фомин, Я. Х. Петерс), а всего 27 человек.

¹⁷ Подсчеты автора согласно: ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 3, д. 24, лл. 33—186; д. 25, лл. 6—191; д. 26, лл. 1—229; д. 27, лл. 94—180; д. 28, лл. 27—206; оп. 4, д. 41, л. 72; д. 42, л. 75; д. 43, л. 132; д. 44, л. 86; д. 45, лл. 80—82; см. также: Герои Октября. Тт. 1—2. Л. 1967.

¹⁸ Свердлов Я. М. Избранные произведения. М. 1976, с. 166.

¹⁹ С учетом пополнения, вошедшего во фракцию в ноябре—декабре 1917 г., и кандидатов в члены ВЦИК.

25 человек входили во ВЦИК четырех созывов.

Включение в состав фракции до половины новых членов ВЦИК позволяло обучать искусству государственного управления новые кадры. Об этой важной задаче — обучении и подготовке «работников знающих, толковых, на практике приспособленных к управлению страной» говорил Свердлов на заседании верховного органа Советской власти 1 апреля 1918 г.: «Если мы каждого члена ВЦИК заставим принимать участие в непосредственной работе по управлению страной, то мы через каждые 3 месяца сможем выпускать кадры работников на места. Каждый член Центрального Исполнительного Комитета, ведущий ответственную работу, приезжая на место, сможет, руководствуясь опытом, который приобретает в течение трех месяцев, повести работу наиболее правильным образом»²⁰. Примеров приобщения членов ВЦИК к государственному управлению можно привести немало. Так, член ВЦИК III созыва, рабочий-большевик из Нижнего Новгорода Д. М. Данилов по поручению Наркомтруда выполнял обязанности комиссара по национализации заводов, затем работал инспектором Совнархоза Северного района. Опыт, полученный им в Петрограде, Данилов использовал и в Нижнем Новгороде, куда вернулся по окончании полномочий ВЦИК III созыва²¹.

А. Г. Горин

²⁰ Свердлов Я. М. Избранные произведения, с. 166.

²¹ Горьковская правда, 9.VIII.1977.

ЕЩЕ РАЗ О ЦУСИМЕ

К 80-летию Цусимского сражения (май 1905 г.), одного из кульминационных событий русско-японской войны 1904—1905 гг., в Японии увидели свет различные материалы, призванные продемонстрировать силу японского оружия; там организуются тематические экскурсии в Ясукуни (храм поминовения погибших в войнах), инициаторами которых являются правящие круги и военщина; устраиваются походы к местам, связанным с мобилизацией и отправ-

кой в 1904 г. сухопутных войск на фронт в Маньчжурию, а кораблей военно-морского флота — в воды Желтого моря. В мае 1984 г. в г. Кагосиме были проведены официальный прием и военно-морской парад с участием военных кораблей «Харуна», «Амацукадзе» и самолетов, а также кораблей 7-го флота ВМС США, английских патрульных кораблей и французского эсминца в связи с предстоявшей годовщиной Цусимского сражения и 50-летием со-

дня смерти адмирала Х. Того, который командовал тогда японским флотом.

Руководящие круги и пропагандистский аппарат либерально-демократической партии, их идеологические союзники из партии демократического социализма и пр. используют такого рода мероприятия для поднятия «патриотического духа» молодежи и для того, чтобы вселить надежду в способность японских вооруженных сил одерживать победы над могучими противниками, внушить ей чувство восхищения самурайским боевым прошлым. В Японии насаждаются «шовинистические, реваншистские настроения, ведется активная подготовка милитаризации страны, культивируются чувства вражды к России, Советскому Союзу, его народу», — отмечалось в заявлении МИД СССР, опубликованном 26 мая 1984 г. в газете «Правда».

Цусимское сражение произошло 27—28 мая (по новому стилю) 1905 года. Гибель в нем 2-й Тихоокеанской эскадры явилась результатом, с одной стороны, слабости и неподготовленности флота, порожденных экономической отсталостью царской России, гнилостью ее политического строя и недостатками военной организации, с другой — наличием у Японии сильного, боеспособного флота, превосходившего русский по основным техническим показателям. Созданием такого флота Япония была обязана в первую очередь Англии, от которой получила большую технико-экономическую и военную помощь. Помогая Японии, Англия рассчитывала на ослабление России. Англия и США являлись тогда основными поставщиками Японии стратегического сырья, артиллерии и боеприпасов, без которых она не смогла бы выдержать длительную войну. Как известно, еще 30 января 1902 г. был заключен англо-японский военный союз. Почти все японские броненосцы и крупные миноносцы, превосходившие соответствующие русские корабли по бронированию, скорости хода и вооружению, были построены на английских верфях¹. Их экипажи готовили и обучали британские специалисты.

Характеризуя отдельные корабли царского флота того времени, известный русский кораблестроитель акад. А. Н. Крылов писал, что на деле это было собрание большого числа судов, а не флот: броненосный крейсер «Адмирал Нахимов» «был сильным, но единственным в своем роде ко-

раблем. «Память Азова» — слабый крейсер, как по вооружению, так и по бронированию... «Петропавловск», «Севастополь» и «Полтава» явились первыми однотипными между собой броненосцами... «Пересвет», «Ослябя» и «Победа», хотя и были между собой однотипны, но в отношении предыдущих являлись как бы ублюдками (не то крейсера, не то линейные корабли, с главной артиллерией из четырех 10-дюймовых орудий, тогда как на всех броненосцах было по четыре 12-дюймовых). Построенные на специальное ассигнование (90 миллионов) на флот броненосцы типа «Цесаревич» оказались... сами по себе... Суда до типа «Цесаревич» представляли собой обыкновенно подражание английским броненосцам с опозданием на 6—7 лет»².

После начала русско-японской войны в Лондоне и Нью-Йорке была открыта подписка на первый военный заем Японии в 50 млн. долл., в ноябре 1904 г. выпущен второй англо-американский заем в размере 60 млн. долл., в марте 1905 г. — третий в 150 млн. долл., в июле 1905 г. — четвертый в 150 млн. долларов³. Эти займы покрыли примерно половину расходов Японии на войну против России⁴. Англия и США делали все, чтобы изолировать Россию на международной арене. Как только Япония напала на Россию, Англия напомнила другим государствам, что по условиям соглашения с Японией она выступит на ее стороне, если какое-либо из государств проявит к Японии враждебные действия. Такую же линию во внешней политике заняло правительство Т. Рузвельта, заявившего, что в случае создания коалиции государств против Японии США «немедленно вступят на сторону последней»⁵. Одновременно Англия и США объявили антироссийские Правила нейтралитета, запрещавшие иностранным военным судам пользоваться их военноморскими базами и портами. Такой же нейтралитет провозгласили Нидерланды, Португалия, Дания, Швеция и Норвегия⁶. Да-

² Крылов А. Н. Мои воспоминания. Л. 1979, с. 142—143.

³ Добров А. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М. 1952, с. 146—149.

⁴ Сорокин А. И. Русско-японская война 1904—1905 гг. М. 1956, с. 41.

⁵ Ярославский Е. Русско-японская война и отношение к ней большевиков. М. 1939, с. 12.

⁶ В соответствии с нотами был опубликован «Сборник положений и правил, изданных русским правительством и ино-

¹ См. Военные флоты на 1904 год. Справочник. СПб. 1904.

же Франция, находившаяся в союзе с Россией, не разрешила русским кораблям заходить на ее базы и в порты ⁷.

Ход войны с самого начала складывался для России неблагоприятно. Уже в ее первые часы, когда японский флот вероломно атаковал русские корабли в Порт-Артуре и Чемульпо, геройски погибли крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец». Отказавшись от активных действий на море после гибели командующего Тихоокеанским флотом вице-адмирала С. О. Макарова, царское командование дало возможность противнику высадиться в Корею. Воспользовавшись этим, 1-я японская армия разбила русский Восточный отряд, обеспечив продвижение своих войск в Маньчжурию, а также высадку 2-й армии на Ляодунском п-ве и продвижение ее к Порт-Артуру. Решение же царского правительства в апреле 1904 г. совершить маневр силами флота с Балтики на Дальний Восток оказалось обреченным на неудачу. Однако, как подчеркивал В. И. Ленин, «самодержавие видело, что несчастный исход войны равносителен победе «внутреннего врага», т. е. победе революции. Поэтому на карту было поставлено все. Сотни миллионов рублей были затрачены на спешную отправку балтийской эскадры» ⁸.

Формирование 2-й Тихоокеанской эскадры и командование ею было возложено на начальника Главного морского штаба вице-адмирала З. П. Рожественского, ярого монархиста и бездарного флотоводца. Подготовка кораблей затянулась почти на полгода, тем не менее потом выявилась низкая их готовность к длительному походу.

Основу 2-й Тихоокеанской эскадры составляли новые эскадренные броненосцы «Император Александр III», «Князь Суворов», «Бородино» и «Орел». Первый из них прошел испытания летом 1903 г.; они оказались во многих отношениях неудовлетворительными. Остальные начали испытания прямо перед походом и не завершили их. Другая половина эскадры состояла из старых бронепосцев и броненосных крейсеров с недалекобойными орудиями. Экипажи кораблей комплектовались большей частью перед самым отплытием. Многие командные должности занимали офицеры, призванные из запаса и отставшие от жизни, а число

запасных нижних чинов превышало треть общего числа команды на судах. В связи с ремонтом и другими работами боевая подготовка личного состава почти не проводилась. Перед уходом была произведена лишь одна практическая стрельба, во время которой новые броненосцы сделали по дватри выстрела из артиллерии главного калибра ⁹.

Эскадра вышла из Либавы 15 октября, так и не закончив работ, связанных с переходом. Все корабли из-за установки вспомогательных устройств и погрузки материалов для дальнего похода были перегружены ¹⁰, что снизило их остойчивость, вследствие чего в бою при пробоях у ватерлинии они переворачивались и тонули. Большинство судов были тихоходны, а их команды не имели опыта совместного плавания в составе большой эскадры. Это была Великая армада, «громadная», громоздкая, нелепая, бессильная, чудовищная ¹¹.

Маршрут основной части эскадры лежал вокруг Африки, ибо из-за большой осадки крупные корабли не могли следовать Суэцким каналом. Предстояло пройти 18 тыс. миль ¹² за 90 ходовых дней и потратить еще 60 дней на погрузку 240 тыс. т угля в пути, т. е. весь поход был рассчитан на пять месяцев. Никакого плана на случай встречи в пути с японским флотом эскадра не имела. Переход осложнялся тем, что на всем пути от Либавы до Дальнего Востока у России не имелось военно-морских баз и портов. Не обеспечивалась скрытность перехода. Он совершался под наблюдением британских крейсеров. Враждебно настроенная Англия всячески стремилась сорвать или задержать переход русской эскадры. Уже на седьмой день пути произошел Гульский инцидент в Северном море. Ночью по курсу русских кораблей оказались развернутыми флотилии английских рыбаков, которые, как и рассчитывали организаторы провокации, были приняты за японские миноносцы. По ним был открыт огонь. Лондонское правительство потребовало возмещения ущерба, угрожая разры-

странными государствами по случаю войны между Россией и Японией» (СПб. 1904).

⁷ История русско-японской войны 1904—1905 гг. М. 1977, с. 326.

⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 10, с. 251.

⁹ Русско-японская война 1904—1905 гг. Кн. 6: Поход 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг. при Морском генеральном штабе. Пг. 1917, с. 7—9.

¹⁰ Там же, с. 8, 25.

¹¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 10, с. 251.

¹² Морская миля составляет около 1853 метров.

вом дипломатических отношений. Инцидент удалось уладить после того, как Англии уплатили 500 тыс. руб. золотом¹³.

5 января 1905 г., когда эскадра достигла о-ва Мадагаскар, пришло известие о падении Порт-Артура. Петербург спешно направил в помощь Рождественскому 1-й отряд 3-й Тихоокеанской эскадры¹⁴. После двух месяцев плавания отряд контр-адмирала Н. И. Небогатова и 2-я эскадра соединились и направились к Корейскому проливу. Отряд Небогатова, состоявший из старых кораблей, был скорее обузой, чем подкреплением эскадры. Спешно сформированный, он тоже не имел времени для боевой подготовки. «Перед самым отплытием из Либавы почти на всех судах были сменены командиры, умевшие управлять своею артиллериею»¹⁵. Объединенная эскадра имела теперь столько же броненосных кораблей, сколько противник, но техническое оснащение русских судов было значительно слабее.

Решив прорваться во Владивосток кратчайшим путем, через Корейский пролив, Рождественский предоставил японскому флоту самые выгодные условия для развертывания его сил и к тому же отправил в Шанхай большую часть транспортов, демаскировав направление прорыва¹⁶.

Цусимское сражение сопровождалось подсчетами обеих сторон в маневрировании и организации тактической разведки. В дневном бою русская эскадра потеряла четыре эскадренных броненосца и один вспомогательный крейсер, остальные корабли получили повреждения. Серьезный ущерб был нанесен и японскому флоту: в его броненосцы попало немало русских снарядов крупного калибра, но эти суда все же оставались на плаву¹⁷. С наступлением темноты командующий японским флотом вице-адмирал Того бросил в бой до 60 миноносцев. Был потоплен или поврежден еще ряд русских броненосцев. Их экипажи держались героически. Вот как описывали японцы последние часы одного из броненосцев: «Корабль «Суворов», весь обгоревший и еще горящий, перенесший столько ударов, расстреливаемый всей (в полном смысле этого

слова) эскадрой, имевший только одну, случайно уцелевшую пушку в кормовой части, все же открыл из нее огонь, выказывая решимость защищаться до последнего момента своего существования... Наконец, в 7 часов 20 минут пополудни, после двух атак наших миноносцев, он пошел ко дну»¹⁸. Не желая сдаваться в плен, открыли кингстоны и затопили свои корабли экипажи броненосца «Адмирал Ушаков», миноносца «Громкий» и другие. «Надо отдать справедливость,— писал Того в донесении императору,— что неприятельские офицеры и команды с величайшей энергией сражались за свое отечество»¹⁹.

К 28 мая 2-я Тихоокеанская эскадра перестала существовать как организованная боевая сила. К Владивостоку прорвались только крейсера «Алмаз» и «Изумруд» (в заливе св. Владимира он сел на мель и был взорван командой), миноносцы «Бравый» и «Грозный». Крейсера «Аврора», «Жемчуг» и «Олег» пробились в Манилу, а миноносцы «Бодрый», транспорты «Свирь» и «Корея» — в Шанхай, где были интернированы.

Япония одержала тогда победу на суше и на море в войне, по своему характеру несправедливой, империалистической. Ее цели были враждебны коренным интересам трудящихся масс. Это понимает ряд современных японских прогрессивных историков, которые стремятся раскрыть истинный характер русско-японской войны 1904—1905 гг. как захватнический²⁰. Однако японская официально документированная история войны 1904—1905 гг., а также работы консервативной группы японских историков в помпезных тонах прославляют решимость Японии «скрестить мечи» с российским колоссом. «Это решение было смелым и ответственным, поскольку за плечами российской армии и флота были всемирно известные победы под Полтавой, в Севастополе, под Плевной, над армией Наполеона, а следовательно, речь шла о России, которая вкусила радость и гордость победы над сильными противниками»²¹.

¹⁸ Семенов В. Расплата. Т. 1. СПб. 1907, с. 145—146.

¹⁹ Русско-японская война 1904—1905 гг. Действия флота. Док. Отд. IV. СПб. 1907, с. 648.

²⁰ Накамура С. Японцы и русские: из истории контактов. М. 1983.

²¹ Достоверная история японского народа. Токио. 1951, с. 614—617 (на яп. яз.); см. также: Есида С. Северные территории. Токио. 1976, с. 138—159 (на яп. яз.); Наши северные территории. Токио. 1977.

¹³ Сорокин А. И. Ук. соч., с. 291.

¹⁴ Русско-японская война 1904—1905 гг. Кн. 6, с. 138.

¹⁵ Там же, с. 220.

¹⁶ История военно-морского искусства. Т. 3. М. 1953, с. 93.

¹⁷ Сорокин А. И. Ук. соч., с. 302—303.

Сегодня, когда резко возросла опасность возникновения ядерной войны, а Япония все более втягивается в орбиту агрессивной стратегии американского империализма, трудящиеся массы этой страны, часть сту-

денчества, прогрессивная интеллигенция начинают понимать, что возбуждение ажиотажа вокруг Цусимского сражения и т. п. событий, игра на патриотических чувствах японцев и рост реваншистских настроений в их среде ведут к обострению японо-советских отношений, к усилению международной напряженности в целом, а это не в интересах и самой Японии.

В. Н. Багров, Б. Г. Сапожников

с. 2 (на яп. яз.); Симидзу Т. Четыре способа разрешения проблемы северных территорий. Токио. 1977, с. VII (на яп. яз.). Многие данные о событиях 1904—1905 гг. японские историки черпали из западных работ.

ДИПЛОМАТ ЩЕРБИНА

Трагически погибший на Балканах в неполные 35 лет российский дипломат Г. С. Щербина был выходцем из семьи плотника, человеком незаурядных способностей. Его имя, привлекавшее к себе внимание русской печати в конце XIX — начале XX в., было затем забыто¹.

Григорий Степанович родился 21 ноября 1868 г. в Чернигове². В пансионе для малоимущих он получил подготовительное образование для поступления в гимназию, а с пятого класса подрабатывал репетиторством. В 1886 г. окончил гимназию с серебряной медалью и поступил в московский Лазаревский институт восточных языков, который закончил с отличием в 1889 году. Как лучший студент выпуска Щербина был рекомендован в Учебное отделение восточных языков Азиатского департамента Министер-

ства иностранных дел и три года спустя успешно окончил его. Диссертацию по политической истории Турции он написал на турецком языке. В апреле 1890 г., проходя практику при посольстве в Константинополе, он был утвержден в чине коллежского секретаря. В 1894 г. за содействие работе экспедиции по изучению Мраморного моря Русское географическое общество присудило Щербине серебряную медаль «За полезное дело» и рекомендовало к избранию в действительные члены общества³.

Щербина хорошо владел латинским, древнегреческим, арабским, турецким, татарским, персидским, грузинским, армянским, албанским, болгарским, сербскохорватским, французским, английским, итальянским и немецким языками, интересовался политэкономией, играл на фортепиано и скрипке. Современники отзываются о нем так: «Крайне способный, трудолюбивый, ко всему необыкновенно внимательный,... очень доброжелательный,... энергичный, мужественный человек»⁴; «симпатичная личность,... человек чрезвычайно широких взглядов, редкой энергии»⁵; «человек замечательный, спокойной, уравновешенной воли»⁶.

Недолгий служебный путь Щербины был связан с работой в российских дипломатических представительствах в самой Османской империи и ее балканских провинциях. Он был в Константинополе переводчиком

¹ Материал написан на основе сведений Архива внешней политики России, русской периодической печати конца XIX — начала XX в., а также рукописей и фотографий, присланных из Харькова племянницей Щербины О. А. Котликовой. Помимо тезисов сообщения Г. Л. Маньковской «К вопросу об открытии первого русского консульства в Косовской Митровице» (Узловые вопросы советского славяноведения. Тезисы докладов и сообщений IX Всесоюзной научной конференции историков-славистов 21—23 сентября 1982 г. Ужгород. 1982), специальных работ о Щербине нет. Не найдены его научные и литературные труды, на которые ссылался его современник Андреевский (Андреевский Е. К. Памяти нашего консула в Албании Григория Степановича Щербины. — Русская старина, 1916, т. 168, октябрь, с. 26).

² АВПр, ф. Департамента личного состава и хозяйственных дел, «Исполнительное отделение», 1 стол, оп. 749/1, д. 899.

³ ИРГО, 1894, т. 30, с. 769—770; т. 31, вып. 1, с. 66—67; вып. 2, с. 195.

⁴ Андреевский Е. К. Ук. соч., с. 26.

⁵ Черниговские губернские ведомости, 4.IV.1903.

⁶ В о ж и н П. Русское горе. — Новое время, 28.III.1903.

при консуле, в Ускюбе (ныне Скопле) — секретарем, в Скутари (совр. Шкодер) — вице-консулом и в Косовской Митровице — консулом. Щербина «не был холодным дипломатом»⁷; «не скрывал своего происхождения и как человек истинно скромный не рисовался этим нарочитым своим демократизмом, а искренне любил и почитал своих простых родителей, никогда не чуждаясь той среды, из которой вышел... не возгордился, несмотря на близость к правителям многих стран и высокое положение представителя Российской державы»⁸. Видный ученый, проф. Белградской высшей школы Й. Цвийч отмечал, что Щербина «в высшей степени замечательный консул, так как у него, помимо ума, много сердечности, много веры»⁹.

К своей службе Щербина относился чрезвычайно серьезно. Этот «превосходный знаток Востока» «изучил не только языки всех балканских народностей, но и их быт, взаимные отношения, а также политическое положение»¹⁰ и решил себя посвятить «самоотверженному подвижничеству среди балканских народов»¹¹, причем «в его глазах законные интересы христианского и мусульманского населения требовали одинакового отношения и забот»¹². С 1897 до 1902 г. он был вице-консулом в Скутари — административном центре вилайета, населенного преимущественно албанцами. Его приезд туда совпал с заключенными в 1897 г. соглашениями между Австро-Венгрией и Италией, Австро-Венгрией и Россией о сохранении на Балканах статус-кво. Как видно из его донесений, вице-консул стремился сохранять эту линию и одобрительно относился к таким мероприятиям местных властей, как запрещение кровной мести и ношение оружия. Провокационную деятельность австрийских дипломатических представителей, в особенности Т. Иппена, Щербина характеризовал как противоречившую «заявлениям австро-венгерского правительства, что оно желает мира и порядка на Балканах», акцентируя внимание на том,

что такая политика «может нарушить спокойствие в крае»¹³.

Много времени уделялось им осуществлению традиционной политики России в поддержку православного населения, терпевшего особенно жестокий гнет со стороны турецких властей. Когда он совершал поездки по вилайету, ему в ряде случаев удавалось добиться от администрации прекращения подобных притеснений.

Щербина — «знаток албанских нравов»¹⁴, «заслужил всеобщее доверие и популярность среди населения»¹⁵, «с албанцами Г. Щербина знаком лучше, чем все консулы на Балканском полуострове. Он проехал всю Албанию верхом на лошади в сопровождении одного только каваса»¹⁶ и знаком со всеми албанскими нотаблями Северной Албании»¹⁷. Цвийч, приехавший в Скутарийский вилайет с научными целями, вспоминал, что албанцы разрешали ему ездить там только потому, что у него имелось дозволение Щербины¹⁸. В донесении из российской миссии в Цетинье от 4 апреля 1903 г. говорилось, что «за время службы своей в Скутари он... сумел внушить глубокое к себе уважение и любовь, пользовался в Черногории... широкой популярностью и всеобщими симпатиями»¹⁹.

Щербина послал из Скутари более 100 донесений, главным образом в российское посольство в Константинополе. Они отражают круг его политических и дипломатических интересов и важны также как своеобразный источник изучения Албании того времени. С большим сочувствием писал он о «тяжелом экономическом положении страны, крайней бедности населения»; «несмотря на плодородие и богатство почвы, благодатный климат, земли остаются необработанными или возделываются настолько, насколько это необходимо для личной нужды владельца; ремесла и промышленность отсутствуют; торговое значение Ску-

⁷ Санкт-Петербургские ведомости, 29.III.1903.

⁸ В. Б. На родине Г. С. Щербины. — Новое время, 14.IV.1903.

⁹ Черниговские губернские ведомости, 4.IV.1903.

¹⁰ Андреевский Е. К. Ук. соч., с. 26.

¹¹ В. Б. Ук. соч.

¹² Андреевский Е. К. Ук. соч. — Русская старина, 1916, т. 168, ноябрь, с. 289—290; Вожин П. Ук. соч.

¹³ АВПР, ф. Политархив, 1898 г., оп. 482, д. 1231, лл. 1, 15.

¹⁴ Новое время. 1.IX.1902.

¹⁵ Вожин П. Открытие русского консульства в Косовской Митровице. — Новое время, 5.XI.1902.

¹⁶ Кавас — мусульманский почетный страж, наделенный полицейской властью, приставленный к дипломатическим лицам любого ранга и к высшим турецким чиновникам.

¹⁷ Черниговские губернские ведомости, 4.IV.1903.

¹⁸ АВПР, ф. Политархив, 1901 г., оп. 482, д. 1234, л. 58.

¹⁹ Там же, 1903 г., оп. 482, д. 2634, л. 63.

тари, по единогласным отзывам здешних негоциантов, падает из года в год»²⁰. Называя Скутари «забытым и заброшенным краем, для которого турецкое правительство ничего не хочет сделать» и население которого «живет в бедности и нужде среди окружающих его богатств природы, коими оно не умеет и часто не может пользоваться», Щербина наивно считал, что «главнейшая причина упадка торговли Скутари и экономического благосостояния населения заключается в полном отсутствии путей сообщения», и выражал надежду, что проведение железной дороги «поднимет падающее из года в год благосостояние города, оживит его торговлю и вернет Скутари к прежним годам его богатства, торгового и экономического процветания»²¹.

Донесения Щербины отражают проблемы вилайета: бедственное состояние финансовой системы, путей сообщения и торговли, разложение турецкой армии, столкновения между католическим и мусульманским населением, случаи кровной мести и отношение к ним со стороны администрации, притеснение православных, конфликты верующих с высшим духовенством, взаимные симпатии албанцев и черногорцев, желание местной молодежи учиться в России, австрийская пропаганда среди католического населения, итальянское влияние (открытие в Скутари итальянских школ и почтового отделения, торговля с Италией). Автором донесений широко использовались различные статистические материалы²².

Не раз описаны в донесениях Щербины многочисленные случаи обращения местных жителей в российское консульство за содействием, включая просьбы устроить учиться в учебные заведения России. Представляют особый интерес сообщения о фактах непокорности албанцев туркам, в особенности горцев Мирдиты, росте их национального самосознания «благодаря усиленной деятельности многочисленных албанских комитетов в Италии, Египте, Румынии и Бельгии», стремлении возродить Албанскую лигу — организацию, возглавившую в 1878—1881 гг. национально-освободительное движение²³. В донесениях есть данные об

одном из видных деятелей лиги Пренке Биб Доде, стремившемся «объединить все горные албанские племена под своей властью, создать албанское независимое княжество»²⁴. Высланный в 1880 г., Дода продолжал казаться опасным для Стамбула лицом, и власти не соглашались дать ему разрешение на возвращение в Мирдиту²⁵.

Осенью 1902 г. Щербина был назначен консулом в Косовскую Митровицу²⁶ со смешанным сербским православным, албанским католическим и мусульманским населением. Там собирались провести реформы по облегчению участи христиан. Предложенные в 1902 г. Россией, Англией, Францией и Австро-Венгрией, они натолкнулись на сопротивление мусульман и уклончивую позицию турецких властей. В донесениях Щербины оттуда говорилось о судебных реформах, попустительстве властей преследованиям христиан. Агенты Австро-Венгрии провоцировали выступления против российского дипломатического представительства. 14 января 1903 г. после получения гарантий из Стамбула Щербина прибыл в Косовскую Митровицу в сопровождении казачьей охраны²⁷. Перед отъездом, предвидя худшее, он оставил завещание в Константинополе с просьбой в случае смерти похоронить его в Чернигове²⁸. Здание консульства было двухэтажным с маленькими пристройками, обнесенное забором из прутьев... Нового консула описывали так: «Роста он среднего, блондин, настоящий россиянин. Черты лица у него мягкие, взгляд интеллигентный, манеры спокойные, благородные»²⁹.

Немногим более двух месяцев пробыл Щербина в Косовской Митровице³⁰. В письме Андреевскому он сообщал о создавшей-

лл. 35—36. К этим донесениям Щербина дал со своими комментариями четыре приложения: тексты постановлений, писем и обращений, связанных с созданием в 1899 г. Пейской лиги (там же, 1899 г., оп. 482, д. 1232, лл. 14—22, 28—30).

²⁴ Там же, 1901 г., оп. 482, д. 1234, лл. 51—54.

²⁵ Там же, 1902 г., оп. 482, д. 1235, л. 22.

²⁶ Там же, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 2020, л. 3.

²⁷ Там же, д. 2021, л. 1.

²⁸ Об этом см.: Письмо А. В. Синицкого, мужа сестры Щербины, от 30.III.1903 (там же, оп. 517, д. 5292, лл. 2—4; Новое время, 4.IV.1903).

²⁹ Черниговские губернские ведомости, 4.IV.1903.

³⁰ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1903 г., д. 2021; ф. Политархив, 1903 г., оп. 482, д. 1009.

²⁰ Там же, 1898 г., оп. 482, д. 123, лл. 17—19.

²¹ Там же, 1900 г., оп. 482, д. 1233, лл. 58—62.

²² Там же, 1897—1902 годы.

²³ Там же, 1899 г., оп. 482, д. 1232, лл. 3—4, 51—52; 1901 г., оп. 482, д. 1234, лл. 59—60; 1902 г., оп. 482, д. 1235,

ся там тревожной ситуации: «Не турки, или албанцы, или боснийцы погубят здесь и нас, и наше дело». Он возлагал основную вину на австрийцев, которые держат «за пазухой острый нож наготове против нас»³¹. 18 марта 1903 г. Щербина был тяжело ранен турецким солдатом. Русская печать давала частые сообщения о состоянии его здоровья, об экстренном заседании 19 марта совета министров Турции, командировании сербским королем и турецким султаном врачей для лечения Щербины, прибытии в Косовскую Митровицу из Ускюба российского консула В. Ф. Машкова для замены раненого³². 28 марта Щербина скончался. В тот же день Машковым была отправлена в Царское Село телеграмма³³.

В русской печати и донесениях дипломатов России из балканских стран вина за происшедшее возлагалась на агентов Австро-Венгрии и турецкие власти, которые не обеспечили безопасности консула³⁴. Органы печати поместили информацию о панихиде, перевозке тела покойного в Чернигов и похоронах, соболезнованиях сербского короля

и королевы, черногорского князя, турецкого правительства, сербского посольства в Петербурге, различных организаций и отдельных лиц³⁵; оказании воинских почестей покойному на пути следования парохода «Донец» в Россию; воспоминаниях учителей Щербины, черниговского губернатора и пр.³⁶. В Белграде была открыта подписка на образование фонда его имени для награждения видных общественных деятелей³⁷.

В Косовской Митровице стоит памятник Щербине, поврежденный в годы второй мировой войны³⁸. На фотографиях, присланных автору Котликовой, есть изображение этого памятника с портретом Щербины, указанием дат его жизни и надписью о том, что памятник поставлен от имени граждан и офицеров гарнизона Косовской Митровицы в 1928 году. Щербина оставил о себе теплую память в тех районах Балкан, где ему пришлось работать. Сохранились также добрые воспоминания жителей Косовской Митровицы о нем³⁹.

Г. Л. Маньковская

³¹ Андреевский Е. К. Ук. соч.— Русская старина, 1916, т. 168, декабрь, с. 458.

³² АВПР, ф. Политархив, 1903 г., оп. 482, дд. 1009, 2634.

³³ Там же, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517, д. 5292, лл. 2—4; 1903 г., д. 2021, лл. 98—99; ф. Политархив, 1903 г., оп. 482, д. 2634, л. 38.

³⁴ Новое время, 28.III.1903; Московский еженедельник, 8.IV.1903; Вестник Европы, 1903, т. 3, с. 339—352; АВПР, ф. Политархив, 1903 г., оп. 482, д. 1009, л. 127; д. 60, лл. 127, 142—143, 146, 179; д. 1009, л. 92.

³⁵ Исторический вестник, 1903, № 5; Русский вестник, 1903, апрель; Вестник Европы, 1903, т. 3; Черниговские губернские ведомости, 14, 16.IV.1903; АВПР, ф. Политархив, 1903 г., оп. 482, дд. 498, 1009; д. 498, л. 231.

³⁶ Новое время, 15.IV.1903.

³⁷ АВПР, ф. Политархив, 1903 г., оп. 482, д. 498, л. 205.

³⁸ Об этом сообщила Котликова на основании сведений, полученных ею из АВПР 17 марта 1970 года.

³⁹ Данные из личного архива Котликовой.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тихвинский Сергей Леонидович — академик, член Президиума АН СССР, заместитель председателя Секции общественных наук Президиума АН СССР, академик-секретарь Отделения истории АН СССР, председатель Национального комитета историков Советского Союза, ректор Дипломатической академии МИД СССР. Автор монографий «Движение за реформы в Китае в конце XIX в. и Кан Ювэй», «Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика», «История Китая и современность» и многих других работ по новой и новейшей истории стран Востока, внешней политике СССР и международным отношениям. Научный руководитель и редактор многих документальных и научно-исследовательских изданий.

Володарский Лев Маркович — начальник ЦСУ СССР, доктор экономических наук, профессор, специалист в области экономики, планирования и статистики. Автор многочисленных научных работ, среди которых «Промышленная статистика», «Статистика промышленности и вопросы планирования», «Статистика и планирование народного хозяйства».

Нарочницкий Алексей Леонтьевич — академик, действительный член Академии педагогических наук СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, председатель Научного совета АН СССР «История внешней политики СССР и международных отношений», заведующий отделом истории внешней политики СССР и России Института истории СССР АН СССР. Автор многих исследований по истории международных отношений, внешней политики СССР и России.

Волобуев Олег Владимирович — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания истории, обществоведения и права Московского областного пединститута им. Н. К. Крупской. Специализируется по историографии истории СССР и методике преподавания истории. Автор книг «Идейно-теоретическая борьба по вопросам истории революции 1905—1907 годов», «Ленинская концепция революции 1905—1907 годов в России и советская историография» (в соавторстве) и статей.

Леонов Михаил Иванович — кандидат исторических наук, доцент Куйбышевского университета. Автор статей по истории партии эсеров в конце XIX — начале XX века.

Уткин Анатолий Иванович — кандидат исторических наук, доцент ИПК при МГУ. Автор статей по истории большевистской партии и рабочего движения в России в начале XX века.

Шелухаев Валентин Валентинович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Автор книги «Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг.» и статей по истории первой российской революции.

Крохмаль Иван Иванович — кандидат исторических наук, доцент, проректор Ставропольского политехнического института. Исследует историю партийного руководства развитием мелиорации в СССР. Автор статей по этой тематике.

Анисимов Евгений Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Специализируется по истории России XVIII века. Автор книги «Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719—1728 гг.» и др.

Флоря Борис Николаевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР. Специалист по истории западных славян в эпоху средневековья. Автор монографий «Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в.», «Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в.» и др.

МИЛИЦА ВАСИЛЬЕВНА НЕЧКИНА

Советская историческая наука понесла тяжелую утрату. 16 мая 1985 г. скончалась видный ученый в области отечественной истории, лауреат Государственной премии, действительный член Академии наук СССР, действительный член Академии педагогических наук СССР Милица Васильевна Нечкина.

М. В. Нечкина родилась 12(25) февраля 1901 г. в г. Нежине Черниговской губ. в семье инженера-технолога, работавшего инспектором ремесленного училища. В 1917—1921 гг. обучалась в Казанском университете на Историко-филологическом факультете. Учебу в университете М. В. Нечкина совмещала с работой библиотекаря-культурника в политотделе одной из частей Красной Армии. После окончания университета Милица Васильевна вела преподавательскую работу в Казанском университете, Художественном и Политехническом институтах. С того времени началась и ее научная деятельность.

В 1924 г. она переезжает в Москву, где обучается в аспирантуре Института истории РАНИОН и одновременно в Институте красной профессуры. Не оставляет она и преподавательской работы: в 1924—1926 гг. — на рабфаке Московского университета, в 1925 г. в должности доцента — в МГУ, в 1925—1928 гг. — в Коммунистическом университете трудящихся Востока.

В 1928—1935 гг. М. В. Нечкина была старшим научным сотрудником Института истории Коммунистической академии, а с 1935 г. — старшим научным сотрудником Института истории АН СССР.

В 1934—1954 гг. она вела преподавательскую работу на Историческом факультете МГУ. В 1935 г. ей были присвоены ученая степень доктора исторических наук и звание профессора. В 1941—1943 гг. в эвакуации она была профессором Среднеазиатского университета, в 1946—1960 гг. — профессором Академии общественных наук при ЦК КПСС и с 1958 по 1960 г. возглавляла там кафедру истории СССР. С 1958 г. до последних дней жизни М. В. Нечкина руководила деятельностью Научного совета «История исторической науки» АН СССР. С 1960 г. она возглавляла также проблемную Группу по изучению революционной ситуации в России в 1859—1861 гг. и Группу по истории исторической науки, преобразованную в 1967 г. в сектор, которым она руководила до 1971 года.

Признанием заслуг Милицы Васильевны в развитии науки и в преподавании истории стало избрание ее в действительные члены Академии педагогических наук, в 1953 г. — членом-корреспондентом АН СССР и в 1958 г. — ее действительным членом.

Необычайно широк был диапазон научных интересов М. В. Нечкиной, отличавшейся большой целеустремленностью в исследовательской работе. Многочисленные труды по истории революционного движения, и прежде всего движения декабристов, русской общественной мысли XIX в., по вопросам историографии и методологии истории пользовались признанием не только в нашей стране, но и за ее рубежами. Глубина обобщений, мастерство анализа источников соединялись в ее работах с блестящей формой изложения. Это было свойственно уже первым статьям М. В. Нечкиной о наследии основоположников научного коммунизма, по истории исторической науки (о Г. Эверсе, В. О. Ключевском). Крупными достижениями советской историографии на разных этапах ее развития являлись монографии М. В. Нечкиной «Общество соединенных славян» (1927 г.), «Восстание 14 декабря 1825 г.» (1951 г., переиздана в 1975 г. под заглавием «День 14 декабря 1825 года»); «А. С. Грибоедов и декабристы» (1947 г.; 2-е изд. — 1951 г., 3-е изд. — 1977 г.; в 1948 г. эта работа удостоена Государственной премии СССР), «Движение декабристов», тт. 1—2 (1955 г.), «Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества» (1974 г.). Велико значение сборников статей М. В. Нечкиной «Встреча двух поколений: из истории русского революционного движения конца 50-х — начала 60-х годов XIX в.» (1980 г.), «Функция художественного образа в историческом процессе» (1982 г.), «О нас в истории страницы напишут... Из истории декабристов» (1982 г.), «Читая Маркса» (1984 г.).

Под редакцией и при непосредственном участии М. В. Нечкиной издавались коллективные монографии «Очерки истории исторической науки в СССР» (тт. II—V), «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», сборники статей «История и историки», «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» и документальные издания «Восстание декабристов», факсимильные публикации «Колокола» и «Голосов из России» и мн. др.

М. В. Нечкину всегда привлекала тема патриотизма, народности, что особенно характерно для ее деятельности в годы Великой Отечественной войны, когда она опубликовала цикл брошюр и статей о героическом прошлом нашей Родины. Ее выступления

перед воинами Красной Армии были проникнуты глубокой гражданственностью, снискали большую популярность.

Талантливый педагог, М. В. Нечкина отдавала много сил воспитанию молодого поколения. Она соавтор неоднократно переиздававшихся учебников для средней школы, редактор и автор учебника «Россия в XIX веке» для исторических факультетов университетов и пединституты, вышедшего тремя изданиями, а также двух изданий вузовского учебника по истории СССР (от древности до 1861 г.), один из составителей «Хрестоматии по истории СССР» (т. 2, ч. I), которая была издана три раза.

М. В. Нечкина подготовила несколько поколений учеников, ставших высококвалифицированными специалистами, кандидатами и докторами наук, создав научную школу в области истории революционного движения и общественной мысли России XIX в., а также истории исторической науки.

М. В. Нечкина была делегатом XI и XII Международных конгрессов историков, неоднократно участвовала во встречах советских историков с историками социалистических стран, а также Англии, Италии и Франции.

Научно-педагогическая деятельность М. В. Нечкиной была высоко оценена Коммунистической партией и Советским государством. Она была награждена тремя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов.

М. В. Нечкина вела общественную работу, избиралась в 1947—1953 гг. депутатом Московских городского и областного Советов, являлась членом ЦК и Московского обкома союза работников высшей школы, членом президиума Общества «Знание» (со дня его основания).

Светлая память о Милице Васильевне Нечкиной навсегда сохранится в сердцах всех, кто общался с нею, кто знал ее как исследователя, педагога, человека.

SUMMARIES OF ARTICLES

Academician S. L. TIKHVINSKY. **Results and Perspectives of Soviet Historical Studies**

The article sums up Soviet historians' efforts in 1984 and charts their future research. The author discusses some problems of organisational nature, the work of the Bureau of the Division of History of the USSR Academy of Sciences and pays particular attention to the timely fulfilment of plans by the scientific collectives united by the Division of History.

L. M. VOLODARSKY. **The Soviet Rear During the Great Patriotic War of 1941-1945**

The author traces the formation and development of the rear regions during the Great Patriotic War, sums up the intensive work conducted under the guidance of the Communist Party and the Soviet government in the course of the pre-war five-year plans to create and consolidate Soviet economic and defence potential. He shows how the economy was switched on the war-time basis, how large industrial enterprises were replaced beyond the Urals, their contribution to the war effort of the Soviet people and the role they played in the restoration of the national economy in the regions freed from fascist occupation when the war still continued. On the whole the article shows the labour feat of the Soviet people guided by the Communist Party.

Academician A. L. NAROCHNITSKY. **New Phenomena in Diplomacy and the Problem of Ensuring Peace in 1919-1939**

The author takes as his subject new phenomena in diplomacy and international relations which emerged between the two world wars. He comes to the conclusion that two lines can be discerned in the diplomatic struggle on the eve of the Second World War. The first of them was pursued by the Soviet Union to ensure peace through the collective security system, the second—by the Western powers to connive at the aggressive policy of the fascist states and to channel it against the USSR. Stable peace and security in Europe can be ensured only through peaceful co-existence and cooperation between the USSR and capitalist countries.

O. V. VOLOBUEV, M. I. LEONOV, A. I. UTKIN, V. V. SHELOKHAEV. **History of Political Parties During the First Russian Revolution in the Latest Soviet Historical Writings**

The article is devoted to Soviet writings published between 1975 and 1984 which deal with the activity of major political parties (the Bolsheviks, the Mensheviks, the Socialist Revolutionaries, the Popular Socialists, the Constitutional Democrats, the Octobrists and the Black Hundred). The authors pose new research tasks.

I. LEVITSKY. **On the Reasons of Fascist Rumania's Participation in the War Against the USSR**

The author characterises foreign policy of the royal Rumania and her relations with the Soviet Union between 1918 and 1940 and shows that her participation in the war against the USSR was the logical continuation of the policy pursued by Rumanian capitalists and landlords. What had driven the Rumanian ruling circles towards the union with fascist Germany and participation in the war were not the "Soviet threat" or a "noble desire" to "free their brothers" as is asserted by reactionary bourgeois historiography but the desire to seize new territories, to establish her hegemony in the region and to annihilate the USSR.

CONTENTS

"Problems of History", No. 7, 1985

Articles: Academician S. L. Tikhvinsky. Results and Perspectives of Soviet Historical Studies; L. M. Volodarsky. The Soviet Rear During the Great Patriotic War of 1941-1945; Academician A. L. Narochitsky. New Phenomena in Diplomacy and the Problem of Ensuring Peace in 1919-1939; O. V. Volobuev, M. L. Leonov, A. I. Utkin, V. V. Shelokhaev. History of Political Parties During the First Russian Revolution in the Latest Soviet Historical Writings; I. Levitsky. On the Reasons of Fascist Rumania's Participation in the War Against the USSR. Historical Essays: I. I. Krokmal. The Nevinnomysskay Canal; E. V. Anisimov. Ivan Shuvalov—a Prominent Figure of Russian Enlightenment; B. N. Florya. The Battle of Grunewald. Historical Science in the USSR and Abroad. Book Reviews: Topical Problems of Developed Socialism in the USSR; D. I. Antonyuk. The Dynamism of Cultural Construction in Soviet Moldavia (an Experience of Party Leadership); Historical Science in Moscow University, 1934-1984; Prince M. Shcherbatov's "On the Degradation of Moral in Russia" and A. Radishchev's "Travel from St. Petersburg to Moscow". Facsimile Edition; A. K. Chernenko. Causality in History; I. M. Savelyeva. Trade Unions and Society in the United States in the 20th Century. Critique of Bourgeois-Reformist Tendencies; M. M. Freidenberg. Dubrovnik and the Ottoman Empire; A. S. Shofinan. The Disintegration of Alexander the Great's Empire; The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement. London; Kriegswende: Dezember 1941. Koblenz. Notes on Books. Scientific Notes. Facts, Events, People. Articles in Soviet and Foreign Historical Journals. New Books in the USSR and Abroad.

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire », n°7, 1985

Articles: L'académicien S. L. Tikhvinski. Les bilans et les perspectives des recherches des historiens soviétiques; L. M. Volodarski. L'arrière en U.R.S.S. pendant la Grande Guerre nationale; L'académicien A. L. Narotchnitski. Des phénomènes nouveaux dans la diplomatie et le problème de la garantie de paix en 1919-1939; O. V. Volobouev, M. I. Léonov, A. I. Outkine, V. V. Chélokhaïev. L'histoire des partis politiques dans la période de la première révolution russe vue par les publications soviétiques contemporaines; I. Lévitki. A propos des causes de la participation de la Roumanie fasciste dans la guerre contre l'U.R.S.S. Aperçus historiques: I. I. Krokmal. Le canal de Nevinnomyssk; E. V. Anissimov. I. I. Chouvalov, animateur de la civilisation de Russie; B. N. Floria. La bataille de Grunwald. La science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. Comptes rendus des livres: Problèmes d'actualité de l'histoire du socialisme développé en U.R.S.S.; D. I. Antonuk. Le dynamisme de l'édification culturelle en Moldavie soviétique (expérience de la direction par le parti); La science historique à l'Université de Moscou, 1934-1984; « De la détérioration des mœurs » du prince M. Chtcherbatov et « Le voyage » de A. Radichtchev. Edition de fac-similé; A. K. Tchernenko. La causalité en histoire; I. M. Savéliéva. Les syndicats et la société aux Etats-Unis au XXe siècle. La critique des tendances réformistes bourgeoises; M. M. Freidenberg. Dubrovnik et l'Empire ottoman; A. S. Chofman. La désintégration de l'Empire d'Alexandre le Grand; Le défi fasciste et la politique d'apaisement; Le tournant dans la guerre: décembre 1941. En bref sur les livres. Notes scientifiques. Faits, Evénements, Hommes. Articles dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

revista «Cuestiones de historia» No. 7, 1985

Artículos S. L. Tijvinski, miembro efectivo de la AC de la URSS. Resultados y perspectivas de las investigaciones de historiadores soviéticos; L. M. Volodarski. La retaguardia soviética en los años de la Gran Guerra Patria; A. L. Narochnitski, miembro efectivo de la AC de la URSS. Nuevos fenómenos en la diplomacia y el afianzamiento de la paz en 1919-1939; O. V. Volobúev, M. I. Leónov, A. I. Utkin, V. V. Shelojáev. Historia de los partidos políticos en el período de la primera revolución rusa en las publicaciones soviéticas contemporáneas; I. Levitski. Sobre las causas de la participación de Rumania fascista en la guerra contra la URSS. Ensayos históricos: I. I. Krojmal. El canal de Nevinomissk; E. V. Anísimov. I. I. Shuválov, personalidad de la instrucción pública de Rusia; B. N. Floria. La batalla de Grünwald. Ciencia histórica en la URSS y en el exterior; Reseñas de libros: Problemas actuales de la historia del socialismo desarrollado en la URSS; D. I. Antoniuk. Dinamismo de la construcción cultural en Moldavia soviética (experiencia de la dirección del partido); Ciencia histórica en la Universidad de Moscú. 1934-1984; «Sobre el deterioro de las costumbres en Rusia», del príncipe M. Scherbátov, y «El viaje», de A. Radischev. Edición de facsimile; A. K. Chernenko. La casualidad en la historia; I. M. Savélieva. Los sindicatos y la sociedad de EE.UU. en el siglo XX. Crítica de las tendencias reformistas burguesas; M. M. Freidenberg. Dubrovnik y el Imperio Otomano; A. S. Shofman. Descomposición del Imperio de Alejandro Magno; The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement. London; Kriegswende: Dezember 1941. Koblenz. Notas breves de libros. Notas científicas. Hechos. Sucesos. Hombres. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el exterior.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, В. А. ДЬЯКОВ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, В. А. КУМАНЕВ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), А. И. ТИТОВ, И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6. М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Сдано в набор 06.06.85. Подписано к печати 02.07.85. А 00375. Формат 70 × 108^{1/16}.
Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Учетно-изд. л. 19,68. Усл. кр.-отт. 17,33.
Тираж 16 000 экз. Изд. № 1903. Заказ № 949.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

26

НОВЫЕ КНИГИ

БЕШЕВЛИЕВ В. Първобългари. История. София. Изд-во на Отечественния фронт. 1984. 228 с.

В стени от бетон и желязо Спомени на политзатворници, 1925—1944. Съст., лит. обраб. и бел. за авт. Трифон Трифонов и Васил Кацаров. Под ред. на Елка Дочева. София. Партиздат. 1984. 727 с.

ВЪЛКОВ Г. Парола «Унтервелт». София. Изд-во на Отечественния фронт. 1984. 313 с.

Из историята на стопанския и социалния живот в българските земи. Ред. колегия: Хр. Христов (отг. ред.) и др. София. Изд-во на БАН. 1984. 363 с.

Победният щурм. Сб. Съст. и ред.: Славка Петрова и др. София. Партиздат. 1984. X, 621 с.

РАЙКОВ Д. Българите и България в старата руска книжнина. Док. разказ за бълг. ист. наследство в руската книжнина от XVIII в. и първата половина на XIX в. София. Бълг. писател. 1983. 498 с.

ТАНЧЕВ Е. Държавно-правните възгледи на Александър Стамболийски. София. Изд-во на БЗНС. 1984. 238 с.

BALAS G. A székeleyek nyomában. Budapest. Panoráma. 1984. 373. old.

GOMORI E. A sas és a sárkány. Washington — Peking, 1844—1982. Budapest. Kossuth. 1983. 313. old.

LAKOS S. Politikai rendszerünk kérdései. Budapest. Kossuth. 1983. 297. old.

NAGY L. A «bibliás őrálló» fejedelm: I. Rákóczi György a magy. történelemben. Budapest. Magvető. 1984. 235. old.

Die wachsende Führungsrolle der KPdSU beim kommunistischen Aufbau in der UdSSR und die Verwirklichung der sowjetischen Nationalitätenpolitik im reifen Sozialismus. Hrsg. von Helga Heerdegen u. Alfred Anderle. Halle (Saale). Wiss. Beitr. Martin-Luther-Univ. Halle-Wittenberg. 1983. 240 S.

Geschichte des Staates und des Rechts der DDR: Dok. 1945—1949. 279 S.; Dok., 1949—1961. 297 S. Hrsg.: Inst. für Theorie des Staates u. des Rechts der Akad. der Wiss. der DDR. Verantw.: K.—H. Schöneburg u. S. Wietstruk. Berlin. Staatsverl. der DDR. 1984.

GARSCHA W. R., HAUTMANN H. Februar 1934 in Österreich. Berlin. Dietz. 1984. 210 S.

HEITZER H., SCHMERBACH G. Illustrierte Geschichte der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin. Dietz. 1984. 361 S.

Zur Sozialpolitik in der antifaschistisch-demokratischen Umwälzung. 1945 bis 1949. Dok. u. Materialien. Red.: Helene Fiedler (Leiter) et al. Berlin. Dietz. 1984. 342 S.

ALONSO G., VIGNIER E. Juan Manuel Márquez. Doc. de combate. La Ha-

bana. Ed. de Ciencias Sociales. 1983. 200 p.

ASENSIO O. La expedición de Campeche. La Habana. Ed. de Ciencias Sociales. 1983. 267 p.

Emigration from Northern, Central and Southern Europe: Theoretical and Methodological Principles of Research. International Symposium. Kraków, November 9—11, 1981. Kraków. Univ. Jagielloń. 1984. 348 p.

FORST-BATTAGLIA O. Jan Sobieski, król Polski. Przeł. Krystyna Szyszkowska. Oprac. i wstępem poprzedził Zbigniew Wójcik. Warszawa. PIW. 1983. 402 s.

MICHTA N. Julian Marchlewski. Warszawa. KiW. 1984. 243 s.

Qasr el-Sagha, 1980. Contributions to the Holocene Geology, the Predynastic and Dynastic Settlements in the Northern Fayum Desert. Warszawa, Kraków. PWN. 1983. 123 p.

Władysław Czapliński jako uczony i wychowawca. Wrocław. Wrocław. Univ. 1984. 128 s.

CORFUS I. Documente privitoare la istoria României culese din arhivele polone: S. al XVII-lea. București. Ed. Acad. RSR. 1983. XXII, 363 p.

Gîndirea revoluționară din România despre religie. (Din tradițiile concepției materialiste asupra lumii). București. Ed. polit. 1983. 332 p.

JANACEK J. Malé dějiny Prahy. 3. přep. vyd. Praha. Panorama. 1983. 355 (9) s.

KUDELKA M. O pojetí slavistiky. Vývoj představ o jejím předmětu a podstatě. Praha. Academia. 1984. 285. s.

SKLENAR K. Za jeskynním člověkem. Neformální encyklopedie. 11. Eliška Sklenářová. Praha. Česosl. spisovatel. 1984. 375 (5) s.

Duro Daković — život i djelo. Materijali sa znanstvenog skupa, održ. 24. i 25. trav. 1979 u Slav. Brodu, i s «Okrogle mize» u Mariboru 11 lip. 1979, povodom 50 godišnjice pogibije Dure Dakovića i Nikole Hećimovića. Slavonski Brod. Centar za društvena istraživanja Slavonije i Baranje, Slavonski Brod. 1984. 368 s.

Požeska kotlina u narodnooslobodilačkoj borbi i socialističkoj revoluciji, 1941—1945. Materijali sa znanstvenog skupa održ. 12. i 13. XII. 1980. g. u Slav. Požegi u čast 40-godišnjice ustanka naroda i narodnosti Jugoslavije. Odg. ured. Miodrag Grozdanić. Slavonski Brod. Centar za društvena istraživanja Slavonije i Baranje, Slavonski Brod. 1984. 554 s.

Radnički pokret u Bosni i Hercegovini 1909. godine. Obradio i ured. Božo Madžar. Sarajevo. Arhiv Bosne i Hercegovine. 1984. 489 s.

НОВЫЕ КНИГИ

ARELLANO J. E. *Lecciones de Sandino*. 2-o ed., aum. Managua. Distribuidora Cultural. 1983. 127 p.

Australia at the Polls. The National Elections of 1980 and 1983. Ed. by Howard R. Penniman. Sydney etc. Allen and Unwin; Washington, London, Amer. Enterprise Inst. 1983. X, 351 p.

HAUPT H. *Fürst Karl I, von Lichtenstein, Hofstaat und Sammeltätigkeit: Obersthofmeister Kaiser Rudolfs II. u. Vizekönig von Böhmen*. Edition der Quellen aus dem liechtensteinischen Hausarchiv. I. Textband. Mit einem Beitr. von Rudolf Distelberger. 114 S.; 2. Quellenband. 123-400 S. Wien. Böhlau Nachf. 1983.

Egypt and the Hellenistic World. Proceedings of the Intern. Colloquium Leuven 24-26 May 1982. Ed. by E. Van't Dak et al. Lovanii. Studia Hellenistica, 27. 1983. XXVII, 442 p.

MABILDE P.F.A.B. *Apontamentos sobre os indigenas selvagens da Nação Coroados dos matos da Provincia do Rio Grande do Sul, 1836-1866*. Coord. de May Mabilde Lague; Rev. de Eivlys Mabilde Grant. São Paulo. IBRASA. 1983. (10), 232 p.

FLACKES W. D. *Northern Ireland: a Political Directory, 1968-83*. London. British Broadcasting Corp. 1983. 323 p.

SMITH R. A. *Late Georgian and Regency England, 1760—1837*. Cambridge etc. Cambridge Univ. Press. 1984. IX, 114 p.

The Cambridge History of Latin America. Vol. 1, 2. Colonial Latin America. Ed. by Leslie Bethell. Cambridge etc. Cambridge Univ. Press. X, 645 p., XX, 912 p.

RAY B. *India: Nature of Society and Present Crisis*. Forew. by Shri P. N. Haksar. New Delhi. Intellectual Book Corner. 1983. XII, 203 p.

CARDONA G. *El poder militar en la España contemporánea hasta la guerra civil*. Madrid. Siglo XXI. 1983. X, 332 p.

TORRE H. *de la Antagonismo y fractura peninsular. España — Portugal, 1910—1919*. Madrid. Espana — Calpe. 1983. 397 p.

GIUSTI S. *Storiografia e antropologia culturale*. Roma. Ed. dell' Ateneo. 1983. 253 p.

PACIFICI G. *Il costo della democrazia: il partiti ital. attraverso i loro bilanci*. Pres. di Gerardo Bianco. Roma. Cadmo. 1983. 246 p.

FOREEST H. A. van. WEBER R.E.J. *De Vierdaagse Zeeslag, 11-14 juni 1666*. Met medew. van J. E. van Dulm Mwo en J. A. van der Kooij. Amsterdam etc. Noord-Hall uitg. mij. 1984. 222 blz.

GUERRA GARCIA F. *Velasco: del Estado oligárquico al capitalismo del Estado*. Lima. CEDEP. 1983. 119 p.

OLIVEIRA MARTINS J. P. *Os filhos de D. João I*. Porto. Chardron. 1983. 302 p.

DAVISON K. E. *The American Presidency. A Guide to Information Sources*. Detroit (Mich.). 1983. XVI, 467 p.

FINNEGAN R. B. *Ireland: The Challenge of Conflict and Change*. Boulder (Colo). Westview Profiles. 1983. X, 166 p.

Lidice — ein Böhmisches Dorf. Uwe Naumann (Hrg.). Mit Berichten von der Frauen von Lidice u. Texten von Alexander Abusch, Wolfgang Bittner, Bertold Brecht et al. Frankfurt a. M. Röderberg. 1983. 160 S.

MÖLLER H. *Exodus der Kultur: Schriftsteller, Wissenschaftler u. Künstler in der Emigration nach 1933*. München. Beck'sche Schwarze R. Bd. 293. 1984. 135 S.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи, исторические очерки и публикации объемом в 1—1,5 авторского листа (24—36 стр.); обзоры — до 16 стр.; рецензии, письма и заметки — 6—8 стр.; заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах. — 3,5 стр. Материалы принимаются после предварительного согласования тематики с редакцией (во избежание дублирования) и представляются в двух (первом и втором) экземплярах, отпечатанные с полями на стандартной машинке (текст через два интервала, сноски через полтора интервала). Вставки (после доработки материала), тексты и сноски на иностранных языках и языках народов СССР также должны быть отпечатаны на машинке. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

Рукописи, превышающие установленный объем или присланные в редакцию в единственном экземпляре, могут быть возвращены автору без рассмотрения

ПОДВИГ НАРОДА

КНИГИ О РАТНОМ И ТРУДОВОМ ПОДВИГЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.

Великая Отечественная война. 1941—1945. Вопросы и ответы.— М.: Политиздат, 1984.— 430 с., ил.— 1 р.

Во главе защиты Советской Родины. Очерк деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны.— 2-е изд. доп.— М.: Политиздат, 1984.— 336 с., ил.— 1 р. 20 к.

Боков Ф. Е. Весна победы.— 2-е изд.— М.: Мысль, 1985.— 416 с.— (Военные мемуары).— 1 р. 90 к.

Еремин В. Г., Исаков П. Ф. Молодежь в годы Великой Отечественной войны.— 2-е изд., доп. и перераб.— М.: Мысль, 1984.— 285 с., ил.— 2 р.

Калашник М. Х. Испытание огнем.— 3-е изд.— М.: Мысль, 1985.— 412 с.— (Военные мемуары).— 1 р. 90 к.

Плиев И. А. Дорогами войны.— М.: Книга, 1985.— 368 с.— (Военные мемуары).— 1 р. 70 к.

Синицын А. М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.— 2-е изд.— М.: Воениздат, 1985.— 319 с.— 95 к.

Сиполс В. Я. На пути к великой Победе. Советская дипломатия в 1941—1945 гг.— М.: Политиздат, 1985.— 495 с., ил.— 1 р. 20 к.

В книжных магазинах можно приобрести различные издания, освещающие подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., всемирно-историческое значение Победы.

ВГО «Союзкнига»